

П.С. ТАРАНОВ

**500 ШАГОВ
К МУДРОСТИ**

П. С. Таранов

**500 шагов
к мудрости**

1996

ББК 87.3
Т 19

Таранов П.С.

Т 19 500 шагов к мудрости: В 2 т. — Донецк: Сталкер, 1996. — 464 с.; ил. — Т.1.

ISBN 966-7104-05-2

“Хочу ее!” — говорит каждый, кто знает автора или слышал об этой книге еще в рукописи. Пожалуй, это первый и единственный по своей полноте и тщательности путеводитель по лабиринтам человеческой души, исчерпывающий свод законов и правил философской аналитики, уникальная коллекция впервые пускаемых в массовый оборот аргументов разума как в свою пользу, так и против себя, интереснейшие по глубине и изощренности ответы на самые сложные загадки всех веков и народов. Книга обильно и тонко иллюстрирована, ее текст выстроен в стиле захватывающей научной интриги, она уверенно держит ваш интерес и умело дарит изящные комплименты всем, кто дотрагивается до ее страниц.

Книга изначально ориентирована на высших руководителей и, учитывая значительную долю высокого интеллекта в их труде, призвана служить им верой и правдой как во дни торжеств, так и в трудные будни...

Оформление обложки
И.С. Воробей, Ю.Е. Пивень

ББК 87.3

ISBN 966-7104-05-2

© П.С. Таранов, 1996
© ИКФ “Сталкер”, 1996

*Публикация
сокровенных
воззрений*

**Иллюстрированное
издание**

**Иллюстрированное
издание**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие издателя: Мужество разума</i>	7
<i>Предисловие: Встаньте за штурвал ума</i>	12
<i>Напутствие читателю</i>	15
Правила пользования книгой	17

Часть I

Психология философии	21
1. Секреты психогенных механизмов	23
2. Квадрат аналогий	31
3. Волшебство философских формул	59

Часть II

Равновесие ума

<i>Исповедальные признания мудрецов и философов от Соломона до Шопенгауэра</i>	81
1. Введение: Камертон чистой мысли	82
2. Мудрость: Как ее понимать?	88
3. Галерея духа: Мужи, чьей мудростью был этот мир пленен... ..	99

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ПЕРСОНАЛИЙ

1. Соломон Мудрый	100	14. Ксенофан	167
2. Семь мудрецов	107	15. Пифагор	170
3. Периандр	111	16. Лао-цзы	190
4. Питтак	114	17. Дао в живописи Китая	198
5. Солон	117	18. Конфуций	203
6. Анахарсис	119	19. Эпихарм	217
7. Фалес Милетский	121	20. Парменид	222
8. Анаксимандр	128	21. Клеобул	226
9. Хилон	134	22. Гераклит	228
10. Эзоп	137	23. Кратил	240
11. Биант	158	24. Мелисс	242
12. Эпименид	160	25. Анаксагор	246
13. Анаксимен	165		

26. Зенон Элейский	256	35. Платон	352
27. Эмпедокл	270	36. Архит'	410
28. Горгий Леонтинский ..	278	37. Диоген	413
29. Протагор	283	38. Шан Ян	426
30. Сократ	290	39. Чжуан-цзы	431
31. Демокрит	329	40. Хуй Ши	439
32. Агафон	341	41. Эпикур	444
33. Антисфен	343	42. Карнеад	454
34. Аристиш	348		

Предисловие издателя

Мужество разума

Цель книги:

- Придать текстовым продуктам высокого мыслительного уровня концентратную способность с тем, чтобы полностью сохранить их познавательную специфику, оригинальность и глубину.
- Реконструировать и поддержать полемическую правоту собранных авторов, сделав из их учений нечто вроде духовной голограммы, оживляя многомудрие всех персоналий, вошедших в книгу, при каждом прикосновении пылливо заинтересованного ума к изреченному ими.
- Предоставить всесторонний обзор и подробнейший путеводитель по огромной стране, имя которой Мудрость и Философия.
- Вооружить науку нынешнего и последующих поколений сокровенным и необходимым знанием.
- Назвать и показать главные законы мышления, особо остановившись на механизме их осуществления.
- Портретно визуализировать философскую работу, имея намерение ускорить и укоротить путь познания и приобщения к мудрости и любомудрию каждому, для кого умственная деятельность — и предмет, и орудие труда, надежда, вожделение и вдохновение.

Особенности книги:

1. 72 персоналии.
2. 300 иллюстраций: портреты, репродукции, схемы, таблицы, рисунки.

3. Авторский комментарий и авторское сопровождение философских текстов.

4. Информация о каждом мудреце или философе выделена в отдельный самостоятельный раздел.

5. Полностью отсутствуют идеологические “высвечивания” или “наклейки” типа: “К. Маркс сказал...”, “Как считает В.И. Ленин...” и т.п.

6. Каждый раздел состоит из двух блоков: биографии и учения.

7. В свою очередь “биография” состоит из “биохроники” и “ноохроники”, из девизных афоризмов и списка написанных мыслителем книг, из заголовочного портрета-заставки и особо интересных и выразительных фактов то ли из судьбы, то ли из воззрений.

8. Полная подборка философской афористики: более 2000 правил и советов из житейской и социальной мудрости, включенных по принципу Яна Парандовского: “Сложная личность писателя возносится в бессмертие в форме какого-нибудь звучного афоризма”. (Ян Парандовский “Алхимия слова”, М., 1972, С. 293.)

9. Всеобъемлющий обзор самых острых и “неразрешимых” проблем из когда-либо поднимаемых мудрецами, философами, мыслителями.

10. Включение в книгу особых разделов о природе и сущности мудрости.

11. Poleмика на стороне философа-персоналии, причем с ориентацией на выигрыш, по труднейшим и принципиально дискуссионным вопросам науки, затрагиваемым им самим, в контексте его учения и эпохи.

12. Рационально-смысловая минимизация текстов по первоисточнику до такого перечня неповторяющихся фрагментов учения, при котором обрисовываемая позиция или подход даются без пропусков и искажений.

13. Подбор фрагментов учений по принципу: преподнести самое главное из биографии, самое интересное из событий жизни, самое необычное, отличающее от других мыслителей, самое значимое по исторической роли и месту.

14. Дается развернутый и максимально похожий интеллектуальный портрет персоналии.

15. Внушающе-убеждающая доказательность того, что все приведенные исторические лица являются представителями и мудрости, и философии.

16. Все мыслители вводятся одной-тремя, им принадлежащими, презентационными фразами особо спрессованной ценности, так что только общее их количество составляет 136 афоризмов.

17. Каждый раздел-персоналия сопровождается заголовочным портретом и коллекционной иконографической подборкой по событиям жизни или сущности учения данного лица.

18. По количеству и полноте приведенных философских портретов и изображений книга не имеет равных и представляет собой первое такого рода издание. Публикатор, безусловно, солидарен с одним из высказываний русского художника Ильи Ефимовича Репина, приводимым в воспоминаниях К.И.Чуковского: "Всякая книга становится понятнее мне, когда я вижу портрет ее автора". (К. Чуковский. Современники. Портреты и этюды. М., 1962, С. 423.)

19. При цитировании сознательно опускались указания на текстовые источники. Хотя в списке опорной литературы они даны полностью.

Предполагается, что при обозрении философского учения наиболее правильной будет не литературная отсылка, а "настройная" апелляция к автору учения.

В этом смысле все выбираемые фрагменты авторского наследия выстраиваются не по одному какому-либо признаку, будь то хронология творчества или хронология публикаций, а по аллюзиям наведения и почувствования, по базовым ареалам и главным магистралям основной идеи, по парадигме постоянной приверженности.

Если же говорить кратко и строго, то в основание цитирования в данной книге заложены психографический фактор и подтекстовая аналитика ведущих и, очевидно, инвариантных (по длительности и потенциалу) эвристик.

20. Впервые в истории философии и вообще в философской науке в книгу включено объяснение философского творчества и подробнейшим образом объяснен механизм наисложнейших философских построений.

21. Данная книга практически полностью исключает необходимость обращения к другим источникам по описываемым авторам и в целом эквивалентна — по смыслу и значению — философской библиотеке из 300 книг.

22. Расположение текста книги и группирование его узловых моментов опирается на законы и правила визуального дизайна, что обеспечивает полноту восприятия и общую комфортность пользования данным изданием.

23. Все фрагменты, приведенные в книге, являются цитатами и в соответствии с правилами грамматики даны от первого лица.

24. В публикации цельно и последовательно использован прием “перевода с русского на русский” с целью удобопонятного преподнесения материала и элиминации нежелательных крайностей в языковой разноголосице.

25. Факт соответствия цитат оригиналу базируется на элементах управляемого восприятия и фонового редуцирования изложения того или иного учения до аутентичности понимания независимо от характера, времени и последовательности приобщения к текстам в данной книге.

26. Из имеющегося в книге материала определенно следует, что мудрость не должна представляться в виде сферы бесконечного радиуса, а, напротив, являет собой счетное множество системозадающих постулатов, находящихся у каждого последующего автора скорее и более в комбинаторике, нежели в прибавлении. “Тенденция сжимающего объема” — так может быть, с точки зрения автора, охарактеризован всемирный ареал извлеченной и извлекаемой мудрости.

27. Впервые в стилистике научного текста использован совершенно новый прием развития темы в *единых по осмыслению* самостоятельных фрагментах, каковыми особенно изобилуют историко-философские своды — *прививочные эпиграфы*. Они последовательно и цепко намекают на ту не всегда, или не сразу, или не до конца

схватываемую человеком общность, в которой и на фоне которой опекаемый таким эпиграфом фрагмент получает приобщительный смысл, структурную значимость и многоаспектную истолковательную соприкасательность с другими фрагментами во всем их имеющемся множестве.

28. В отдельных, особенно важных или трудных, случаях автор книги берет слово и вступает в настраничный диалог с мыслителем в пользу *читателя* и *Истины*.

29. Книга позволяет любому мыслителю, покоряющему или намеревающемуся покорить вершины человеческой мудрости, соотнести свои притязания с тем, что было уже сделано другими до него, и таким образом дает универсальный критерий определения новизны и значимости для каждой попытки в делах и достижениях разума.

30. Точка зрения автора на механизм и законы процесса и результата философского дела чрезвычайно необычна, безусловно, принципиально нова и, — что удивительнее всего для всех, без исключения, кто с ней знакомится, — находит свое торжествующее подтверждение на любом действительно философском материале, превращая изучение философии или просто беглое ознакомление с ней в упоение сопричастного понимания.

Александр Дронов,
президент Издательского дома
"Квадранал-93"

Андрей Микитюк,
Наталья Жаранова,
директора-соучредители фирмы
"Элиза"

Предисловие

Встаньте за штурвал ума

П. С. Таранов

- Родился в 1946 году;
- кандидат философских наук;
- автор книги “Управление без тайн”(1993).

Книги бывают дорогие и книги бывают выстраданные. Очень выстраданные. Но в данном случае дело выглядит иначе. Эта книга выстрадала меня. Философская дверь вообще открывается не просто, а когда в твои створки сама настойчиво стучится философия, это, знаете ли, совсем не то, что бывает каждый день...

Дерево вырастает из земли, чтобы своими плодами вращать в нее. Не отличается от этого и подлинное дело философии. А плодам забота — найти подходящую почву для произрастания. И хотя на Земле живут миллиарды людей и скоро, как известно, только сказка сказывается, поиск рано или поздно завершается. В пользу философии.

Но если до сих пор философия просто реализовывалась в разных людях многообразием своей “самости”, даря миру “царство индивидуальностей, неповторяющихся и обособленных единиц”, — это мнение немецкого историка фило-

софии В. Виндельбанда (1848-1915 гг.), — то на сей раз задача формулируется интереснее: а как же совершается философское действие и не настала ли пора “засветить”, пользуясь современным словоизъяснением, философскую “кухню”?

Во-первых, это упростило бы философские трансляции от “царей ума” к просто царям и к просто людям. Во-вторых, упорядочило бы многообразие и обилие порой диаметральных по истоковым постулатам теоретических систем. А в-третьих, перевело бы философское занятие в режим самовоспроизводства без непростых, как можно судить по драматизму философских судеб, процедур поиска очередных избранных.

Хватит уже философии той свободы, при которой нет для нее ничего, кроме необходимости постоянно обеспечивать эту свободу!

Я думаю, что философские произведения должны с периодичностью 20-40 лет полностью и заново переиздаваться: смена парадигм мышления, социальной и научной культуры, языковое развитие ведут к тому, что лексика и понимание философских проблем должны приводиться в соответствие с новейшими формами межчеловеческой коммуникации — грамматикой и стилистикой; бытовым, жанровым, композиционным и, конечно же, демонстрационным языком.

Такой подход — вовсе не дань моде, а, скорее, необходимое установочное воззрение, исходящее из основополагающего психологического закона (я назвал его *Закон уровня информации*), описательные приближения к которому начались гетевской формулой “Мы видим то, что знаем” с протагоровой безапелляционностью: “Человек — мера всех вещей”.

До сих пор писали о философии. За это брались многие авторы, и количество ими написанного занимает не один десяток метров книжных полок.

Но еще со студенческих лет, в славные годы на философском факультете, меня тревожили дискомфортом произведения, где философия была всегда как бы сбоку: ее упоминали, ей клялись в верности, но вот чтобы представить ей слово, этого не было... Считалось, что все и так знают, что она такое, и потому более чем достаточно говорить от ее имени.

Формально вроде бы убедительно. А по существу? Разве глава какого-нибудь государства сводим к высказываниям о нем и проводимой им политике его пресс-секретаря?!

Кроме того, философия сплошь пронизана каким-то до-мельзя примитивным школярством. Полезная как метод специализация давно уже перешагнула меру, и сегодня цельная некогда сфера умственной аналитико-критической деятельности больше похожа на цельность кучи, основа которой, как известно, россыпь, а не монолит.

Философствующие авторы начинают хирургически. Они сначала отрезают себе кусок для исследования, а потом, очевидно, забыв о том, что сделали, серьезно уверяют нас, что имеют дело с живым материалом. Наивные? Не ведают, что творят? Или творят, что не ведают?

Обилие *книг о* — о материи, о духе, о движении, о ком-то и о чем-то — угрожающе агрессивно. Их поток назойлив и даже нахален.

А то, чем исполнено живое, весь аромат, то есть мудрость, житейский и сверхчувственный аспекты, по большей части остаются в стороне.

Философии, судя по всему, не откажешь в долготерпении. Да и как не понять такое поведение со стороны вечножителя! Но мне почему-то не дает покоя вот какой образ. Вода, где бы она ни была разлита, тоже не сразу показывает свой нрав. Но процесс ее несогласия с тем, как с ней обращаются, неумолимо ведет к принципиальной развязке: испарившись, вода не оставляет нам о себе ничего.

Не то ли произошло и с философией, и не настала ли пора повести общение с ней, опираясь на другие предпосылки и правила?

Когда-то давно я услышал голос (ее — философии!), призывавший постичь разумение и вызволить его из силков догматики. Но понадобились годы, чтобы на услышанный призыв оказалось возможным ответить.

Пусть святится имя каждого, кто помогал и способствовал мне на этом предначертанном пути.

25 апреля 1994 г.

Я. С. Жаранов

Напутствие читателю

На кого рассчитана эта книга?

Казалось бы, однозначно закономерный вопрос. Но эта однозначность сродни той, что забавляла уже древних: “Прекратили ли Вы бить своего отца? Да или нет?”.

Старая классическая “ошибка многих вопросов”. Ведь, отвечая однозначно, человек в любом случае соучаствует в навязываемом ему конструировании несуществующего факта через имплантацию фантомного смысла и осогласивает бросковую активизацию подтекстовых пластов вопроса — “Конечно же, Вы бьете своего отца!”. Поэтому правильное реагирование — поди сразу вникни, разберись и почувствуй! — должно быть атакующе осмотрительным: “А разве это ко мне относится?”.

Смотрите, что получается. Мы не можем обойтись без ответа. А когда можем, нам почему-то стараются внушить или навязать его обязательность.

Вот и здесь нас обволакивает подразумеваемое привычное: у книги должен быть читатель. А что, не может быть так, чтобы у читателя была книга?!

Разве рассчитана на кого-то картина “Рожь” художника Шишкина?! Или синяя глубина неба?! Или безбрежный простор моря?!

Да и вообще, если цветок вырос, то кому он должен достаться: тому, кто его вырастил? А может быть, сорвавшему?

Мне представляется — тому, кто его увидит. Не обладание делает цветок нужным, а его способность иницировать усладу в бросаемом на него взоре.

Вот так и эта книга. Ее содержание и направленность — общезначимы. Ее необходимость не в ней. Ее нужность

возникает в нас всякий раз, когда мы, трепетно открыв молчаливые страницы, слышим поощрительный зов породившего нас Универсума — “Вчитайся! Погрузись! Задумайся!”.

На кого рассчитана эта книга? На того, кто первым или впервые дотронется преисполненных мыслей страниц, коснется душой исполинской мощи мудрости, истечет зовом ума к благородству сердец людей великих, заволнуется желанием быть прозорливым, уверенным, безошибочным.

И тогда Вы узнаете, что эта книга для Вас, ибо утвердитесь произвольно, сразу и навсегда, что Вас всерьез не было до нее и без нее Вас все еще не будет.

Само наше появление на свет писало эти страницы, влекло и собирало разрозненные голоса оракулов мудрости, готовило сегодняшнюю встречу с тем, что хотя и превышает нас, но равновелико с нами.

Вы хотите поскорее приступить к чтению? Вы совершенно правы. Нам с Вами, действительно, есть во имя чего спешить.

Правила пользования книгой

1. Основные функциональные заголовки

Компакт-биография

— включает сохранившиеся сведения о жизненных веках и судьбе мыслителя.

Литературное наследие

— здесь приводится перечень произведений, принадлежащих перу героя повествования.

Презентационные утверждения

— высказывания личности, наиболее характерные ей как по смыслу, так и по стилю.

Штрихи к портрету

— здесь собрано все то, что обычно обрамлено понятиями “свидетельства”, “легенды”, “анекдоты”.

Узор находок и раздумий

— общее название для сводного блока из цитат и комментаторского материала, резюмирующего историко-научную и социально-познавательную ценность каждого мудреца и философа.

2. Степени выделения шрифтом и шрифтовые подчеркивания

2.1. Р а з р я д к а — первая (наименьшая) степень выделяемости.

2.2. **Полужирный** — вторая степень выделяемости.

2.3. *Курсив* — третья степень выделяемости.

2.4. **Капиталь** — четвертая степень выделяемости.

2.5. ***Полужирный курсив*** — пятая степень выделяемости.

2.6. **полужирный капиталь** — шестая (наибольшая) степень выделяемости.

П р и м е ч а н и е. Заголовки и особо значимые места в тексте дополнительно выделяются посредством увеличения кегля (размера шрифта).

3. Выделения с помощью расположения текста (пространственный дизайн)

Предупредительное расположение текста по полю страницы помогает читателю легко различить или определить главное и не таковое, что дает возможность пользоваться книгой, как конспектом.

4. Перечень условных знаков

- — Знак “точка” применяется для обозначения фрагмента из биографии персоналии (мудреца или философа).
- ✓ — Знак “галочка” используется: а) для показа наиболее интересного или характеристического факта из жизни персоналии; б) при любопытных высказываниях о персоналии других известных мудрецов, философов, ученых.

— Знак “свиток” дается для визуального выделения литературного наследия персоналии.

- ▶ — Знак “треугольник вправо” предназначен для обозначения сопровождения философского текста авторскими замечаниями и включенными рассуждениями с целью прояснения проблемы. Весь текст в таких фрагментах имеет оттеночную подложку.
- ◆ — Знак “ромб” сопровождает подлинные фрагменты, отрывки, извлечения, заменяет кавычки и означает дословную цитату из первоисточника. В приоритетно-смысловом восприятии текста несет нагрузку как “главное”.
- ◆◆ — Знак “два ромба” тоже сигнализирует о цитировании и предназначен для вычленения высказываний персоналии, развивающих идею или тему предшествующей цитаты, отмеченной знаком “ромб”. В программно-ориентирующем построении текста несет нагрузку как “подглавное”.
- — Знак “квадрат” указывает на дополнительно привлеченные материалы. Индикаторный смысл — “второстепенное”.
- ▼ — Знак “треугольник вниз” настраивает на восприятие информации, используемой как дополнения и уточнения к основному тексту главы. Определительное значение знака — “подвторостепенное”.
- / — Знак “косая черта” обозначает уточняющий, ссылочный или отсылочный фрагмент текста и применяется в пояснительных и познавательных примечаниях, разъясняющих значение философского термина, направления, течения и т.д. Используется по принципу “рядышком” или “не будем откладывать на потом” и является внутритекстовой сноской.

5. Иллюстративный материал

5.1. Все иллюстрации тщательно подобраны и выстроены в соответствии с видеосмыслом, сюжетностью и психомонтажностью.

5.2. Во второй части книги каждая персоналия начинается с видеочитаты наиболее редкого портрета философа или мудреца.

5.3. Иллюстрации основных блоков несут самостоятельную смысловую нагрузку, а также дополняют текстовой материал, создавая атмосферу полной приобщенности к герою фрагмента и его учению.

5.4. Иллюстрации разделов “Узор находок и раздумий” выстроены по логике текста, а также по принципу “приоритетность редкости”: наиболее редкие снимки даны на всю полосу (страницу), вся же остальная иконография дается групповыми подборками.

5.5. Персоналии, портреты которых до нас не дошли, начинаются с поэтического введения, призванного быть эквивалентом изображения и гарантом сохранения общего стиля книги. Такая подача обращает внимание читателя на, наверное, недостаточно бережное отношение со стороны человечества к этому мудрецу или философу.

6

Дополнительным сервисом для читателя являются используемые во второй части книги нижние колонтитулы. Они несут следующую информацию: а) имя мудреца или философа (слева); б) номер страницы (посередине); в) годы жизни мудреца или философа (справа).

7

Оглавление в книге дается дважды — в начале и в конце. В первом случае список персоналий помещается в хронологической последовательности, во втором — в алфавитном порядке.

8

Для удобства вхождения читателя в проблематику книги, издатель счел целесообразным предварить и завершить книгу универсальным смысловым конспектом, который, помимо аннотационной функции, может быть понимаем и как пропедевтика, и как резюме.

Часть I

Психология философии

1

Секреты психогенных механизмов

2

Квадрат аналогий

3

Волшебство философских формул

*Психология философского
творчества — совершенно неис-
следованная область.*

Т.И. Ойзерман

Сова — символ мудрости

1

Секреты психогенных механизмов

Не торопитесь соглашаться или опровергать. Не так уж важно, что утверждает или отрицает автор. Важно то, что он направляет ваше внимание по определенному руслу.

Справочник Мессии

Все человеческое знание проистекает, обосновывается и приумножается психогенными механизмами, в основе которых лежат три закона:

- 1) закон уровня информации;
- 2) закон отставания;
- 3) закон соотнесения.

**Закон
уровня
информации**

Всякий раз, постигая действительность, мы находимся в ситуации перехода от меньшего знания к знанию большему.

Если эта процедура непрерывна и нацелена на полное и исчерпывающее ознакомление с изучаемым полем, то в действие вступает “уровневое” проявление основных закономерностей познания. “Закон уровня”, как мне он открывается, очерчивает следующее: если Вы хотите добиться успеха в той сфере деятельности, которой занимаетесь, и не только знать познанное, но и сделать **в уже имеющемся** свой вклад открывателя, то для этого вовсе не обязательно начинать с забот о наличии “семи пядей во лбу”. Достаточно **настойчивой непрерывности вычерпывания** (до исчерпывания!) информации об изучаемом объекте — и ожидаемое появление творческого озарения наступит необходимо, обязательно, непреложно.

Убеждающе настраивающим **образом-аналогом** здесь мог бы быть пример восхождения на гору. Чем далее вверх мы идем по склону, тем больший горизонт открывается нам. И подобно тому, как **видеть дальше** есть нечто совсем другое, нежели **подниматься на гору**, тем не менее, первое есть очевидно-однозначная функция второго. Так и эскалация уровня информации, не будучи сама по себе Твор-

чеством, влечет его (Творчество) с таким постоянством, которое иначе как “железным” и не назовешь.

“Уровневый механизм”, что называется, лежит на поверхности. О нем, хотя и неявно, говорят пословицы и поговорки, напоминают многочисленные советы и рекомендации, на него намекают мудрые максимы и изящные сентенции:

“Упорство и труд все перетрут”.

“Воля и труд человека дивные дива творят”.

“Талант — это труд”.

“Успех — это 10 процентов умения и 90 процентов потения”.

“Кто ищет, тот находит”.

“Дорогу осилит идущий”.

“Кто стучит, тому открывают”.

К полноте охвата, по-своему, апеллируют все наведения, утверждающие примат всесторонности подхода, пытливой неутомимости, желания “во всем... дойти до самой сути”.

Закон отставания

Сущность и производные от нее сердцевинные формулировки природообразующего начала во всем, что есть в мире, — это уже эпистемологическая предметность следующего закона познания, **закона отставания**, сфера которого — психоорганизующая деятельность мышления.

Закон отставания указывает на проблемное поле мышления — мышления, приближающегося к границе известного с неизвестным; он постулирует имманентные константы новой ситуации, когда вышеназванная граница уже перейдена, и фиксирует ту сторону человеческой встречи с “Неизвестным”, когда вновь увиденное не может быть ни уяснено, ни присвоено, ни отчуждено в формах текущей культуры, имеющегося языка и традиционных парадигм.

Основной посыл закона: **интерпретация факта всегда отстаёт от его новизны**. Это значит, что постижение результатов **открытия**, а ведь только они — в буквальном и полном смысле слова — могут быть названы действительно “Новым”, протекает в среде, обстановке, обусловливании

использования уже имеющегося багажа знания, старого опыта и в атмосфере прежних представлений. И иным быть не может! Но тогда как же быть?! Получается, что нам свойственно и присуще знать то, что не выразимо как знание, известное нам.

Формула закона отставания обнаруживает и столбит данную парадоксальность как принципиальный момент в творческой деятельности людей.

**Закон
соотнесения**

Философское освоение действительности, как и философский уровень мышления, традиционно относится к высшим формам исследовательского знания. Это не только верно, но **особенно и убеждающе** понятным становится из апперцептной* таблицы (рис. 1).

Рис. 1

* Апперцепция (от лат. *ad* – к, *perceptio* – восприятие) – зависимость **восприятия** от прошлого опыта, от общего содержания психической деятельности человека и его индивидуальных особенностей. Термин апперцепция предложен немецким философом Г.Лейбницем (1646-1716 гг.).

Соотнесение, понимаемое как всеаспектное сравнение по *пониманию, смыслу и сущности* всего, что есть, со всем, что есть, осуществляемое комбинированно, ассоциативно и многопланово, есть одномоментное действие мозга, которое разворачивается по закону внутреннего функционирования того, что имеется, появляется и осуществляется в нем, и специфичное тем, что находится под постоянным и непрерывным адекватизирующим воздействием этого синтеза себя на себя самого.

Смешивающий перенос и переплетение переплетаемого, накладываемое толкованием на толкование, и истолковывание этим толкованием начальной понимаемости дает причудливый узор взрывной вспышки смысла, в которой встрясно и буквально за миг можно целостно увидеть всю совокупность множественности и подробную вариативность ее оттенков, нюансов и акцентов. Они меняются, переливаются, переозначиваются и ведут себя так, как если бы зеркало запело отражаемый вид, то есть хотя и необычно, возможно, но *возможно* необычно.

Природа соотнесения и оно само всегда были под пристальным вниманием всех мыслителей. Они дали определительные доказательства сравнения как основной, главной, всеобъемлющей формы осуществления мышления; выявили и назвали ступени, уровни, направления в процедуре соотнесения; исчерпывающе обозначили векторы значимости в ролевых функциях краеугольных собирателей, отвердителей и держателей познания.

В подтверждение сказанному — классифицирующий перечень обоснований *закона соотнесения* в виде опорных мнений и суждений людей незаурядных, доказавших свое право на авторитетную позицию в рассматриваемом вопросе:

1. Нет бытия вне *сравнения*, ибо само бытие есть сравнение.

О. Мандельштам.

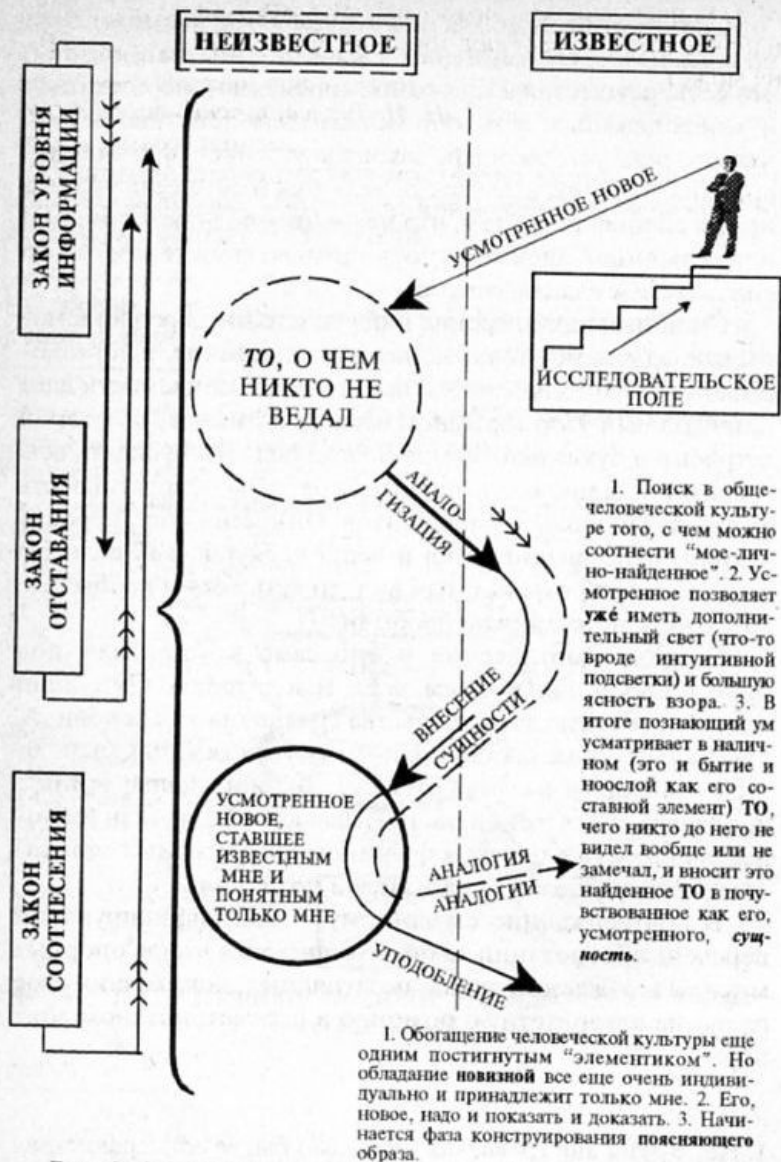

Рис. 2. Обобщенная схема творческой познавательной деятельности человека на философском уровне активности

Мысль человеческая может действовать только исходя из наблюдения и **сравнения**; никаких других точек нет и быть не может.

П. Н. Ткачев, русский мыслитель.

Почти все афоризмы древних мудрецов раскрывают их мысли, пользуясь **сравнениями**.

Ф. Бэкон.

2. Никто не прибегает к **аналогии**, если можно ясно и просто выразить свою мысль.

А. И. Герцен

Ньютон обозначил непонятную силу физического притяжения именем силы притяжения, он проследил и систематизировал ее действия и открыл закон движения, в результате чего обосновал полезную и делающую честь человеческому уму доктрину. Нам же следует поступать таким же образом в отношении функций нервной системы, и причину, скрытую в пульпе нервов, вызывающую их действия и до сих пор не поддающуюся определению, мы, **по аналогии**, назовем нервной силой.

*И. Прохазка (1749-1820),
чешский врач, анатом, физиолог.*

3. Для нашего сознания только через **метафору** раскрывается материя.

О. Мандельштам.

Метафора является немислимой основой мысли, написанной немислимыми белыми чернилами в книге всех философий.

Ж. Деррида, французский философ.

4. **Миф** есть рассказ, отвечающий на вопросы: Почему? и Каким образом?

Г. В. Плеханов.

Миф позволяет внутреннему происходить внешне.

С. Кьеркегор.

5. *Сказка* — ложь, да в ней намек,
Добрый молодцам урок.

А. С. Пушкин.

6. *Уподобление* рождает пространные и притом прекрасные идеи.

М. В. Ломоносов.

7. Ведет Аллах к своему свету кого пожелает, и приводит Аллах притчи для людей. Аллах сведущ о всякой вещи!

Коран, 24-я сура, 35-й стих.

8. Пример... его суть хорошо передает немецкое слово Beispiel - Bei-spiel (das Beispiel, нем. *пример*), то есть нечто *при-кладное*. Это есть и в русском языке: *при-мер*, то есть нечто, находящееся при мере, следовательно, дополнительное и обставочное*.

9. Душа никогда не мыслит вне образа.

Аристотель.

10. Разум наш видит многое, для чего у нас не хватает словесных обозначений.

Данте Алигьери.

* Эта точка зрения принадлежит автору.

Квадрат аналогий

Теоретик верит в логику. Ему кажется, будто он презирает мечту, интуицию и поэзию. Он не замечает, что они, эти три феи, просто переоделись, чтобы обольстить его, как влюбчивого мальчишку. Он не знает, что как раз этим феям обязан он своими самыми замечательными находками. Они являются ему под именем "рабочих гипотез", "произвольных допущений", "аналогий", и может ли теоретик подозревать, что, слушая их, он изменяет суровой логике и внемлет напевам муз...

А. Сент — Экзюпери

Приращение знания в общечеловеческом смысле возможно только в форме философского мышления, когда пытливая энергия исследовательского разума незаметно для себя переходит границу “известного” с “неизвестным”.

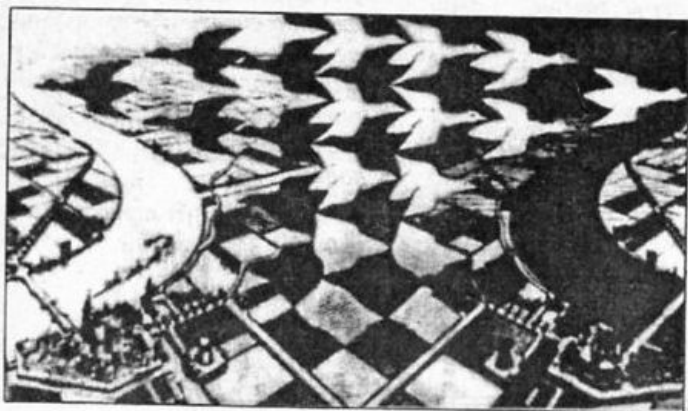
В этот момент происходит очень много любопытного, доселе неосознанного и неназванного.

Тем, кто сейчас читает эти строчки, выпало узнать, может быть, самую сокровенную из человеческих тайн — процесс-цепочку ассимиляции “неизвестного”. Цепочка эта состоит из пяти звеньев:

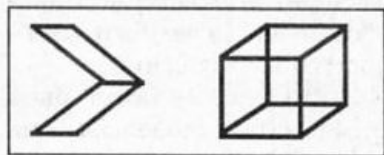
1. Скрытые аналогии механизма творчества, реализация “уровневого закона”, усмотрение нового в режиме инсайта (ага-реакции).

2. “Мерцательное” обладание новым. Оно уже есть, но так и такое, что можно только краем сознания предполагать его наличие. “Похоже, я набрел на ответ”, “Кажется, я уже понял, в чем тут дело”, — говорим мы в таких случаях.

Хорошим примером этой стадии нашего знания может быть известная картина “День и Ночь”.

Та же иллюстративная убедительность есть в лестнице Шредера (см. фрагмент философии Рене Декарта) и эффекте Неккера (см. рисунок внизу слева), когда вроде бы уже имеющееся, само, в нас, легко исчезает и исчезновенно появляется, будучи очевидным парадоксальным “бытием небытия”.

3. Усмотрительное освоение известного “новым из неизвестного”.

Проницание неизвестного позволяет мне яснее увидеть известное, высветить

“известно-неизвестным” или дополнительные грани в известном или переосмыслить весь контекст привычных значений в фактах, связях, пониманиях.

В обычном, привычном, знакомом мы вдруг замечаем нечто, удивительно емкое и значимое, такое нужное и подходящее!

Мало того, наша мысль реализует целый фейерверк замечательных (от слова “замечать”!) аналогий, что импульсирует познавательную активность и множит устремительные желания.

Это период, фаза, этап так называемых *К-анalogий*, или мыслительных переходов от неизвестного К известному в поле самого “неизвестного”, но с направленностью на извлечение неизвестного из известного.

4. Найденную в известном новую черту и вовлекаемое в знание неизвестное я соединяю аналогически, то есть соотношу их уже как подобные. Выявленный штрих рассматривается уже как таковой, как могущий быть фундаментальной посылкой развивательных построений и принципиальных конструктов, благодаря чему в “неизвестном” обустраивается плацдарм атакующего познания.

Растет уяснительное освоение новизны “известного неизвестного”.

Это фаза *OT-анalogий*, ибо они рождены в создавшемся слое новизны в известном и их можно трактовать как слоистые истечения вникания, направленно иницииро-

ванные на обеспечение Отделения постигнутого от неизвестного. То есть вопрос стоит так: если показывать другим людям **найденное**, то их надо приглашать в неизвестное или следует произвести отъятие *найденного* и демонстрировать **отринутое** по мере познавательной или исследовательской надобности.

Хотелось бы сразу упредить нежелательные ассоциации: мы употребляем слово “отъятие”, а не “изъятие”, потому что производим перенос, а не разрушение.

Хотя фазы “2”, “3” и “4” (см. рис. 1) могут быть рассмотрены по-фазово и анализироваться отдельно, они в действительности представляют собой единый мыслительный акт мгновенного установления, который только вычленительно может пониматься как состоящий из двух разнонаправленных аналогий (см. рис. 2).

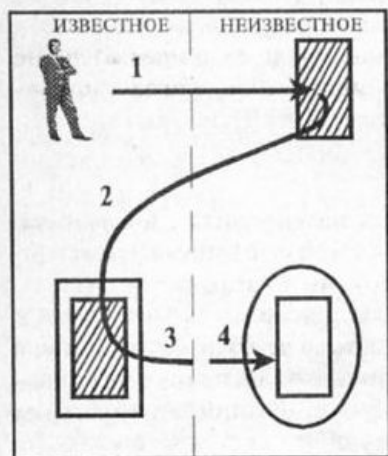

Рис. 1

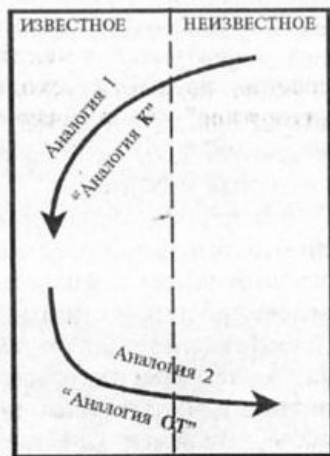

Рис. 2

Это, конечно же, особый психологический механизм, совершенно не сводимый ни к каким аналогиям, подобно тому, как стекло делается из песка, но само не есть песок.

Давая название этому механизму, есть смысл заложить в него родство элементной основы и потому именовать словом похожего, но иного звучания — **АНАЛОГИЗАЦИЯ** (см. рис. 3).

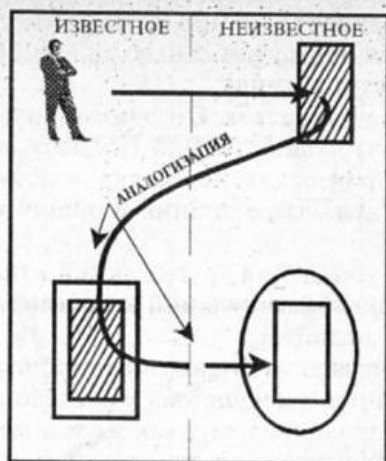

Рис. 3

5. Следующий мыслительный шаг — понимающее освоение предмета исходной аналитики, когда “новое-неизвестное” уже окончательно становится и стало “новым-известным”.

С этого мгновения познающая мысль приобретает — пока еще монополю при данном мозге, при данном мыслителе — дополнительный инструментарий возделывания, говоря образно, ученого сада.

Притчи и мысленные эксперименты, целые букеты подмечательных аналогий, лихое и изошренное конструирование всевозможных образов — все вместе они очерчивают еще один уникальный процесс, присущий запредельным выходам познания.

Усвоенному неизвестному теперь надо обеспечить возможность присвоения его другими людьми. Из факта биографии данного мыслителя оно должно стать завоеванием человечества. Наступает период его социальной “засветки”, рассказа о нем другим.

Это непростое дело. Ведь говорить приходится о том, чего никто не то что никогда не знал и, как говорится, не видел, но даже и не догадывался!

Новое превносится в мир не тем, что прибавляется к старому, а заменой сущностных определителей в имеющихся у общества знаниях.

Что философ и делает. Он элиминирует неэффективные фрагменты сущности или осуществляет полный ее демонтаж и производит пересадку *находящегося в нем в единственном экземпляре* знания в общий фонд приобретенный людей.

Механизм убеждения других людей в правомерности и истинности таких манипуляций в знании и познании также состоит из аналогий.

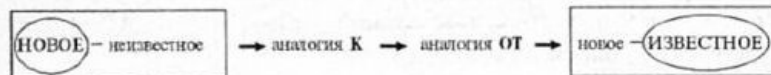
Они направлены на широкомасштабное зондирование наличного знания, имеющегося у исследователя **постижения** тайны. И подобно тому, как железные опилки “оживают” и обнаруживаются изменением положения при приближении к ним магнита, так и обычные, привычные знания начинают видаться по-новому, необычно и как-то удивительно **подсказывательно**, для чего и как их можно творчески применить.

Философская мысль генерирует новую образность, позволяющую любому приобщающемуся к вестям из неизвестного мозгу настроиться на впитывание и адекватное представление.

Философ сыграл свою роль: новое знание приобретено и расширительно передано!

Способ, каким осуществился этот последний, 5-й шаг, обеспечивается тоже аналогиями, но, поскольку они берутся систематически и носят “прививочный” характер, я называю весь этот этап внесения в другого моих мыслей и закрепления их там — через трамплинирование и упредительный настрой — **уподоблением**.

Итак, результативное философское творчество состоит из четырех основных, цепочно зависимых этапов:

Схематически они представлены на рис. 4 и завершающе обобщены на рис. 5.

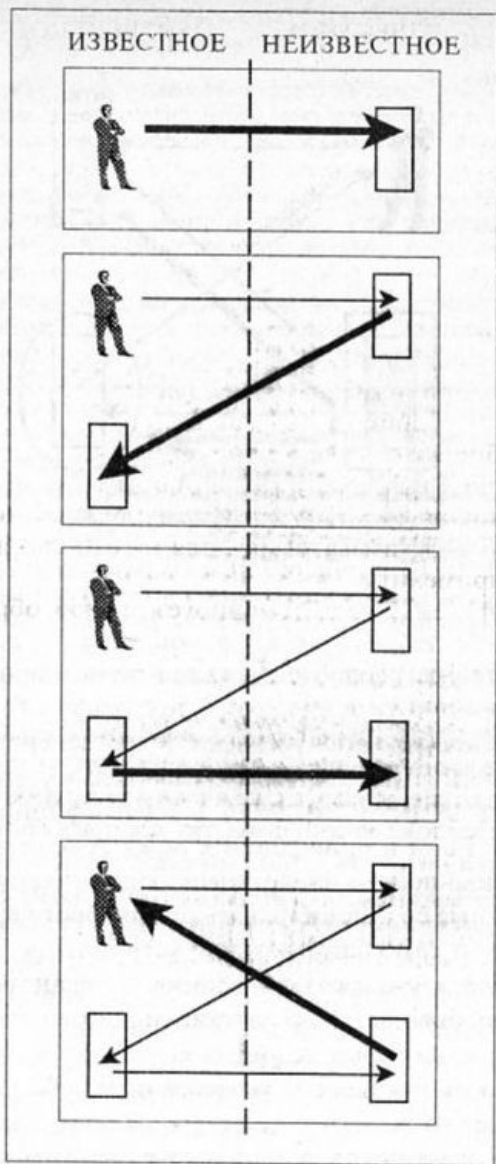

Рис. 4

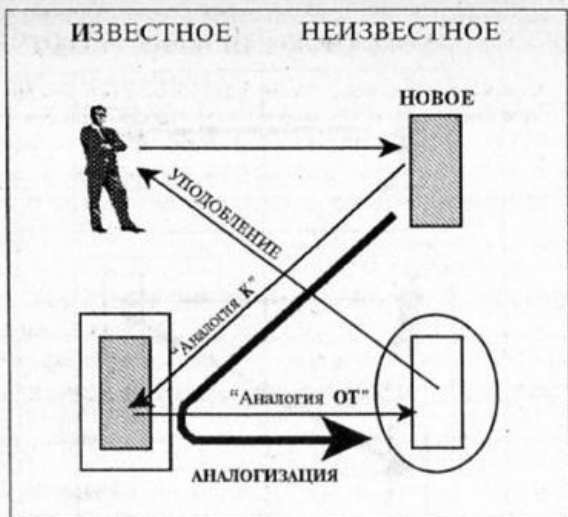

Рис. 5

Рассмотрение уподобления даже в первом приближении и описание его сути в начальной телеграфно-беглой пунктирности непреложно убеждает в его завершающе-исключительной важности, причем настолько, что по нему может быть целостно выделен и идентифицирован весь процесс, ведший и приведший к нему. А если это так, то вся схематика поиска аналогических прониканий разума, и все образные сроднения в наведении дорог через границы знания, и само запредельное устремление познания, начинающееся смелостью желанья и заканчивающееся звонкой необычностью и удивительностью рассказа об увиденном или особых условиях его видения, могут быть названы по имени цели — **уподоблением**, ибо цель всегда присутствует во всем, что ее реализовывает, как точность попадания начинается и есть уже с первого мгновения выстрела.

ОБЩАЯ СХЕМАТИКА ФИЛОСОФСКОГО ТВОРЧЕСТВА

1. Я нахожу такой в **известном** факт, которым бы мог понимательно описать или облечь мою только что родившуюся мысль. Для этого нужный мне факт я или конструирую, или открываю, то есть или изобретаю (например, мысленный эксперимент, миф, сказка), или открываю, подмечая в известном, освещенном теперь уже дополнительным светом моего проникания, новую, вроде бы и очевидную, но доселе, тем не менее, никем или не замечаемую, или не замеченную, или, по крайней мере, не названную черту.

Это путь аналогии, но движение **К** известному, то есть я мысленно, для себя, нахожу уравнивающие эквиваленты, подобно операциям паромного шлюзования на реках в районах гидроэлектростанций и соединяющих каналов, чтобы говорить мысли на моем языке словами, понимаемыми воспринимающей стороной.

2. Аналогия **ОГ**, когда я в мысль вношу сущность уже найденного подобия.

То есть, что бы я отныне ни утверждал, я буду найденным метить все вовлекаемое в использование и обоснование, подчиняя его природе себе, не отбирая, однако, его у владельцев, как это бывает, когда мы синхронизируем часы всей страны по сезонным эталонам.

И при уподоблении и в аналогии действует общий мыслительный механизм. Но в этой общности есть свои различия. Они не так, чтобы быть совсем на поверхности, но они могут — и предыдущие наши рассуждения к этому склоняют — быть выявлены, подобно тому, как из такой общности, как слово “прелесть”, выманивается его подструктурность — слово “лесть”, или из слова “сложный” — не менее содержательное: “ложный”.

Уподобление — это особая форма мыслительной деятельности, реализующая себя на философской стадии процесса познания и заключающаяся не в переносе и не в сопоставлении тех или иных объектов, свойств и признаков, а в нахождении в **уже известном** таких эквивалентов в соотношениях вещей и процессов, которые бы адекватно могли выражать **мысленный предмет мысленного открытия**.

Уподобление — это язык открывающей мысли, аналогично тому, как буквы и звуки — язык действующей мысли. *Открывающая мысль* подобна Колумбу, действующая — какому-нибудь капитану речного пароходства.

Особенность языка уподобления та, что он никогда не дан нам ни алфавитно, ни словарно, точно так же, как открытие Америки не содержалось ни в представлениях о материках, ни в картах того времени.

Когда же открытие было сделано, то поведать о нем стало возможно, изменив схематику известного, то есть достаточно было изобразить на карте новый материк, как суть неизвестного сразу органично встроилась в привычный мир представлений.

Уподобление как раз и есть **похожее** перераспределение в схеме жестких связей известного, когда **неизвестное** являет себя легко и как бы **ниоткуда**, как узоры калейдоскопа множатся в том и из того, что узором не является и к узору не сводится.

По всей вероятности, и **аналогия** и **метафора** находят свое более глубокое оправдание и свою более широкую правомерность, если на них взглянуть с точки зрения уподобления. Тогда метафора, то есть поэтическое видение мира, будет выступать как интуитивное уподобление, как уподобление, еще не осознавшее себя таковым. Именно поэтому мы находим в стихах глубокий философский смысл, но еще не философию. Это пока, так сказать, запах без цветка.

Что касается аналогии, то это — практическое уподобление, то есть уподобление, работающее, оперирующее с **уже** найденным, **уже** понятным, постигнутым. Последний аспект придает уподоблению особый акцент, выражающийся в предрасположенности терять философичность. Тогда нас обступает шаблонная работа мысли. Это уже, говоря образно, проза, цветок без запаха.

Уподобление же есть осознанное использование метода, единственно пригодного в сложнейшей сфере анализа бытия, где взору открывается больший простор, чем возможности глаз, где прелестная и динамично манящая

новизна мира выступает в единстве своей цельности, где цветок, если продолжать использование резюмирующих образов, оживлен запахом.

Когда я ударяю в колокол, а затем размышляю над природой и характером звуковых колебаний, то ищу обосновывающую опору мысли, перебирая все мне известное по схожести, и по завершении рассмотрения останавливаюсь на ситуации, по сродненности близкой к анализируемой, а именно — на разбегании волн от брошенного в воду камня. Совокупная результирующая этих моих мыслительных усилий — аналогия.

Когда я, повествуя о чем-либо, ввожу в свой рассказ, к примеру, такие фразы, как “мутные волны эфира”, “пахнет радугой мое лето” или “разметался у розы подол на ветру”, то все это — метафора.

Но пытаясь передать кому-нибудь характер моих находок в представлениях, к примеру, о научном творчестве, я, чтобы адекватно транслировать свою новую (не обязательно правильную, но еще просто никому не известную) мысль, необходимо должен найти образ-опору уже не для себя, ибо я-то знаю, а для внимающего мне. И такой опорой становится уподобление, то есть средство переноса знания. И тогда я говорю, что творчество и по процессу и по результату можно уподобить появлению радуги. Да, мы знаем, что для появления радуги нужны солнечный свет и насыщенный водяными каплями воздух. Но пропорции и условия соединения этих факторов столь многоплановы и разнообразны, что, можно сказать, они неизвестны. И тем не менее — и из практики это следует — если интенсивно пропитывать воздух водой и исчерпывающе варьировать угол и поток подсветки этой смеси, то радуга засияет с той же необходимостью, с которой вслед за ночью наступает рассвет.

Уподобление отличается от аналогии тем, что если последняя ищет и всегда предшествует знанию, то уподобление, напротив, уже обладает знанием: его речь имеет тембр самого дорогого слова — “Эврика!”.

Но ведь именно **знание** как раз и отличает философию от всех прочих сфер, занимающихся поиском знания, философия — единственная из всех наук — даже знает незнание. Прикасаясь к окружающему, философия преобразует его в факт знания.

А отличительной особенностью философии, эмпирия которой — знание, является **постижение** знания, то есть общая и целевая задача формулируется в четкой установке Бенедикта Спинозы: “Не плакать и не смеяться, а понимать!”.

Вот понимание, то есть уяснение знания, требует особого, специфического языка — языка философских формул, и таковые находятся, мы их уже знаем — это уподобления.

Уподобление — это своеобразный настрой **внемлющего** на содержание говоримого ему. Это сродни тому, как мы настраиваем радиоприемник на определенную волну, что является **необходимым** условием услышать нужную нам информацию. Уподобление делает **то же самое**. Образ настраивает восприятие слушающего “на волну” говорящего.

Аналогия — это соотнесение типа “пуансон-матрица”, то есть это всегда некоторая функциональная родственность. **Уподобление** же — это всегда сравнение на основе типа: **солнце и зеркало как солнце**, то есть единородство разнотелного.

Мысли нужно опредмечивание. Эту функцию выполняет **образ**. **Уподобление** дает его ... и только. Оно, подобно светофору, дает мысли побуждение к движению, причем — и это надо отметить особо — только в пределах действия управляюще-распределительных сигналов.

Уподобление всегда **вскрывает** мысль, делая ее доступной анализу.

Можно спросить: а что если философское исследование лишить **уподоблений**, то есть исключить фрагменты с образами и сущностными соотнесениями?! Ответ: они перестанут быть философией.

Уподобление — индикатор наличия *философического*. Смотрите: призма разлагает “солнечный” (белый) свет в радугу; точно так же и уподобления. Разлагаемый “свет” — решаемая проблема. Именно по уподоблениям можно судить, что была призма.

Уподобление — это как бы философские опорные точки произведения. Если их выделить, то получится **философская схема** произведения.

Уподобление — это *аналогия аналогии*, ибо, уподобляя, то есть проводя аналогию, мы одновременно проводим параллель **и с нашим открытием**, то есть открываем в уже известном новую черту, а затем, уже на основании этого, теперь уже **факта**, мы проводим аналогию.

Уподобление всегда на границе известного и неизвестного. Оно — связь их. Оно — и сигнал о них.

Уподобление сродни голографии, которая отражает весь объект (объемно даже!), но отражает не как зеркало: на голограмме нет ничего, даже близко похожего на объект отражения, — здесь лишь хаос черточек, но посветите на них лучом лазера — и хаос даст картину.

Аналогия всегда выражает односущностные процессы (например, высота музыкального тона сравнивается с высотой гор, степень различий — с высотой различных тонов, звуковые волны — с волнами на море).

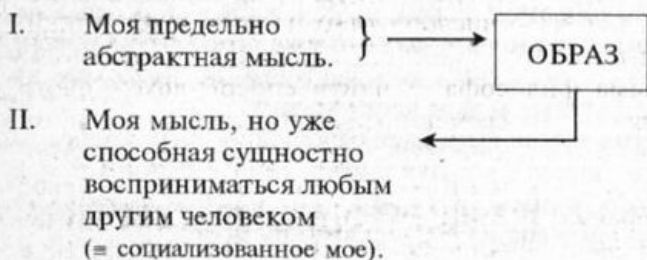
Уподобление выражает разноточностные процессы. Просто другая сущность позволяет увидеть неизвестное, не будучи связанной ни со старым, ни с новым: как, к примеру, подъем на гору открывает новые дали. Но ведь ни **гора**, ни, тем более, **подъем** не есть сами по себе то, **что** я из соединения с ними вижу. **Уподобление** (результат его) и есть такой **подъем на гору** для видения неизвестного или неясного.

Уподобление — это форма **передачи** знания, своего или заимствованного, но — от одного человека к другому. **Уподобление**, в отличие от формул и дефиниций, позволяет воспринимающему человеку взять в себя (независимо от мешающих факторов) всю степень сущностной важности уясняемого им знания. В этом контексте уподобление

может быть сопоставлено со стыковочным ловителем космической станции. Именно применение не жестких цилиндрических пар “штырь-отверстие”, а использование конусного поля для восприимки обтекательного сенсора позволяет легко адекватизировать (в смысле “парного соответствия”!) разные космические объекты в условиях абсолютной неопределенности и неустранимой данности искажающих сил и факторов заблуждающего узора.

Уподоблением мы работаем не в сфере неизвестного, а в известном, то есть сущность не конструируем, не вносим, а, напротив, **выносим, выводим**, то есть делаем **явной**. Мы уже знаем сущность, и задача теперь лишь в том, чтобы донести мое понимание до других людей. И помогает нам это сделать **уподобление**.

Уподобление — это двуединый процесс.

Уподобление — это аналогизация аналогизированного. Причем, в этом контексте, аналогизацию можно определить как способность находить, привлекать, конструировать или изобретать **аналогию**. Новую, неизвестную доселе, единственно нужную!

Вся философия — это борьба за **уравнения**. Подлинная философия — это как бы стрелка весов, чаши которых — **неизвестное и уподобительное проникновение в него**.

Весы эти необычны, и сами являются стрелкой, то есть картина такова: весы, стрелки которых, в свою очередь, — весы, и так далее и так далее. Многообразие так устроенных весов обусловлено многообразием постигаемого. Вот

почему, когда знание продвигается вперед, то на соотносимых с ним весах чаша уподобления перетягивается постигнутым и вся эта, казалось бы, наконец-то уравновешенная картина мира (читай: философская система) распадается на глазах, как встряхнутый одуванчик.

И вот уже выдвигается новая аналогия как вечный налог, который знание платит незнанию за право “съесть” не.

Философское уподобление — это всегда равенство, так сказать, **уравнение**. Но, спрашивается, чего с чем? Ответ прост: **неизвестного**, то есть того, что утверждает философ, и **известного**, то есть того, что он знает. Если аналогия философская, то тогда — **уравнение**. А если уравнение, то неизвестное всегда может быть определено. Ведь задача философа — объяснить сферу нашего будущего проникновения, то есть **он полон предупредительной заботой**, и взор его, по определению, проникает дальше взора всех его современников, включая в число таковых и книги, и источники, и свидетельства.

Проблема философа — найти способ доходчивого объяснения своим современникам им увиденного, а точнее, усмотренного и антиципированного. Дело это, понятно, непростое: ведь нужно ни много ни мало определить некое “X” Универсума. И тогда философ подсознательно устанавливает себе: “Составлю-ка я для них уравнение с этим самым “Иксом!”, а опредмечивают его пусть они сами”.

И философ строит равенство, в котором одна часть — неизвестное, которое он, как ему представляется, постиг, а другая — **уподобление**, адекватно выражающее суть нового знания.

И еще о сравнениях! Ведь по правой части сравнений — аналогизаций и уподоблений — нет ничего проще узнать истинный объем сфер и областей знаний, составляющих наличный багаж употреблявшего их автора; это особенно касается древних.

Главная **аналогизация, исходная**, то есть та, которая положила начало всей системе, обычно оказывается недо-

ступной, ибо скрыта бывает порой от самого анализирующего мыслителя. Но есть и замечательные исключения: достаточно вспомнить Якова Бёме, который, увидев однажды ярчайшее Солнце, отраженное в доступном глазу восприятию на оловянном сосуде, проник в тайну мироздания умозрением закона, что “все, чтобы быть увиденным, нуждается в противоположном”, и впоследствии этот оловянный сосуд стал для мыслителя образом и истоковым, и ключевым.

Ситуация постижения нового всегда связана с поиском подобности. Условия задают необходимость обкладывать крепостные стены неизвестного войском сопоставительных образов. А осадные орудия наши — суть аналогизация (постижение неизвестной сути нами самими) и уподобления (раскрытие уже постигнутого нами в уяснительной транскрипции всем остальным людям).

Философия готовит сознанию формы, структурирует его. То есть она задает те самые основания, на которых слушающий философские откровения построит из ему известных его знаний рисуемую направленностью на него сущностную систему мира. Способ подготовить мозг к такому восприятию единствен — это уподобления.

Аналогизация в философии всегда сопровождается уподоблением, ибо последнее как бы апробирует правомерность аналогизации, придавая ей статус единственно возможного решения проблемы.

Уподобления развигательно истолковывают главные элементы в построениях философских систем.

Уподобления — это как бы налитая в естественные воронки Земли вода, образующая моря, проливы, океаны и тем самым создающая условия, то есть водный путь, для пароходного сообщения между берегами.

Аналогия — это то же уподобление, но только уже не в отвлеченной сфере абстрактного мышления, а надевшее спецовку и сошедшее на уровень представления.

Пожалуй, в этом месте можно было бы и остановиться, считая приведенные обзоры проблемы с различных точек зрения достаточными, чтобы произвести обобщенное

прессование вышеизложенного до состояния однозначных формулировок.

АНАЛОГИЯ

— соотнесение однопорядкового или одноуровневого в сфере известного на основе известного;

АНАЛОГИЗАЦИЯ

— аналогия **внесения**; соотнесение разнородного в разных сферах (аналогия известного с неизвестным!), весь процесс в себе, для себя и на основе **открытия** (добавленного к уже известному!) **отношения**;

УПОДОБЛЕНИЕ

— аналогия **вынесения**; соотнесение интеллектуального почувствования новизны, имеющегося во мне и вибрирующего вплоть до “вот-вот ускользания”, с наличным — в культуре — полем знания, отношением, явлением или процессом для адекватной передачи “**изменя**” **во вне**, да так, чтобы в другом возникло такое же, как у меня, почувствование усмотренной мной новизны.

Полагаю, что небольшой свод уточняющих примеров не только поможет закрепляюще разобраться в нюансах всего, здесь утверждаемого, но и предрасположенно склониться к позиции, что, может быть, именно с данного основания и следовало бы только начинать подлинную науку действительной психологии.

1. Русло реки с виду кажется сделанным для реки, между тем как в действительности оно сделано рекой.

Уоллес, англ. дарвинист, XIX век.

2. Это как вода, которая при переполнении сосуда выливается вливаясь.

3. Ты — солнце, а другие цари — звезды,
Если ты взойдешь, то ни одна из них не покажется.

*Слова поэта Абу-л-Атахия (750-825 гг.)
о халифе Мусе ал-Хади.*

4. И всякий раз, когда человек страдает или радуется,
Это значит, что рок затянул петлю у него на шею
или немного ослабил ее.
5. Твой язык как напильник, он не знает добра.
6. Выйти за него замуж — все равно что овдоветь.
7. Если дерево предложит тебе свою тень, свои плоды и цветы, неужели ты захочешь в благодарность вырвать его из земли и унести с собой?
8. Среди искателей знания самым знающим оказывается тот, кто скромн, подобно тому, как из всех участков земли наиболее обильной водой оказывается низина.
- Ибн-ал-Мутазза (861-908 гг.), арабский поэт и филолог.*
9. — Учитель, скажи о безобразном! Ты о нем никогда не говорил.
— Друг мой, может ли назвать тебя негостеприимным тот, кто пройдет мимо твоего дома, не постучав в дверь?
Сочтет ли тебя за глухого и нелюдима тот, кто заговорит с тобою на чужом, непонятном тебе языке?
Все, что ты мнишь безобразным, — не есть ли оно то, чего ты никогда не стремился постигнуть и в чье сердце никогда не желал проникнуть.
- Джебран Халиль Джебран (1883-1931 гг.), ливанский писатель, мыслитель-моралист.*
10. И хотя взлетная полоса сродни автостраде, все же курс самолета не должен быть сводим к направлению взлетной полосы.
11. Это подобно расстоянию на картинах художников: оно есть и его нет.
12. Если среди многих и разнообразных камней один только род камней, называемый магнитом, или камнем

Геркулеса, притягивает железо; если также один только янтарь способен притягивать мякину и если квадрат числа четыре является единственным квадратом, периметр которого равняется площади, то на каком основании мы будем утверждать, что не существует какого-нибудь единственного рода людей, который не умирает после пронзения сердца?

Дионисий из Кирены, стоик.

13. Земля мягкая, а из нее вырастает очень твердое.

14. Без цели и без расчета,
Порывом увлечена,
Не знает стрела со взлета -
Куда вонзится она.

Густаво Адольфо Беккер (середина XIX в.), исп. поэт.

15. По положению пешки догадываешься о короле.

Иосиф Бродский.

16. Сущее не делится на разум без остатка.

Арсений Гулыга.

17. Спор К.С. Станиславского с режиссером С.М. Михоэлсом на предмет, с чего начинается птичий полет:

Михоэлс: С расправления крыльев.

Станиславский: Птица становится гордой.

18. Нарисованное кистью — не кисть.

19. Сожженные книги освещают мир.

Ральф Эмерсон.

20. Только смерть превращает жизнь человека в судьбу.

21. Чтобы украсить розу, достаточно капли росы.

22. Утверждать, как это делают некоторые, что не сами глаза видят что-либо, а лишь душа смотрит через них, как

через раскрытые двери, — значит не замечать, что если глаза — это двери, то по удалении глаз вещи должны быть видны еще яснее, как это бывает после снятия дверей.

Эпикур.

23. Зародыши знания имеются в нас наподобие огня в кремне.

Рене Декарт.

24. Тот, кто пустил в свою натуру ветер высокомерия,
Поставил свою свечу на сквозняке.

*Камал ад-Дин Бинаи (1433-1512 гг.),
тадж. поэт и мыслитель.*

25. Нельзя хлопнуть в ладоши одной рукой. (*Он же.*)

26. Гора, которая прячет золото в своих скалах,
Постоянно получает удары железного острья.

(Он же.)

27. Многие учения схожи с оконным стеклом. Мы видим истину сквозь него, но оно же и отделяет нас от истины.

Джебран Халиль Джебран.

28. ... Подобно изображению в зеркале, где истина, как известно, всегда наоборот...

29. Желаящим всем нравиться, я бы заметил: “Смотри-ка, вот парадокс: глубь и высь куда ближе друг к другу, чем середина к каждой из них”.

Джебран Халиль Джебран.

30. “Зачем надевают кольцо золотое
На палец, когда обручаются двое?” —
Меня любопытная дева спросила.
Не став пред вопросом в тупик,
Ответил я так собеседнице милой:

“Обладает любовью электрической силой,
А золото — проводник”.

Роберт Бёрнс.

31. Пожилых людей надо особенно уважать, ибо они ближе всех к богу.

32. В каждом веке — свое средневековье.

33. Весь мир похож на картину, где черная краска наложена на свое место; он прекрасен даже со своими грешниками, хотя, если их рассматривать самих по себе, они безобразны.

Августин.

34. Мы обязаны, мы вынуждены воевать во Вьетнаме. Судите сами: у нас имеются костяшки домино, выстроенные в ряд; вы опрокидываете первую, за ней обязательно упадет последняя. Итак, налицо начало распада, который может иметь самые глубокие последствия. “Все или ничего” — либо первая костяшка домино спасена, либо все обречены.

*Из речи Президента США Д. Эйзенхауэра,
8 апреля 1954 г.*

35. Жить — это как бы быть на велосипеде: если вы перестанете нажимать на педали, то начнете шататься и скоро упадете.

36. Поэтами не рождаются. Поэтами умирают.

37. На штык можно опереться, а сесть нельзя.

Талейран, французский дипломат.

38. Ты должен мысль от лучшего беречь:
При полировке тает лучший меч.

Абу-ль-Аля Маарри.

39. Человек — самое совершенное существо, а не знает дня своей кончины.

40. Земля имеет кожу, и у этой кожи есть свои болезни. Одна из них называется "человек".

Ницше.

41. Требовать, чтобы люди учились, и утверждать, что есть судьба, — это все равно, что приказать человеку уложить волосы и тут же сбить с него шапку.

Мо-цзы.

42. Все дело Ленина не было продуманной работой взвесившего все обстоятельства политика. Нет, это было безумие, иступление, истерия человека, с ребенком на руках бросившегося с каменной вершины в цветущую долину, чтобы дать возможность этому ребенку насладиться цветами и плодами.

Сергей Городецкий, поэт.

43. По поводу сановников, близких императору Николаю I, оставшихся у власти и при Александре II, Ф.И. Тютчев сказал однажды, что они напоминают ему "волосы и ногти, которые продолжают расти на теле умерших еще некоторое время после их погребения в могиле".

44. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги.

45. Когда мы занялись проблемой качества, стало совершенно очевидно, что перед корпорацией "Крайслер" стоят очень серьезные задачи. В таком важном деле нельзя все решить взмахом дирижерской палочки. Даже если качество ваших машин улучшится сразу же, требуется время на то, чтобы публика это осознала. Здесь можно провести аналогию с девицей дурного поведения, которая исправилась и стала на праведный путь. В первые год-два никто ей не станет верить.

Ли Якокка.

46. В нормальных условиях я не одобряю переброску людей с места на место. Я скептически расцениваю нынешнюю

моду на последовательное перемещение администраторов из одного отдела компании в другой, как будто все профессии взаимозаменяемы. Они отнюдь не взаимозаменяемы. Это все равно что сказать о кардиологе: "Он отличный специалист в области сердечной хирургии. Пусть он следующую неделю принимает роды". Он первый же объяснит вам, что акушерство — это совсем другая специальность и обладание мастерством в одной области вовсе не преобразуется в мастерство и опыт в другой. То же самое справедливо и в сфере бизнеса.

(Он же.)

47. Сон — все равно что голубь: если вы его не трогаете, он подлетает к вам, если захотите поймать, он улетит.

П. Дибойс.

48. Ведь в раздраженье женщина подобна
Источнику, когда он взбаламучен
И чистоты лишен и красоты.
Никто и капли из него не выпьет,
Как ни был бы он жаждою томим.

Шекспир.

49. Как понимать экономику? Как велосипед, который все время должен мчаться, чтобы не упасть, или как поезд, который должен, напротив, не мчаться стремительно, чтобы в итоге не сойти с рельсов?!

50. Вразумлять бестолковых так же бессмысленно, как чекать скалу.

51. Тому, кто считает себя незаменимым, следует окунуть палец в чашку с водой и посмотреть, какое отверстие остается после того, как он вынет палец.

52. Все рядом лежат —
Не разнять межой.
Поглядеть: солдат!

Где свой, где чужой?
Белым был — красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был — белым стал:
Смерть побелила.

Марина Цветаева.

53. Руководитель порой напоминает человека, бегущего впереди поезда: всем кажется, что это он заставляет поезд двигаться за ним, но сам-то он знает, что стоит ему остановиться — и поезд его раздавит.

54. Мы были близки, как губы и зубы.

55. Пушка делается очень просто: нужно взять дыру и обернуть ее железом.

Мигель де Унамуно.

56. ... Мне в связи с этим вспоминается чемодан без ручки — и бросить жалко, и нести тяжело.

57. Когда я говорю, а меня понимают, то я не перекладываю целиком мысли из своей головы в другую — подобно тому, как пламя свечи не дробится, когда я от него зажигаю другую свечу, ибо в каждой свече воспламеняются свои газы.

*Потебня Александр Афанасьевич
(1815-1891), филолог, этнограф.*

58. Я заразился тифом у Ивана, но у меня мой тиф, а не Ивана.

А. Горнфельд.

59. Источники роста и гуманности личности лежат только в самой личности, они ни в какой мере не созданы обществом. Последнее может только помочь или препятствовать росту гуманности человека, подобно тому, как садовник может помочь или помешать росту куста роз, но он не может

определять, чтобы вместо куста роз вырос дуб.

А. Маслоу.

60. Осуществление коммунизма невозможно в той же самой зависимости, как невозможно изменить прикрепление рук к туловищу человека: они устроены так, что человеку легче загребать к себе, а не от себя.

Уподобление — это как бы вторая сигнальная система философии.

Что же, любое уподобление — философия?

Да! Но если оно одно, то оно как бы точка. Если их много, то это уже как бы линия, если они многоплановы, то это уже как бы плоскость, а если они разнообразны, то это уже как бы фигура, передающая нам образ того предмета, о котором ведется речь.

Вообще, уподобление — это средство опредметить мысль, чтобы чувственно ее воспринять. То, что язык есть непосредственная действительность мысли — это так. Но это ее, мысли, форма. Когда же речь заходит о непосредственной действительности содержания мысли, то здесь одного языка мало, как мало одного только включения телевизора в электросеть, ибо, чтобы на экране появилось изображение, нужна еще работа телевизионной станции.

Уподобление — или, иначе, **философская дефиниция** — несет на себе неизвестное так же, как солнечный луч несет на себе свет. И подобно тому, как свет самостоятельно проявляет себя, раскрываясь в этом проявлении, так и неизвестное, высвечиваясь в уподоблении, становится зримым и известным.

И еще один штрих к общему портрету уподобления. В то время, как об аналогии можно говорить без аналогии, об уподоблении нельзя ничего сказать, не прибегая к уподоблению, подобно тому, как о языке (как средстве общения) нельзя никак сказать без языка, то есть не пользуясь им. Короче, подобно тому, как об общении можно узнать только из общения, так и об уподоблении как механизме можно узнать только в уподоблениях.

Уподобления бывают разные. Классическими становятся лишь те, которым присуща емкость уподобления, то есть нечто такое, что сродни стеклышкам калейдоскопа: их количество и качество — *constanta* (то же самое и ключевой аналогизационный образ — он имманентно-содержательно неизменен!), но фигуры (узоры) из них все время новые, в зависимости от поворота тубуса (в нашем базовом случае читай: нового взгляда в новые времена).

Есть “уподобления-свечки”. Они играют свою роль при строго определенных условиях их чтения, подобно тому, как свеча горит только фитилем вверх, а переверни ее — и она погаснет. Так и эти уподобления светят читателю только (и только!) в узком контексте текста автора.

Например, я могу сказать об Иммануиле Канте так: все до него ходили вокруг цветка философии, нагибаясь при желании насладиться его ароматом. Кант же сорвал цветок и гордо приблизил к себе то, что заставляло его предшественников склоняться.

Однако, поразмыслив, вдумчивый читатель наверняка заметит, что у моего образа есть изъян: во-первых, так ли уж величествен был философ, если ему для того, чтобы сорвать цветок, все-таки пришлось склониться, а во-вторых, сорванное, как ни крути, перестает в итоге жить, так что в сконструированном нами сравнении любомудр вдыхает не столько аромат жизни, сколько истечения смерти. И т.д. и т.п.

Вывод отсюда прост, но существен: наиболее философичен тот, у кого более емко образ.

Каждая область человеческих знаний имеет свою форму выражения, свой алфавит и свой язык. Философия не составляет исключения. Ее язык — уподобления.

Уподобление — это форма философского мышления. И что интересно! Ведь слово “форма” очень близко слову “формула”. А формулы — это язык наук: в физике, к примеру, $E = mc^2$, в математике — $C = 2\pi R$ и т. д.

Мы бы тоже могли ввести формулирующую определенность, скажем, аналогизационная эвристичность, и рассматривать ее как единицу измерения и система-

тизирующую функцию двух компонент философского творчества — “способности создавать уподобительные узоры” и “склонности к калейдоскопированию образов”.

Но я бы предложил еще раз всмотреться в схему философского одоления неизвестного: усмотрение \Rightarrow аналогизация \Rightarrow уподобление. Учитывая, что средний член той цепочки состоит из двух аналогий, следует определять весь процесс как состоящий из четырех неисключимых элементов:

- 1) интуитивной аналогии;
- 2) аналогии подсветки;
- 3) аналогии прояснения;
- 4) демонстрационной аналогии.

Все они, в замкнутом цикле, образуют схематичный квадрат (см. рис. 6), квадрат аналогий.

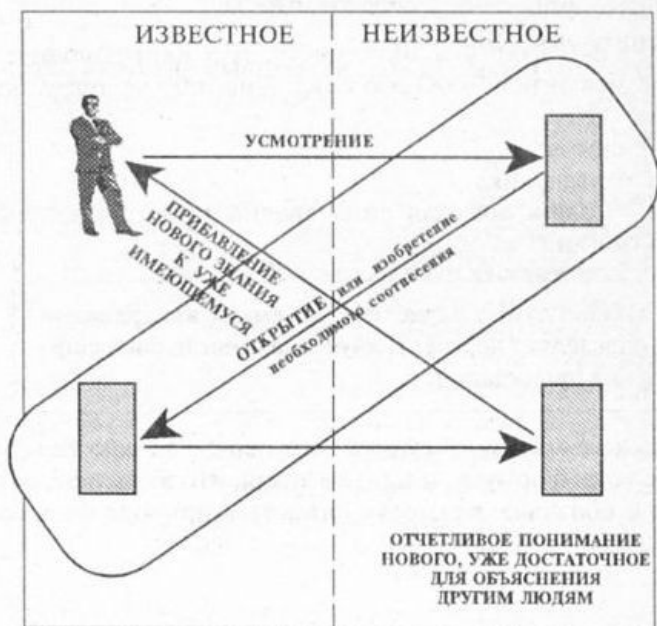

Рис. 6

Квадрат из четырех аналогий вполне приемлемо принять за сущностную единицу философствования. Подвергнув нашу “философскую единицу” пространственному синтезу,

КВАДРАТ АНАЛОГИЙ

получаем обозначение — КВАДРАНАЛ.

Хотите философствовать — используйте квадранал! Каждый философ только потому и философ, что мыслил в схеме квадранала. А след свой в философии и роль в ней имеет сообразно количеству квадраналов и их эвристической заряженности.

Сколько у вас **сильных** квадраналов — настолько вы и философ. Зависимость здесь очевидная и легко поддается формализации:

$$\Phi = \Sigma (\text{кв.})^{\text{эв.}}$$

Φ — философская значимость, или непреходящее во вкладе мыслителя в общую сокровищницу человеческого знания;

Σ — сумма;

кв. — квадранал;

эв. — эвристическая сила вводимых и применяемых уподоблений.

Общая сумма эвристически емких квадраналов определяет перспективную значимость философских проицаний.

Насколько я могу судить, это первая за всю историю философии формула, и притом такая, что выявляет, объясняет и обозначает самую сущность в природе философского дела.

З

Волшебство философских формул

*Тот, кто духом не проникнет
В толщу трех тысячелетий,
К темноте, как крот, привыкнет,
Век живя на белом свете.*

И.В.Гете

В 1796 году директор Гринвичской лаборатории Масклайн уволил по причине предполагаемой небрежности своего ассистента Киннбрука, который определил время прохождения звезды чуть ли не на секунду позже него. Через некоторое время знаменитый немецкий астроном Бессель, заинтересовавшись конфликтом Масклайна с его сотрудником, снял с последнего обвинение в недобросовестности. Он пришел к выводу, что нет двух астрономов, в наблюдениях которых не было бы произвольных различий. Разница в показаниях между отдельными наблюдателями была названа личным уравнением.

Практика астрономической работы выявила важный для психологии феномен — время реакции (ВР), понимая под ним индивидуальную величину для каждого из ученых.

Для философского уровня мышления характерно нечто похожее, а именно: время построения узора уподобления (ВПУУ, или ВПУ²).

Также перспективными для анализа, понимания и описания философского творчества могли бы оказаться и такие базисные определители, как “склонность к квадранальности”, “ясность квадранальности”, “полнота цикла квадранала”.

Наиболее системным будет, очевидно, термин “квадранальная готовность”, выражающий общую подготовленность человека к философствованию.

Квадранал утверждает право на жизнь еще одного термина — “имплантант-аналогия”. Им обозначается смысло-целевой ракурс философской образности, которая в своей новационной части есть синхронизация и уравнивание наличного знания, вовлекаемого в оборот моего использования, или иначе и соответственно: оМОЕчивание общественного знания.

Скажут, а почему философия не говорит все время уподоблениями, а лишь иногда мысль расцветивается их присутствием. На это я замечу: физика тоже не говорит все время формулами, но то, что ей присущие формулы (например, $F=ma$, $I = \frac{U}{R}$ и т.д.) выражают ее суть, — бесспорно.

Точно так же и философия. Она имеет своим объектом тот же самый внешний мир, что и все остальные науки, но способ, которым она формулирует свои обобщения о нем, специфичен, и суть этой специфики — уподобления. Именно в них концентрируется и адекватно выражается точка зрения мыслителя и показывается тот самый вид, который ему с нее открывается.

Владение **методологией уподобления** позволяет заметно упростить общий анализ любого философского творчества, понимательно воспринять его индивидуальную природу, легко извлекать универсальную компоненту в многосплетениях философских систем и построений и иметь безупречный критерий новизны и философичности, соизмеримый даже с самым высоким мудрствованием.

И еще. В сферах, имеющих дело с теоретическим, отвлеченным мышлением, мы сталкиваемся с ситуацией, когда бывает необходимо немедленно воссоздать условия, совокупность которых когда-то инспирировала истоки нашей какой-то мысли или идеи.

Оперируя с этой идеей и желая развить ее, мы замечаем, что без той среды, в которой она [идея] родилась, нам не обойтись. Но... как бы мгновение ни было прекрасным, его не остановить даже поэту.

В естественных, или опытных, науках дело решается просто: условия могут воссоздаваться произвольно, столько раз, сколько это бывает необходимо, то есть производится натурализация, ставится эксперимент.

В теоретическом мышлении считается, что все обстоит иначе: ведь время не остановишь, и событие — это не испытательный шарик на наклонной плоскости и не колебательный маятник, который, кстати, хотя и отсчитывает время, тем не менее без ущерба для последнего может быть многожды и включен, и остановлен.

Приятно сознавать, что теперь этому традиционному подходу можно выдвинуть противопоставление: **уподобление** — это и есть эксперимент в теоретически постигаемых науках, основанных на умозрении, ясновидении и интуиции.

Когда мы говорим о квадранале, следует иметь в виду, что он наличествует в полном цикле лишь мыслительно, выстраиваясь в последовательность, из которой воспринимательно имеется только завершающая часть — уподобление. Это весьма похоже на то, как реально наличествует просто плоский диск, а также его образующие, как “центр”, “радиус”, “диаметр”, “окружность” — есть определители, выявляемые аналитической способностью ума и извлекаемой силой разума.

Об уподоблении речь уже шла, и теперь, завершая его рассмотрение и, кажется, сказав все, что можно о нем сказать, будет бесполезно привести примеры некоторых наиболее любопытных и особенно сильных уподоблений, сыгравших значительную роль в формировании того вектора общественного знания, имя которому — Истина.

I. “Не ясно, не относится ли душа к своему телу, как корабельщик к своему судну?”

*Аристотель, древнегреческий философ
(384 — 322 гг. до н.э.).*

II. “Ощущение есть то, что способно принимать форму чувственно воспринимаемых предметов без их материи, подобно тому, как воск воспринимает в оттиске форму печати, а не железо или золото, из которых она сделана; камень в душе находится знанием о нем, а не тяжестью его или размером”.

Аристотель.

III. “Тело — это материя духа; дух — это функция тела... Названия различны, но сущность одна... Дух для материи то же, что острота для ножа... Название “острота” не есть нож. Название “нож” не есть острота. Естественно, что без

Аристотель, созерцающий бюст Гомера.
Худ. Рембрандт (1606 – 1669).
Нью-Йорк, Метрополитен-музей.

остроты нет ножа, а без ножа нет остроты. Никто не слышал, чтобы нож исчезал, а острота существовала. Разве можно допустить, что тело умирает, а дух продолжает существовать”.

Фань Чжень, китайский философ (V – VI в.).

IV. “Следует признать, что единственно мыслимым отношением между психическим и нервным является их параллельность, что они, подобно выпуклой и вогнутой сторонам окружности нераздельны и в то же время неспособны воздействовать друг на друга”.

Г.Фехнер, немецкий философ (1801 – 1887).

V. “Божественная мудрость проявляется в предустановленной гармонии. Обе сущности – душа и тело – совершают свои операции независимо и автоматически в силу своего внутреннего устройства. Но так как они запущены в ход с величайшей точностью, то складывается впечатление о зависимости одного от другого. Они подобны паре часов, которые всегда показывают одно и то же время, хотя и движутся независимо”.

Николо Мальбранш, французский философ (1638 – 1715).

VI. “Говорящие о постепенности и последовательности шагов в деле, требующем решительности и однозначности отношения, напоминают мне человека, пытающегося преодолеть пропасть в два прыжка”.

Уинстон Черчилль (1874 – 1965).

VII. “Вселенная Ибн-Сины – это колесо, центром которого является Бог, что не мешает его периферии катиться по своему усмотрению”.

Эрнест Ренан, французский философ (1823 – 1892).

VIII. “... Что понимать под чувством справедливости? Об этом **трудно рассказать**. Это чувство весьма велико и чрезвычайно прочно; когда его воспитывают и не наносят

ему ущерба, то оно наполняет все между небом и землей...

Пусть разум не забывает об этом чувстве, но не помогает его росту. Не надо быть похожим на жителя царства Сун. Этот человек из Сун, озабоченный тем, что его всходы не растут, стал тянуть их. Вернувшись утомленным, он сказал своим домашним: "Я устал сегодня: помогал всходам расти". Его сын побежал посмотреть и увидел, что всходы завяли. В Поднебесной мало людей, которые бы не помогали расти всходам. Те, кто считает воспитание чувства справедливости ненужным и уклоняется от этого, **подобны** тем, кто не обрабатывает всходов. Те же, кто помогает его росту, **подобны** тем, кто тянет всходы..."

Мэн-цзы, китайский философ (ок. 372 – 289 гг. до н.э.).

IX. "ГАО-ЦЗЫ сказал: "Природа человека **подобна** иве, а справедливость **подобна** чаше. Воспитать в человеке человеколюбие и справедливость – это **все равно, что** из ивы сделать чашу".

МЭН-ЦЗЫ: "Можете ли Вы, оставив нетронутой иву, сделать из нее чашу? Вы должны сначала срубить иву, а затем сделать из нее чашу. И если надо срубить иву, чтобы сделать чашу, то в таком случае также нужно нанести ущерб человеку, чтобы воспитать в нем человеколюбие и справедливость. Ваши слова приведут к тому, что все люди Поднебесной будут считать человеколюбие и справедливость бедствием".

ГАО-ЦЗЫ сказал: "Природа человека **подобна** бурлящему потоку воды: откроешь ему путь на восток – потечет на восток, откроешь ему путь на запад – потечет на запад. Природа человека не разделяется на добрую и недобрую **подобно тому, как** вода в своем течении не различает востока и запада".

МЭН-ЦЗЫ: "Вода действительно не различает востока и запада. Но разве не различает, где верх и где низ?"

Стремление природы человека к добру **подобно** стремлению воды течь вниз. Среди людей нет таких, которые не стремились бы к добру, так же, как нет такой воды, которая не стремилась бы течь вниз. Если ударять по воде и

приводить ее в движение, можно заставить ее подняться выше лба. Если же устроить преграду и приводить ее в движение, то можно заставить ее подняться на гору. Но разве это зависит от природы воды? Сила привела к этому. Человека можно побудить делать недоброе, его природа подобна природе воды”.

X. “Никто, кроме мудреца, ничего не знает. И это Зéнон разъяснял жестом: показав свою руку с вытянутыми пальцами, он говорил: “Вот образ”; затем, немного согнув пальцы, заявил: “Вот согласие”; наконец, полностью сжав пальцы в кулак, он восклицал: “А это постижение”. На основании такого уподобления он дал этому явлению не употреблявшееся ранее название *katalepsis*. Затем он протягивал левую руку и, сильно обжимая ею кулак, говорил, что это знание, которым никто, кроме мудреца, не обладает”.

*Зенон, греческий философ из г. Китиона (Кипр),
(ок. 336 — ок. 264 гг. до н.э.).*

XI. “С человеком ничего не может произойти, что бы не определялось судьбой человека, подобно тому, как с животным, растением, камнем ничего не может случиться, что бы не соответствовало их природе. Если же ни одно существо не может испытывать ничего другого, кроме того, для чего оно возросло и к чему оно определено по своей природе, зачем тебе жаловаться? Будь уверен, что всемогущая природа не наделила тебя ничем непосильным”.

Марк Аврелий, римский философ (121 — 180).

XII. “Подобно тому, как пятиугольная плоскость пятиугольна не потому, что имеет две фигуры одновременно — фигуру треугольника и фигуру пятиугольника (но фигура треугольника излишняя, коль скоро она уже присутствует в фигуре пятиугольника), **точно так же** Сократ не благодаря одной душе есть человек, а благодаря другой — животное, но он есть и то и другое благодаря одной и той же душе”.

Фома Аквинский (1225 — 1274).

Фома Аквинский (1225 – 1274).

XIII. “Подобно тому, как хороший садовник заботливо ухаживает за садом, поливая добрые и полезные растения и вышальывая бесполезные сорняки, так и король должен поступать в государстве, поощряя верных и добрых подданных и наказывая неверных и бесполезных”.

Эразм Роттердамский (1469 – 1536).

XIV. “**ПОЛИИННИЙ:** Я хотел бы знать, каким образом форма является душою мира, присутствующей повсюду как целое, если она неделима...”

ГЕРВАЗИЙ: Есть достаточное основание, чтобы она была большой. Один проповедник в Грандаццо, на Сицилии, утверждал то же самое о нашем госпoде. В знак того, что последний присутствует во всем мире, он соорудил распятие столь большого размера, как церковь... Итак, смотрите, чтобы также эта душа мира не была сделана по этому образцу.

ТЕОФИЛ: Я не знаю, как ответить на твое сомнение, Гервазий, но легко могу ответить на сомнение Полиинния. Все же я скажу с известным **уподоблением**, чтобы удовлетворить просьбу обоих, так как я хочу, чтобы... вы унесли какой-нибудь плод от наших рассуждений и разговоров. Итак, вкратце, вы должны знать, что душа мира и божество не целиком присутствуют во всем и во всякой части таким же образом, каким какая-либо материальная вещь может там быть, так как это невозможно для любого тела и любого духа; они присутствуют таким образом, **который нелегко вам объяснить иначе, чем так:** вы должны заметить, что если о душе мира и о всей общей форме говорят, что они суть во всем, то при этом не понимается — телесно и пространственно, так как таковыми они не являются, и таким образом они не могут быть ни в какой части; но они суть целиком во всем духовным образом. **Так, например,** грубо говоря, вы можете вообразить себе **голос**, который есть целиком во всей комнате и в любой ее части, так как он отовсюду слышим весь; так, эти слова, которые я произношу, слышимы все всеми, даже если бы присутствовали тысячи, и мой голос, если бы он мог

распространиться по всему миру, был бы весь во всем. Итак, я говорю вам,.. Полиинний, что душа не является неделимой, как точка, но **известным образом** она неделима, **как** голос. И я отвечаю тебе, Гервазий, что божество не есть во всем, как бог из Грандаццо во всей его капелле, так как последний, хотя и находится во всей церкви, однако не находится в ней целиком, но голова его в одной части, ноги — в другой, руки и бюст — в новой и новой части. Но это находится в любой части, как мой голос слышим весь из всех частей этого зала”.

Джордано Бруно, итальянский философ (1548 — 1600).

XV. “**ДИКСОН:** Скажите, какова же разница между причиной и началом в предметах природы?

ТЕОФИЛ: Хотя одно выражение иногда употребляется вместо другого, тем не менее, говоря в собственном смысле слова, не всякая вещь, являющаяся началом, есть причина, ибо точка — это начало линии, но не ее причина...”

Джордано Бруно.

XVI “... **Представьте себе**, пожалуйста, что камень, продолжая свое движение, мыслит и сознает, что он изо всех сил стремится не прекращать этого движения. Этот камень, так как он сознает только свое собственное стремление и так как он отнюдь не индифферентен, будет думать, что он в высшей степени свободен и продолжает движение не по какой иной причине, кроме той, что он этого желает. **Такова же** человеческая свобода, обладанием которой все хвалятся и которая состоит только в том, что люди сознают свое желание, но не знают причин, коими они детерминируются”.

Барух Спиноза, нидерландский философ (1632 — 1677).

XVII. “Действие должно соответствовать своей причине и даже оно лучше познается из познания причины; поэтому было бы неразумным ввести высший разум, управитель вещей, а затем пользоваться для объяснения явлений

Барух Спиноза (1632 – 1677).
Скульптор М.М.Антокольский.
Мрамор. 1886. Русский музей.

одними свойствами материи, вместо того чтобы прибегать для этого к его мудрости. **Это совершенно похоже на то, как если бы историк, объясняя какое-либо завоевание, которое совершил великий государь, взяв некоторое важное укрепление, стал бы говорить, что это произошло потому, что маленькие тельца пороха, будучи освобождены при прикосновении искры, вырвались со скоростью, способною выбросить тяжелое и твердое тело в стены укрепления, в то время как ветви маленьких телец, из которых состоит пушечная медь, были так крепко перепутаны, что не разделились от этой скорости; — вместо того, чтобы показать, как предусмотрительность завоевателя заставила его выбрать подходящее время и средства и как могущество его преодолело все препятствия”.**

*Готфрид Вильгельм Лейбниц, немецкий философ
(1646 — 1716).*

XVIII. “Много лет назад я составил себе план самосовершенствования и, поначалу, довольно последовательно изо дня в день проводил его в жизнь. Но вскоре множество других дел стало поглощать все мое время, и я совершенно оставил это занятие.

Я уподобился человеку, который, покупая топор у моего соседа-кузнеца, пожелал, чтобы вся поверхность топора блестела так же, как лезвие. Кузнец согласился, но при условии, что он, покупатель, будет вертеть колесо. Он вертел, а кузнец сильно нажимал лопастью топора на камень, что делало работу этого человека весьма тяжелой. Он то и дело отходил от колеса посмотреть, как идут дела, и, наконец, пожелал взять топор таким, каков он есть, без дальнейшей шлифовки. “Нет, — сказал кузнец, — верти, верти, мы понемножку сделаем его блестящим, а пока он только крапчатый!” — “Да, — ответил покупатель, — но я считаю, что крапчатый топор подходит мне больше всего”...

Думаю, что так случалось со многими, кто убедился, как трудно приобрести хорошие навыки и искоренить

дурные. Вероятно, многие из них отказались от борьбы и пришли к выводу, что “крапчатый топор — самый лучший”.

*Бенджамин Франклин, американский философ
(1706 — 1790).*

ХІХ. “ДИДРО: ... Это в иных случаях позволяло мне **сравнивать** нервные волокна наших органов с чувствительными, вибрирующими струнами. Чувствительная, вибрирующая струна приходит в колебание и звучит еще долго после удара. Вот это-то дрожание, этот своеобразный и необходимый резонанс не позволяет объекту исчезать, в то время как ум занят соответствующим свойством. Но у дрожащих струн есть еще одна особенность, заключающаяся в том, что струна заставляет дрожать соседние; таким образом, одно явление вызывает другое; эти оба представления — третье; все три представления — четвертое, и так далее, без того, чтобы можно было определить границу идей, которые возникают и связываются у философа, погруженного в думы или занятого размышлениями, в тиши и темноте. Этому инструменту свойственны удивительные скачки, и порой возникшее представление вызывает созвучное представление, отделенное от первого неопостижимым расстоянием. Если мы можем наблюдать это явление у звучащих струн, инертных и друг от друга отделенных, то это явление непременно встретится среди животных и связанных точек, среди непрерывных и чувствительных нервных волокон.

ДАЛАМБЕР: Если это и неверно, то во всяком случае **очень остроумно”**.

Дидро, французский философ (1713 — 1784).

XX. “Прибегнем к примеру рычага. Для его уравнивания требуется поместить равные тяжести на одинаковых расстояниях от точки опоры. Каждая из таких тяжестей действует, но это действие ни в чем не обнаруживается (не кажется чем-то действенным), все дело

ограничивается общим эффектом. Так же точно происходит и в случае созерцания. Деятельности, приходящие в равновесие, не перестают вследствие этого быть деятельностями, ибо равновесие сохраняется лишь в силу того, что обе деятельности в качестве таковых противоположны друг другу, покой же свойствен лишь их результату”.

*Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг, немецкий философ
(1775 – 1854).*

XXI. “Противоположность истинного и ложного так укоренилась в общем мнении, что последнее обычно ожидает или одобрения какой-либо имеющейся философской системы, или несогласия с ней, а при объяснении ее видит либо то, либо другое. Общее мнение не столько понимает различие философских систем как прогрессирующее развитие истины, сколько усматривает в различии только противоречие. *Почка исчезает, когда распускается цветок, и можно было бы сказать, что она опровергается цветком; точно так же при появлении плода цветок признается ложным наличным бытием растения, а в качестве его истины вместо цветка выступает плод.* Эти формы не только различаются между собой, но и вытесняют друг друга как несовместимые. Однако их текучая природа делает их в то же время моментами органического единства, в котором они не только не противоречат друг другу, но один так же необходим, как и другой; и только эта одинаковая необходимость и составляет жизнь целого”.

*Георг Вильгельм Фридрих Гегель, немецкий философ
(1770 – 1831).*

XXII. “... Ум человека легко определить по его отношению к кукольному театру. Самые наивные и глупые смотрят на представление, открыв рот. Они простодушно принимают все происходящее на сцене за чистую монету. Те, кто поумнее, замечают, как актеры дергают кукол за ниточки. Не в силах сдержаться, они во все горло кричат об обмане.

Представление никакого удовольствия им не приносит, наоборот, они еще мешают наслаждаться другим. Наконец, по-настоящему умные видят и ниточки, и другие огрехи, тем не менее спектакль они оценивают по достоинству: им понятно, что абсолютного совершенства ни в искусстве, ни в жизни никогда не бывает.”

Эрнест Ренан.

XXIII. “Несколько лет тому назад мне пришлось быть с целой компанией в горах. Вернувшись раз с прогулки, я застал все общество ведущим ожесточенный философский спор. Объектом спора была белка, обыкновенная живая белка. Предполагалось, что она сидит на дереве, по ту сторону которого в прямо противоположном направлении находится человек. Этот человек желает увидеть белку, для чего и бежит быстро вокруг дерева, — но напрасно: как скоро ни бежит он, белка с той же скоростью движется в противоположную сторону, так что дерево все время закрывает ее от человека, и он никак не может ее увидеть. Отсюда возникла философская проблема: **движется ли человек вокруг белки или нет?** Конечно, он движется вокруг дерева, на котором расположилась белка; но движется ли он вокруг белки?”

При неограниченном свободном времени, которое имелось в этом пустынном месте у спорящих, аргументация была под конец вся исчерпана. Всякий составил себе определенное мнение, на котором и стоял упорно.

Так как голоса разделились пополам, то, когда я подошел, обе стороны обратились ко мне, чтобы с моей помощью получить большинство.

Помня схоластическое правило, что там, где встречается противоречие, надо установить различие, я стал искать таковое и сейчас же его нашел.

“Вопрос о том, какая из сторон права, — сказал я, — зависит от того, **какой практический смысл вы вкладываете в выражение “двигаться вокруг белки”**. Если “двигаться

вокруг белки” значит переходить от ее севера к востоку, затем к югу, западу, потом опять к северу, то, разумеется, человек движется вокруг белки, ибо он последовательно занимает все эти положения. Если же, наоборот, употребляя это выражение, вы имеете в виду, чтобы быть сперва *vis-à-vis* белки, затем по правую руку от нее, затем сзади, затем по левую руку и, наконец, сизнова *vis-à-vis*, то точно так же разумеется, что человек не движется вокруг белки, ибо, благодаря производимым ею компенсирующим движениям, она все время показывает человеку свое брюхо и прячет от него спину.

Установите это различие, и тогда не будет никаких оснований для дальнейшего спора. Обе стороны правы или неправы в зависимости от того, в каком практическом смысле они употребляют выражение “двигаться вокруг”.

Большинство... признало, что сделанное мной различие устраняет предмет разногласия.

Я привел этот незначительный анекдот как особенно простой образчик применения **прагматического метода**...

Прагматический метод — это прежде всего метод улаживания философских споров, которые без него могли бы тянуться без конца”.

Уильям Джеймс, американский философ (1842 — 1910).

XXIV. “Прагматизм не имеет никаких догматов, не выставляет никаких особых учений; он имеет только свой метод. Как **хорошо** выразился молодой итальянский прагматист Папини, он расположен посреди наших теорий, подобно коридору в гостинице. Бесчисленное множество номеров выходит в этот коридор. В одной комнате вы найдете человека, пишущего атеистический трактат; в ближайшей какой-нибудь другой человек молится на коленях о подании веры и силы; в третьей — химик..., в четвертой — обдумывается какая-нибудь система идеалистической метафизики; в пятой — доказывається невозможность метафизики. Но коридор принадлежит всем, все должны

пользоваться им, если желают иметь удобный путь, чтобы выходить и заходить в свои комнаты”.

Уильям Джемс.

XXV. “Вообразим себе, что рука, вместо того чтобы двигаться в воздухе, проходит через железные опилки, которые давят и оказывают сопротивление все время, пока я двигаю руку. В известный момент рука истощит свое усилие, и в этот именно момент зерна опилок улягутся и расположатся, применяясь к определенной форме, — к форме остановившейся руки. Предположим теперь, что рука стала невидимой. Зрители будут искать смысла расположения опилок в самих зернах и во внутренних силах этой груды опилок. Одни — объяснять положение каждого зерна действием на него со стороны соседних зерен; это будут механисты. Другие захотят, чтобы план, как целое, руководил этими элементарными действиями: это будут телеологи. Истина же в том, что был один простой неделимый акт, акт руки, проходящей через опилки...”.

Анри Бергсон, французский философ (1859 — 1941).

XXVI. “Жизнь — это как бы усилие, направленное к тому, чтобы поднимать тяжесть, которая падает. Правда, ей удастся только замедлить падение. Но она может нам дать представление о том, что такое было это поднятие тяжести.

Представим себе приемник, наполненный паром под высоким давлением, и то там, то здесь, по бокам его, щели, из которых выходит струею пар. Выброшенный в воздух, пар почти весь сгущается в капельки, которые падают, и это сгущение, и это падение представляют собою просто потерю чего-то, остановку, дефицит. Но большая часть струи пара остается в течение нескольких мгновений не сгущенною; она делает усилие поднять падающие капли: самое большее, ей удастся замедлить их падение. Так из безмерного резервуара жизни должны беспрерывно выбрасываться струи, из которых каждая, падая, образует мир.

Эволюция живых существ этого мира представляет собою то, что остается от первичного направления начальной струи и от толчка, продолжающегося в направлении, обратном материальности”.

Анри Бергсон.

Теория квадранала позволяет свободно входить в любую философскую систему. Исчезает временной барьер, легко достигается равенство понимания между входящим и мэтром, между сегодняшней наукой и тогдашним видением проблем.

Философия и мудрость перестают быть и по основанию и по проекции уделом уникамов-одинок. Напряженная энергия рассекающей мысли может подключаться к проблемам, за которые безуспешно брались самые достойные из признанно великих.

Вот только один из примеров. Платон, диалог “Парменид”. Сократ с Парменидом обсуждают связь между чувственными объектами и идеями.

Я думаю, что “Парменид”, пожалуй, единственное философское сочинение, где философ открыто говорит о своем неполном знании всех вытекающих следствий из его **СИСТЕМАТИЧЕСКИХ** посылок. Он говорит и о затруднениях: мол, до сих пор **ВСЕ** было складно, причем настолько, что я **не могу** отказаться от него, но вот сейчас чувствуется какая-то несуразность, и я в недоумении...

Беседа двух философов идет непросто, порой даже нервно. Ее предмет труден и касается тем запредельных. Парменид начинает и, похоже, выигрывает. Оба пользуются уподоблениями. А мы с вами, зная природу аналогизационного процесса, давайте задумаемся: кто мы? Читатели диалога или его участники? И если последние, то на равных или с приоритетом?

“Парменид: Скажи, Сократ, каждая приобщающаяся к идее вещь приобщается к целой идее или к ее части? Или возможен какой-либо иной вид приобщения, помимо этих? То есть как, по-твоему, вся идея целиком — хотя она и

едина — находится в каждой из многих вещей или дело обстоит как-то иначе?

— А что же препятствует, Парменид, ей там находиться? — сказал Сократ.

Парменид: Ведь оставаясь единою и тождественною, она в то же время будет вся целиком содержаться во множестве отдельных вещей и таким образом окажется отделенной от самой себя.

— Ничуть, — ответил Сократ, — ведь вот, например, один и тот же день бывает одновременно во многих местах и при этом нисколько не отделяется от самого себя, так и каждая идея, оставаясь единою и тождественною, может в то же время пребывать во всем.

Парменид: Славно, Сократ, помещаешь ты единое и тождественное одновременно во многих местах, все равно как если бы, покрыв многих людей одною парусиною, ты стал бы утверждать, что единое все целиком находится над многими. Или смысл твоих слов не таков?

— Пожалуй, таков, — сказал Сократ.

Парменид: Так вся ли парусина будет над каждым или над одним — одна, над другим — другая ее часть?

— Только часть.

► * В этом месте сто́ит прервать участников диалога и призадуматься. Действительно ли мы имеем дело с разными образами? Пример у Сократа красив и убедителен, ибо по отношению ко “дню” **ВСЕ**, действительно, относится как “часть” к “целому”.

День и дневной свет делает все явления и процессы до наступления ночи, конечно же, “дневными” и бесспорно причастными к этому времени суток как общему их **осветителю и проявителю**.

Но разве не в том же соотношении находятся стороны в примере Парменида? Как бы парусина ни касалась свои-

* Здесь и далее таким значком помечается сопровождение философского текста авторскими замечаниями и “включенными” рассуждениями.

ми фрагментами отдельных людей, над каждым, из его накрытых, находится **одна и та же парусина**, а не какая-то иная ткань или другой предмет!

Имидж Сократа здесь очевидно теряет, ибо получается, что именитый философ не только не понимает темы разговора, но и уступает давлению примитивной мысли.

Поистине, удивительна и причудлива воля Платона...

Парменид: Следовательно, сами идеи, Сократ, делимы, и причастное им будет причастно их части, и в каждой вещи будет находиться уже не вся идея, а часть ее.

— По-видимому, так, — согласился Сократ.

▶ Если следовать этой логике, то и “в море” искупаться нельзя, ибо купаешься, так сказать, в той воде, которая непосредственно обволакивает твоё тело. И стоишь не на земле... и в руках держишь не лопату... и спишь не на кровати...

Да, далековато зашли философы! Несколько строк текста, и полемика уподоблений поворачивает философское учение на 180 градусов.

Платона мучает вопрос о **механизме** связи идеи с *объединенной* вещью. Проницания проблемы не происходит, мысль бьется в тупиках неродившегося ответа.

Парменид: Что же, Сократ, решишься ли ты утверждать, что единая идея действительно делится у нас на части и при этом все же остается единой?

▶ Конечно, — должен был бы сказать Сократ.

И примером тому может служить зеркало с наложенной на него краской решеткой. Единое в действительности изображение оказалось бы разделенным и помещенным в разные квадратики.

Но это наш ответ за Сократа. А что сказал Сократ?

— Никоим образом, — ответил Сократ”.

Весь этот фрагмент — важнейший в учении Платона. И труднейший в осмыслении и интерпретации. Так считалось всеми. Всегда. До сих пор. Подчеркнем, до сих пор!

Квадранальный анализ открывает перед философией новые горизонты. Осознание себя обновляет науку, делает ее доступнее и привлекательнее, а выводы — обильнее и желаннее.

А польза от мудрости — согласие с ее необходимостью.

ЧАСТЬ II

Равновесие ума

**Исповедальные признания
мудрецов и философов
от Соломона до Шопенгауэра**

1. Введение:

Камертон чистой мысли

2. Мудрость:

Как ее понимать?

3. Галерея духа:

Мужи, чьей мудростью был этот мир пленен...

Введение

Камертон чистой мысли

В отличие от рассудка ум не довольствуется одной только истиной, он требует еще красоты.

Бальтасар Грасиан-и-Моралес,
испанский философ
(1601–1658).

Если признать, что в искусстве фотографирования одних и тех же людей или пейзажей оригинальных фотографий столько же, сколько фотографов, то почему бы не согласиться, что и портретов мудрости и философии должно быть не меньше...

П.С.Таранов

“Мыслитель”. Скульптор Рене Франсуа Огюст Роден (1840 – 1917 гг.).

“Люди всегда будут больше любить книги, которые их волнуют, чем книги, которые их образуют. Поскольку скука им тяжелее, чем невежество, они предпочтут удовольствие быть взволнованным удовольствию быть наученным”.

*Дюбо, аббат, член и секретарь
Французской академии, 1719 г.*

“Кто хочет понять человека, должен бросить лот в самую глубокую идею, какую создал человеческий ум, — в идею бога”.

М.Гершензон, русский философ, 1921 г.

“Меняются и время и мечты,
Меняются, как время, представления.
Изменчивы под солнцем все явления,
И мир всечасно видишь новым ты”.

Камозис Луис.

“Чем больше ума, тем меньше средств к существованию”.

Суфиан б. Уиана, XV век.

“Самые полезные вещи для человека три: советоваться с учеными, испытать все самому и быть стойким, а три вещи самые вредоносные: проявлять самоуправство, быть легкомысленным и торопливым”.

*Абу-д-Дард, богослов и судья Дамаска
(ум. в 652 г.).*

*Я говорю, что, в самом деле,
Хотя и впрямь я не велик,
Но я б хотел, чтоб разглядели
Потомки в темноте мой лик.
Хочу у гробового входа
Я, без особенных примет,
Чтоб в даль дошло хотя бы фото,
Где снялся я на документ.*

Е. Винокуров, "Лик".

**"Три философа". Худ. Джорджоне (1476 – 1510).
Вена, Историко-художественный музей.**

На небольшой каменной площадке три фигуры: старец, сжимающий в руках астрологическую таблицу; человек средних лет в восточной одежде и сидящий юноша с циркулем, угольником и листом бумаги на коленях. В просвете, образуемом громадной скалой и темными стволами деревьев, видна приветливая долина и вечернее небо с плывущими по нему облаками... Настроение вечерней тишины заставляет каждого из троих вслушаться в голоса природы...

“Без своих вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чуждого”.

М.М.Бахтин, 1970.

“Взгляни горе в лицо — тупа вершина,
А сбоку погляди — она остра.

Иди навстречу — и гора все выше,
Иди назад — и ниже все гора...

О нет, она свой облик не меняет,
Гора одна и та же — в этом суть.

А превращенья от того зависят,
С какого места на нее взглянуть”.

Су Дун-по, китайский поэт (1037 — 1101).

“Все твердое,
Замечу вам, непрочное.
Таится в мягком
Прочности начало.
А если вы мне верите не очень,
Я приоткрою рот, для вас нарочно:
Язык мой цел,
Зубов — как не бывало”.

Синь Ци-цзи, китайский поэт (1140 — 1207).

“Эхо отвечает на что угодно, а тень ничего не создает”.

*Хуайнань-цзы, китайский мудрец
из местности Хуайнань.*

“Мне все равно, буду ли я богат или беден, ибо я не знаю, что для меня лучше”.

Умар б. ал-Хаттаб, арабский философ (X век).

*Я не надеюсь один побороть свое
одинокчество. Камень не может
превратиться во что-нибудь другое.
Но, соединившись с другими камнями,
он превращается в храм.*

А. Сент-Экзюпери

“Афинская школа”. Худ. Рафаэль Санти (1483 – 1520).

На переднем плане задумавшийся и что-то пишущий Гераклит; правее от него, двумя ступеньками выше, – непринужденный и раскованный Диоген; в центре фрески слева – Платон, рядом с ним, справа – Аристотель. Левее на несколько человек от Платона, боком к нам и повернувшись навстречу вбегающему Алкивиаду, окруженный собеседниками Сократ.

2

Мудрость. Как ее понимать?

*Каждый из нас обладает
одинаковым правом иметь об
этом свое суждение.*

Ж.Б.Робине

Аллегория "Благоразумие, время, мудрость".
Худ. Тициан. Холст. Масло. 1569.
Национальная галерея, Лондон.

“Ничто не изменилось во мне, но порою я медлю, прежде чем выговорить имя врага”, — заметил как-то Элиас Канетти. Попробуйте сказать лучше, и вы поймете, что имеете дело с явлением необычным, удивительным, предельным. С мудростью! Мудрость дается с возрастом, и по сути своей есть способ социального наследования наиболее значимого из опыта прошедших поколений.

Относительно мудрости и ее отличия от “ума” и “философии” следует определиться. В известной присказке “Ум без разума — беда” заключено содержание, может быть, эквивалентное или превосходящее по значимости всю мировую рассуждающую литературу.

И действительно: если “наука” для своих выводов пользуется инструментарием и повторно-постановочными процедурами, а “философия”, хотя по краю известного с неизвестным, надеется за счет общности и единства познавательного поля **уподоблениями** и **аналогизациями** построить сущностное уравнение Истины, непрерывно элиминирующее пограничный барьер, то мудрость, скорее, сродни особому смешанному природо-человеческому (универсумо-личностному) силлогизму, когда из *неизвестно-неизвестного* по таинственным правилам, своды которых сконцентрированы в головах (или, лучше, натурах!), избранных Миром для такого умения и во благо сохранения и процветания рода человеческого, рождается *известно-неизвестное*.

Мудрость — по процессу — необъяснима, по результату — неизъяснима, и заметна только своим удивительным — стойко эффективным и эвристически эффективным — воздействием на любого, всегда и на каждого из нас действуя и общо, и различно, синхронизируя размыслительные изначальности и координируя любое вхождение в ответственный мир, где вопрос и загадка становятся видны лишь тогда, когда покорены проницанием.

След, оставляемый в душе мудрой мыслью, прекрасен и удивителен по притягательности. Он особенно ценен еще и потому, что повторно не воспроизводим и навечно единствен как по формулировке, так и по извлекаемой из этой формулировки содержательности.

В Древней Индии было само собой разумеющимся, что “мудрость не есть ум”. Мудрость не умничает в отличие от ума, который очень и очень любит мудрствовать. Но мудрствование ума обязательно заводит в тупик, ибо часть истины не может охватить всей полноты истины. Такие попытки бесплодны и вместо радости рождают отчаяние. А если отсутствует радость, то это — тревожный симптом, это признак неправильного пути. Отсюда — призыв: остерегайся умствовать там, где нужна простота мудрости, отринь путь бесплодных умствований, отринь сегодня, а не завтра, потому что завтра может быть поздно: засохшее дерево души не даст уже больше зеленых побегов.

И, конечно, теперь ближе к пониманию заветы древнего стиха:

“Знание обитает в головах, наполненных мыслями
других людей,
мудрость — в умах, внимательных к своим собственным”.

У нашего современника и соотечественника есть прекрасные строчки:

“Дыханье гор становится твоим.
Ты на вершине, и ты сам — вершина”.

В. Сидоров

Такому виденью и такому подходу нельзя научить и нельзя научиться. С ним нужно родиться. И предназначены такие воззрения исключительно для восхищения, наслаждения и подпитки познавательных установок каждого из нас и оптимистической активности всех вместе. Это же ведь поразительно интересно и изумительно прелестно: человек на вершине — кто бы мог подумать! — выше вершины!

Великий русский Святослав Николаевич Рерих как-то очень серьезно заметил: “В древнем китайском стихо-

творении сказано: “В горах побывал всего лишь семь дней, а в мире тысяча лет пронеслась”. Там все по-другому, и время течет по-другому. — На мгновение задумавшись, Святослав Николаевич добавил уже от себя такую бесконечную по глубине и возвышенности мысль: — Ведь горы принадлежат уже больше Космосу, чем Земле”.

Да и какое научение может привести к умению создавать такие, к примеру, формулы-миниатюры (их авторы принадлежат разным народам и разным эпохам):

“Покой — это движение с бесконечной скоростью”.

А.Ф.Лосев (1893-1988).

“Один человек оставляет после себя след, сто человек — тропу, а тысяча — ... пустыню”.

*(Одна из формулировок так называемого
“закона множества”)*

“Ты и в своем доме столкнешься с неизвестным,
Так не суди о том, что есть в доме небесном”.

*Хуан Мануэль, “Книга примеров
графа Луканора и Патронио”, 1335 г.*

“Самое главное глазами не заметишь.
Зорко одно лишь сердце”.

Антуан Экзюпери (1900—1944).

Не потому ли так влекома своей правдивостью откровенность Мишеля Монтеня:

“Если можно быть ученым чужой ученостью, то мудрым можно быть лишь собственной мудростью”.

Давайте сравним несколько ответов на один и тот же вопрос: “Что быстрее всего?” — и зададимся раздумьем: “Разве ответы представляют собой развитие темы?”. Разве эти ответы можно сопоставлять друг с другом, как “бо-

лее лучшее” или противопоставлять друг другу, как “более истинное”?!

1. Что быстрее всего? — “*Радость*, которая уходит, *беда*, которая приходит”.
2. Что быстрее всего? — “*Время*”.
3. Что быстрее всего? — “*Обрастание мусором*”.

Мудрость появляется в тот момент, когда “все попытки разума оканчиваются тем, что он осознает, что есть бесконечное число вещей, превышающих его понимание” (Б.Паскаль), и наш мыслительный механизм подвергает себя бесконечной адаптации под бесконечность житейского окружения, чтобы, *приспособившись, уподобиться*.

Классически мудрость нова и неповторима, обладает “свежестью” и не может быть опровергнута. Ну кто, скажете, разочаруется в таком шедевре “личностного” ума и кто отважится на недоумение, спор или отрицание?

“Однажды Акбар провел на земле линию и задал своему советнику Бирбалу неразрешимую, на первый взгляд, загадку: уничтожить или укоротить линию, не прикасаясь к ней. Ни слова не говоря, Бирбал провел рядом более длинную линию, и тем самым линия, начертанная Акбаром, была умалена. В этом, а именно — в проведении более длинной позитивной линии — и состоит мудрость”.

А поскольку “в отличие от рассудка ум не довольствуется одной только истиной, он требует еще и красоты” (Б.Грассиан), есть смысл убедиться в этом на примерах, явив еще раз небольшой подборкой и большую мудрость, и многое в немногом.

◆ Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: “Смотри, вот это новое”, но это было уже в веках, бывших прежде нас.

“*Экклезиаст*”

“Как я мало знаю”, — удрученно заметил один мудрый старик во время беседы с юношей. Молодой человек удивился, считая невозможным такое уверение при столь очевидных познаниях. И тогда старец начертил посохом на песке два круга: один — знания юноши и другой, побольше, — свои знания. “Периферия каждого круга, — пояснил он, — принадлежит не только знанию, но и тому, что еще нам неизвестно. Согласись, что больше непостигнутого знает тот, у кого круг поболее”.

Вот почему знание о незнании — всегда признак совершенного ума и глубокой мудрости. Ведь при этом человек как бы удваивает пространство своего пребывания и раздвигает горизонты, предустановленные Творцом.

▶ Незнание знать — удел немногих.
Их дерзкий ум имеет ноги.

- ◆ В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность,
И небо — в чашечке цветка.

*Уильям Блейк (1757 — 1827),
английский поэт и художник.*

- ◆ Вот ты ученый человек, однако
лишь мне порой, как никому, видна
избитость восклицательного знака
и вопросительного новизна.
Я стар уже для всяких порицаний,
но сколько каждый год подряд
сменил я самых новых восклицаний,
а старые вопросы все стоят...

М. Вишняков, "Стихи о печатной машинке".

- ◆ Быть может, эти электроны —
Миры, где пять материков,
Искусства, знания, войны, троны
И память сорока веков!
Еще, быть может, каждый атом —
Вселенная, где сто планет;
Там все, что здесь в объеме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.

В.Я. Брюсов (1873-1924), русский поэт, писатель.

- ◆ И связь всеобщую вещей
Открыв, легко мы подытожим:
Когда касаемся цветка,
Звезду далекую тревожим!

Джеймс Томсон (1700-1748), английский поэт.

- ◆ Природа — сфинкс.
И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Ф.И. Тютчев (1803-1873), русский поэт.

- ◆ Брожу один с моей тоской,
С вопросом тайным на устах
О том, что дух, о том, что прах,
О том, что жизнь и здесь и там,
О всем, что так безвестно нам.

.....
Сомненье вечно! Знания нет!
Все сумерки — когда же свет?

Н.П.Огарёв (1813-1877), русский философ, поэт.

- ◆ Когда я в одиночестве сидел,
вино мне в ухо тихо прожурчало:
“Живет в тебе бессмертное начало,
не верить в это — глупости предел”.

Возликовал, но помрачнел лицом,
когда услышал яда злобный шепот:
“Не будь глупцом! Тебя же учит опыт:
начало завершается концом!”

Хариванш Рай Баччан, современный индийский поэт.

- ◆ Лучше всего человеку вовсе на свет не родиться
И не видеть никогда яркого солнца лучей.
Если ж родился — скорее скрыться в воротах Аида
И под покровом лежать тяжко-огромной земли.

Феогнид (VI в. до н.э.), древнегреческий поэт.

- ◆ Я умираю от того, что не умираю.

*Св. Тереса де Хесус (вторая половина XVI века),
испанский мистик.*

- ◆ Природы внутреннюю суть
Познать бессилен род людской.
Он счастлив, если видит путь
К знакомству с внешней скорлупой.

Галлер (XVIII век), немецкий поэт, кантонианец.

- ◆ Я чувства сдерживаю и скрываю.
Но разве должен я скрывать обиду?
Ты можешь обтесать бревно как хочешь,
Но свойства дерева в нем сохраняются.

Цюй Юань (340-278 гг. до н.э.), китайский поэт.

- ◆ И если смерть сама грозить мне станет,
Я не раскаюсь в помыслах моих.
За прямоту свою и справедливость
Платили жизнью древле мудрецы.

(Он же.)

- ◆ Однажды спросили мудреца: почему змею считают эмблемой мудрости?

— Потому, — ответил он, — что она жалит подобно истине, и укусы ее бывают смертельны.

- ◆ Знание трояко: Ясная книга Божия,
Традиция и
“Не ведаю”.

Малик, мусульманский теолог.

- ◆ Мудрец, исходя из законов всеобщих,
Не должен жалеть ни живых, ни усопших.
Мы были всегда — я и ты, и, всем людям
Подобно, вовеки и впредь мы пребудем.
Как в теле, что нам в сей юдоли досталось,
Сменяются детство, и зрелость, и старость,
Сменяются наши тела, и смущенья
Не ведает мудрый в ином воплощенье.

*Кришна в “Махабхарате” (VI — II вв. до н.э.),
древнеиндийский эпос.*

- ◆ Нет ничего более оригинального, ничего более собственного, как питаться другими. Но их надо переваривать. Лев состоит из усвоенного им барана.

Поль Валери (1871-1945), французский поэт, эссеист.

- ◆ Не уставай искать ответа
На то, на что ответа нет.
В неотвечаемости этой
Уже содержится ответ.

Раздумья мудреца

З

Галерея духа

**Мужи, чьей мудростью
был этот мир пленен...**

*Никогда нельзя будет
воздать философии ту хва-
лу, которую она заслужива-
ет, ибо всякий, кто следовал
бы ее заветам, мог бы бес-
печально прожить весь свой
век.*

Цицерон

СОЛОМОН МУДРЫЙ

1

Годы царствования:
ок. 960-935 гг. до н. э.

Компакт-биография

- ☉ Сын царя Давида;
- царь Израиля и Иудеи;
- построил храм Яхве в Иерусалиме.

Литературное наследие

“Притчи” (915 стихов).
“Экклезиаст”.

Презентационные утверждения

1. *Все суета сует. Все тщета и ловля ветра.*
2. *И при смехе иногда болит сердце, и концом радости бывает печаль.*

Штрихи к портрету

- ✓ У него на пальце было кольцо с надписью “Все проходит”. Он смотрел на него и в минуты радости, и в минуты печали.
- ✓ Современные исследования показали, что приписываемые ему притчи, вошедшие в Библию, оказались переводом древнеегипетских “Поучений Амен-ем-опе”, относящихся ко II тысячелетию до н.э.

✓ СОЛОМОНОВО РЕШЕНИЕ

Гравюра на дереве
Юлиуса Шнорр фон Карольсфельда, XIX век.

В Библии рассказывается, что Соломон приказал разрубить пополам для “раздела поровну” ребенка, на которого претендовали две женщины. Одна из них предпочла отдать ребенка живым сопернице, и это показало Соломону, кто действительно любит ребенка. Ей он и был присужден.

Гравюра на дереве
Юлиуса Шнорр фон Карольсфельда, XIX век.

Царица Савская, услышав о славе Соломона во имя Господа, пришла испытать его загадками. И пришла она в Иерусалим с весьма большим богатством: верблюды навьючены были благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями; и пришла к Соломону и беседовала с ним обо всем, что было у нее на сердце. И объяснил ей Соломон все слова ее, и не было ничего незнакомого царю, чего бы он не изъяснил ей. И увидела царица Савская всю мудрость Соломона, и дом, который он построил, и пищу за столом его, и жилище рабов его, и стройность слуг его, и одежду их, и виночерпиев его, и всесождения его, которые он приносил в храме Господнем.

И не могла она более удержаться и сказала царю: “Верно то, что я слышала в земле своей о делах твоих и о мудрости твоей; но я не верила словам, доколе не пришла и не увидели

глаза мои: и вот, мне и вполовину не сказано; мудрости и богатства у тебя больше, нежели я слышала. Блаженны люди твои и блаженны сии слуги твои, которые всегда предстоят пред тобою и слышат мудрость твою! Да будет благословен Господь Бог твой, который благоволил посадить тебя на престол Израилев! Господь, по вечной любви Своей к Израилю, поставил тебя царем, творить суд и правду.” И подарила она царю сто двадцать талантов золота и великое множество благовоний и драгоценные камни.

Узор находок и раздумий

- ◆ Что пользы человеку от его трудов?
- ◆ Род уходит и род приходит, а Земля остается навек.
- ◆ Что было, то и будет, и что творилось, то творится, и нет ничего нового под Солнцем.
- ◆ Бывает, скажут о чем-то: смотри, это новость! А уже было оно в веках, что прошли до нас.
- ◆ От многой мудрости много печали, и умножающий знание умножает печаль.
- ◆ Ибо что может тот, кто следует царю? То, что делали раньше!
- ◆ Увидел я, что полезнее мудрость, чем глупость, как полезнее свет, чем тьма.
- ◆ Но и то я узнал, что единая участь постигнет и мудрого и глупого.
- ◆ И возненавидел я сам весь труд, над чем я трудился под солнцем, потому что оставлю его человеку, что будет после, и кто знает, мудрый ли он будет или глупый, — а будет владеть моими трудами.
- ◆ Все дни человека — печали, и заботы его — это скорби.
- ◆ Всему свой час, и время всякому делу под небесами: время родиться и время умирать... время разрушать и время строить... время разбрасывать камни и время складывать камни... время молчать и время говорить.
- ◆ Я понял задачу, которую дал Бог решать сынам человека: все он сделал прекрасным в свой срок, даже вечность вложил им в сердце, — но чтоб дела, творимые Богом, от начала до конца, не мог постичь человек.

- ◆ Бог — ради человеков, чтобы их просветить, дабы поняли сами, что они — это скот, и только!
- ◆ Все — из праха, и все возвратится в прах.
- ◆ Я увидел: нет большего блага, чем радоваться своим делам, ибо в этом и доля человека, — ибо кто его приведет посмотреть, что будет после?
- ◆ Благо тому, кто совсем не жил, кто не видел злого дела, что творится под солнцем.
- ◆ Вдвоем быть лучше, чем одному... если двое лежат — тепло им; одному же как согреться?.. и второе — скрученная нить не скоро порвется.
- ◆ Обещал — исполни! Лучше не обещать, чем обещать и не исполнить.
- ◆ От множества мечтаний много тщетных слов.
- ◆ Ибо кто знает, что есть благо человеку в жизни в считанные дни его тщетной жизни?
- ◆ Лучше слушать от мудрого порицанье, чем слушать человеку песню глупца.
- ◆ Не очень будь праведным и не слишком мудрым — зачем тебе ужасаться?
- ◆ Не очень будь нечестивым и не будь глупцом — зачем тебе умирать до срока?
- ◆ Мудрость поможет мудрому лучше, чем в городе десять могучих.
- ◆ Думал: “Стану мудрым” — а мудрость от меня далека.
- ◆ Мужа — одного из тысячи нашел я, а женщины — ни одной из всех их не нашел я.
- ◆ Сделал Бог человека прямым, люди же ищут многих ухищрений.
- ◆ Нет человека, властного над ветром, — удержать умеющего ветер, — и над смертным часом нет власти, и отпуска нет на войне, и не выручит нечестие нечестивца.
- ◆ Бывает на земле и такая тщета: есть праведники, а дана им участь в меру деяния нечестивцев, и есть нечестивцы, а дана им участь в меру деяния добрых.
- ◆ Не может человек найти суть дела, что делается под солнцем, — сколько б ни трудился искать человек — не выйдет; и если даже скажет мудрец, что сумеет, — не найдет.

Помазание Соломона на царство. Гравюра на дереве Юлиуса Шнорр фон Карольсфельда, XIX век.

- ◆ И еще довелось мне увидеть под солнцем, что небыстрым — удача в беге, неразумным — богатство, нехрабрым — удача в битве, немудрым — хлеб и несведущим — благословенье, но срок и случай постигает их всех.
- ◆ И я подумал: лучше мудрость, чем храбрость, но мудрого бедные презирают и не слушают его речей.
- ◆ Поставлена глупость на высокие посты, а достойные внизу пребывают.
- ◆ Копающий яму в нее упадет, и сносящего стенку укусит змея. Разбивающий камни о них ушибется, и колющему дрова от них угроза.
- ◆ Точно так, как не знаешь ты, откуда стало дыхание и кости откуда в беременной утробе, так не знаешь ты дел Бога, создающего все.
- ◆ Даже в мыслях не кляни царя, и в спальном покое не кляни богатых, ибо птицы небесные перенесут твою речь, и пернатые объявят дело.
- ◆ Много книг составлять — конца не будет, и много читать утомительно для плоти.

♦ Кто хранит уста свои – тот бережет душу свою, а кто широко растворяет рот – тому беда.

♦ Рты тех, кто говорит ложь, должны быть зажаты.

♦ Муравьи – народ несильный, но летом заготавливают пищу свою; горные мыши – народ слабый, но ставят дома свои на скале; у саранчи нет царя, но выступает вся она стройно; паук лапками цепляется, но бывает в царских чертогах.

♦ Если притупится топор и если лезвие его не будет отточено, то надобно будет напрягать силы; мудрость умеет это исправить.

♦ Главное – мудрость: приобретай мудрость, и всем умением твоим приобретай разум.

Карты античного мира

Периандр

Питтак

Солон

Биант

Клеобул

Фалес

Хилон

◆ История сохранила притчу о том, как собирались казнить одного мудреца. Прежде чем лишить обвиняемого жизни, судья предложил ему произнести последнее слово, пообещав при этом, что, если осужденный скажет правду, его повесят, а если солжет, ему отрубят голову. Недолго думая, мудрец вскричал: “Мне отрубят голову!”. И казнь была отложена. Ведь если бы теперь мудреца повесили, то вышло бы, что он солгал и ему нужно было бы отрубить голову. Но если бы ему отрубили голову, это значило бы, что он сказал правду и его должны были бы повесить.

◆ Мнение Диогена Лаэртского:

Мудрецами почитались следующие мужи: Фалес, Солон, Периандр, Клеобул, Хилон, Биант, Питтак; к ним причисляют также Анахарсиса Скифского, Мисона Хенейского, Ферекида Сиросского, Эпименида Критского, а некоторые и тирана Писистрата.

◆ По некоторым систематизациям в список “главных мудрецов мира” включались Пифагор и Эпименид. Канонический список “семи мудрецов” содержит следующие имена: Фалес из Милета, Биант из Приены, Клеобул из Линда (о.Родос), Периандр из Коринфа, Питтак из Митилены (о.Лесбос), Солон из Афин, Хилон из Лакедемона. В списке, приводимом Платоном, отсутствует Периандр; вместо него у Платона фигурирует малоизвестный Мюсон из Хены, включенный в список, возможно, потому, что известный своей жестокостью коринфский тиран был антипатичен Платону. Характерно, что, помимо Фалеса, все остальные “мудрецы” являются государственными деятелями и законодателями.

◆ Девизные изречения “семи мудрецов”:

- Фалес:** “Поручись и пострадаешь”.
Хилон: “Не забывай о смерти”.
Солон: “Никогда не слишком”.
Биант: “Худших везде большинство”.

- Клеобул:** “Всему знай меру”.
Периандр: “Обдумывай все заранее”.
Питтак: “Тщательно учитывай время”.

◆ По преданию, сообщаемому Платоном в диалоге “Протагор”, семь мудрецов Древней Греции (Фалес, Питтак, Биант, Солон, Клеобул, Мюсон и Хилон), сойдясь вместе в храме Аполлона в Дельфах, написали: “*Познай самого себя*” (в латинской форме: *nosce te ipsum*).

◆ **Мудрость как таковая, или Мудрость в чистом виде:**

Однажды Александр Македонский в одном из боев захватил в плен группу гимнософистов (эта философская секта своим аскетизмом напоминала киников). Были они очень худы, но жилисты, и, кроме набедренных повязок, ничего на их темных телах не было. Намереваясь их казнить, Александр решил сначала испытать их мудрость, задавая каждому по вопросу. На вопрос, кого существует больше — живых или мертвых, — первый ответил: “Живых; мертвых не существует”. На вопрос, земля или море кормит больше животных, — второй ответил: “Земля, ибо море только часть земли”. Отвечая на вопрос, какое животное хитрее всех, — третий ответил: “То, которого человек доселе еще не знает”. Четвертого Александр спросил, на что они, гимнософисты, надеялись, подговаривая Саббу восстать, — и тот ответил: “Мы хотели, чтобы он, живя со славой, со славой умер”. Пятый на вопрос, что появилось раньше другого, день или ночь, — ответил: “День, одним днем раньше”. Шестого Александр спросил: “Как стать самым любимым?” — и получил ответ: “Быть самым могущественным и при этом нестрашным”. Седьмой, спрошенный, что сильнее, жизнь или смерть, — сказал: “Жизнь: только она несет такие страдания”. — “До каких пор жить человеку?” — спросил Александр восьмого. “Пока смерть не покажется ему лучше жизни”, — ответил восьмой. Когда же Александр задал вопрос: “Как человеку стать богом?” — другой гимнософист ответил: “Совершая то, что невозможно совер-

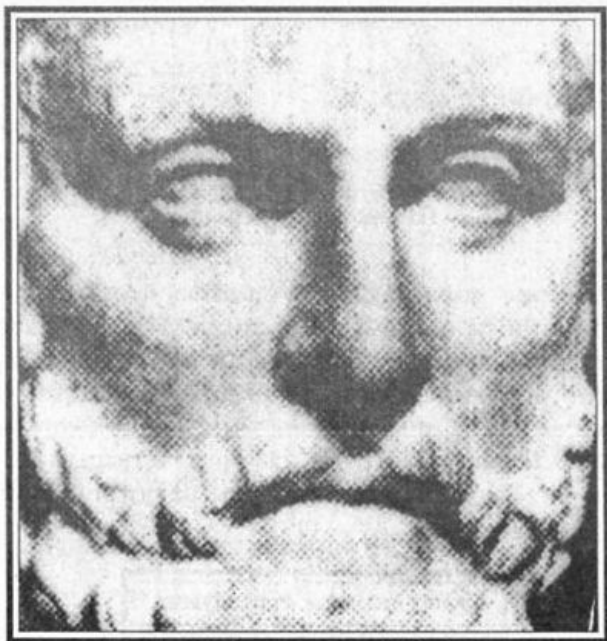
шить человеку". И поскольку сам Александр считал себя совершившим то, что невозможно человеку, то он, обрадованный ответом, отпустил гимнософистов с миром.

“Семь мудрецов”. Мозаика из Баальбека. Бейрут, музей.

ПЕРИА́НДР КОРИНФСКИЙ

3

Родился 666/27 г. до н.э.

Умер 586/87 г. до н.э.

Прожил 80 лет.

Компакт-биография

☉ Тиран из Коринфа;

- был жестоким тираном;
- один из семи мудрецов;
- у него было два сына: младший — толковый, а старший — слабоумный;
- жену свою он убил в припадке гнева, ударив ее, беременную, то ли ногою, то ли брошенной скамейкою, потому что поверил наговору своих наложниц, которых впоследствии сжег живыми.

3. *Сдерживай гнев.*

4. *В усердии — все.*

Штрихи к портрету

✓ Некоторое говорят, будто он не хотел, чтобы его могила была известна, и поэтому измыслил вот какую хитрость. Двум юношам он велел ночью выйти по указанной дороге и первого встречного убить и похоронить; потом велел четверым выйти за ними следом, убить их и похоронить; а потом еще большему отряду выйти за четверыми. После этого он сам вышел навстречу первым двум и был убит.

Узор находок и раздумий

- ◆ Обдумывай все заранее
- ◆ Упражнение — это все.
- ◆ Что самое великое? — Здравый смысл.
- ◆ Что такое свобода? — Чистая совесть.
- ◆ Что причина всего? — Время.
- ◆ Народное правление лучше тирании.
- ◆ Будь готов умереть за отечество.
- ◆ Ничего не следует делать из-за денег.
- ◆ Что ты обещал, то исполняй.
- ◆ Выжидай благоприятного времени.
- ◆ Допустив ошибку, исправляй ее.
- ◆ Несчастья свои скрывай, чтобы не обрадовать врагов своих.

- ◆ На вопрос, почему он остается тираном, он ответил: “Потому что опасно и отречение, опасно и низложение”.
- ◆ Прекрасен покой.
- ◆ Опасна опрометчивость.
- ◆ Мерзостна корысть.
- ◆ Наслаждение брэнно — честь бессмертна.
- ◆ В счастье будь умерен, в несчастье разумен.
- ◆ К друзьям и в несчастье будь неизменен.
- ◆ Сговора держись.
- ◆ Тайн не выдавай.
- ◆ Наказывай не только за проступок, но и за намерение.
- ◆ Он первым завел телохранителей и путем переворота установил тираническую власть.
- ◆ Кто хочет править спокойно, пусть охраняет себя не копьями, а всеобщей любовью.

ПИТТАК ИЗ МИТИЛÉНЫ

4

Родился в 651 г. до н. э.

Умер ок. 569 г. до н. э.

Прожил 82 года.

Компакт-биография

- ☉ Один из семи мудрецов;
- с 579 по 569 гг. до н. э. был правителем Свидаы;
 - имел жену, знатнее себя, презиравшую его;
 - страдал плоскостопием, был полным, ходил распоясанный и грязный, был тщеславным.

Презентационные утверждения

5. *Трудно человеку быть хорошим.*

6. *На вопрос, что лучше всего, он ответил:*

“Хорошо делать, что делаешь”.

Штрихи к портрету

✓ Утверждение Питтака “Трудно человеку быть хорошим” озаботило все последующие века. Какое слово здесь ключевое? На что мудрец делает смысловой акцент:

Трудно человеку быть хорошим?!

Трудно *человеку* быть хорошим?!

Трудно человеку *быть* хорошим?!

Трудно человеку быть *хорошим*?!

▶ Всего четыре слова, но такова уж мудрость — она и в одном слове совет гнездо и из одной фразы разовьет мысль, глубиной в жизнь и длиной в столетья.

Питтак. (Неаполь.)

- ◆ Желай всем нравиться.
- ◆ Никого не брани.
- ◆ Знай всему пору.
- ◆ Тщательно учитывай время.
- ◆ Что не ясно? — Будущее.
- ◆ Что верно? — Земля.
- ◆ Что неверно? — Море.
- ◆ Корысть ненасытна.
- ◆ Взятое в залог следует возвращать.
- ◆ Держись истины, верности, опытности, правдивости, дружбы.
- ◆ С неизбежностью и боги не спорят.
- ◆ Человека выказывает власть.
- ◆ Дело умных — предвидеть беду, пока она не пришла, дело храбрых — управляться с бедой, когда она пришла.
- ◆ Задумав дело, не говори о нем: не удастся — засмеют.
- ◆ Неудачей не кори — бойся себя того же.
- ◆ Доверенное возвращай.
- ◆ Не злословь ни о друге, ни даже о враге.
- ◆ В благочестии упражняйся.
- ◆ Умеренность люби.
- ◆ Храни правду, верность, опытность, ловкость, товарищество, усердие.
- ◆ Лучше простить, чем мстить.
- ◆ Как отыскать дельного человека? Если искать с пристрастием, то такого и не найти.

Родился ок. 638/40 г. до н. э.
Умер ок. 559 г. до н.э.
прожил 79 лет.

Компакт-биография

- ⊕ Один из семи мудрецов;
- поэт;
 - законодатель из Афин;
 - Платон называет его “мудрейшим из семи мудрецов”, “самым благородным поэтом”.

Презентационные утверждения

7. *Никогда не слишком.*

8. *Прежде чем приказывать, научись повиноваться.*

Узор находок и раздумий

- ◆ Законы подобны паутине: слабого они запутывают, а сильный их прорвет.
- ◆ В великих делах всем нравиться нельзя.
- ◆ Кто для многих страшен, тот должен многих бояться.
- ◆ От богатства рождается пресыщение, а от пресыщения — наглость.
- ◆ Начальника, замеченного в пьянстве, наказывать смертью.
- ◆ Требуя ответа от других, и сам давай отчет.
- ◆ Советуй не то, что всего приятнее, а то, что всего лучше.
- ◆ Крез, воссев на трон в пышном наряде, спросил Солон, видел ли он что-нибудь прекраснее; а Солон ответил: “Видел — и петухов, и фазанов, и павлинов; их убранство дано им природою и прекрасней в тысячу раз”.
- ◆ Мету человеческой жизни Солон определил в семьдесят лет.
- ◆ На вопрос, как изжить преступления среди людей, он ответил: “Нужно, чтобы пострадавшим и не пострадавшим было одинаково тяжело”.
- ◆ Мне дороже всего жить под народовластием...
- ◆ Слово есть образ дела.
- ◆ Царь лишь тот, кто всех сильней.
- ◆ Молчание скрепляет речи, а своевременность — молчание.
- ◆ Прежде чем приказывать, научись повиноваться.
- ◆ Когда Солон оплакивал сына, кто-то ему сказал: “Ведь это бесполезно!” — “От того и плачу, что бесполезно”, — ответил Солон.
- ◆ Со всеми людьми осторожен будь —
Не таят ли злобу в сердце своем
За светлым лицом,
И из черной души
Не двойной ли язык лукавит?

Моя спина изогнута, как лук,
Сутулость с сединой давно уже на троне,
Моих находок лучик среди мук
Подобен солнцу, заплутавшем в кроне.*

Родился ок. 638 г. до н. э.

Умер в 559 г. до н. э.

Прожил 79 лет.

Компакт-биография

☉ Скиф по происхождению;

- якобы изобрел гончарное колесо и якорь;
- на статуе его было написано: “Язык, чрево и похоти — обуздавай”.

* Не все портреты мы можем увидеть в этой книге. Прошлое имеет свою власть над людьми, которые в нем жили... Попытаемся прислушаться к тому далекому времени. Стихи в портретных рамках принадлежат П.С.Таранову.

- ◆ На вопрос, что в человеке хорошо и дурно сразу, он ответил: “Язык”.
- ◆ “Какие из кораблей самые безопасные?” — спросили его. — “Вытащенные на берег”.
- ◆ На вопрос, кого больше, живых или мертвых, он переспросил: “А кем считать плывущих?”.
- ◆ “Удивительно, — говорил он, — как это в Элладе участвуют в состязаниях люди искусные, а судят их неискусные”.
- ◆ Узнав, что корабельные доски толщиной в четыре пальца, он сказал, что корабельщики плывут на четыре пальца от смерти.
- ◆ На вопрос, как не стать пьяницей, он сказал: “Иметь перед глазами пьяницу во всем безобразии”.
- ◆ Лоза приносит три грозди: гроздь наслаждения, гроздь опьянения и гроздь омерзения.

“Размышляющий старец”
Худ. Леонардо да Винчи (1452-1519).
Наброски к рисунку.

ФАЛЕС МИЛЕТСКИЙ

7

Родился в 625 г. до н. э.

Умер в 547 г. до н. э.

Прожил 78 лет.

Компакт-биография

☉ Коренной милетец;

- считался одним из семи мудрецов, а среди них — первым;
- он первым занялся астрономией и мог предсказывать солнечные затмения и солнцевороты (предсказал солнечное затмение 28 мая 585 года до н. э.);
- он первым стал рассуждать о природе;
- жил в одиночестве и сторонился государственных дел;
- он измерил высоту египетских пирамид по их тени.

“О солнцевороте”. (Книга.)

“О равноденствии”. (Книга.)

/В Древней Греции книгой называлась часть произведения, которая трактовала какой-либо более или менее законченный вопрос и помещалась на отдельном папирусном свитке./

Презентационное утверждение

9. Поручись и пострадаешь.

Штрихи к портрету

✓ “Чем отличается жизнь от смерти?” – спросили Фалеса.
“Ничем”. – “Почему же ты тогда не умираешь?”
“Потому, – ответил он, – что нет никакой разницы”.

✓ Цицерон свидетельствует:

“Философия началась с Фалеса, он был первым”.

Полагая, что разумный человек существует 100 000 лет, представим его движение к философии в виде марафонского бега на 100 км. Он только в конце 97-го км встретил бы основоположника греческой философии Фалеса и на 100-м километре – Артура Шопенгауэра.

Так выглядели
древнегреческие
книги.

Учитель и ученик.
Изображение
на внутренней
поверхности чаши.
V век до н.э.

Фалес

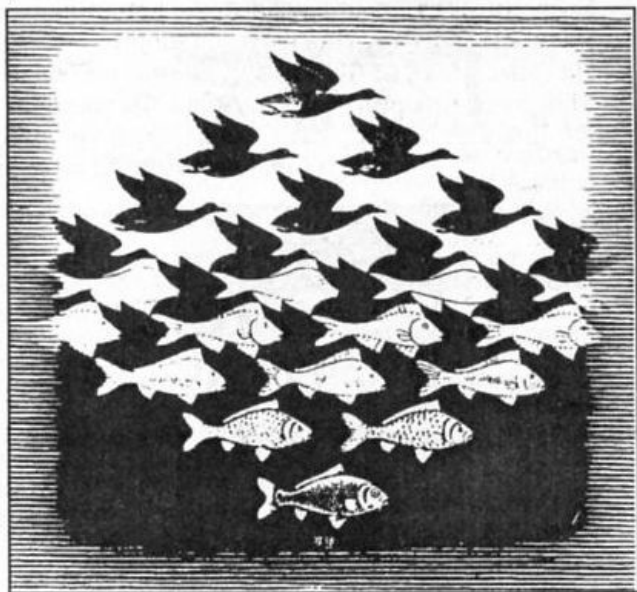

Фалес Милетский.

- ◆ Начало всего есть вода.*
- ◆ Земля плавает на воде.
- ◆ Земля остается неподвижной потому, что плавает, как дерево или какая-нибудь другая подобная вещь.
- ◆ Все полно богов.
- ◆ Все из воды: во-первых, начало всех животных — сперма, а она влажная; во-вторых, все растения влагой питаются и от влаги плодоносят, а лишённые ее засыхают; в-третьих, и сам огонь Солнца и звезд питается влажными испарениями, равно как и сам космос.
- ◆ Океан всем прародитель.
- ◆ Бог — то, у чего нет ни начала, ни конца. Бог — это ум космоса, а вселенная одушевлена и одновременно полна божеств.
- ◆ Душа присуща даже неодушевленным телам, и для подтверждения того, что это так, достаточно сослаться на магнит и янтарь.
- ◆ Прекраснее всего космос, ибо он творение бога.
- ◆ Что больше всего? — Величайшее пространство, которое вмещает все.
- ◆ Что прекраснее всего? — Мир, ибо все, расположенное в системе, часть его.
- ◆ Что быстрее всего? — Быстрее всего ум, он обегает все.
- ◆ Что всего мудрее? — Время, ибо оно одно открывает все.
- ◆ Что самое общее для всех? — Надежда, ибо если у кого и ничего нет, то она есть.
- ◆ Что сильнее всего? — Необходимость, ибо она властвует над всем.

* “Из первых философов большинство полагало в виде материи единое начало всего: то, из чего все сущее состоит, из чего как первого оно рождается и в чем как последнем гибнет, то, сущность чего сохраняется, а состояния изменяются; говорят, что оно и есть основа и начало сущего и что поэтому ничто не рождается и не уничтожается, так как такая природа сохраняется вечно...” (Аристотель).

- ◆ Что трудно? — Познать самого себя.
- ◆ Что легко? — Давать советы другим.
- ◆ Кто счастлив? — Тот, кто здоров телом, одарен спокойствием духа и развивает свои дарования.
- ◆ Как легче всего переносить несчастья? — Если видеть врагов своих в еще худшем положении.
- ◆ Невежество — тяжелое бремя.
- ◆ Поучай и учись лучшему.
- ◆ Бог древнее всего, ибо он не сотворен.
- ◆ Мир прекраснее всего, ибо он — творение бога.
- ◆ Те, кто совершает грех, не могут спрятаться от божьего ока и даже не могут утаить от него свои мысли.
- ◆ Я благодарен судьбе за три вещи: во-первых, за то, что родился человеком, а не зверем; во-вторых, за то, что мужчиной, а не женщиной; в-третьих, что эллином, а не варваром.

“Небо и вода”. Картина голландского художника
Морица Эшера (1898 — 1971 гг.).

◆ Рассказывают, что старуха-служанка вывела его как-то из дому созерцать звезды, а он упал в яму, и в ответ на его громкие стенания старуха сказала: “ Эх ты, Фалес! Не в силах увидеть того, что под ногами, думаешь познать то, что на небе”.

◆ Фалес первый понял, что затмения Солнца происходят вследствие покрытия его Луной; первым доказал, что диаметр делит круг пополам; первым сформулировал, что во всяком равнобедренном треугольнике углы при основании равны.

■ “Сережа! Я прочел в папашинем труде,
Что плавает земля в воде,
Как клецка в миске супа...
Так в древности учил мудрец Фалес Милетский...
И глупо! —
Уверенно в ответ раздался голос детский, —
Ученостью своей, Павлуша, не диви.
Не смыслит твой Фалес, как видно, ни бельмеса.
Мой дядя говорил — а он умней Фалеса, —
Что плавает земля... семь тысяч лет в крови!”
(*Саша Черный, “В детской”.*)

Фалес из Милета

ПЕРЕКЛИЧКА ВЕКОВ:

Голландский естествоиспытатель
Ян Батист Ван-Гельмонт (1577-1644)
на стороне Фалеса?

Ян Батист
Ван-Гельмонт

“Где источник жизни растений?” — задумался Ван-Гельмонт. Для ответа на этот фундаментальный для науки вопрос он поставил гениальный по простоте и глубочайший по своей сути опыт.

80 кг предварительно высушенной земли он высыпал в глиняный горшок. В этот же горшок был высажен саженец ивы, который весил 2 кг.

Шли годы. В течение этих долгих лет ничего, кроме дождевой воды, в горшок не поступало. А ива росла и росла. По истечении 5 лет ивовый саженец превратился в дерево. Опыт был закончен. Глиняный горшок разбили, землю, которая была в нем, высушили и взвесили. За 5 лет ее убыло всего лишь 60 граммов. Взвесили ивовое деревце. Его вес оказался равным 68 кг. Так как в горшок, кроме воды, ничего не поступало и ива росла и росла, то почтенный доктор сделал вывод: деревья с их листьями, корой и корнями растут из одной только воды.

Вода — источник питания и жизни растений. С легкой руки доктора Ван-Гельмонта этот ответ об источниках роста растений вошел в науку.

Более чем через три века, в наше время, ученые доказали, что источники жизни — в зеленом мире: вода, углекислый газ и энергия солнечных лучей.

АНАКСИМАНДР

8

Родился ок. 610 г. до н. э.
Умер ок. 547/50 г. до н. э.
Прожил 63 года.

Компакт-биография

☉ Древнегреческий философ;

- Был родом из Милета; родственник Фалеса и ученик его;
- первым стал употреблять термин “архе” — в философском смысле “первоначало”;
- ввел термин “закон” — путем перенесения юридического понятия (то есть из общественной практики) на природу;
- в дошедших до нас его фрагментах нет терминов “причина”, “необходимость”, “случайность”;
- первый в Элладе начертил географическую карту мира,

изготовил глобус, изобрел элементарные астрономические инструменты;

- Анаксимандр ввел в употребление солнечные часы, представлявшие собой вертикальный стержень (гномон), от которого падала тень на некое подобие циферблата, нарисованного на полу. Такие часы Анаксимандр установил, согласно источникам, в Спарте — городе, с которым у него имелись какие-то связи;
- жители Милета в память заслуг Анаксимандра поставили ему во II веке до н. э. статую в здании народных собраний;
- в настоящее время многие исследователи сходятся во мнении о вероятности иранского влияния на Анаксимандра.

Литературное наследие

“О природе”. (Книга, где Анаксимандр изложил свое учение. Этот труд считается первым научно-философским сочинением, написанным прозой. От нее до нас дошла всего лишь одна фраза, цитируемая философами Симпликием (*“Физика”*) и Теофрастом (*“Мнения физиков”*), и одна подлинная цитата о космогонии.)

“О неподвижных звездах”.

Анаксимандр. Рим, Национальный музей.

10. Началом всего является беспредельное время.

Штрихи к портрету

✓ В древних источниках есть сведения о том, что Анаксимандр однажды предупредил спартанцев о предстоящем землетрясении и убедил их провести ночь на открытом воздухе, что спасло жизнь многим из них.

Узор находок и раздумий

- ◆ Началом (*арχη*) всего является беспредельное (*то απειρον*)...
- ◆ Из тех же вещей, из которых рождаются все сущие вещи, в эти же самые вещи они разрушаются по неизбежности.
- ◆ Из вечного начала при происхождении этого космоса отделяется зародыш тепла и холода, и образующаяся из него огненная сфера окружает воздух, объемлющий землю подобно тому, как кора облекает дерево.
- ◆ Рождение и гибель миров происходят согласно порядку времени.

■ ПРОБЛЕМЫ АНАКСИМАНДРОВЕДЕНИЯ:

1. Гипотеза *μεταξυ*:

Сторонником этого взгляда выступил наш соотечественник М.И.Каринский (см.: Каринский М.И. Бесконечное Анаксимандра. СПб., 1890), доказавший, что "беспредельное" Анаксимандра представляет собою нечто среднее между водой и воздухом.

2. Мнение немецкого ученого В.Буркерта (см.: Рожанский И.Д. Развитие естествознания в эпоху античности. М., 1979):

Буркерт привлек внимание к тому факту, что необычный порядок расположения небесных светил в анаксиман-

дровой модели космоса (ближе всего к Земле звезды, затем Луна и уж затем Солнце) является стандартной деталью иранской (и только иранской!) мифической космологии. Это обстоятельство само по себе служит указанием на вероятность иранского влияния (иначе почему Анаксимандр выбрал именно такой порядок?). Как и у Анаксимандра, расстояния от Земли до звездной сферы, от звездной сферы до орбиты Луны и от орбиты Луны до орбиты Солнца в иранской космологии равны друг другу.

Согласно иранским религиозным представлениям, после смерти праведника душа его поднимается вверх, к трону верховного бога Ахура-Мазда; звезды, Луна и Солнце служат ей как бы станциями на этом пути. Сам же Ахура-Мазда пребывает в царстве “безначального света”, которое по своему положению соответствует области, занятой “беспредельным” Анаксимандра. Слово “безначальный” в древнеиранских текстах — *anaγra* — имеет ту же конструкцию, что и *αλειρον*: оно состоит из отрицания *an* и прилагательного *αγρα*, обозначающего “первый”, “высший”, “начальный” (почти точный эквивалент греческого *αρχος*). Далее мы узнаем, что “безначальный свет” явился источником всякого творения; именно из него Ахура-Мазда (или Ормазд) создал мир и все находящиеся в нем вещи. При этом сам “безначальный свет” характеризуется эпитетом “творческий”: “Да увидим мы творческий свет творящего Творца Ахура-Мазды”, — говорится в одном из гимнов Авесты.

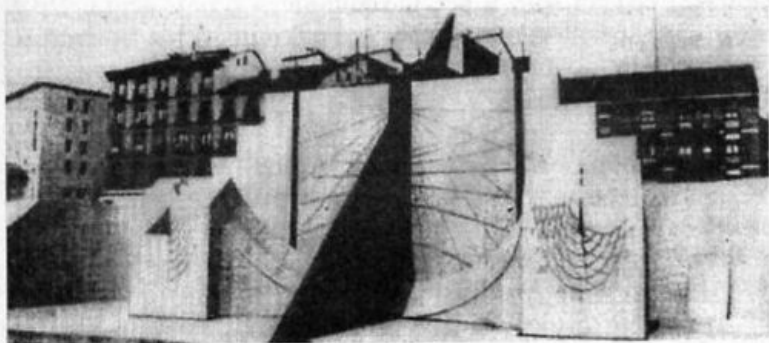
Таким образом, соответствие между “беспредельным” Анаксимандра и “безначальным светом” древнеиранской религии простирается на целый ряд деталей:

1) оба они обозначены прилагательным, образованным путем отрицания границы (начала);

2) оба они имеют божественный статус (у Анаксимандра “беспредельное” характеризуется эпитетом *υετον* — божественное);

3) оба обладают космогонической функцией источника, из которого произошел мир;

Солнечные часы.
Из экспозиции
музея солнечных
часов в городе
Енджеюве
(Польша).

Самые большие в мире солнечные часы площадью
320 квадратных метров в Мадриде (Испания).

4) оба занимают одно и то же положение в пространстве, будучи тем, что греки именовали термином *περιεχον* (“окружение”).

3. **Подход А.В.Лебедева** (см.: журнал “Вестник древней истории”, 1978, N 1-2.):

Относительно термина “апейрон” Лебедев показывает, что он — важнейший термин Аристотеля — ни разу не встречается “как понятие” во фрагментах раннегреческих философов. И это не случайно. Для них, включая и Анаксимандра, слово *απειρον* было всегда **прилагательным**, то есть атрибутом какого-то другого существительного. Субстантивация этого прилагательного произошла лишь в эпоху Платона. Поэтому “беспредельное” (апейрон) никак не могло быть у Анаксимандра обозначением того “начала” (архе), из которого произошел мир.

В результате анализа исторических свидетельств Лебедев доказывает, что бесспорно аутентичными эпитетами анаксимандрового *αρχη* являются прилагательные *αιδιος* (вечный) и *αηρωζ* (нестареющий). Исследователь обращает наше внимание на источники, где в передаче комментаторов говорится, что, согласно Анаксимандру, *время* определяет рождение, существование и гибель миров.

ХИЛОН ИЗ ЭФОР

9

Первая половина VI века до н. э.

Компакт-биография

- ☼ Древнегреческий государственный деятель;
- один из семи мудрецов;
- сын Дамагета из Спарты.

Презентационные утверждения

- 11. Познай самого себя, и ты познаешь богов и Вселенную.*
- 12. Не будь в тягость другим.*

Штрихи к портрету

✓ Себе в заслугу Хилон ставил умение выносить несправедливости.

✓ Говорят, в старости Хилон признался, что не знает за собой ни единого противозаконного поступка за всю жизнь, а сомневается только в одном: когда судили его друга, он осудил его по закону, но товарища своего Хилон уговорил друга оправдать; так он услужил и закону и дружбе.

Узор находок и раздумий

- ◆ Сдерживай язык, особенно в застолье.
- ◆ Не злословь о ближнем, чтобы не услышать такого, чему сам не порадуешься.
- ◆ Не грозись: это дело бабье.
- ◆ К друзьям спеши проворнее в несчастье, чем в счастье.
- ◆ Брак справляй без пышности.
- ◆ Мертвых не хули.
- ◆ Старость чти.
- ◆ Береги себя сам.
- ◆ Лучше потеря, чем дурная прибыль: от одной горе на раз, от другой навсегда.
- ◆ Чужой беде не смейся.
- ◆ Кто силен, тот будь и добр, чтобы тебя уважали, а не боялись.
- ◆ Хорошо начальствовать учись на своем доме.
- ◆ Языком не упреждай мысль.
- ◆ Обуздывай гнев.
- ◆ Что бывает трудно? — Умолчать о тайне; не злоупотреблять досугом; терпеть обиду.
- ◆ Дорожи временем.
- ◆ Гадательству не перечь.
- ◆ На непосильное не посягай.
- ◆ Не спеши в пути.
- ◆ Когда говоришь, руками не размахивай — это знак безумства.
- ◆ Законам покорствуй.

◆ Покоем пользуйся.

◆ На вопрос, что отличает людей с воспитанием от людей без воспитания, он ответил: “Подаваемые надежды”.

Хилон.
Римско-Германский музей, Кельн.

VI век до н. э.

Компакт-биография

⊕ По роду своему он был фригиец, то есть из самой Фригии, а по доле своей — раб;

- его акмэ, то есть период наивысшего творческого подъема, приходится на ок. 600 г. до н. э.;

- с виду он был уродом: для работы негод, брюхо вспученное, голова — что котел, курносый, грязный, кожа темная, увечный, косноязычный, руки короткие, на спине горб, губы толстые — такое чудовище, что и встретиться страшно;

- написал 400 басен;

- на аттической вазе изображен уродец, который сидит, скорчась, перед маленькой лисицей, как Эдип перед Сфинксом.

Презентационные утверждения

13. Нет ничего столь совершенного, чтобы быть свободным от всяких упреков.

14. Лаской почти всегда добьешься больше, чем грубой силой.

Штрихи к портрету

✓ Имя Эзопа впервые встречается у историка Геродота (V век) — мимоходом, в рассказе о Египте. Он упоминает его как историческое и достаточно известное лицо и сообщает о нем четыре вещи:

- 1) он был баснописец;
- 2) он жил на о. Самосе и был рабом некоего Иадмона;
- 3) было это в первой трети VI века, примерно до 560 г. до н. э.;
- 4) он за что-то был убит в Дельфах, так что дельфийцам пришлось платить за него выкуп.

На этом кончаются факты и начинается работать народная фантазия.

Эзоп.

АФОРИЗМЫ

- ◆ Смотри не на вид мой, а на ум. Не всегда ведь тот дурак, у кого лицо неказистое.
- ◆ Необходимо либо вовсе не приближаться к царям, либо говорить им лишь то, что им приятно.
- ◆ Мудрецы не умеют разговаривать с царями: с царями надо говорить или как можно меньше, или как можно слаще.
- ◆ По отношению к государству следует держаться, как к огню: и не слишком близко, чтобы не сгореть, и не слишком далеко, чтобы не замерзнуть.
- ◆ Говорят, что Хилон спросил Эзопа, чем занят Зевс. Эзоп ответил: “Делает высокое низким, а низкое высоким”.
- ◆ Эзопа спросили, что в человеке сильнее всего. — “Разум”.
- ◆ Хозяин гнал Эзопа на мельницу. Эзоп спросил: “Зачем ты меня туда гонишь?” Тот ответил: “Чтобы из тебя толк был”. — “Почему же, — спросил Эзоп, — не гонишь ты на мельницу своих сыновей?”
- ◆ Эзоп сказал человеку красивому, но развратному: “Одеваешься ты, может быть, и хорошо, зато раздеваешься дурно”.
- ◆ Эзопу кто-то сказал: “О тебе говорят страшные гадости”, — и пересказал ему все; Эзоп ответил: “Убийцы — не те, кто делает кинжалы, а те, кто пользуется их изделиями; так и обо мне злословят не клеветники, а ты, если ты пользуешься их клеветой”.
- ◆ Некий правитель спросил Эзопа, почему не богачи ходят к мудрецам, а наоборот? Эзоп ответил: “Потому что мудрецы знают, что им нужно для жизни, а богачи не знают, иначе бы они не о богатстве заботились, а о мудрости”.
- ◆ Часто убеждение бывает действеннее, чем сила.
- ◆ Если что можно доказать делом, то на это незачем тратить слова.
- ◆ Огонь, женщина и море — три бедствия.

◆ Плохо придется всем людям, когда каждый потребует своего.

◆ Для людей счастливых смерть ничуть не тягостей, а даже блаженней, чем для других.

◆ Истинный друг познается в несчастье.

◆ **Изготовление человека.**

Ту глину, из которой Прометей вылепил человека, он замешал не на воде, а на слезах. Поэтому и не следует воздействовать на человека силой — это бесполезно; а если нужно, то лучше укрощать его и смягчать, успокаивать и резонировать по мере возможности. И к такому обращению он отзывчив и чуток.

БАСНИ

◆ Рыбаки

Рыбаки тянули сеть; сеть была тяжелой, и они радовались и приплясывали, предвкушая богатый улов. Но когда сеть вытащили, оказалось, что рыбы в ней совсем немного, а полна она камнями и песком. И стали рыбаки безмерно горевать: досадовали они не столько из-за самой неудачи, сколько из-за того, что надеялись совсем на другое. Но был среди них один старик, и сказал он: “Полно, друзья, думается мне, что радость и горе друг другу сестры, и сколько мы радовались, столько должны были и горевать”.

Так и мы должны взирать на изменчивость жизни и не обольщаться успехами, словно они наши на век: даже после самой ясной погоды приходит ненастье.

◆ Лисица и виноград

Голодная лисица увидела виноградную лозу со свисающими гроздьями и хотела до них добраться, да не смогла; и, уходя прочь, сказала сама себе: “Они еще зеленые!”.

Так и у людей: иные не могут добиться успеха по причине того, что сил нет, а винят в этом обстоятельства.

◆ **Лягушки**

Две лягушки, когда пересохло их болото, пустились искать, где бы повеселиться. Пришли они к колодцу, и одна из них предложила, не долго думая, туда и прыгнуть. Но другая сказала: “А если и здесь вода пересохнет, как нам оттуда выбраться?”

Басня учит нас не братья за дело, не подумав.

◆ **Старый конь**

Не следует превозноситься, когда находишься в расцвете сил и славы: многим достается старость, полная страданий.

Старого коня продали на мельницу. И когда припрягли его к жернову, воскликнул он скорбно: “Какие широкие круги отмеривал я на бегах, и какие узкие будут здесь!”

◆ **Старик и Смерть**

Старик нарубил однажды дров и потащил их на себе; дорога была дальняя, устал он идти, сбросил ношу и стал молить о кончине. Явилась Смерть и спросила, зачем он ее звал. “Чтобы ты подняла мне это ношу”, — ответил старик.

Басня показывает, что всякий человек любит жизнь, как бы он ни был несчастен.

◆ **Ласка**

Ласка вошла в кузницу и стала облизывать пилу, которая там лежала. Она порезала об нее язык, потекла кровь; а ласка думала, что это она что-то высасывает из железа и радовалась, пока не осталась совсем без языка.

Басня рассказывает о тех, кто сам себе вредит страстью к препирательству.

◆ **Зевс и змея**

Зевс справлял свадьбу, и все звери приносили ему подарки, кто что мог. Приползла и змея, держа в зубах розу. Увидел ее Зевс и сказал: “У всех остальных приму я подарки, но из твоих зубов не приму”.

Басня показывает, что любезности дурных людей опасны.

МОРАЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАР БАСЕН ЭЗОПА

- ◆ В мире царит зло.
- ◆ “Дурной человек” творит и будет творить зло, несмотря ни на что.
- ◆ Исправить злого человека невозможно, он может изменить только вид, но не нрав.
- ◆ Злого надо бояться и сторониться.
- ◆ Дурному человеку не стать хорошим, а хороший легко становится дурным.
- ◆ Судьба изменчива, и меняется она обычно только к худшему.
- ◆ От судьбы все равно не уйдешь; поэтому человек должен уметь применяться к обстоятельствам и все время помнить, что в любой момент они могут измениться.
- ◆ Удачи не стоят радости, а неудачи — печали: все преходяще, и ничто не зависит от человека.
- ◆ Видимость обманчива: за хорошими словами часто кроются дурные дела, за величавым видом — ничтожная душа.
- ◆ Люди хвастаются, что могут делать чудеса, а не способны на самые простые вещи.
- ◆ Те, на кого надеешься, могут погубить, а те, кем пренебрегаешь, — спасти.
- ◆ Страсти пагубны, потому что они ослепляют человека.
- ◆ Самая пагубная из страстей — алчность, ибо она делает человека неразумным, заставляет его бросать надежное и устремляться за ненадежным.
- ◆ Тщеславие толкает человека к нелепому бахвальству и лицемерию.
- ◆ Страх заставляет человека бросаться из огня в полымя.
- ◆ Слостолюбие, зависть, доверчивость — губительные страсти.
- ◆ Не надо искать того, что не дано от природы.
- ◆ Нелепо соперничать с теми, кто лучше или сильнее тебя.
- ◆ Каждому человеку дано свое дело, и каждому делу — свое время.

- ◆ В своих делах можно полагаться только на себя и на свой труд.
- ◆ Друзей-помощников нужно выбирать с осмотрительностью, платить им благодарностью, но самому ни от кого благодарности не ждать.
- ◆ В жизненных тяготах нужно запастись терпением и все смягчающей привычкой.
- ◆ Учиться следует на своих и чужих ошибках.
- ◆ И если все-таки придет несчастье — утешайся, что не к тебе одному.
- ◆ Жизнь все-таки всегда лучше смерти.

ОСТРОУМНАЯ НАХОДЧИВОСТЬ ЭЗОПА

◆ Из истории про Ксанфа*:

... А между тем начали сотрапезники друг другу задавать задачи и загадывать загадки, как водится у людей ученых. Завязался спор. Ксанф тоже вмешался и пошел рассуждать, словно был не за столом, а в училище. Эзоп заметил, что он так и рвется в бой, и говорит:

— Когда Дионис подарил людям вино, он налил им три чаши и показал, как пить: первую — для вкуса, вторую — для веселья, третью — для похмелья. Ты, хозяин, для вкуса и для веселья уже выпил, а для похмелья пускай молодые пьют. А коли ты их поучить хочешь, так на то училища есть.

А у Ксанфа уже язык заплетается.

— Заткнись, — говорит, — чтоб тебе на том свете быть советником!

— Что ж, — говорит Эзоп, — до того света и тебе недолго.

Тут один из учеников видит, что Ксанф разошелся, и говорит:

— Скажи, учитель: человек все может сделать?

— Кто там еще говорит про человека? — шумит Ксанф.

— Человек — на все руки мастер и все может сделать.

* Ксанф — “Рыжий” — комическое имя философа, хозяина Эзопа.

А ученик хочет его загнать в тупик и спрашивает:

— А может человек море выпить?

— Почем зря! — отвечает Ксанф. — Да хоть я возьму и выпью.

— А если не выпьешь, — спрашивает ученик, — что тогда? Ксанф с похмелья уже себя не помнит и говорит:

— Бьюсь об заклад... на все, что у меня есть! Не выпью — пусть я нищим буду!

Побились об заклад, а для верности сняли кольцо с пальца. А Эзоп стоял у Ксанфа в ногах: потянул он его за щиколотку и говорит:

— Ты с ума сошел, хозяин? Что ты делаешь? Да как же ты собираешься море выпить?

— Молчать, выродок! — отвечает Ксанф. А сам не понимает, о чем заклад держит.

На следующее утро Ксанф встал и хотел умыться. Кличет:

— Эзоп!

— В чем дело, хозяин? — откликается Эзоп.

— Полей мне на руки, — говорит Ксанф.

Эзоп берет ковш и поливает. И вот, умывая лицо, Ксанф заметил, что кольца на пальце нет.

— Эзоп, — спрашивает, — где мое кольцо?

— Понятия не имею, — отвечает Эзоп.

— Вот тебе раз! — вздыхает Ксанф.

— А тебе, хозяин, — говорит Эзоп, — не мешало бы потихоньку собрать да припрятать, что можно, из твоего добра, потому что теперь уж оно не твое.

— Что ты говоришь? — не понимает Ксанф.

— А то, — говорит Эзоп, — что вчера за выпивкой ты побился об заклад на все, что у тебя есть, будто выпьешь море, и дал кольцо в залог своего имущества.

— Да как же это я выпью море? — спрашивает Ксанф.

Эзоп говорит:

— Я стоял у тебя в ногах и говорил: “Не надо, хозяин! Что ты делаешь! Это же невозможно!” — а ты меня не слушал.

Тут Ксанф как рухнет прямо в ноги Эзопу.

— Эзоп! — стонет, — умоляю, постарайся, ты же умница, придумай мне какой-нибудь способ выиграть или отделаться от этого спора.

— Выиграть, — говорит Эзоп, — никак нельзя, а вот отделаться — это я устрою.

— Как же? — спрашивает Ксанф. — Объясни мне.

Эзоп объясняет:

— Вот придет к тебе судья с другим спорщиком и прикажет выпить море. Ты не отказывайся: что пьяным говорил, то и трезвым повтори. Пусть поставят стол, пусть рабы встанут вокруг: это произведет впечатление. Ведь весь народ сбежится к берегу посмотреть, как это ты выпьешь море. Когда уже будет полно народу, тогда ты наберешь чашу морской воды, поставишь ее перед судьей и спросишь: “Так какие у нас условия?”. Он скажет: “Чтобы выпить море”. Ты спросишь: “И все?”. Он ответит: “Все”. Тогда ты обратишься к свидетелям и скажешь: “Дорогие мои граждане, в море много впадает рек, и полноводных, и многоводных, а я поклялся выпить только море, а не реки, что в него впадают. Пусть мой противник затворит все реки, и тогда я выпью море!”. Невозможно затворить все реки в мире, невозможно и выпить море, — вот так, нет на нет, ты и разделаешься с этим спором.

Изумился Ксанф такой хитрой выдумке и воспрянул духом.

Вот приходит к его воротам второй спорщик с самыми именитыми гражданами и вызывает Ксанфа:

— Или выпей море, или отдавай мне все твое добро.

Эзоп ему говорит:

— Это ты отсчитывай свое добро, а море, считай, уже наполовину выпито.

— Ого, Эзоп, — смеется ученик — теперь ты мой раб, а не Ксанфа!

— Не болтай чепухи, — говорит Эзоп, — отдавай лучше свое добро моему хозяину.

И приказывает он вынести ложе, поставить на берегу моря, принести стол, расставить чаши; весь народ сбежал-

ся поглазеть. Вот выходит Ксанф, устраивается за столом. Эзоп становится рядом, набирает в чаши морской воды и подает хозяину.

— Провались я на этом месте, — говорит ученик, — никак он и впрямь хочет выпить море?

Вот Ксанф уже подносит чашу к губам, но вдруг останавливается и говорит:

— А судья где?

Судья выходит. Ксанф его спрашивает:

— Так какие у нас условия?

— Чтобы выпить море, — говорит ученик.

— И все? — спрашивает Ксанф.

— Все, — говорит судья.

Ксанф поворачивается к народу и говорит:

— Дорогие мои граждане, вам известно, что в море много впадает рек, и полноводных, и многоводных. А я побился об заклад, что выпью только море, а не реки. Так пускай же мой противник затворит все реки, чтобы мне не пришлось пить их вместе с морем!

Вот так философ и выиграл спор. Народ во славу Ксанфа поднял громкий крик, а ученик повалился Ксанфу в ноги и говорит:

— Ах, учитель, ты великий человек! Ты победил, признаю это, признаю! А теперь, умоляю, возьмем свои слова обратно!

А Эзоп Ксанфу говорит:

— Ты видишь, хозяин, я спас тебе все твое добро; теперь за это ты должен отпустить меня на волю.

— Молчать! — говорит ему Ксанф, — без тебя знаю, что мне делать.

Помрачнел Эзоп — не оттого, что его не отпустили, а оттого, что Ксанф оказался таким неблагодарным, — но смолчал.

◆ Пошел Ксанф с Эзопом гулять за город. Развлекаясь разговором, забрели они на кладбище, и Ксанф для интереса стал читать надгробные надписи. Вдруг Эзоп увидел

на одной гробнице беспорядочно вырезанные буквы: О П Д Н З. Показывает он их Ксанфу и спрашивает:

— Что это такое?

Задумался Ксанф, что это за надпись и что она означает, но ничего не мог сообразить и только зря измучился. Приуныл он от такого неприятного положения: философ, а в простых буквах разобраться не может!

— Эзоп, а ты как думаешь? — спрашивает.

Увидел Эзоп, как он мучается, и тут вдруг музы в своей божественной милости осенили его разумением. Говорит он:

— Хозяин, а если я по этой надписи для тебя клад найду, что ты мне дашь?

— Половину клада и свободу! — говорит хозяин.

Услышал это Эзоп, подобрал с земли хороший черепок, отошел в сторону правой большого дерева, стал копать землю, выкопал большой клад золота. Подносит золото хозяину и говорит:

— Ну, хозяин, исполняй теперь обещание.

— Клянусь богами, — говорит Ксанф, — и не подумаю, пока ты мне не скажешь, как это ты догадался, где зарыт клад. Мне интересней догадка, чем находка!

— Слушай, хозяин, — говорит Эзоп. — Тот, кто закопал здесь этот клад, верно, сам был философом, и свое тайное место он скрыл вот за этими буквами. Смотри: от каждого слова он написал здесь первую букву: О — отойдя; П — правой; Д — дерева; Н — найдешь; З — золото.

— Клянусь Зевсом, — говорит Ксанф, — коль ты так умен и догадлив, я тебя на свободу не отпущу!

Видит Эзоп, что хозяин не собирается исполнять обещание, и говорит:

— Тогда, хозяин, я тебя сразу предупреждаю: золото нужно отдать его владельцу.

— Какому такому владельцу? — спрашивает Ксанф.

— Дионисию, правителю Византии, — говорит Эзоп.

— Откуда ты это знаешь? — спрашивает Ксанф.

— Из этих же самых букв, — говорит Эзоп, — в них все сказано.

— Как? — удивляется Ксанф.

— А вот так, — говорит Эзоп. — Слушай: О — отдай; П — правителю; Д — Дионисию; Н — найденное; З — золото.

Ксанф видит, как это у Эзопа складно получается, и говорит:

— Бери, Эзоп, половину золота и помалкивай.

— Я и так должен его получить, — говорит Эзоп, — и не из милости твоей, а по воле закопавшего.

— Как? — опять удивляется Ксанф.

— По этим самым буквам, — говорит Эзоп. — Слушай: О — откопав; П — поделите; Д — добром; Н — найденное; З — золото.

— Ты великий мудрец! — говорит Ксанф. — Идем скорей домой, поделим золото, и я тебя отпущу на волю.

Но когда пришли они домой, испугался Ксанф, что отпустит он Эзопа, а тот пойдет и расскажет правителю Дионисию о найденном кладе; и приказал он Эзопа связать и держать под замком.

— Бери себе все золото, — говорит Эзоп, — только дай мне свободу.

— Славно придумано! — отвечает Ксанф. — Ты получишь свободу, на свободе потребуешь золота, а с золотом наговоришь на меня правителю, — нет уж, не дожدهшься!

— Смотри, хозяин, — предупреждает Эзоп, — не отпустишь меня по доброй воле — заставят тебя отпустить меня силой

— Молчать, ничтожество! — отвечает Ксанф.

Мудрость — это всегда точная и исчерпывающая “образность”.

Однажды Эзоп, оставшись один, задрал себе подол и взял в руку одну свою штуку. Тут вдруг входит жена Ксанфа и спрашивает:

— Эзоп, что это у тебя?

— Дело делаю, — отвечает Эзоп, — полезное для здоровья и для желудка.

А она увидела, какая у него эта штука добротная да крепкая, и выграла в ней кровь; даже про уродство его забыла думать.

— Слушай, Эзоп, — говорит, — сделай то, о чем я тебя попрошу, и увидишь, тебе будет послаще, чем хозяину.

— Ты же знаешь, — отвечает Эзоп, — как проведает про это хозяин, достанется тогда мне, и поделом.

А она смеется:

— Удовольствуй меня десять раз — получишь плащ.

— Побожись, — требует Эзоп.

А она до того вся распалилась, что взяла и побожилась, и Эзоп поверил; да и хотелось ему отомстить хозяину.

Вот удовольствовал он ее девять раз и взмолился:

— Хозяйка, больше не могу!

А она, испытав его силу, отвечает:

— Десять раз, а не то ничего не получишь!

Поднатужился он в десятый раз и попал, да не туда. Но говорит:

— Давай теперь плащ, не то пожалуюсь хозяину!

А она ему:

— Я тебя позвала свое поле вспахать, а ты за межу заехал и на соседнее попал! Давай еще раз, и получай плащ!

Тут пришел домой Ксанф, Эзоп ему и говорит:

— Рассуди меня, хозяин, с твоей хозяйкой!

— В чем дело? — спрашивает Ксанф.

— Слушай, хозяин, — говорит Эзоп. — Пошли мы с твоей хозяйкой в сад, и увидела она яблоню, всю в яблоках. Посмотрела на ветку, захотелось ей яблочка, и говорит она мне: “Коли сможешь запустить камнем и стряхнуть мне десять яблок, я тебе плащ подарю”. Запустил я камнем и стряхнул ей ровно десять, да одно из них в навоз упало. А теперь она не хочет мне плащ давать.

Хозяйка это слышит и обращается к мужу:

— Конечно, я-то получила только девять, а то, которое в навозе, не в счет. Пусть он еще раз бросит камень и еще одно мне стряхнет, тогда дам ему плащ.

— Да яблоко-то еще не вызрело, — отвечает Эзоп.

Ксанф выслушал обоих, приказал дать Эзопу плащ и говорит:

— Ступай, Эзоп, сейчас на рынок, а то мне невоготу; потом стряхнешь то яблоко и отдашь хозяйке.

— Непременно, муженек, — обрадовалась хозяйка, — только ты сам не тряси, пускай Эзоп стряхнет, а я тогда и отдам ему плащ.

СМЕРТЬ ЭЗОПА

◆ Захотелось Эзопу побывать в Дельфах. Приехал он туда и начал выступать. Народ поначалу слушал его с удовольствием, но платить за это не платил.

Между тем Эзоп заметил, что от местных овощей здесь лица у людей землистые, и сказал им:

— Листьям древесным в дубраве подобны сыны чело- веков! — А потом в насмешку над ними добавил: — Вы, дельфийцы, похожи на бревно, которое носит по морю: если смотреть издали, как оно плавает по волнам, можно подумать, что это что-то стоящее, а стоит подойти побли- же — и увидишь, что это дрянь, за которую и гроша не дашь. Так и я издали дивился на ваш город и думал, что вы богаты и благородны, но теперь вижу, что ошибся и в вас, и в вашем городе: ничего в вас не видно хорошего, живете вы хуже всех людей на свете и ведете себя так, что и предков своих превзошли.

— О каких это предках ты говоришь? — спрашивают его дельфийцы.

— Рабы ваши предки, — говорит Эзоп, — а коли вы того не знаете, узнайте. Издавна у греков повелось: захватив неприятельский город, десятую часть добычи отсылать в дар Аполлону — и от каждой сотни быков десятков, и от коз, и от всего остального, будь то деньги, или рабы, или рабыни. От этих-то рабов вы и родились, и, стало быть, и сами вы люди не свободные, а все равно как невольники:

по рождению своему вы — рабы всех эллинов, вместе взятых, — так сказал Эзоп и стал собираться прочь.

Правители города услышали, какого о них мнения Эзоп, и подумали: “Если мы позволим ему уйти, он пойдет по другим городам и будет предо всеми нас порочить!”. И решили они коварно с ним расправиться; а помогал им сам Аполлон, которого Эзоп прогневал, не поставив на Самосе его статую среди муз. Благовидного предлога у них не было, и, чтобы за Эзопа не заступились другие паломники, они измыслили хитрость. Выждав, пока раб у дверей Эзопа заснет, они сделали злое дело: спрятали в поклаже Эзопа золотую чашу из храма. А Эзоп об этом ничего не знал.

Вот пустился Эзоп своей дорогой в Фокиду. А дельфийцы бросились за ним по пятам, связали его и привели обратно в город.

— За что вы меня связали? — взывает Эзоп.

— Ты украл из храма золото! — отвечают ему.

Эзоп, не зная за собой никакой вины, со слезами им говорит:

— Казните меня, если хоть что-нибудь у меня найдете!

Дельфийцы перерыли его поклажу, нашли чашу, показали всему городу и выставили Эзопа на позор с побоями и бранью. Понял Эзоп, что чаша была подброшена нарочно, стал объяснять это дельфийцам, но те не слушали. Говорит им Эзоп:

— Вы — люди, так и заботьтесь о людских делах, а боги о своих сами позаботятся.

Но они бросили его в тюрьму и собирались казнить. Увидел Эзоп, что спасенья нет, и говорит:

— Я смертный человек, и от судьбы мне не уйти.

Был у Эзопа один друг; он уговорил стражу, пришел к Эзопу и со слезами на глазах воскликнул:

— Что же это с нами такое!

◆ На это Эзоп рассказал ему басню:

— У одной женщины умер муж, она сидела на его могиле и горько плакала. Крестьянин, пахавший в поле, увидел ее и почувствовал желание. Вот оставил он своих быков на пашне, подошел к ней и притворился, что тоже горько плачет. Перестала женщина рыдать и спросила его: “О чем горюешь?”. Пахарь говорит: “Была у меня жена, добрая и умная, а теперь вот умерла она, и когда я плачу, мне становится легче”. — “И я, — говорит женщина, — потеряла своего милого мужа и тоже плачу, чтобы стало полегче”. Тогда он ей и говорит: “Если у нас двоих одна и та же горькая доля, отчего бы нам не подружиться? Я тебя буду любить, как мою покойницу, а ты меня люби, как своего мужа”. Такими речами и убедил он ее. Но пока они любили, пришел вор, отпряг у мужика быков и угнал. Встал пахарь, увидел, что быков его след простыл, и стал рыдать уже по-настоящему. Спрашивает опять его женщина: “О чем горюешь?”. А он отвечает: “Эх, женщина, вот теперь мне и вправду есть о чем горевать! Зачем же спрашивать, о чем я горюю, коли сама видишь, что за напасть со мною приключилась!”.

Горестно спрашивает друг Эзопа:

— С какой же стати ты вздумал оскорблять здешний народ в его родном городе, да еще когда сам был всецело у них в руках? Где твоя мудрость? Где твоя ученость? Ты давал наставления и народам, и городам, а для себя самого не нашел?

◆ На это Эзоп рассказал ему другую басню:

— У одной женщины была глупая дочь, и мать все время молила богов наставить ее дочку на ум, а дочь все это слышала. Вот однажды поехали они в деревню. Мать осталась в хижине, а дочь вышла за ворота и увидела, как мужчина насиловал ослицу. Спросила она: “Что ты делаешь?”. А он в ответ: “На ум ее наставляю”. Вспомнила глупая, о чем мать молилась, и говорит: “Наставь и меня на ум”. Тот гордо отказывается: “От женщин, — говорит, —

никогда не увидишь благодарности”. А она ему: “Не говори так, добрый человек; мать моя так уж отблагодарит тебя и заплатит, сколько попросишь: она ведь только и мечтает, чтобы меня наставили на ум”. Тот и лишил ее невинности; а она, обрадовавшись, бежит к матери и кричит: “Ну, вот и наставили меня на ум!” — “Как же это случилось?” — спрашивает мать. Объясняет ей глупая: “Один мужчина вставил в меня одну штуку, большую, толстую и красную, и двигал ею туда-сюда”. Услышала мать такое объяснение и говорит: “Эх, дочка, знать, ты и того ума лишилась, какой был у тебя!”. Вот и я, друг мой, как пришел в Дельфы, так и лишился даже того ума, какой был.

И с горькими слезами друг Эзопа пошел от него прочь. Дельфийцы пришли к Эзопу и сказали:

— Сегодня ты будешь сброшен со скалы: так порешили мы тебя казнить за святотатство и злоязычие, ибо погребения ты не достоин. Приготовься к смерти.

Эзоп слышит эти угрозы и говорит:

— Послушайте-ка басню.

◆ Они разрешили ему рассказать, и он начал:

— Когда животные еще умели разговаривать, одна мышь подружилась с лягушкой и пригласила ее на угощение. Привела она ее в большую кладовую, где были и хлеб, и мясо, и сыр, и оливки, и фиги, и говорит: “Ешь на здоровье!”. Угостившись хорошенько, лягушка говорит: “Приходи ко мне и ты на угощение, я тебя приму не хуже”. Вот привела она мышку к пруду и предлагает: “Плывем!” — “А я не умею плавать”, — отвечает ей мышь. “Ничего, я тебя научу”, — говорит лягушка. Привязала она ниткой мышиную лапку к своей и прыгнула в пруд, а мышку потянула за собой. Захлебываясь, сказала мышь: “Я умираю, но и мертвая отомщу тебе!”. Тут лягушка нырнула, и мышь утонула. Но когда тело ее всплыло и лежало на волнах, налетел ворон и схватил мышью, а потом добрался и до

лягушки. Так отомстила мышь лягушке. Вот и я, граждане, если вы меня убьете, стану вашей злой судьбой: и лидийцы, и вавилоняне, и едва ли не вся Эллада пожнет плоды моей смерти.

Так сказал Эзоп, но дельфийцы его не послушались и потащили на скалу. Эзоп вырвался и убежал в святилище Муз, но и тут над ним никто не сжалился. Тогда он сказал тем, кто вел его силою:

◆ — Граждане дельфийцы, не надо презирать это святилище! Так же вот однажды заяц, спасаясь от орла, прибежал к навозному жуку и попросил заступиться за него. Жук просил орла прислушаться к его заступничеству, именем Зевса убеждая не презирать его ничтожества. Но орел крылом отшвырнул жука, схватил зайца, растерзал и сожрал. Возмутился жук, полетел следом за орлом, высмотрел его гнездо, где лежали орлиные яйца, и разбил их, а сам улетел. Вернулся орел, пришел в ярость, хотел найти и растерзать злодея. На другой год он снес яйца на более высоком месте. А жук опять прилетел, опять их разбил и скрылся. Горько сетовал орел, говоря, что Зевс в гневе решил перевести орлиный род. И на следующий год несчастный орел не в гнездо уже снес свои яйца, а взлетел на Олимп и положил их на колени Зевсу: “Два раза уже погибали мои яйца, в третий раз я вверяю их тебе: спаси их”. Узнал об этом жук, ухватил навозный ком, взлетел к Зевсу и стал летать у самого его лица. Увидел Зевс нечистую тварь, вскочил с отвращением и забыл, что на коленях у него лежали яйца; яйца и разбились. Тут понял Зевс, что жук мстит за обиду, и, когда вернулся к нему орел, сказал ему: “Поделом ты потерял свои яйца за то, что обидел жука”. А жук добавил: “Не только меня он обидел, но и тебя жестоко оскорбил: ведь я заклинал его твоим именем, а он не побоялся и убил моего просителя. И теперь я не успокоюсь, пока не отомщу ему полной мезтью”. И тогда Зевс, чтобы не перевелся орлиный род, попросил жука сменить гнев на милость; но жук не согласился, и при-

шлось Зевсу устроить, чтобы орел нес яйца в другое время, когда жуки не летают. Вот и вы, граждане дельфийцы, не оскверняйте это святилище, где я искал спасения, хоть и невелик его храм: помните о навозном жуке и чтите Зевса — Гостеприимца Олимпийского.

Дельфийцев это не остановило, они отвели его на скалу и поставили над обрывом. Увидел Эзоп, что пришел его час, и говорит:

◆ — Уговариваю я вас на все лады, и все понапрасну: поэтому дайте мне сказать хотя бы только басню. Один крестьянин прожил всю свою жизнь в деревне и ни разу не был в городе. Вот он и попросил детей на старости лет отпустить его посмотреть город, покуда он жив. Запрягли ему домашние в телегу ослов и сказали: “Ты их только погоняй, а они уж сами тебя довезут до города”. Но по дороге застигла его ночь и непогода, ослы заблудились и завезли его на самый край какого-то обрыва. Увидел он, в какую беду попал, и воскликнул: “Владыка Зевс, и за что мне такая злая гибель? Добро бы еще от лошадей, а то ведь от негодных ослов!”. Вот и мне обидно, что я погибаю не от достойных людей, а от рабского отродья.

И, наконец, уже готовый броситься с обрыва, рассказал он еще одну басню:

◆ — Один человек влюбился в собственную дочь; и до того довела его страсть, что он отослал свою жену в деревню, а дочь схватил и овладел ею насильно. Сказала дочь: “Нечестиво твое дело, отец: лучше бы я ста мужчинам досталась, чем одному тебе”. Так и я вам говорю, граждане дельфийцы: лучше бы мне скитаться по Сирии, Финикии, Иудее, чем нежданно-негаданно погибнуть здесь от ваших рук.

Но дельфийцы стояли на своем. И тогда Эзоп проклял их, призвал Феба, водителя муз, в свидетели своей неповинной гибели, бросился вниз с края обрыва и так окончил свою жизнь.

А дельфийцев потом косила чума, и оракул Зевса вещал им, что они должны искупить убийство Эзопа. Об этом слышали люди и по всей Элладе, и в Вавилоне, и на Самосе и отомстили за Эзопову смерть.

ЭЗОПОВ ЗАВЕТ ЖИВУЩЕМУ

◆ Первым делом чти богов подобающим образом: Затем чти царя, ибо царская власть и божеская равны. Чти наставника своего наравне с родителями: родителей тебе дала природа, наставник же любит тебя по доброй воле, и за это ты должен быть ему вдвойне благодарен.

◆ Твоя повседневная пища пусть будет хороша и достаточна, чтобы у тебя хватало и здоровья и сил для завтрашней работы.

◆ Когда ты при царском дворе, то все, что ты слышишь, пусть в тебе и умрет, чтобы самому тебе не пришлось безвременно умереть.

◆ С женою будь хорош, чтобы не захотелось ей испытать другого мужчину: легкомыслен женский род, и лестью можно его удержать от ошибок.

◆ За вином не выставляй напоказ свою ученость: разглагольствования твои будут неуместны, и тебя осмеют. Язык держи на привязи.

◆ Если кому-нибудь везет, не завидуй ему, а порадуйся с ним вместе, и его удача будет твоей; а кто завидует, тот себе же делает хуже.

◆ Заботься о рабах, уделяй им от своего добра, пусть они не только покорствуют хозяину, но и почитают в тебе благодетеля.

◆ Владей собой.

◆ Не стыдись учиться и в зрелом возрасте: лучше научиться поздно, чем никогда.

◆ Не открывайся жене и не делись с нею никакими тайнами: в супружеской жизни жена — твой противник, который всегда при оружии и все время измышляет, как бы тебя подчинить.

◆ Живи тем, что у тебя есть, а сегодняшшний излишек сохраняй на завтра: лучше добро оставить врагам, чем самому побираться по друзьям.

◆ С кем приходится иметь дело, с тем будь сговорчив и учтив: ведь и собака, виляя, видит ласку, а кусаясь — палку.

◆ Старайся стать разумным, а не богатым: богатства можно лишиться, разумность всегда с тобой.

◆ В счастье не будь злопамятен, а относись к недругам по-доброму, и они расскажут, увидев, какого человека обижали. Если можешь оказать милость, не медли: действуй и помни, что судьба переменчива.

◆ Сплетника и болтуна, будь это даже твой брат, изведав, тотчас гони прочь: он болтает не из добрых чувств, а чтобы выдать другим твои слова и дела.

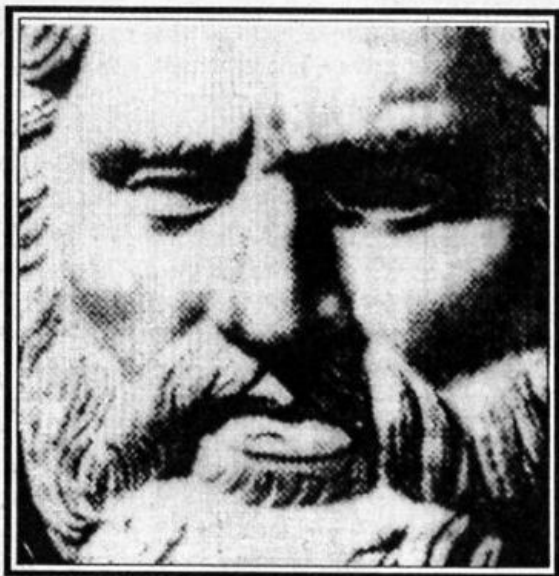
◆ Если много денег — не радуйся, если мало — не горюй.

Эзоп. (Ватикан)

БИАНТ ИЗ ПРИЕНЫ

11

VI век до н. э.

Компакт-биография

- ⊗ Древнегреческий мыслитель;
- сын Тевтама из Приены;
- один из семи мудрецов;
- биографический пик творческой активности Бианта — ок. 600 г. до н. э.

Презентационные утверждения

15. *Большинство — зло.*

16. *Все свое ношу с собой.*

- ◆ Лучше разбирать спор между своими врагами, чем между друзьями, — ибо заведомо после этого один из друзей станет твоим врагом, а один из врагов — твоим другом.
- ◆ Когда многие возьмутся за дело, не быть добру.
- ◆ Жизнь надо размеривать так, будто жить тебе осталось и мало, и много.
- ◆ Друзей надо любить так, будто они тебе ответят ненавистью, — ибо большинство людей злы.
- ◆ Не спеши браться за дело, а взявшись, будь тверд.
- ◆ Говори не торопясь: спешка — знак безумия.
- ◆ Люби разумение.
- ◆ О богах говори, что они есть.
- ◆ Недостойного за богатство не хвали.
- ◆ Худших везде большинство.
- ◆ Что трудно? — Спокойно переносить перемену дел к худшему.
- ◆ Что человеку сладко? — Надежда.
- ◆ Каким делом человек наслаждается? — Получением прибыли.
- ◆ Кто наилучший советник? — Время.
- ◆ Несчастен тот, кто не переносит несчастья.
- ◆ Плавающий на судне не находится ни в числе живых, ни в числе мертвых.
- ◆ Не силой бери, а убеждением.
- ◆ Что удастся хорошего, то, считай, от богов.
- ◆ Из молодости в старость бери припасом мудрость, ибо нет достояния надежнее.

Биант.

VI век до н. э.

Компакт-биография

- ☉ Друг Солона;
- полупоэтический критский мудрец;
- сформулировал “парадокс лгущего критянина”.

Презентационные утверждения

17. Прорицателям известно уже только свершившееся.
18. Парадокс лгущего критянина: критянин утверждает: “Все критяне — лжецы”.

Штрихи к портрету

✓ Парадокс лгущего критянина — один из наиболее известных логических парадоксов. В простейшем его варианте

человек произносит одну фразу: “Я лгу”. Или говорит: “Высказывание, которое я сейчас произношу, является ложным”. Или: “Это высказывание ложно”. Если высказывание ложно, то говорящий сказал правду и, значит, сказанное им не является ложью. Если же высказывание не является ложным, а говорящий утверждает, что оно ложно, то его высказывание ложно. Оказывается, таким образом, если говорящий лжет, он говорит правду, и наоборот.

Открытие парадокса лгущего критянина произвело громадное впечатление. Философ-стоик Хрисипп (ок. 281-208 г. до н. э.) посвятил ему три книги. Некто Филет Косский, отчаявшись разрешить парадокс, покончил с собой. Предание говорит, что известный древнегреческий логик Диодор Кронос (умер ок. 307 г. до н. э.) уже на склоне лет дал обет не принимать пищу до тех пор, пока не найдет решение парадокса лгущего критянина, и вскоре умер, ничего не добившись. В древности парадокс лгущего критянина рассматривался как хороший пример двусмысленного выражения.

▶ На мой взгляд, в науку об интеллекте следовало бы ввести понятие “пробуждающей формулировки”. Это особенная словесная конструкция, удивительность которой в том, что она имеет свойство будить в людях аналогичные мыслительные почувствования, каковые были в том, кто дал ей жизнь.

Эпименидов парадокс — из таких. Он оказался живуч на творческий повтор и подтверждение в неожиданных сферах.

У американского писателя-фантаста А. Азимова есть рассказ, где весь сюжет основан на логическом парадоксе, заложенном в структуру автомата. На некой планете высаживаются космонавты и их помощники-роботы. Планета находится недалеко от Солнца, и ее поверхность покрыта озерами из расплавленного металла. Судьба космонавтов зависит от того, добудет или нет робот из озера необходимый им металл. Это под силу лишь роботам. Но задание не может быть выполнено, ибо в конструкцию робота зало-

жены хотя и вполне разумные, но противоположные алгоритмы: а) неукоснительная исполнительность и б) всемерное самосохранение. Робот не может и не выполнить приказ, но не может и выполнять его. Он идет к озеру, но не берет из него металл. Так он и остается возле озера, беспрерывно колеблясь между попыткой и страхом.

Приобретениями, смущающими человеческий разум, стали парадоксы, сотворенные уже в наше время.

Парадокс “Мэр города”. Каждый мэр города живет или в своем городе или вне его. Представим себе, что издается государственного уровня приказ о выделении одного специального города, где бы жили только те мэры, которые не живут в своем городе. Возникает проблема: где должен жить мэр этого нами созданного специального города? Если он хочет жить в своем городе, то он не может этого сделать, так как там живут только мэры, не живущие в своем городе; если же он не хочет жить в своем городе, то, как и все мэры, не живущие в своих городах, он должен жить в отведенном городе, то есть в своем. В итоге, как ни крути, он не может жить ни в своем городе, ни вне его.

Парадокс “Генерал и брадобрей”. Известно: каждый солдат может или сам себя брить или бриться у другого солдата. Чтобы усилить единообразие и навести полный порядок, генерал издал приказ о выделении одного специального солдата-брадобрея, у которого брились бы только те солдаты, которые себя не бреют. Задайтесь вопросом: у кого должен бриться этот специально выделенный солдат-брадобрей?

Если он хочет сам себя брить, то он не может этого сделать, так как он может брить только тех солдат, которые себя не бреют; если же он не будет себя брить, то, как и все солдаты, не бреющие себя, он должен бриться только у одного специального солдата-брадобрея, то есть у себя. Итак, он не может ни брить себя, ни не брить себя.

Действительно, ситуация не из простых... В начале лета 1902 года английский философ Бертран Рассел в письме своему другу Готтлобу Фреге показал, что тоже заразился критским вирусом. И, как следствие, еще один парадокс: “О каталоге всех нормальных каталогов”.

Получается он так. Каталоги подразделяются на два рода: 1) такие, которые в числе перечисленных каталогов не упоминают себя (нормальные), и 2) такие, которые сами входят в число перечисляемых каталогов (ненормальные).

Библиотекарю дается задание составить каталог всех нормальных и только нормальных каталогов. Вопрос: должен ли он при составлении такого каталога упомянуть и этот, составленный им?

Если он упомянет его, то составленный им каталог окажется “ненормальным”, то есть он не имеет права упоминать его. Если же библиотекарь не упомянет его, то один из нормальных каталогов — тот, который он составил, — окажется неупомянутым, хотя библиотекарь должен был упомянуть все нормальные каталоги. Итак, он не может ни упомянуть, ни не упомянуть составляемый им каталог.

Еще в студенческие свои годы, в стенах дорогого мне Московского университета, что на Ленинских горах, мне тоже не удалось избежать соблазна быть плененным творением Эпименида. Мой пример проще предыдущих, но ничуть не хуже: некая собака получила инструкцию переставать вилять хвостом, если она видит перед собой виляющую хвостом собаку. И наоборот. Как быть этой собаке, если она вдруг увидит себя в зеркале?

В парадоксе “Лжец”, конечно же, кроется тайна. Она имманентна нам, и истоки ее в той же глубинной противоречивости, коей пронизана любая жизнь: жить — значит умирать.

Любое явление, если его брать в целостности и инверсно по отношению к нему же, будет давать “сбой” в определителях своей сущности.

Противоречие есть показатель того, что исследование вышло к границе знания и понимания, и мысль, не будучи еще в состоянии шагнуть дальше, начинает околограничную вибрацию, подобно наведению прицела перед точным выстрелом.

Философы — люди зоркого ума. Их изощренная аналитика удивительна и прекрасна в своей неожиданности и глубине. Хотите убедиться — вернитесь к Эпимениду.

Эпименид

АНАКСИМЕН ИЗ МИЛЕТА

13

Скользит вниманьем ум, внимая,
Рисуя образ в образец,
Дрожит призывом речь немая,
Потомок, ты ведь мне отец!

Родился ок. 585 г. до н. э.

Умер ок. 525 г. до н. э.

Прожил 60 лет.

Компакт-биография

- ⊛ Древнегреческий философ;
- из Милета, сын Эвристрата;
- был близким другом Анаксимандра;
- основной прием его научной аргументации — метод аналогий.

Презентационное утверждение

|| 19. *Начало всех сущих вещей — воздух.*

Узор находок и раздумий

◆ Дыхание и воздух объемлют весь космос. Из них все возникает, и в них все разрешается.

◆ Воздух — начало души, богов и божеств — прозрачная, невидимая субстанция.

◆ Воздух порождает все вещи, или своих “потомков”, путем сгущения и разрежения. И хорошо работающий пример-образ здесь — процесс валяния шерсти (πλεω, πλιης).

◆ Воздух однороден, недоступен чувствам и беспределен (απειρος). Воздух не производил бы превращений, если бы не двигался, и обнаруживается только потому, что может быть холодным, теплым, влажным и упругим.

◆ При разрежении воздух становится теплым, и из него получается огонь, а при сгущении — холодным, и из него получаются воды и камни. То, что это так, показывает ежедневное наблюдение: человек выпускает из своего рта только воздух, и, тем не менее, — тепло и холод: сдавленный губами воздух охлаждает дыхание, а открытый рот утепляет “начало” и разрежает его.

/Это наблюдение, разумеется, ошибочно, что было отмечено уже Аристотелем. Однако оно соответствовало духу доктрины Анаксимена: ведь при предельном разрежении воздух становится горячим огнем; в то же время одной из наиболее плотных его модификаций является лед. Если бы Анаксимен обнаружил, что при замерзании вода расширяется, а при быстром расширении воздух охлаждается, он был бы весьма озадачен. (См.: Рожанский И.Д. Развитие естествознания в эпоху античности. М., 1979, с. 162)./

◆ Небесные светила в круговороте вокруг Земли проходят не под Землей, а вращаются вокруг нее, подобно поворотам шапочки вокруг нашей головы, и если не видно этого, то из-за того только, что скрываются они возвышенными частями земной тверди.

История философии — это история неповторимых интеллектуальных конструкций.

Куно Фишер (1824-1907).

Сейчас я далеко, нас разделяет время,
Мои труды отлиты в строчек путь,
Кому, скажи, по силам станет бремя
Свечу, что нарисована, задуть!

Родился в 580/65-70 г. до н. э.

Умер в 450/70-73 г. до н. э.

Прожил 130 лет.

Компакт-биография

- ☉ Древнегреческий философ;
- происходил из ионийского города Колофона, расположенного недалеко от Милета и Эфеса;
- ученик философа Анаксимандра;
- был рапсодом (сочинял и читал стихи под аккомпанемент кифары);
- критиковал антропоморфизм Гомера; получил прозвище “обличитель обманщика Гомера”;
- написал две поэмы на исторические темы;
- всю жизнь нищенствовал;
- был изгнан из родного города.

“О природе”. (Поэма.)

Презентационные утверждения

20. Все мифы — вымысел.

21. Человек, желающий найти мудреца, должен быть мудрым сам.

Штрихи к портрету

✓ Сиракузский тиран Гиерон в ответ на жалобу Ксенофана на свою бедность, такую, что ему невозможно прокормить даже двух слуг, заметил: “Между тем Гомер, которого ты поносишь, после своей смерти кормит более десяти тысяч человек”.

✓ Ксенофан был остроумен и находчив. Когда кто-то сказал, что видел угрей, живущих в горячей воде, Ксенофан тут же нашелся: “Итак, станем варить их в холодной”.

*Нераздельность философии
и ее истории есть существенная
характеристика самого
факта этой истории.*

М.Геру

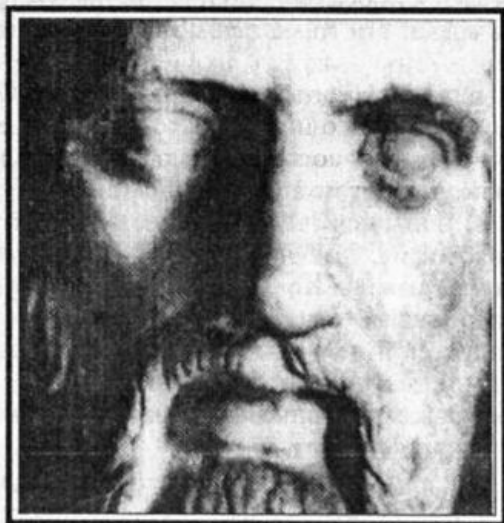
Узор находок и раздумий

- ◆ Следует признать единство всего.
- ◆ Целое имеет ум, оно и есть бог.

- ◆ Мир — вечен. Его гибель не абсолютна. После того, как земля становится грязью и все живое, в том числе и люди, погибают в грязи, эта грязь затем снова полагает начало рождению.
- ◆ Земля и вода есть все, что рождается и растет. Они, сухое и влажное, — суть начала.
- ◆ Из земли все возникает и в землю все возвращается.
- ◆ Светила возникают из воспламеняющихся облаков.
/А.Н.Чанышев (См.: Чанышев А.Н. Итальянская философия. М., МГУ, 1975, с. 153) полагает, что на эти выводы Ксенофана могли натолкнуть наблюдения за “огнями святого Эльма”./
- ◆ Есть много солнц и лун соответственно климатам, горизонтам и поясам земли.
- ◆ Не от начала все открыли боги смертным, но постепенно, ища, люди находят лучшее.
- ◆ Ясного муж ни один не узнал; и никто не возможет Знающим стать о богах и о том, что о всем возвещаю. Даже когда и случится кому совершенное молвить, Сам не ведает он, и всем лишь мненье доступно.
- ◆ Если быки, или львы, или кони имели бы руки Или руками могли рисовать и ваять, как и люди, Боги тогда б у коней с конями схожими были, А у быков непременно быков бы имели обличье; Словом, тогда походили бы боги на тех, кто их создал. Черными пишут богов и курносыми все эфиопы, Голубоокиими их же и русыми пишут фракийцы.
- ◆ Что среди смертных позорным сльвет и клеймится хулою — То на богов возвести ваш Гомер с Гесиодом дерзнули: Красть и прелюбы творить, и друг друга обманывать хитро.
- ◆ Мудрость гораздо лучше силы...
- ◆ Когда Эмпедокл заметил Ксенофану, что мудреца найти невозможно, он ответил: “Так оно и есть, ибо человек, желающий найти мудреца, должен быть мудрым сам”.
- ◆ Нет, достоверно никто никогда ничего не узнает.

ПИФАГОР

15

Родился в 576 г. до н. э.

Умер в 496 г. до н. э.

Прожил 80 лет.

Компакт-биография

☉ Древнегреческий философ;

- был сыном Мнесарха. Однажды Мнесарх приплыл в неурожайный год на остров Самос по своим торговым делам. Там на острове и родился его сын Пифагор, которого отец часто брал с собой в деловые поездки. Благодаря им, у мальчика развились любознательность и желание познавать новое;

- Пифагор — это не имя, а прозвище — за то, что он высказывал истину так же постоянно, как дельфийский оракул:

/Пифагор — значит “убеждающий речью”. Этимология связывает это наречение с культом Аполлона Пифийского/;

- был учеником Анаксимандра и Ферекида:
/Ферекид Сиросский, поэт и философ, был слушателем Питтака. Собственная его эпитафия гласила: “Полная мудрость во мне; а если есть пушная мудрость, то в Пифагоре моем же она, который в Элладе — первый из всех, кто ни есть; таково нелживое слово”/;
- имел красивую внешность, носил длинную бороду, а на голове — золотую диадему;
- во время долгого (22 года) пребывания в Египте учился у жреца Ониуфиса из Гелиополя;
- неизгладимое впечатление на Пифагора произвела религия загадочного пророка Зороастры:

/Зороастризм возник около 3500 лет тому назад и восходит к пророку Зороастру, проведшему многие годы в скитаниях, стремясь познать истину. Истина ему открылась в виде представления о единственном Боге, вечно существующем творце всего благого. Акт творения сопровождается рождением двух первичных сущностей — добра и зла, которые являют собой основные противоположности бытия.

Согласно пророку, смерть вынуждает души людей покидать материальный мир и возвращаться на некоторое время в несовершенное нематериальное состояние, поскольку каждая душа судима за то, что совершила в течение жизни. В результате суда одни души отправляются в рай, а другие — в ад. По истечении некоторого времени глобальная катастрофа захватывает весь нематериальный мир. Из огня ее живыми и невредимыми выйдут только праведники. Лишь после этого люди станут едиными в мыслях, словах и делах, то есть станут такими же, как Бессмертные Святые.

Зороастр был первым, кто сказал о божественном суде над каждым человеком, о рае и аде, о грядущем воскресении тел, о всеобщем Последнем Суде и о вечной жизни воссоединившихся душ и тел.

Новое учение раздражало и тревожило многих, ибо пророк порывал со старой, идущей от властите-

лей и жрецов традицией, отводившей всем незнатным людям подземное царство после смерти. За свои идеи Зороастр жестоко поплатился, погибнув от кинжала-жреца старой религии./;

- Пифагор сам ничего не писал;
- в результате первой же прочитанной лекции Пифагор приобрел 2000 учеников, которые не вернулись домой, а вместе со своими женами и детьми образовали громадную школу и создали государство, названное “Великая Греция”, в основу которого были положены законы и правила Пифагора, почитаемые как божественные заповеди;
- Пифагор был первым, кто назвал свои рассуждения о смысле жизни *философией* (любомудрием):

/Согласно легенде, когда Пифагор пришел в греческий город Флиунт, владыка этого города Леон спросил его: “В какой науке ты считаешь себя сведущим?” — “Ни в какой, — ответил Пифагор. — Я только философ”. — “Что такое философия?” — спросил с недоумением Леон. “Человеческую жизнь, — был ответ Пифагора, — можно сравнить с рынком и Олимпийскими играми. На рынке имеются продавцы и покупатели, которые ищут выгоды. На играх участники их заботятся о славе и известности. Но есть еще зрители, внимательно наблюдающие за тем, что там происходит. Так и в жизни людей. Большая часть их заботится о богатстве и славе, все здесь в погоне за ними, только немногие среди шумной толпы не принимают участия в этой погоне, но созерцают и исследуют природу вещей и познание истины любят больше всего. Они называются философами — любителями мудрости, а не софосами — мудрецами, потому что только одно божество может обладать всеобъемлющей мудростью, а человеку свойственно лишь стремиться к ней/;

- сформулировал теорему, носящую его имя:

/В прямоугольном треугольнике, где катеты равны 3 и 4, “квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов”/;

- был склонен к мистификациями и “демонстративности” в поведении:

/Однажды Пифагор спрятался под землей, а обо всем происходящем узнавал от матери. Потом, иссохший, как скелет, он заявил в народном собрании, что был в Аиде, и показал удивительную осведомленность о земных событиях. Растроганные жители признали его за это богом./;

- никогда не плакал и вообще был недоступен страстям и волнению;
- Пифагор имел обыкновение объяснять людям, что он происходит из семени лучшего, сравнительно с человеческим.

Литературное наследие

- “О природе”.
- “О государстве”.
- “О воспитании”.
- “О душе”.
- “О мире”.
- “Священное слово”.

Презентационные утверждения

22. *Не гоняйся за счастьем: оно всегда находится в тебе самом.*

23. *И в словах своих, и делах избегай всего банального и привычного.*

Штрихи к портрету

✓ Пифагор даже подверг себя операции обрезания, чтобы быть допущенным к знакомству с тайной египетской

наукой, чего ему не разрешили бы при невыполнении этого условия.

✓ Однажды, гуляя, Пифагор подошел к реке. Река тотчас же вышла из берегов и закричала: “Да здравствует Пифагор!”.

✓ Раз шел Пифагор и видит: визжит от побоев собачка.

Жаль ему стало, и он слово такое изрек:

“Полно! Не бей! В этом визге покойника милого голос: Это родной мне щенок, друга я в нем узнаю”.

✓ Пропаганда учения Пифагора, уравнивающего всех свободных граждан по меркам высших духовных ценностей, серьезно обеспокоила власть имущих...

Заговор возглавил богатый и знатный житель Кротона Килон, властолюбивый и обладавший тяжелым нравом. В свое время он был оскорблен Пифагором, который не захотел поделиться с ним своими знаниями и даже осмелился столь знатного господина прогнать. И вот однажды, когда Пифагор уехал на Делос навестить своего заболевшего учителя, дом, в котором собрались его ученики, был подожжен со всех сторон Килоном и другими заговорщиками. Только двое спаслись из горящего дома и от рук убийц.

Спасаясь от преследователей, Пифагор поселился в Метапонте. Но и здесь его догнала рука убийцы...

✓ Легенда о смерти Пифагора

“Сонную тишину ночного Метапонта прорезал острый крик. Послышалось падение на землю тяжелого тела, топот убегающих ног, и все смолкло.

Когда ночной караул прибыл на место происшествия, то в колеблющемся свете факелов все увидели на земле распростертого старца и неподалеку от него — мальчика лет 12 с лицом, перекошенным от ужаса.

— Кто это? — спросил начальник караула у мальчика.

— Это Пифагор, — ответил тот.

— Кто такой этот Пифагор? Среди жителей города нет гражданина с таким именем.

— Мы недавно прибыли из Кротона. Мой господин должен был скрываться от врагов и выходил только ночью. Они выследили его и убили.

— Сколько их было?

— Я этого не успел заметить в темноте. Они отбросили меня в сторону и накинулись на него.

Начальник караула стал на колени и приложил ухо к груди старца.

— Конец, — сказал начальник”.

✓ Когда ученик Пифагора Гиппас Метапонтский, говоря сегодняшним языком, “засветил” тайну иррационального числа (то есть $\sqrt{2}$, или, иначе, отсутствия общей меры у двух отрезков — катета и гипотенузы в прямоугольном треугольнике со сторонами, равными “единице”), то Пифагор воззвал к богам покарать преступника, и те, устроив бурю, утопили корабль с Гиппасом.

/Обнаружение “несоизмеримости” стало скандальным открытием в пифагорейской школе. Так, если взять равнобедренный прямоугольный треугольник, у которого длина каждого катета равна единице (то есть когда гипотенузой служит диагональ квадрата), то окажется, что длину гипотенузы невозможно выразить ни четным, ни нечетным числом. А это противоречило формуле Пифагора о соотношении между квадратом гипотенузы и квадратами катетов ($3^2+4^2=5^2$) в прямоугольном треугольнике.

Оказавшись перед фактом существования в мире несоизмеримых (невыразимых через целое число) величин, пифагорейцы были настолько обескуражены этим, что увидели в свойствах квадрата нечто “уму непостижимое”, “алогичное” (alogos) или даже “руку злого демона”. Они решили держать сделанное ими открытие в строжайшей тайне./

ПОЗИЦИЯ ВОЗЗРЕНИЯ

- ◆ Начатки мудрости: научиться размышлять, разучиться болтать.
- ◆ Что такое острова блаженных? — Солнце и Луна... Что самое прекрасное? — Гармония... Что самое сильное? — Мысль... Что самое лучшее? — Счастье...
- ◆ Что самое истинное? — Что люди дурны.
- ◆ И нельзя принимать очами спокойными сна, пока трижды не продумаешь прошедший день: как я его прожил? что я сделал? какой мой долг остался невыполненным?
- ◆ Природу же начала в вещах трудно усмотреть и познать. Если начало взято неправильно, то мы рискуем верностью почти целой науки и всего, что в ней.
- ◆ Бог един, и он не находится, как некоторые полагают, вне миропорядка, но он всецело пребывает во всем небесном круге, обзревая все порождения, будучи “смешением” всех веков и творцом своих собственных сил и деяний. Бог — начало всего, он светоч неба и отец вселенной, ум и одушевление всех вещей, движение всех круговращений.

Пифагор

- ◆ Первообразы и первоначала не поддаются ясному изложению на словах, потому что их трудно уразуметь и трудно высказать, — оттого и приходится для ясности обучения прибегать к числам.
- ◆ Все на свете, решительно все на свете, обязательно гармонично. Гармоничны боги, гармоничен космос, потому что все составляющие его моменты абсолютно согласованы в единое и нераздельное целое. Гармоничны государства, гармоничен царь, потому что от него исходит сила скрепления всех людей в одно целое.
- ◆ Счастье — это разумность, следование возвышеннейшей философии, очищение от ложных мнений, приобщение к науке, избавление ума от великого невежества, близость к божественным предметам, самодовлеющая жизнь.
- ◆ Космос настолько великолепен, насколько это только возможно помыслить. Он — небесное живое существо, негибнущее, начало и причина устроения всего миропорядка.

ФИЛОСОФСКАЯ МИСТИКА ЧИСЕЛ

- ◆ Самое мудрое — число.
- ◆ Бог — это число чисел.
- ◆ Все происходит не из числа, но сообразно с числом, ибо в числе — первичная упорядоченность, по причастию к которой и в исчисляемых предметах последовательно упорядочено первое, и второе, и т.д.

/Аристотель: “У них, пифагорейцев, по-видимому, число принимается за начало и в качестве материи для вещей”./

- ◆ У пифагорейцев считалось чем-то замечательным, если число равнялось сумме своих собственных делителей. Такие числа считались **совершенными**.

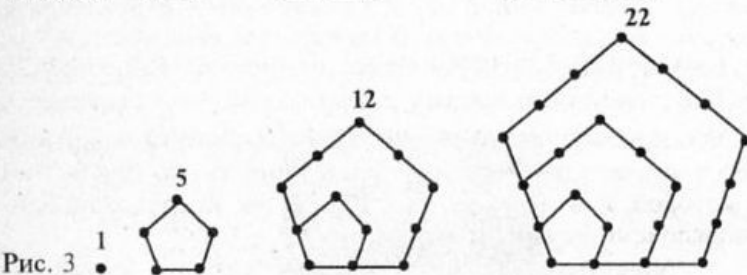
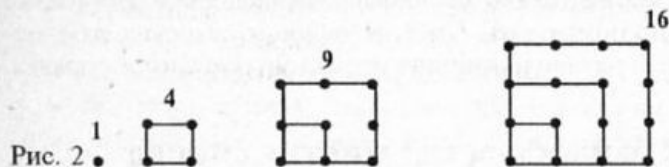
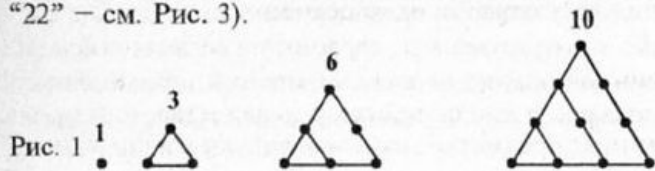
Например, число 6. “Шесть” делится на “1”, на “2”, на “3”.

$$1 + 2 + 3 = 6.$$

◆ Треугольник есть первоисточник рождения и сотворения различных видов вещей переходящих.

◆ Квадрат несет в себе образ божественной природы; эта фигура символизирует высокое достоинство, ибо прямизна углов передает целостность, а качество сторон способно устоять перед силой.

◆ Числа бывают “треугольные” (например, “1”, “3”, “6”, “10” — см. Рис. 1), “квадратные” (например, “1”, “4”, “9”, “16” — см. Рис. 2), “пятиугольные” (например, “5”, “12”, “22” — см. Рис. 3).

◆ Дружественные числа — это такие, из которых одно равно сумме делителей другого.

/◆◆ Когда Пифагора однажды спросили, что такое друг, он сказал, что это “второе я”, и упомянул о “дружественных” числах 284 и 220./

/Число “284” делится на 1; 2; 4; 71; 142. Число “220” делится на 1; 2; 4; 5; 10; 11; 20; 44; 55; 110.

$$220 = 1 + 2 + 4 + 71 + 142.$$

$$284 = 1 + 2 + 4 + 5 + 10 + 11 + 20 + 22 + 44 + 55 + 110 /$$

◆ Из всех чисел священно и даже сверхсвященно “36”:
 $36 = 1^3 + 2^3 + 3^3$.

/1) оно состоит из “1”, а без единицы нет ни одного числа, и символизирует “единица” единство бытия и мира;

2) оно состоит из “2”, а двойка символизирует принципиальную полярность во Вселенной:

свет	—	тьма
чет	—	нечет
женское	—	мужское
жизнь	—	смерть
добро	—	зло
правое	—	левое
предел	—	беспределность
прямое	—	кривое
покоящееся	—	движущееся
единое	—	многое

и т.д.;

3) оно состоит из “3” — совершеннейшего из чисел, ибо имеет начало, середину и конец;

4) в числе “36” возможны удивительные превращения:

$$36 = 1 + 2 + 3 + 4 + 5 + 6 + 7 + 8.$$

$$36 = (1 + 3 + 5 + 7) + (2 + 4 + 6 + 8) /$$

◆ Нет сомнений, что природа во всем остается себе подобной. Дело обстоит так: существуют числа, благодаря которым гармония звуков пленяет слух, эти же числа преисполняют и дух чудесным наслаждением.

/ ► Похоже, что у Пифагора была какая-то специфическая слабость к звукам. Как потребность его психики, она выражалась в образе жизни. Просыпался Пифагор рано утром и успокаивал душу игрой на лире, прежде чем приступал к своим “учительским” философским прогулкам с учениками.

По одной из легенд, Пифагор говорил, что, пребывая вне тела, он слышал благозвучную гармонию./

■ Хотя пифагорейцы заимствовали основы своего учения о числах (♦ *Всё есть число*) у орфиков, а последние из мифов и культа Аполлона и Дионисия, современная наука отдает должное и их собственным воззрениям и наследует важность семеричности в пифагорейских подходах к эмбриологии.

“Для развития эмбриона в школе Пифагора принималось два отрезка времени: малый, состоящий из 7 месяцев, и большой — из 10 месяцев; в первом — 210 дней, во втором — 274 дня. Зародыш развивается в течение 5 первых недель по этапам: 6, 8, 9, 12, что в сумме дает 35, то есть 7×5 . Умножая 35 на 6, получаем 210, то есть количество дней, необходимых семимесячному ребенку для рождения. Иначе говоря, число 7 ($210 = 30 \times 7$) является здесь основным. Во втором отрезке времени (10 месяцев) первая стадия состоит из 7 дней, а вторая (когда тело формируется) — из 40 дней, то есть $40 \times 7 = 280$ дней, или 40 недель; число 280 заменяется числом 274, которое наиболее близко выражает время, составляющее три четверти года.

Обобщая эти и привлекая другие материалы древних и более поздних пифагорейцев, можно заключить, что основатель школы считал число “7” мироправящим (божественным), требующим особого почитания.

Играя “космическую” роль, число “7” всегда независимо, не возникает ни из одного числа и черпает свою силу из того, что само является средним арифметическим чисел “4” и “10”, то есть $4 + 10 = 14$;
 $\frac{14}{2} = 7$.

В качестве всеопределяющей силы (“силы свершений”) и творца (“демиурга”) всего число “7” есть судьба под именем *kairos* (критическое время). Число “7”, судьба и *kairos* для пифагорейцев одно и то же”.

(Ф.Х.Кессиди. *От мифа к логосу.*)

ЗАПОВЕДИ И ОТКРОВЕНИЯ

1. Мысль — превыше всего между людьми на земле.
 2. Не садись на хлебную меру
(то есть не живи праздно).
 3. Уходя, не оглядывайся
(то есть перед смертью не цепляйся за жизнь).
 4. По торной дороге не ходи
(то есть следуй не мнениям толпы, а мнениям немногих понимающих).
 5. Ласточек в доме не держи
(то есть не принимай гостей болтливых и несдержанных на язык).
 6. Будь с тем, кто ношу взваливает, не будь с тем, кто ношу сваливает
(то есть поощряй людей не к праздности, а к добродетели и к труду).
 7. В перстне изображений не носи
(то есть не выставляй напоказ перед людьми, как ты судишь и думаешь о богах).
 8. Богам делай возлияния через ушко сосудов
(то есть богов должно чтить музыкой и песнопениями, потому что и та и те доходят до нас через уши).
 9. Не ешь не должного, а именно: ни рождения, ни приращения, ни начала, ни завершения, ни того, в чем первооснова всего
(то есть не вкушай от жертвенных животных чресла, яички, матку, костный мозг, ноги и голову: первоосновой он назвал чресла, ибо животные держатся на них, как на опоре; рождением — яички и матку, силою которых возникает все живое; приращением — костный мозг, потому что он — причина роста для всякого животного; началом — ноги, а завершением — голову, в которой высшая власть над всем телом).
- /Бобов Пифагор запрещал касаться, все равно как человеческого мяса. Причину этого, говорят, объяснял он так: когда нарушилось всеобщее начало и зарождение, многое в земле вместе сливалось, сгущалось и перегнивало, а потом из

этого вновь происходило зарождение и разделение — зарождались животные, прорастали растения, и тут-то из одного и того же пережня возникли люди и проросли бобы. А несомненные доказательства этому он приводил такие: если боб разжевать и жвачку выставить ненадолго на солнечный зной, а потом подойти поближе, то можно почувствовать запах человеческой крови; если же в самое время цветения бобов взять цветок, уже потемневший, положить в глиняный сосуд, закрыть крышкой и закопать в землю на девяносто дней, а потом откопать и открыть, то вместо боба в нем окажется детская голова или женская матка. Кроме бобов запрещал он употреблять в пищу и разное другое: крапиву, рыбу-триглу, да и почти все, что ловится в море./

АФОРИЗМЫ

- ◆ Прежде всего научайся каждую вещь называть ее именем: это самая первая и важнейшая из всех наук.
- ◆ Народы! Старайтесь прежде иметь добрые нравы, нежели законы: нравы суть самые первые законы.
- ◆ Человек! Не делай другим животным того, чего не хочешь, чтоб они делали тебе.
- ◆ Сделай начертание твоей жизни и следуй оному неизменно до последней минуты твоего бытия.
- ◆ Сыщи себе верного друга; имея его, ты можешь обойтись без богов.
- ◆ Избери себе друга заблаговременно, ибо жизнь весьма скоротечна.
- ◆ Избери себе друга; ты не можешь быть счастлив один: счастье есть дело двоих.
- ◆ Если не можешь иметь верного друга, будь сам себе другом.

- ◆ Более примечай и наблюдай, нежели читай: кто читает много, тот читает худо.
- ◆ Повинующийся разуму повинуется богам.
- ◆ Предоставь жрецам исследовать естество богов; ты же занимайся познанием человеческого сердца.
- ◆ Порядок да будет твоим божеством! Непрестанно воздавай ему сердечное служение: порядок есть союз всех вещей. Сама природа через него существует.
- ◆ Если тебя спросят: что есть молчание? — ответствуй: первый камень храма премудрости.
- ◆ Что есть мудрость? Знание порядка. Если желаешь быть мудрым в течение твоей жизни, все поставь на своем месте. Преходящая временная слава не стоит тихого и безмятежного порядка, видимого в ежедневных делах мудрого.
- ◆ Если тебя спросят: что есть добродетель? — ответствуй: любомудрие, употребленное в действие.
- ◆ На поле жизни, подобно сеятелю, ходи ровным и постоянным шагом.
- ◆ Истинное отечество там, где есть благие нравы.
- ◆ Не будь членом ученого общества: самые мудрые, когда они составляют общество, делаются простолюдинами.
- ◆ Какое бы ни постигло тебя несчастье, удержи себя от слез: храни оные для пролития о несчастьи других.
- ◆ Не полагайся на жену, которая много смеется.
- ◆ На верность твоей собаки полагайся во всякое время, а на верность жены твоей только до первого случая.
- ◆ Слушая и сохраняя молчание, ты соделаешься мудрым: начало премудрости есть молчание.
- ◆ Веди жизнь единообразную, если желаешь иметь смерть спокойную.
- ◆ Не почитай знания за одно с мудростью.
- ◆ Благоразумная супруга! Если желаешь, чтоб муж твой свободное время проводил подле тебя, то потщись, чтоб он ни в каком ином месте не находил столько приятности, удовольствия, скромности и нежности.
- ◆ Природа едина, и ничего нет ей равного: мать и дочь себя самой; она есть Божество богов. Рассматривай токмо Природу, а прочее оставь простолюдинам.

Пифагор
Скульптура Шартрского собора, Франция.

- ◆ Воздержись от употребления вина: оно есть молоко, питающее страсти.
- ◆ Говори мало, пищи еще менее.
- ◆ Если хочешь пережить самого себя и быть в почтении у потомства, то оставь после себя добродетельное семейство и хорошую книгу.
- ◆ Не будь одним из тех, кои кажутся мудрыми только в своих сочинениях.
- ◆ Если тебя спросят: в чем состоит благополучие? — ответствуй: быть в согласии с самим собой.
- ◆ Смертный! Когда несчастье станет стучаться у дверей твоих, отвори ему оные с веселым лицом, не дожидаясь, чтоб оно стучалось к тебе в другой раз: сопротивление раздражает его, покорение ему делает его безоружным.
- ◆ Тело свое не делай гробом твоей души.
- ◆ Не делай выговоров твоей жене при твоих детях.
- ◆ Гражданин без собственности не имеет отечества.
- ◆ Народ достоин сожаления, а не посмеяния.
- ◆ Законодатель! Не пиши законов торговле: она не терпит оных, подобно океану, носящему корабли ее.
- ◆ Мудрый! Если ты желаешь возвестить людям какую-либо важную истину, облеку оную в одежду общего мнения.
- ◆ Не просите у богов ни дождя, ни ведра: боги не принимают в сем участия. В Природе все управляется неизменными законами.
- ◆ Почитай священными числа, вес и меру, яко чад изящного равенства. Равенство, величайшее человеческое благо, утверждается в числах. Числа суть боги на земле.
- ◆ Законодатель! Подражай Природе: она равно важна как в подробностях своих, так и в своей совокупности.
- ◆ Не возвещай истину на местах общенародных: народ употребит оную во зло.
- ◆ Мудрый! Обязан будучи жить среди простого народа, будь подобен маслу, плавающему поверх воды, но не смешивающемуся с оною.
- ◆ Не исполняющий должностей отца семейства не может быть ни законодателем, ни градоуправителем.

- ◆ Измеряй свои желания, взвешивай свои мысли, исчисляй свои слова.
- ◆ Будь повелителем самого себя: царствуя и благоуправляя собою, ты будешь иметь превосходное владычество и самую важную должность.
- ◆ Воздержись от убийства животных: пролитие крови оных привело людей к неистовству проливать кровь подобных себе.
- ◆ Ничему не удивляйся: удивление произвело богов.
- ◆ Не избирай себе другом живущего несогласно со своею женою.
- ◆ Научитесь познавать людей: познание людей удобнее и нужнее, нежели познание богов.
- ◆ Поле свое обрабатывай собственными своими руками, не оставляй его возделывать твоим невольникам: земледелие необходимо требует рук свободного человека.
- ◆ Истину полезно видеть нагую. Ложь пусть покрывает себя одеждою.
- ◆ По долгом и напрасном искании друга возьми себе собаку: верная собака есть изображение друга.
- ◆ Совесть твоя да будет единственным твоим божеством.
- ◆ Если спросят: что есть древнее богов? — ответствуй: страх и надежда.
- ◆ Спешить делать добро лучше настоящим утром, чем наступающим вечером: ибо жизнь скоротечна и время летит.
- ◆ Законодатель! Говори человеку о его правах, а народу — о его обязанностях.
- ◆ Упившись вином, не приступай к святому делу деторождения.
- ◆ Не рассуждай с детьми, женщинами и народом.
- ◆ Боги (говорят жрецы) скоро раскаялись, что сотворили человека. Мы равномерно им отвечаем: человек раскаялся, что сотворил богов.
- ◆ Не вверяйте правления республики тому, кому жена его и дети не оказывают должного уважения.

- ◆ Любите в жизни только один раз: се есть закон Природы и Совет разума.
- ◆ Прежде вступления твоего в союз супружества, должен ты знать, что в Природе все непрестанно изменяется: “женщина сегодняшняя не есть женщина вчерашняя”.
- ◆ Никогда не давай полной воли твоему воображению: оно произведет чудовищ.
- ◆ Никогда не обманывай народ, но и всего ему не объясняй.
- ◆ Тогда токмо можешь ты назваться свободным, когда будешь носить одно иго необходимости.
- ◆ Старайся прежде быть мудрым, а ученым, когда будешь иметь свободное время.
- ◆ Не будь обезьяною никого, даже и самой природы.
- ◆ Одну каплю здравого разума предпочитай целому кладезю учености.
- ◆ Не пекись о снискании великого знания: из всех знаний нравственная наука, может быть, есть самая нужнейшая, но ей не обучаются.
- ◆ Берегите слезы ваших детей, дабы они могли проливать их на вашей могиле.
- ◆ Беседу следует вести так, чтобы собеседников из врагов делать друзьями, а не друзей — врагами.
- ◆ Будь другом истины до мученичества, но не будь ее защитником до нетерпимости.
- ◆ Веди жизнь умеренную и трезвую, если желаешь быть независимым.
- ◆ Во время гнева не должно ни говорить, ни действовать.
- ◆ Гостеприимство крайне безрассудно, если его оказывать дурным людям.
- ◆ Делай великое, не обещая великого.
- ◆ Дурные надежды, как дурные путеводители, ведут к дурным поступкам.
- ◆ Жизнь подобна театру: в ней часто весьма дурные люди занимают наилучшие места.

- ◆ Знай, что никакое притворство долго скрываться не может.
- ◆ Из двух человек одинаковой силы сильнее тот, кто прав.
- ◆ Молчи или говори то, что лучше молчания.
- ◆ Начало есть половина всего.
- ◆ Не гоняйся за счастьем: оно всегда находится в тебе самом.
- ◆ Не делай ничего постыдного ни в присутствии других, ни втайне. Первым твоим законом должно быть уважение к самому себе.
- ◆ Не поднимайте пыли на жизненном пути.
- ◆ Ни к золоту ржавчина, ни к добродетели позор не пристанут.
- ◆ Никогда не советуйся с теми, у кого лоб гладок, — они никогда не размышляют.
- ◆ Никто не должен преступать меры ни в пище, ни в питии.
- ◆ Огорчающий ближнего едва ли сам избежит огорчения.
- ◆ Одинаково опасно и безумному вручать меч и бесчестному — власть.
- ◆ Одному только разуму, как мудрому попечителю, должно вверять всю жизнь, и в особенности юность.
- ◆ Прежде всего не теряй самоуважения!
- ◆ Прежде всего прочего удерживай язык свой.
- ◆ Прежде старайся исследовать вещи, находящиеся вблизи тебя, затем те, которые удалены от твоего зрения.
- ◆ Прежде чем станешь говорить, дай время созреть твоей мысли под твоим языком.
- ◆ Пристанью для корабля служит гавань, а для жизни — дружба.
- ◆ Просыпаясь утром, спроси себя: “Что я должен сделать?”. Вечером, прежде чем заснуть: “Что я сделал?”.
- ◆ Пьянство есть упражнение в безумии.
- ◆ Пьянство означает гибель.
- ◆ Статую красит вид, а человека — деяния его.

- ◆ Строго накажи твое дитя, виновное в убийстве насекомого: с этого начинается человекоубийство.
- ◆ Тень лавровых деревьев или опьяняет, или усыпляет нас.
- ◆ Что бы о тебе ни думали, делай то, что ты считаешь справедливым. Будь одинаково равнодушен и к порицанию, и к похвале.
- ◆ Шутку, как и соль, следует употреблять с умеренностью.

Пифагор

Родился в 579 г. до н. э.
 Умер в 499 г. до н. э.
 Прожил 80 лет.

Компакт-биография

- ⊗ Китайский философ;
- житель царства Чу;
- подлинное имя — Ли Эр;
- Лао-цзы означает “учитель Лао”. В свою очередь, Лао — это прозвище, и означает оно “Старец”;
- служил якобы архивариусом при чжоуском дворе и встречался с Конфуцием;
- видя упадок своего чжоуского царства, архивариус Ли Эр (Лао-цзы) решил уйти — не в “отставку”, а совсем, то есть отказаться от общественной жизни. И отправился он на запад. На пограничной заставе его встретил ее начальник и попросил оставить хоть что-нибудь для своей страны. И Ли Эр дал ему рукопись в 5000 знаков

— ту самую поэму, которая вошла в историю под названием “Даодэцзин”. Дал — и ушел. И конец его не известен.

Литературное наследие

“Дао-дэ-цзин” (иное написание: “Даодэцзин”) — “Путь добродетели, или Книга о силе и действии”. /Это небольшой трактат в двух частях, излагающий суть учения о Дао./

Презентационные утверждения

24. *Истинные слова кажутся парадоксальными, но никакое другое учение не может заменить их.*
25. *Кто умер, но не забыт, тот бессмертен.*

Штрихи к портрету

✓ Бо Цзюй-и (772-846 гг.) в стихотворении “Читая Лао-цзы” пишет о 56-й главе трактата “Даодэцзин”, насчитывающего 5000 иероглифов, глубокомысленно, красиво и свежо:

<“Кто говорит — ничего не знает,
Знающий — тот молчит”.

Эти слова, известные людям, Лао принадлежат.

Но если так и почтенный Лао

Именно тот, кто знал, —

Как получилось, что он оставил

Книгу в пять тысяч слов?>

✓ Лао-цзы прозывался “Старец”. Почему “Старец”? Потому, что мать носила его в чреве 81 год, и, когда произвела на свет, новорожденный был сед. Почему фамилия его Ли? Потому что мать родила его под деревом Ли

(сливой). Почему имя Эр — ухо? Потому что у него были непомерно длинные уши.

Узор находок и раздумий

◆ Дао рождает вещи, Дэ вскармливает их. Создавать и не присваивать, творить и не хвалиться, являясь старшим, не повелевать — вот что называется глубочайшим Дэ.

◆ Дао рождает одно, одно рождает два, два рожают три, а три — все существа. Все существа носят в себе “инь” и “ян”, наполнены “ци” и образуют гармонию.

◆ Дао пусто, но, действуя, оно кажется неисчерпаемым. О, глубочайшее! Оно кажется праотцом всех вещей. Если притупить его пронизательность, освободить его от хаотичности, умерить его блеск, уподобить его пылинке, то оно будет казаться ясно существующим. Я не знаю, чье оно порождение. Оно предшествует предку явлений.

◆ Иероглиф “дао” состоит из двух частей: “шоу” — голова и “цзоу” — идти, поэтому основное значение этого иероглифа — дорога, по которой ходят люди, но теперь этот иероглиф приобрел переносный смысл и стал означать закономерность, закон.

◆ “Дао” — корень неба и земли, “Дао” — мать всех вещей, “Дао” лежит в основе мира.

◆ “Дао” не имеет вида, не издает звуков, не обладает формой, смотришь на него, но не видишь, слушаешь его, но не слышишь, ловишь его, но не можешь поймать.

Иероглиф Дао — Путь мироздания.

Лао-цзы на буйволе.

◆ Тридцать спиц соединяются в одной ступице колеса, и, поскольку в оси ступицы есть пустота, появляется возможность использовать колесницу. Из глины делают сосуды, и, поскольку сосуды внутри пусты, появляется возможность использовать их. Двери и окна выдалбливают, чтобы построить дом, и, поскольку дом внутри пуст, появляется возможность использовать его. Поэтому наличие предметов приносит пользу, а имеющаяся в них пустота делает их годными к употреблению. “Дао” — это “пустота”.

◆ Естественное Дао напоминает натягивание лука. Когда понижается его верхняя часть, поднимается нижняя. Оно отнимает лишнее и отдает отнятое тому, кто в нем нуждается. Естественное Дао отнимает у богатых и отдает бедным то, что у них отнято. Человеческое же Дао — наоборот.

◆ “Дао” постоянно пребывает в недеянии, но нет ничего, чего бы оно не делало.

◆ Не выходя со двора, мудрец познает мир. Не выглядывая из окна, он видит естественное Дао. Чем дальше он идет, тем меньше познает. Поэтому мудрый человек не ходит, но познает. Не видя вещей, он называет их. Он, не действуя, творит.

◆ Когда все люди узнают, что красивое является красивым, появляется и безобразное. Когда все узнают, что добро является добром, возникает и зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг друга, трудное и легкое создают друг друга, длинное и короткое взаимно оформляются, высокое и низкое друг к другу склоняются, звуки, сливаясь, приходят в гармонию, предыдущее и последующее следуют друг за другом. Поэтому мудрый человек предпочитает недеяние и осуществляет учение безмолвно.

◆ То, что сжимают, — расширяется. То, что ослабляют, — укрепляется. То, что уничтожают, — расцветает. Кто хочет отнять что-нибудь у другого, непременно потеряет свое.

◆ Бытие и небытие порождают друг друга.

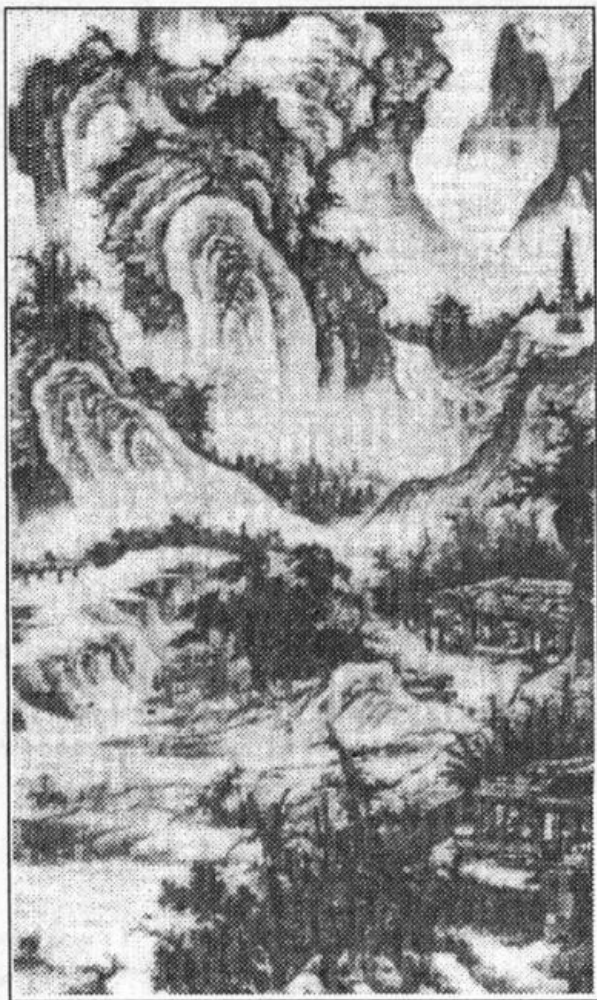

Лао-цзы

- ◆ Человек легко умирает оттого, что у него слишком сильно стремление к жизни.
- ◆ Под небом все лишь временно бывает.
- ◆ Разве пространство между небом и землей не похоже на кузнечный мех? Будучи пустым внутри, он никогда не истощается, и чем больше движется, тем больше из него выходит ветер.
- ◆ Высшее добро подобно воде. Добро, которое оказывает вода, приносит пользу всем существам, и она не борется с ними. Вода находится в тех местах, которыми гнушаются люди, поэтому она похожа на “Дао”.
- ◆ Стремясь к малому — приобретаешь, стремясь к многому — впадаешь в заблуждение.
- ◆ Имеющий сильные войска уничтожается.
- ◆ О несчастье! Оно является опорой счастья. О счастье! В нем притаилось несчастье.
- ◆ Великие дела в Поднебесной обязательно начинаются с мелочи.
- ◆ Крепкое и сильное — слуги смерти.
- ◆ Мягкое и слабое побеждают твердое и сильное. В Поднебесной нет ничего мягче и слабее воды, но она нападает на крепкое и сильное, и никто не может победить ее.
- ◆ Кто знает меру, у того не будет неудачи.
- ◆ По себе можно познать других.
- ◆ Тот, кто знает, не говорит; тот, кто говорит, не знает.
- ◆ На ненависть нужно отвечать добром.
- ◆ Кто много обещает, тот не заслуживает доверия.
- ◆ Кто действует — потерпит неудачу. Кто чем-либо владеет — потеряет. Вот почему совершенномудрый бездеятелен, и он не терпит неудачи.
- ◆ Нет беды тяжелее, чем недооценивать противника.
- ◆ Я имею три сокровища, которыми дорожу: первое — это человеколюбие, второе — бережливость, а третье состоит в том, что я не смею быть впереди других.

- ◆ Когда меня мало знают, тогда я дорог. Поэтому совершенномудрый подобен тому, кто одевается в грубые ткани, а при себе держит яшму.
- ◆ Верные слова не изящны.
- ◆ Если хочешь, чтобы люди шли за тобой, иди за ними.
- ◆ Правдивые слова похожи на свою противоположность.
- ◆ Мудрый человек, зная себя, себя не выставляет.
- ◆ Усилия мудрого человека направлены к тому, чтобы сделать жизнь сытой, а не к тому, чтобы иметь вещи.
- ◆ Нет большего несчастья, чем незнание границы своей страсти.
- ◆ Тот, кто пренебрегает своей жизнью, тем самым ценит свою жизнь.
- ◆ Безграничная добродетель похожа на ее недостаток; распространение добродетели похоже на ее расхищение.
- ◆ Будьте внимательны к своим мыслям — они начало поступков.
- ◆ Там, где великие мудрецы имеют власть, подданные не замечают их существования. Там, где властвуют невеликие мудрецы, народ бывает привязан к ним и хвалит их. Там, где властвуют еще меньшие мудрецы, народ боится их, а там, где еще меньшие, народ их презирает.
- ◆ Великая прямота похожа на кривизну, великое остроумие похоже на глупость.
- ◆ Если надеяться на легкое, то непременно будет много трудностей.
- ◆ Смотри на дело, как на трудное, и оно в итоге не будет трудным.

Го Си, китайский художник (1020-1100).
Возвышенный отшельник в горном ущелье.
Рисунок тушью на свитке.

Дао “невидимое”, “неслышимое”, “мельчайшее”, “бесконечное и не могущее быть названным”, дао “неясное и туманное” — стало философской основой изображения дали, облаков, дымки, туманов у китайских художников.

Особенно показателен в этой связи живописный свиток средневекового китайского пейзажиста Го Си (1020/25 — 1100 гг.). Го Си был даосом, он бродил с даосскими монахами и полностью прошел “школу” отшельничества.

Отшельничество в Китае не было поступком, из ряда вон выходящим, а для поэта, художника, философа оно было нормой, тем более для адепта даосизма. Не было в отшельничестве религиозности, аскетизма; оно могло заключать в себе протест, форму выражения личной свободы, могло быть “отшельничеством мысли”. Отшельник мог уединиться в горах, но мог и уподобиться поэту Тао Юань-мину (365-427):

Я поставил свой дом
В самой гуще людских жилищ,
Но минует его
стук повозок и топот коней.
Вы хотите узнать,
отчего это может быть?
Вдаль умчишься душой,
и земля отойдет сама.

“Вдаль умчишься душой” — слова, близкие Го Си. “Разве человеколюбивый муж, витающий в далях, должен непременно отказаться от мира и быть таким, как Цзи-ин и Хуан-ци, эти знаменитые отшельники, удалившиеся в горы во времена жестокого режима Цинь Ши-хуана, правившего в 221-210 годах до н. э.?! Го Си не с ними, скорее — он с Тао Юань-мином, да и отшельник, изображенный на свитке, поставил свою хижину возле деревушки в горах, “в гуще людских жилищ”.

И пейзаж сам по себе, и жизнь возвышенного духом ученого-отшельника в равной мере интересуют художника. В “Дао-дэ-цзине” — произведении даосского канона — сказано: “Путешествие в тысячу ли начинается с одного шага”. В правом нижнем углу, у самого края свитка,

Го Си.
Возвышенный
отшельник
в горном ущелье.
Деталь.

Го Си.
Возвышенный
отшельник
в горном ущелье.
Деталь.

изображены три маленькие фигуры; отсюда начинается их путь, а вместе с ними и художник, и зритель совершают долгое путешествие.

Дорога — это путь очищения, возвышения духа, общения к природе. Реальная путь-дорога — **дао** — и **дао** как путь самой природы, как философская категория, обозначаются одним и тем же иероглифом, поэтому изображение дороги и странника на ней означало не просто путешествие, а поиск **дао**. К тому же любое путешествие китаец из сословия ученых приближало его к природе, природа сопровождала его, ритм его жизни совпадал с ритмом природы, он заезжал в придорожные монастыри, любовался знаменитыми своей красотой горными вершинами, водопадами, излучинами рек. Путешествие для чиновника-конфуцианца означало разлуку с родным домом и могилами предков, поэтому оно вызывало столько переживаний и столько стихов было написано о дороге. Так что фигуры путников стали постоянным атрибутом китайского пейзажа.

Направление движения путников на свитке Го Си задано жестом руки первого из них. Они минуют причудливые камни, поросшие старыми соснами, подойдут к дому отшельника (у калитки дома — гость), обогнут его, и перед ними откроются речные дали, мостик с всадником на осле и погонщиками, рыбаки в лодке. У Го Си читаем: “Мосты и плотины указывают на людские дела. Лодка и рыбак с удочкой обозначают желания человека”. Дорога ведет дальше, выше — к прикутившимся под скалой постройкам, и видно, что обитатели жилища пьют чай, играют в шашки; потом поворот налево, где за группой деревьев, в лощине, начинается вырубленная в грунте лестница. Она приводит к открытой площадке с навесом, под которым можно укрыться в случае непогоды. Рядом — горный поток, водопад. “Вода, — говорится в трактате, — может быть взволнованной и полной брызг, может состоять из многих родников, течь вдаль или водопадом прорывать небо, стремительно уходить в землю; может радовать рыбака, приводить в восторг травой и растениями... Вода без шума — мертвая вода”.

У подножия горы, между двух расступившихся отрогов предгорий, — долина. Там, за стволами сосен, горная деревушка. “Деревня должна быть расположена на равнине, а не в горах. На равнине — чтобы удобно было пахать землю; не в горах — потому что далеко от пахотных земель. Бывает, что и в горах, но в таком месте, где среди гор есть пахотные земли”. Тропа поднимается круто вверх (“Гора без дорог неподвижна”), на ней едва заметные фигуры путников; она уводит за гору, к храму и возвышающейся пагоде, где видны далекие и неясные вершины.

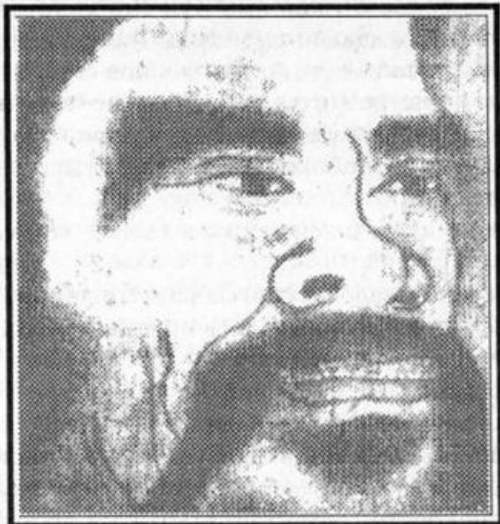
Сложное зигзагообразное движение, обилие и конкретность деталей вызывают желание пристально и внимательно рассматривать свиток, не только проделывать мысленно длинный путь восхождения к храму, путь очищения и возвышения, но и долго любоваться любой малой частицей мира, потому что и в ней тоже воплощено великое, дао.

Теперь, руководствуясь советами самого Го Си, можно взглянуть на свиток, так сказать, издали. И сюжетно, и композиционно свиток делится на три плана: начальный этап пути — до мостика — составляет передний план; второй этап — до деревни — средний, и сама гора, подъем к храму и далекие вершины — третий. Планы связаны один с другим и спиралью движения, и ритмичным чередованием темных и светлых пятен. Горизонтальное членение соответствует представлению о расстоянии: близком, среднем и далеком. А диагональ, проведенная от вершин сосен, расположенных у правого верхнего края свитка возле пагоды к левому нижнему углу, создает композиционную уравновешенность: правому заполненному углу соответствует тяжелая масса горы.

КОНФУЦИЙ

18

Родился 22 сентября 551 г. до н. э.

Умер в апреле 479 г. до н. э.

Прожил 72 года.

Компакт-биография

⊕ Китайский мудрец;

- родился в пещере на склоне Грязевой горы в уезде Чанпин на востоке Китая в княжестве Лу. Семья принадлежала к старинному аристократическому роду, к тому времени почти разорившемуся;
- отец Конфуция Шулян Хэ правил в Лу уездом Цзоу, ко времени рождения мудреца ему было 70 лет;
- в три года остался без отца, в 17 лет остался без матери;
- в семье к тому времени было девять дочерей и мальчик-калека;
- имел высокий рост (1 м 91 см) и грузное телосложение, голова его была “бутром”;
- в 19 лет женился;

• имя, данное при рождении, у него было Кун Цю. Странниками его поклонников имя Кун Цю мало-помалу сменилось почетным прозвищем Кун Фу-цзы, что означает Почтенный Учитель Кун. А много веков спустя (в XVII веке) миссионеры-иезуиты, приехавшие в Китай и там ознакомившиеся с его учением, сделали китайского мудреца достоянием и европейской культуры, латинизировав его имя — Конфуций;

• в жизни Конфуций неизменно воздерживался от четырех вещей:

- 1) он не вдавался в пустые размышления;
- 2) не был категоричен в своих суждениях;
- 3) не проявлял упрямства;
- 4) не думал о себе лично;

• встречался с Лао-Цзы, обращался к нему за советом. Мудрый старец выразил особое уважение Конфуцию тем, что проводил его не дарами (как принято у людей, обладающих лишь богатством и знатностью), а добрым словом, как принято у людей человеколюбивых. Правда, вскорости — есть и такие сведения — Лао-цзы, вконец разочаровавшись в торжестве мудрости среди людей, сел на буйвола и уехал в неизвестном направлении..;

• как Пифагор и Сократ, Конфуций учил изустно и не оставил нам ни строчки. Все известное нам — это записи его учеников;

• со своих слушателей Конфуций брал скромную плату, а впоследствии стал жить на средства нескольких богатых учеников, предоставивших ему помещение для “школы”;

• имел 3000 учеников, 72 из них — особенно близкие, 12 — были при нем безотлучно;

• до 66 лет путешествовал по стране, проповедуя свое учение. Начал он это занятие с 30 лет;

• о том, как выглядел Конфуций, можно судить косвенно. Некогда мудрец пришел в царство Чжэн. Один тамошний житель посмотрел на него и сказал: “Головой он походит на Яо, шеей напоминает Гао-яо, плечи вроде как у сановника Цзы-чаня, только вот от пояса книзу недостает до Яо трех вершков...”.

/У Яо был лик дракона; про мудрого судью мифических времен Гао-яо известно, что у него была лошадиная морда (лошадиный рот) или, по другим источникам, птичий клюв, лицо у него было цвета тыквы с ободранной коркой. Что же касается того, чему уподоблялась его шея, нам ничего не известно, и о плечах Цзы-чаня сведения не сохранились/;

- В 479 году он прервал свои занятия, чувствуя приближение конца. В беседах с учеником Цзы Кунгом он, однако, все время возвращался к древним временам. Он снова и снова сетовал на то, что “не нашлось ни одного правителя, который захотел бы стать его учеником”. Под конец он в тоске воскликнул: “Кто после моей смерти возьмет на себя труд продолжать мое учение?”. Это были его последние слова;

- ученики похоронили своего Учителя там, где он сам незадолго до смерти выбрал место для своей могилы: на берегу небольшой речки, под сенью благородных кипарисов;

- на пьедестале памятника Конфуцию — в главном здании храма и пантеона Конфуция, занимающем более 20 гектаров, — имеется подпись следующего содержания: “Самый святой, одаренный даром предвидения мудрец Конфуций — место успокоения его духа”;

- в 555 году был издан императорский указ о возведении в каждом городе храма в честь Конфуция и о регулярных жертвоприношениях в этих храмах. Вначале на главном алтаре таких храмов стояли поминальные таблички с именем Конфуция. Затем таблички были заменены скульптурами.

Литературное наследие

“Шицзин” (“Книга песен”).

/По преданию, Конфуций отобрал для нее 305 из трех с лишним тысяч народных и ритуальных песен и од XI-VII вв до н. э./.

“Луньюй” (“Беседы и высказывания”).

/На создание этого сборника затрачено 80 лет, впервые он появился около 400 года до н. э./.

26. *Глупец жалуется, что люди плохо знают его, а мудрец, наоборот, что он не знает людей!*

27. *Если на рассвете познаешь дао, то на закате солнца можно умереть.*

Штрихи к портрету

✓ Обладаю ли я знаниями? Нет. Но когда низкий человек спросит меня о чем-либо, то, даже если я не буду ничего знать, смогу рассмотреть этот вопрос с двух сторон и обо всем рассказать ему.

✓ Самая краткая формулировка учения Конфуция содержится в его ответе Цзин-чуну (царю государства Ци) на его вопрос, как управлять государством. Конфуций сказал: “Государь должен быть государем, сановник — сановником, отец — отцом, сын — сыном”.

✓ Ци Вэнь-цзы обдумывал каждое дело три раза, а потом уже действовал. Конфуций, узнав об этом, сказал: “Достаточно обдумывать два раза”.

✓ Конфуций боготворил порядок. Рассказывают, что он не входил в дом, если циновка у дверей лежала не так, как положено.

✓ История знает остроумное высказывание близкого ученика Конфуция по имени Цзы-Гун. Однажды некий его знакомый заявил, что Цзы-Гун умом и образованностью превосходит даже своего Учителя, и тогда Цзы-Гун заметил в ответ: “Мудрость человека можно уподобить стене. Моя стена не выше человеческого роста, и потому каждый без труда разглядит все, что за ней находится. А мой Учитель подобен стене высотой в несколько саженей. Кто не сможет отыскать в ней ворота, никогда не узнает, какие прекрасные храмы и дворцы скрыты за ней”.

САМОБЫТНОСТЬ МУДРОСТИ

◆ — Ты считаешь меня многоученым? — спросил как-то Конфуций ученика.

— А разве нет? — ответил тот.

— Нет, — сказал Конфуций, — я лишь связываю все воедино.

◆ Среди первых учеников Конфуция был Цзы-Лу, почти ровесник Учителя, рослый, вспыльчивый и наделенный чудовищным честолюбием парень, приехавший из какой-то глухой деревушки в Цюйфу на поиски удачи и удививший столичных жителей своими грубыми манерами.

“Если вы так мудры, уважаемый, — позабыв учтивость, бросил он однажды Конфуцию, — то ответьте мне без ухищрений, как добиться повиновения людей, не заставляя их жить в страхе?” — “Своим личным примером побуждай людей трудиться”, — ответил Конфуций. Цзы-Лу был немного смущен: ответ-то, оказывается, скрыт в нем самом! Но он все еще не хотел уступить и спросил: “Положим, я добьюсь этого. А что потом?” — “Не позволяй себе расслабляться”, — последовал ответ. Цзы-Лу растерянно молчал, и тогда Учитель продолжил:

— А теперь позволь мне спросить тебя: любишь ли ты музыку?

— Я люблю свой длинный меч, — с вызовом ответил ученик.

— Ты не ответил на мой вопрос. Я спрашиваю о том, не следует ли тебе к твоим способностям добавить еще и знания?

— А от учения есть какой-то прибыток? — принялся за свое Цзы-Лу.

— Правитель, не поучающий подданного, не может быть прям. Благородный муж, не наставляющий друга, не может быть добродетелен. Честный человек, получивший урок,

станет великим мудрецом. И никто из тех, кто любит учиться, не пойдет наперекор должному.

— В южных горах растет бамбук, который сам по себе прям, и стрелы, изготовленные из него, пробивают даже панцирь из носорожьей кожи. А ведь этот бамбук ничему не учился! — блеснул своей полемической находчивостью Цзы-Лу.

— Приладь к стреле оперение, надень на нее железный наконечник, и разве не войдет она еще глубже? — сказал Конфуций.

Тут, если верить преданию, Цзы-Лу понял, что нашел своего учителя, и с тех пор служил Конфуцию с такой же пылкостью, с какой поначалу жаждал доказать свое превосходство.

◆ Стоя на берегу реки, Учитель сказал: “Все течет так же, как вода. Время бежит, не останавливаясь”.

◆ Мораль благородного муж подобна ветру; мораль низкого человека подобна траве. Трава наклоняется туда, куда дует ветер.

◆ Одному из учеников Конфуция, жаждавшему постигнуть все тайны науки своего Учителя, показалось, что тот не все открывает своим ученикам, что главное он сообщает только избранным. И ученик этот решил, что самому главному Учителю учит собственного сына. Встретившись однажды с этим сыном, он спросил его: “Есть ли что-нибудь особенное, о чем ты слышал от отца?”. Тот ответил: “Нет. Как-то раз Учитель был один. Я пробежал в это время по двору, и он спросил меня: “Ты уже учил Стихи?”. Я ответил: “Еще нет”. Тогда он сказал: “Если ты не будешь учить Стихи, у тебя не будет ничего, о чем говорить”. Тогда я пошел и стал учить Стихи. В другой раз Учитель опять был один. Я пробежал в это время по двору. Он спросил меня: “Ты уже учил Правила?”. Я ответил: “Еще нет”. Тогда он сказал: “Если ты не будешь учить Правила, у тебя не будет ничего, на чем можно утвердиться”. Тогда я пошел и стал учить Правила. Вот об этих двух вещах я и слышал от него”.

Конфуций, живущий в праздности.
Картина неизвестного художника.

XVI век.

◆ **Золотое правило нравственности:**

На вопрос “Что есть жэнь?” Конфуций ответил: “Не делай человеку того, чего не желаешь себе. И тогда исчезнет ненависть в государстве, исчезнет ненависть в семье”.

/Древнеиндийские источники передают рассказ о нетерпеливом и любопытствующем молодом человеке, который ходил к разным просвещенным людям и просил их изложить содержание священных книг **столь сжато, чтобы эту мудрость можно было бы почерпнуть стоя на одной ноге**. Наконец он пришел с этой просьбой к знаменитому учителю законов Хилелу. Тот улыбнулся и ответил: “Не делай никому того, что ты не хочешь, чтобы было сделано тебе”./

◆ Цзы-Гун (ученик Конфуция) сказал, повторяя Учителя: “То, чего я не хочу, чтобы делали мне, я не хочу делать другим”. Конфуций на это ответил: “Этого добиться невозможно”.

◆ Однажды Конфуций поехал к разбойнику Чжэ, чтобы усовестить его. Тот выгнал Конфуция, предварительно произнеся большую речь, в которой были такие слова: “Верхний предел долголетия – сто лет, среднее долголетие – восемьдесят лет и нижний предел долголетия – шестьдесят лет. Если исключить изнуряющие муки болезней, траур при утрате, заботы и тревожения, то в жизни человеческой дней, когда открываешь рот для смеха, найдется в одном месяце не больше четырех или пяти. И это все”.

◆ Благородный муж думает о девяти вещах: о том, чтобы видеть ясно; о том, чтобы слышать четко; о том, чтобы его лицо было приветливым; о том, чтобы его поступки были почтительными; о том, чтобы его речь была искренней; о том, чтобы его действия были осторожными; о необходимости помнить о последствиях своего гнева; о необходимости помнить о справедливости, когда есть возможность извлечь пользу.

◆ Те, кто обладает врожденными знаниями, стоят выше всех. За ними следуют те, кто приобретает знания благо-

Конфуций с учениками.

даря учению. Далее следуют те, кто приступает к учению, встретившись с трудностями. Те же, кто, встретившись с трудностями, не учатся, стоят ниже всех.

◆ Сыма Нью спросил о Гуманности. Конфуций ответил: “О Гуманности говорить трудно”. Сыма Нью сказал: “То, о чем говорить трудно, — это и есть гуманность?”. Философ ответил: “Делать это трудно, неужели говорить об этом не трудно?”.

◆ Я познаю все с помощью одной истины.

◆ Я не родился со знаниями.

◆ О, если бы кто-нибудь призвал меня, я бы за год произвел большие перемены в стране.

■ КОНФУЦИЙ ОСТАВИЛ НАМ И ЗАГАДКИ СВОИХ ПОСТУПКОВ

В Чу был человек по имени Чжи-гун, его отец украл барана, и сын донес на него властям. Правитель округа приказал: “Казнить его!”. Хотя Чжи-гун поступил правильно по отношению к государю, **но изменил отцу**, потому что его обвинили и наказали. Отсюда видно, что подданный, честный перед государем, может оказаться жестоким сыном по отношению к отцу. Один лусец ходил со своим государем на войну и в трех сражениях трижды показывал спину. Конфуций спросил о причине этого, и тот ответил: “У меня старый отец, если я умру, некому будет его содержать”. Конфуций счел это сыновней почтительностью, превозносил его и возвеличивал. Отсюда видно, что сын, почтительный по отношению к отцу, может оказаться подданным, изменившим своему государю. Поэтому наказание, наложенное правителем округа, привело к тому, что в Чу до верхов не доходят сведения о злодеях, а похвала Конфуция привела к тому, что в Лу народ легко сдается в плен и показывает спины.

В первом случае сын поступил, руководствуясь государственным законом и государственной моралью, — он сообщил властям о преступлении, совершенном одним из членов семьи, в данном случае его отцом.

Во втором случае сын следовал нормам, функционировавшим в семье и общине, то есть придерживался норм обычного права, памятуя все время о судьбе престарелого отца.

Казалось бы, в первом случае чиновник должен был, следуя строго закону, наградить сына, однако при вынесении приговора он, видимо, руководствовался нормами обычного права, ибо они в то время были сильнее закона. Чиновнику не хотелось ссориться с главами общин, его единственное отступление от общепринятых норм заключалось в том, что он взял на себя одну из функций общины.

Второй случай не менее интересен. Событие, по-видимому, произошло где-то в году 496-495-м, ибо как раз на 14-м году правления луского царя Дин-гуна, то есть в 496 году до нашей эры. Конфуций был назначен на должность *дасыкоу* — руководителя судебного ведомства. В его обязанности входило вести дознание и выносить приговоры по всем нарушениям существовавшего в те времена в царстве Лу законодательства. Воин, струсивший в бою, подлежал суровому наказанию, и дело, вероятно, попало к самому дасыкоу. Однако, подобно лускому правителю округа, Конфуций нарушил закон, и причина этого кроется не только в его приверженности к сяо (сыновней почтительности), но и в учете им сложившихся норм поведения. При вынесении решения по делу струсившего воина в Конфуции, вероятно, боролись два человека: чиновник и мыслитель; победил мыслитель.

◆ Для людей человеколюбие важнее, чем вода и огонь. Я видел, как люди, попадая в воду и огонь, погибали. Но не видел, чтобы люди, следуя человеколюбию, погибали.

АФОРИЗМЫ

- ◆ Не зная, что говорят люди, нельзя узнать людей.
- ◆ Умереть с голоду — событие маленькое, а утратить мораль — большое.
- ◆ Если человек не обладает человеколюбием, к чему тогда говорить об этике и музыке?
- ◆ Тот, кто обладает моралью, непременно умеет хорошо говорить.

◆ Как на небе не может быть двух солнц, так и у народа не может быть двух правителей.

◆ Однажды Конфуций увидел плачущую женщину и спросил, в чем ее горе. Она сказала ему, что тигр растерзал одного за другим всех ее родных.

— Почему же ты не покидаешь этой местности? — удивился мудрец.

— В других областях князья угнетают народ.

— Видите, — сказал тогда Конфуций ученикам, — жестокий тиран страшнее для человека, чем лютый зверь.

◆ Стрельба из лука учит нас, как надо искать истину. Когда стрелок промахивается, он не винит других, а ищет вину в самом себе.

◆ Тот, кто, дожив до сорока лет, вызывает лишь неприязнь, — конченный человек.

◆ Достойный человек не идет по следам других людей.

◆ Каждый может стать благородным мужем. Нужно только решиться им стать.

◆ Единственная настоящая ошибка — не исправлять своих прошлых ошибок.

◆ Будьте строги к себе и мягки к другим. Так вы оградите себя от людской неприязни.

◆ Человек расширяет Путь, а не Путь расширяет человека.

◆ Достаточно, чтобы слова выражали смысл.

◆ Тот, кто, обращаясь к старому, способен открывать новое, достоин быть учителем.

◆ Ученый, ищущий истину, но стыдящийся бедной одежды и грубой пищи! О чем тут еще говорить!

◆ Добродетель не останется в одиночестве. У нее обязательно найдутся соседи.

◆ — Существует ли бессмертие? — спросили у Конфуция.

— Мы не знаем, что такое жизнь, можем ли мы знать, что такое смерть? — уклончиво ответил он.

◆ Платить добром за зло — нелепость. Чем же тогда платить за добро?

◆ Благородный муж подобен колоколу: не ударишь в него — не звучит.

/Это интерпретируется, как отказ говорить о чем-либо до тех пор, пока правитель прямо об этом не спросит./

Конфуций читает
“Книгу Перемен”.
Рисунок современного
китайского художника.

Статуя Конфуция
в храме Конфуция
в Токио.

◆ **Благородный муж думает о Пути, не думает о еде. Когда пашут — за этим страх голода. Когда учатся — за этим стремление к жалованью. Благородный муж печалится о Пути, не печалится о бедности.**

◆ **Цзы-Гун спросил: “Если бы Вы не высказывались, то что бы ученики записали за счет этого?”. Конфуций ответил: “Разве Небо высказывается? Четыре времени года сменяются за счет этого. Сто вещей живут за счет этого. Разве Небо высказывается?”.**

◆ **Соотношение между правителем и народом таково: император — “всадник”, чиновник и законы — “узда” и “вожжи”, народ — “лошадь”. Чтобы хорошо управлять лошадьми, нужно правильно их взнуздывать, нужно ровно держать вожжи и стимул, следует соразмерять силы лошадей и наблюдать за согласным бегом последних; при этих условиях правителю можно не издавать ни одного звука, вовсе не хлопать вожжами и не подстрекать стимулом — лошади сами собой побегут.**

◆ **Я в 15 лет направил помыслы на учение, в 30 лет установился, в 40 — не сомневался, в 50 — познал Судьбу Неба, в 60 стал послушным ушам, в 70, следуя тому, что желало мое сердце, не преступал меры.**

◆ **При разных принципах не найти общего языка.**

Могила Конфуция.

Меня уж нет, ты утверждаешь,
А я не ведаю конца.
Когда прозренья ожидаешь,
Смерть не придет к тебе гонца.

Родился в 550 г. до н. э.

Умер в 440 г. до н. э.

Прожил 110 лет.

Компакт-биография

☉ Греческий комедиограф и философ;
родом из Сиракуз;

- по некоторым версиям, один из семи мудрецов;
- основную часть жизни провел на Сицилии;
- слушал Пифагора;
- автор множества небольших комедий, в которых в острой форме излагал и критиковал философские системы Парменида, Гераклита и др.;
- по свидетельству Диогена Лаэртского, со ссылкой на Алкима, “Платон многое говорит, следуя Эпихарму”;
- на одной из его статуй есть надпись: “Изрек речений пропасть он”.

28. В природе идеи стоят как первообразы (парадигмы), а прочие вещи подобны им, представляя собой их копии.

29. Ничего не стоит тот, кому не завидуют.

В истории философии мы вместо движения философии наблюдаем процесс исчерпывания ограниченного круга проблем.

М.Хайдеггер (1889-1976)

Узор находок и раздумий

- ◆ В природе идеи стоят как первообразы (парадигмы), а прочие вещи подобны им, представляя собой их копии.
- ◆ Ничто никогда не есть, но всегда возникает (становится).
- ◆ Мудрость — не в одном единственном, Но все живые существа обладают умом (*γνομη*).
Так, самка куриного племени —
Ты только присмотришься внимательно — не родит
детенышей
Живыми, а высиживает и оживляет.
Какова эта мудрость — знает одна только природа,
Ибо она обучена сама собой.
- ◆ — Что есть Бог? — Бог — это разум. — Что есть разум? —
Здравый смысл.
- ◆ Соединилось и разъединилось, и вновь ушло, откуда
пришло:
В землю — земля, дыхание — в небо. Что тут страшного?
Ничего!
- ◆ Солнце — всецело дух, подобно тому, как холодная влага
присуща земле. Когда огонь солнца и земная влага

сопряглись, Небо и Земля породили все существа, ибо через них природа.

◆ Что есть природа человека? — То же, что надутый мех.

◆ Бог может все, что угодно. Он за людьми надзирает. От него ничего утаить нельзя.

**Эпихарм о чувственно воспринимаемом
и об умопостигаемом ясно сказал так:**

◆ — Но ведь боги были вечно, ни на миг не отсутствуя.

Все всегда таково, как ныне, одним и тем же держится!

— Что же, молвят, будто Хаос первым возник из всех богов?

— Вздор! Ведь и не из чего было возникнуть
первовозникшему!

— Значит, первого не было вовсе?

— И второго не было! Все, о чем мы
здесь толкуем, спокон веку таково!..

[...]

— Ну, а если к четному числу или нечетному

Мы прибавим или отнимем единичку-камушек, —
Разве число останется тем же?

— Ясно, что изменится.

— Ну, а если к мерке в локоть мы прибавим

хоть чуть-чуть

Или хоть чуть-чуть отнимем из того, что был в ней, —
Разве она останется прежней?

— Нет, никоим образом.

— Меж людьми мы видим то же: толстеет один,

худеет другой,

Так все время, так все люди изменяются.

А то, что меняется по природе, не застывая ни на миг,

Непрерывно будет отличным от неизменного.

Вчера мы — одни, сегодня — другие,

завтра будем третьими,

Но никогда не одни и те же — уж таков порядок вещей.

■ Диоген Лаэртский свидетельствует:

“О благе и об идеях Эпихарм говорит так:

— Скажи, игра на флейте — это дело?

— Да.

— Игра на флейте — это человек?

— О, нет.

— Ну, а флейтист — он кто такой, по-твоему?

Он человек?

— Ну да.

— Тогда попробуй-ка и о добре судить таким же образом.

Добро само есть дело: кто учен добру,

Сам делается добрым в силу этого —

Как и флейтист есть тот, кто флейте выучен,

Плясун — кто пляске, венцеплет — венки плести,

Какое ремесло бы ни усвоил ты —

Не ремесло ты все же, а ремесленник”.

◆ Коли дух (*vouç*) твой чист — и тело целиком твое чисто.

◆ Эпихарм первым выдвинул утверждение, из которого впоследствии у софистов развился аргумент о росте: тот, кто взял в долг давно, теперь не должен, поскольку стал другим, а кого звали на обед вчера, приходит незванным сегодня, поскольку де он “другой”.

◆ Этим Эпихарм высмеял Гераклита, утверждавшего, что “все постоянно течет и изменяется по виду” и “сущности становятся то такими, то другими”.

◆ Никто по доброй воле не страждет и не несчастен.

◆ Трезвым будь, стремись не верить, в этом сметка состоит.

◆ Как с другими человек дружит, прежде ты узнай, — потом с ним дружи.

◆ Много ль, мало ль жить осталось — пусть тебе будет все равно.

◆ Слепленья дочь — порука, а поруки дочь — беда.

◆ Нет, не говорить силен ты, а бессилен ты молчать.

◆ Коли мудрое что ищешь, размышляй о нем в ночи.

◆ Боги продают все блага нам лишь только за труды.

◆ “До”, а не “после” должен думать муж сметливый.

◆ Подлость против подлеца — средство не негодное.

◆ Нет, не сердце, а рассудок должен верх одерживать.

- ◆ Нет, никто решенья в гневе не принимает должного.
- ◆ Удовольствия для смертных — что безбожные пираты:
Наслажденьями плененный тотчас же идет ко дну.
- ◆ Без греха и без упрёка нет на свете никого.
- ◆ Кто, пользуясь достатком и везеньем,
В душе не скопит доброго, прекрасного,
Счастливым я того не назову, скорей
Охранником чужого состояния.

Перед тобой квадрата бездна —
Всмотрись в отсутствие чела;
И тем трудом, что пропасть без дна,
Пойми свои мои дела!

Родился ок. 540 г. до н. э.

Компакт-биография

- ⊕ Древнегреческий философ;
- происходил из богатого рода, из Южной Италии;
 - родился в г. Элее;
 - был учеником Ксенофана и пифагорейца Аминия;
 - встречался и беседовал с Сократом и даже дал однажды молодому Сократу такой совет:

“Твое рвение к рассуждениям, будь уверен, прекрасно и божественно, пока ты еще молод, постарайся поупражняться побольше в том, что большинство считает и называет пустословием; в противном случае истина будет от тебя ускользать”.

Литературное наследие

“*О природе*”. (Поэма). Произведение сохранилось в отрывках: 9/10 от первой части и 1/10 от второй части.

30. *Одно и то же есть мысль и то,
о чем мысль существует,
Ибо ведь без бытия, в котором ее выраженье,
Мысли тебе не найти.*

31. *Никогда не может быть доказано, что несущест-
вующее существует. Оберегайте свою мысль от
этого пути исследования, ибо немислимо ни познать,
ни выразить небытия: оно — непостижимо.*

Штрихи к портрету

✓ Сократ:

Парменид — мыслитель действительно необыкновенной глубины.

(Платон. “Тезет”)

✓ Данте вслед за оценкой Аристотеля:

Ведь очень часто торопливость дум
На ложный путь заводит безрассудно;
А там пристрастья связывают ум...

Примерами перед людьми стоят
Брис, Парменид, Мелисс и остальные,
Которые блуждали наугад.

(Данте. “Божественная комедия”)

*Употребляйте с пользой время,
Учиться надо по системе.
Сперва хочу вам в долг вменить
На курсы логики ходить.
Ваш ум, не тронутый доньше,
На них приучат к дисциплине.*

И.В.Гете. “Фауст.”

- ◆ Не болтай праздно языком.
- ◆ Не глазами бессмысленно на мир.
- ◆ Не вслушивайся в бессмысленные речи.
- ◆ Порви со слепой привычкой.
- ◆ В познании, откуда бы ни начинать, безразлично, все равно вернешься к началу, ибо истина хорошо закруглена.
- ◆ Утверждение, что “есть небытие и это небытие необходимо существует”, – ошибочно.
- ◆ Есть бытие, а небытия вовсе нет.
- ◆ Бытие едино, непрерывно, цельно, неделимо и сплошь однородно.
- ◆ Не возникает бытие и не подчиняется смерти.
Цельное все, без конца, не движется и однородно.
Не было в прошлом оно, не будет, но все – в настоящем.
Без перерыва, одно. Ему ли разыщешь начало?
Как и откуда расти?..
Так неподвижно лежит в пределах оков величайших,
И без начала, конца, затем, что рождение и гибель
Истинным тем далеко отброшены вдаль убеждением...
Есть же последний предел, и все бытие отовсюду
Замкнуто, массе равно вполне совершенного шара
С правильным центром внутри.
- ◆ Не доказать никогда, что небытие существует.

▶ А разбитая чашка?! Разве она не **небытие бытия ее целостности?**

Вообще, появление в философии (через Парменида!) темы небытия очень интересно, важно и эвристично.

Небытие – это понятие, обозначающее не усмотрение его, небытия, как наличествующего, то есть имеющего постигаемое местопребывание, а **приписывание** бытию черт, входящих в содержание его, понятия небытия, значений.

Простой пример: Вот говорят же: “Мы видим ваши *недостатки*”. Спрашивается, как можно увидеть не что-нибудь, а именно “недостатки”?! Ведь, по определению, это слово

фиксирует нечто отсутствующее или само отсутствие как таковое.

Как можно узреть то, чего нет?! Выходит, что мы видим то, чего для нас **как видимого** мало, недостаточно; мы бы хотели видеть больше, или, иначе, видеть то, что есть у другого, но нет у этого.

Значит, строго говоря, мы не столько **не видим** (ибо как увидеть “отсутствие?”), сколько не соглашаемся с видимым!

Если принять и учесть это несовершенство в языке и в словоупотреблении, то видеть **небытие**, а следовательно, и говорить и ставить о нем вопрос, можно; в том смысле, что познающему мир разуму понятия “бытие” для объяснения мира мало, и он, разум, нуждается в его, понятии “бытие”, дополнении.

◆ Есть мыслители как бы “двухголовые”, видящие для всего “обратный путь”, утверждая, что “мы существуем и не существуем”, что “путь вверх и путь вниз один и тот же”.

◆ Противоречие не соответствует истине.

◆ Должно тебе все узнать: и недрожашее сердце хорошо закругленной истины, и мнения смертных, в которых не заключается подлинной достоверности.

◆ Не существует ни прошлого, ни будущего, ведь прошедшее уже не существует, будущее еще не существует.

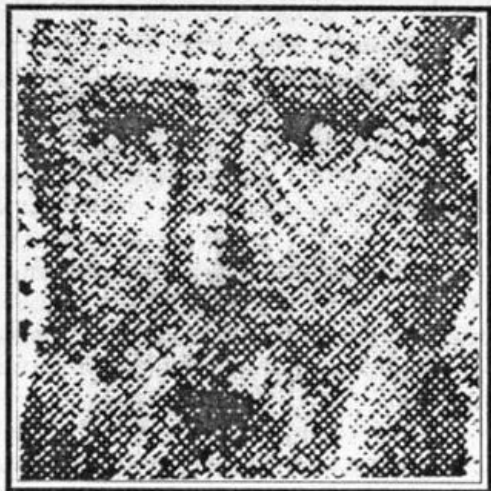
◆ В основе всего два начала — огонь и земля.

◆ Раньше всех богов Афродита создала Эроса. Афродита находится в центре вселенной и всем управляет, а Эрос — та сила, которая связывает противоположности света и тьмы, огня и земли, мужского и женского.

◆ Женщина с мужем, когда мешает Венерино семя,
То если разная кровь соблюдает в смешении меру,
Сила ее, творя, порождает складное тело;
Если же, семя смешав, в нем силы враждуют и спорят
И не сливаются воедино в смешанном теле,
То народившийся пол двояким семенем страдает.

КЛЕОБУЛ

21

Начало VI века до н. э.
Прожил 70 лет.

Компакт-биография

- ⊕ Греческий мыслитель;
- родом из г.Линда (о.Родос);
- был правителем г.Линда;
- отличался силой и красотой;
- сочинял песни и загадки.

Презентационные утверждения

- 32. Мера важнее всего.*
- 33. Наслаждением властвуй.*

Узор находок и раздумий

◆ С женой при чужих не ласкайся и не ссорься: первое — знак глупости, второе — бешенства.

- ◆ Пьяного раба не наказывай: покажешься пьян.
- ◆ Жену бери ровню, а возьмешь выше себя — родня ее будет над тобой хозяйничать.
- ◆ Над осмеиваемыми не тешься — наживешь в них врагов.
- ◆ В счастье не возносись, в несчастье не унижайся.
- ◆ Превратности судьбы умеи выносить с благородством.
- ◆ Что ненавидишь, того не желай другому.
- ◆ Люби больше слушать, нежели говорить.
- ◆ Мудрый человек ненавидит ложь.
- ◆ Кто держится во всем середины золотой, тот в жизни обретет и счастье, и покой.
- ◆ Больше люби знание, чем незнание.
- ◆ Язык держи в благоречии.
- ◆ Добродетели будь своим, пороку — чужим.
- ◆ Неправды убегай.
- ◆ Силой ничего не верши.
- ◆ С враждой развязывайся.

Клеобул. (Кельн)

ГЕРАКЛИТ ЭФЕССКИЙ

22

Родился ок. 535 г. до н. э.

Умер ок. 475 г. до н. э.

Прожил 60 лет.

Компакт-биография

- ☉ Древнегреческий философ;
- родился и жил в г. Эфесе (Малая Азия);
- происходил из царской семьи;
- за глубокомыслие и загадочность изложения получил прозвище “Темный”;
- Гераклит был первым греческим философом, в текстах которого появился термин “космос” (*χoσμoς*);
/”Этот *χoσμoς*, один и тот же для всех, не создал никто ни из богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами вспыхивающим и мерами угасающим”/.

/Само слово “космос” означает “порядок”. Первоначально оно применялось к обозначению государственного устройства и даже убранства приведшей себя в “порядок” женщины (отсюда - “косметика”)/;

- имел скверный характер. Постоянно ругался с соотечественниками и употреблял злобные выражения;
- в конце своей жизни Гераклит удалился в горы и жил отшельником.

Литературное наследие

“*О природе*”. (Это произведение дошло до нас лишь в отрывках – 126 фрагментов.)

Презентационные утверждения

34. *Война – отец всех вещей, отец всего.*

35. *Все сущее течет и ничто не остается на месте. Дважды никому не войти в одну и ту же реку.*

Штрихи к портрету

✓ Всякий раз, когда Гераклит выходил на люди, он плакал, потому что все, что люди делают, казалось ему жалким.

▶ Гераклиту, похоже, было от чего иногда плакать:

✓ Следовало бы всем взрослым эфесцам удавиться и оставить город подросткам, ибо они изгнали Гермодора, мужа меж них наиболее полезного. Причем изгнали, будучи в злобном убеждении: “Пусть не будет среди нас ни один, кто превосходит нас, а если такой найдется, да будет он на чужбине и с чужими”.

▶ Неужели принцип “не высывайся!” столь древен?!

✓ Когда эфесцы попросили Гераклита составить для них законы, он обозвал их негодяями и продолжал играть в бабки, говоря, что это лучше, чем управлять их государством.

✓ **А.Ф.Лосев:**

“Если объективно рассмотреть оставшиеся от Гераклита фрагменты, то получается обратное впечатление: Гераклит всячески подчеркивает *пребывание* в смене, постоянство в изменении, *тождество* в перемене, *меру* в становлении, *единство* в раздвоении, *вечность* в преходящем”.

Узор находок и раздумий

◆ Хотя этот логос существует всегда, люди не понимают его ни прежде, чем услышат о нем, ни услышав впервые. Ведь все происходит согласно этому логосу.

◆ Не мне, но логосу внимая, разумно признать, что все едино.

/О гераклитовском Логосе написана обширная литература.

Перечислим несколько основных его интерпретаций:

1. Логос — мистическое божественное Слово.

2. Логос — божество, управляющее миром, может быть завуалированным обозначением Зевса.

3. Логос — верховный разум, лежащий в основе мироздания.

4. Логос — всеобщий закон, согласно которому совершаются изменения и взаимопревращения вещей.

5. Логос — отношение, определяющее (в количественном смысле) превращения одних вещей в другие (например, воду в землю и престер и т.д.).

6. Логос — учение, в том числе учение самого Гераклита, изложенное в его книге.

7. Логос — слово, речь, рассказ в обычном тривиальном смысле./

Гераклит

♦ Все течет, все меняется.

▶ С этим высказыванием Гераклита — те же проблемы, что и с афоризмом Питтака “Трудно человеку быть хорошим”.

Есть версия, что выражение “*Всё* течет, *всё* меняется” надо читать с ударением на первом смысловом слове “все”: “*всё* течет, *всё* меняется”, имея в виду тот смысл, что не “текучесть” — главное понятие, а присущность свойства текучести именно целому, то есть Всему. Гераклит жаждет сказать: “Целостность” не неподвижна и постоянно себеравна, а, напротив, она цела распадом и неизменна своей изменчивости.

Как бы там ни было, даже если Гераклит и не имел в виду выше означенный смысл, такой подход ему бы понравился.

По некоторым источникам, Гераклит формулировал эту фразу вообще иначе. Не “Все течет” (по греч. *παντα ρει*), а “Все движется вперед”.

♦ А кормчий всего есть перун (огонь вечный).

/Аристотель: “Под огнем он не имеет в виду пламени; наименование огня он дает сухим испарениям”./

/И.Д.Рожанский: “Рассматривая стимулы, которые могли побудить Гераклита выбрать огонь в качестве первоосновы всего сущего, нельзя просто отмахнуться от предположения о возможном влиянии иранских религиозных представлений. Хорошо известно, что в зороастризме огню придавалось особое значение, выделявшее его среди прочих вещей окружающего нас мира. В “Авесте” огонь является сыном верховного бога Ахура-Мазда, носящим имя Атар. При этом в соответствующем месте “Авесты” перечисляются четыре формы проявления Атара, каждая из которых имеет свое особое наименование. Во-первых, это огонь, выходящий из скал и других естественных источников и горящий перед тронем Ормазда. Во-вторых, это огонь, скрытый в телах людей и животных; им обуславливается тепло живого организма, блеск глаз, пище-

варение. Третий вид огня скрыт в земле и растениях: он согревает воду и является причиной всякого произрастания. Далее, огонь, содержащийся в облаках, проявляется в виде молний. Наконец, последняя разновидность Атара — это тот огонь, который используется нами в повседневной жизни. Таким образом, огонь, согласно зороастрийским религиозным текстам, представляет собой универсальную божественную силу, разлитую во всей природе. Разумеется, подобная концепция не совсем совпадает с той ролью, которая приписывается огню Гераклитом. И все же она могла оказать влияние на выбор Гераклитом огня в качестве мировой первоосновы./

◆ Огня смерть — воздуха рождение, и воздуха смерть — воды рождение. Из смерти земли рождается вода, из смерти воды рождается воздух, из смерти воздуха — огонь, и наоборот.

◆ Все обменивается на огонь, и огонь — на все, подобно тому, как золото обменивается на товары, а товары — на золото.

◆ Превращения огня — прежде всего море, а море же наполовину состоит из земли, наполовину из “престера”. Земля рассеивается и измеряется тем же логосом, какой существовал ранее, прежде чем образовалась земля.

◆ Чего возможно видение, слышание, усвоение, это я предпочитаю.

◆ Обманываются люди в познании видимого, наподобие Гомера, который мудрее был всех эллинов. И его ведь обманули дети, вшей убивавшие, сказав: все, что мы увидели и поймали, мы бросаем, а все, чего не увидели и не поймали, мы носим.

◆ А учитель почти всех людей — Гесиод. Он слыл знающим почти все, он, не распознавший дня и ночи: ведь они суть одно.

◆ Путь прямой и кривой один и тот же.

◆ Бессмертные смертны, смертные бессмертны: друг друга смертью живут, друг друга жизнью умирают.

◆ Единое, расходясь, само с собою согласуется: обратно возвращающаяся гармония, как у лука и лиры.

◆ Расходящееся всегда сходится.

/'Борьба противоположных сил, по Гераклиту, отнюдь не сводится к попеременному преобладанию то одной, то другой силы: у него обе борющиеся силы всегда налицо, всегда сосуществуют, совместно определяя целостность вещи или процесса. В древности эта кардинальная черта онтологии Гераклита была наиболее правильно понята и отмечена Платоном, философское развитие которого прошло, по видимому, через период увлечения Гераклитом (возможно, под влиянием Кратила, с которым молодой Платон некоторое время много общался). В "Софисте" Платона имеется место, где в нескольких словах дается глубокое сопоставление взглядов Гераклита и Эмпедокла:

"Позднее некоторые ионийские и сицилийские Музы сообразили, что всего безопаснее заявить, что бытие и множественно и едино, что оно держится враждою и дружбою".

"Расходящееся всегда сходится", — говорят более строгие из Муз; более же уступчивые всегда допускали, что все бывает поочередно — то единым и любимым Афродитою, то множественным и враждебным с самим собою вследствие какого-то раздора".

Из платоновского контекста следует, что слова "расходящееся всегда сходится" (*διαφερομενον γαρ αει ξυμφερεται*), представляющие собой, по-видимому, довольно точную цитату из Гераклита, надо трактовать не в том смысле, что теперь расходящееся потом начнет сходиться (это была точка зрения "сицилийской Музы", то есть Эмпедокла), а в смысле синхронного сосуществования обеих тенденций".

(И.Д.Рожанский)/

◆ Луку имя "Жизнь" (*bios*), а дело его — "смерть" (*bios*).

▶ Слово *bios* с ударением на первом слоге означает *жизнь*, а с ударением на втором слоге — *biös* — означает *лук* (оружие, орудие смерти).

С Гераклита можно начать отсчет обращения внимания на игру слов и проблему имплицитной многосмысленности.

Сегодня эти проблемы — предмет целой научной дисциплины полисемии. Каламбуры и обыгрывание, значение слов — глубинный фундамент философической поэзии, основа всех анекдотов и базовый компонент всей юмористики и сатиры.

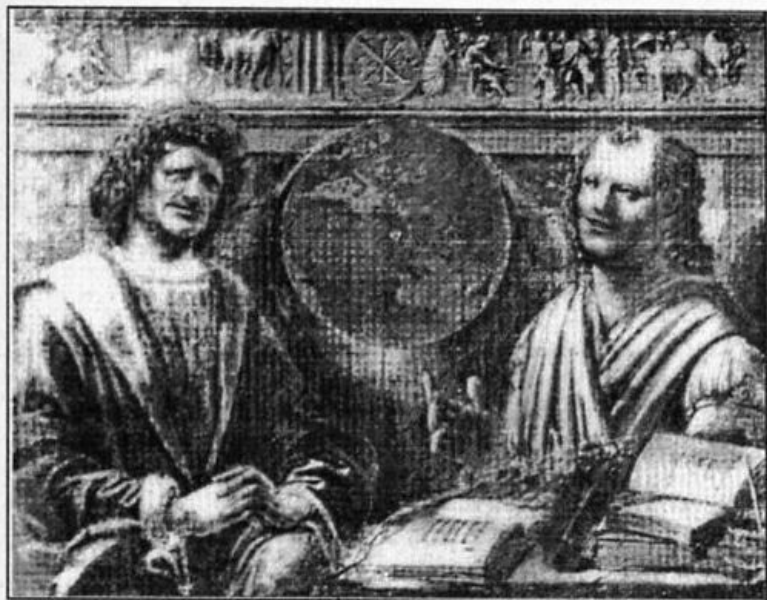
Немного примеров:

- Я спросил сегодня таксу: “За такси какая такса?”
- Я не чаю выпить чаю.
- Жрец — это не жрущий, а служащий Богу.
- Мы — умы, а вы — увы!
- Оратор — не от слова “орать”, а умеющий говорить красиво.
- Вы, товарищ, возражаете, словно воз рожаете!
- *Блестящий ученый* — тот, у кого блестит лысина.
- *Застенчивый* — выпивоха, держащийся за стенку.
- Свежо предание, да **вертится** с трудом. (Из комплиментов престарелой балерине.)
- Язык под майонезом. (Положить немного майонеза на язык.)
- Присесть на минутку. (Подпись к рисунку человека, восседающего на минутном делении циферблата часов.)
- Положить деньги на книжку. (Взять книгу и сверху положить на нее купюры.)
- Скверная история. (История, случившаяся в сквере.)
- Вы член партии? Нет, я ее мозг!
“Люди, поверьте, мы живы тоской,
Только в тоске мы победны над скукой,
Все перемелется, будет мукóй?
Нет, лучше му́кой!”

/Марина Цветаева.

“Мукá и му́ка” (1909-1910)./

◆ В одни и те же воды мы погружаемся и не погружаемся, существуем и не существуем.

Плачущий Гераклит (слева)
и смеющийся Демокрит (справа).

АФОРИЗМЫ

- ◆ Человеческий образ мыслей не обладает разумом, божественный же обладает.
- ◆ Мудрейший из людей по сравнению с богом покажется обезьяной в отношении мудрости, красоты и всего прочего.
- ◆ Мышление — великое достоинство, и мудрость состоит в том, чтобы говорить истинное и чтобы, прислушиваясь к природе, поступать с ней сообразно.
- ◆ Всем людям свойственно познавать себя и мыслить.
- ◆ Я исследовал самого себя.
- ◆ Те, кто, слушая, не понимает, уподобляются глухим, о них свидетельствует изречение “присутствуя, они отсутствуют”.
- ◆ Человеческие мысли — детские игры.
- ◆ То, что самый испытанный мудрец знает и соблюдает, есть только мнение...
- ◆ Образ мыслей человека — его божество.
- ◆ В изменении покоится...
- ◆ Обманулся Гомер тогда, когда изрек: “Сгинет пусть Рознь из среды богов и людей...”. Ибо не понял он, что молится о том, чтобы все исчезло. Не родилась бы Гармония...
- ◆ Когда все желанья людей сбываются — не лучше им.
- ◆ Годины, что все нам приносят.
- ◆ Много злых и мало добрых.
- ◆ В Приене Биант проживал, сын Тевтамов: глагол его выше был, чем у других.
- ◆ Один, по мне, — тысячи, если он — наилучший.
- ◆ С гневом бороться трудно: за все, что он хочет, жизнью платишь.
- ◆ Бороться с наслаждением еще трудней, чем с гневом.
- ◆ Любит природа скрываться.
- ◆ Глаза — свидетели более точные, нежели уши.
- ◆ Душа спящего подобна пауку посередине паутины, она тотчас стремится в задетую часть тела, и человек пробуждается.
- ◆ Когда мы живем, души наши — мертвы, когда мы умираем, они оживают.

◆ Если бы у слепого спросили, что такое зрение, то он ответил бы, что это слепота.

◆ Роком я называю порядок и последовательность причин, когда одна причина, связанная с другой причиной, порождает из себя явление.

◆ Одно и то же в нас — живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое старое. Ведь это, изменившись, есть то, и обратно, то, изменившись, есть это.

◆ Не делайте поспешных заключений в важнейших делах.

◆ Многознание уму не учит. Ибо в противном случае оно научило бы Гесиода и Пифагора, а также Ксенофана.

(Гераклит: “Пифагор создал собственную мудрость: многознание и обман”.)

◆ “Прекраснейший *κοσμος* представлял бы собою как бы кучу сору, рассыпанную наудачу”.

/”Ключом к пониманию гераклитовского термина “космос” может служить вышеприведенный фрагмент. В нем “космосу” в качестве его прямой противоположности противопоставляется рассыпанная наудачу куча сору (*σάρια ειχη χεχυμενων*). Уже отсюда следует, что порядок, упорядоченность, гармоничная структура являются необходимыми аспектами этого термина. Но включает ли он в себя также другой аспект — аспект Вселенной мироздания? Феофраст, приводящий эту цитату, в этом не сомневается. Но надо отметить, что проблематика, обсуждаемая в данном случае Феофрастом (речь идет о первоначалах — *архай*, а именно о том, бесформенны ли они и неопределенны или же, наоборот, определены и упорядочены), чужда Гераклиту. В каком контексте стояла приведенная фраза у самого Гераклита, мы не знаем”.

(И.Д.Рожанский)/

▶ Я бы так перевел это место: “Иногда и куча сора, рассыпанная наудачу, может дать нечто прекрасное”.

- ◆ Нужно, чтобы люди, занимающиеся философией, о многом были хорошо осведомлены.
- ◆ Мудрость состоит в том, чтобы говорить истину и прислушиваться к голосу природы, поступать согласно с ней.
- ◆ Мудрость заключается в одном: познавать мысль как то, что правит всем во всем.

Гераклит из Эфеса

Хитрит история со мною,
 Зачем-то прячет черт узор,
 Страницы белою стеною
 Закрыт от вематриванья взор.

Вторая половина V века до н. э.

Компакт-биография

- ⊗ Греческий философ;
- ученик философа Гераклита;
- приобрел известность тем, что ничего ни о чем не говорил, а только показывал на вещи пальцем.

Презентационное утверждение

36. Нельзя не то чтобы дважды войти в ту же самую реку, как это учит Гераклип, но этого нельзя сделать и один раз. Ни о чем нельзя ничего утверждать, ибо оно в силу непрерывной текучести успевает измениться за время нашего произношения утверждения.

◆ Для каждой из вещей имеется по природе правильность имени, и потому имя — это вовсе не то, что какие-нибудь люди, условившись это так называть, называют, произнося при этом частицу своей собственной речи, но от природы существует для всех — и для эллинов, и для варваров — одна и та же правильность имен.

◆ *Сократ*: Стало быть, все имена установлены правильно?
Кратил: Все, сколько ни есть.

Сократ: Так что же означает твой тезис? Что ложь высказывать вообще невозможно — так, что ли? Многие так утверждают, любезный Кратил, и теперь, да и прежде утверждали.

Кратил: Скажи мне, пожалуйста, Сократ, каким образом кто-либо, говоря то, что он говорит, мог бы говорить то, чего нет? Разве “говорить ложь” не означает “говорить то, чего нет”?

Сократ: Скажи мне вот что: считаешь ли ты, что говорить ложь невозможно, а сказать можно?

Кратил: И сказать, по-моему, нельзя.

Сократ: И назвать нельзя, и обратиться нельзя? Ну, скажем, если бы кто-нибудь, повстречав тебя на чужбине, взял за руку и назвал: “Здравствуй, Афинский гость, сын Смикриона Гермоген”, — говорил бы он это, или сказал бы он это, или назвал бы он это, или обратился бы он так не к тебе, а к этому вот Гермогену? Или ни к кому?

Кратил: По-моему, Сократ, он произнес бы эти звуки впустую.

(Платон. “Диалог “Кратил”.)

Философия может существовать лишь как множество философий.

Г. Мартин

Мой облик к вам войдет в обитель
 Через проблемы и слова,
 И будет миг, как проявитель,
 Когда начнет полет сова.

Середина V века до н. э.

Компакт-биография

- ⊗ Древнегреческий философ;
- родом из Элеи (Южная Италия);
- ученик философа Парменида;
- его акмэ приходится на середину сороковых годов V века до н. э.;
- брался доказывать и доказать, будто беспредельное множество предметов есть единое целое.

Литературное наследие

“*О сущем*” (или “*О природе*”). /Это произведение до нас не дошло и известно лишь по незначительному числу цитат в произведениях более поздних авторов./

37. *Наше зрение обманчиво...*

38. *В природе нет ничего постоянного, но все в возможности подвержено гибели.*

Философские системы прошлого находят свое оправдание не в том, что они являются ступенями в постижении истины, а в том, что они обладают внутренней ценностью, как духовные конструкции, позволяющие пережить аффекты великого мыслителя.

Рихард Фалькенберг
(1851-1920)

Узор находок и раздумий

◆ Ничто из того, что имеет начало и конец, не вечно, не беспредельно.

◆ В основании четырех элементов — воды, земли, огня, воздуха — лежит некая общая сущность, не возникшая и не уничтожимая, которую следует назвать всеединым.

◆ О Богах не должно учить, ибо познание их невозможно.

◆ **Доказательство невозможности пустоты:**

Пустоты нет вовсе. Ибо пустота — ничто. Итак, то, что есть ничто, существовать не может.

◆ **Доказательство невозникновения (то есть вечности) бытия:**

Первый подход:

◆ Если бытие возникло, то до своего возникновения оно должно было вовсе не существовать. Если же в самом деле

ничего не было, то никоим образом не могло что-нибудь возникнуть из ничего.

Второй подход:

◆◆ Если сущее изменяется, то, безусловно, оно не пребывает совершенно однородным, но ранее существовавшее погибает, небывшее же возникает. Итак, если бы оно хотя бы на один волос изменилось в течение десяти тысяч лет, то оно все целиком уничтожилось бы в течение всего времени.

▶ То есть понятие превращения (как это, к примеру, происходит с бесконечным многообразием узоров калейдоскопа при фиксированном числе их элементообразующих начал — разноцветных стеклышек) ни греческим философам, ни Мелиссу, в частности, еще неведомо.

◆ **Доказательство беспредельности бытия:**

Если целое (то есть бытие) не было бы беспредельным, то оно имело бы границу, следовательно, оно граничило бы с чем-то, от него отличным. А что может быть отличным от бытия? Только небытие, то есть пустота. Но пустоты не существует.

◆ **Доказательство невозможности движения:**

Если нет пустоты, а это очевидно, то нет и движения. Ибо сущему некуда отойти, но все полно им. А раз сущему некуда сдвинуться, то нет и надобности в действии, обозначаемом понятием “движение”, и, следовательно, нет, не нужно и не может быть никакого движения.

◆ **Доказательство бестелесности бытия:**

Если бытие существует, а это доказано, оно должно быть единым, то есть ни с кем не разделять свое существование. Если же оно едино, то оно не должно иметь тела: если бы у бытия была толщина (определяющий момент телесности!), оно бы имело части, а все, имеющее части, называется не единым, а множественным, и, кроме того, наличие частей входит в противоречие с фактом невозможности (отсутствия) пустоты.

▶ Ведь части и наличие границ между предметами предполагают наличие заполненности и незаполненности, плотного и пористого, то есть, в конечном счете, пустоты. Но пустоты нет.

Что же до “разграничения”, не требующего для своего осуществления “пустоты”, а именно: “качественного” разграничения вариаций бытия, — то к нему “философия”, в лице Мелисса, еще только подступается...

Родился в 500 г. до н. э.

Умер в 428 г. до н. э.

Прожил 72 года.

Компакт-биография

⊗ Греческий философ (*Ἀναξαγόρας*);

- уроженец ионийского города Клазомена;
- с самого рождения его не видели ни смеющимся, ни улыбающимся;
- был учеником Анаксимена;
- Анаксагор рассекал у животных мозг и обнаружил боковые желудочки мозга;
- увлекся философией настолько, что запустил свое имение до превращения его в пастбище для скота;
- он первым понял, что деятельное начало является определяющей чертой всякой сущности, и потому ввел в материю ум (по-гречески “нус” — *νοῦς*);
- за вольный, нетрадиционный образ мышления Анаксагор подвергался преследованиям и даже какое-то время сидел в тюрьме. Согласно свидетельствам, от более жестких

санкций Анаксагора спас афинский государственный деятель Перикл;

- в тюрьме Анаксагор рисовал квадратуру круга;
- термин “гомеомерия” — неотъемлемая понятийная часть сегодняшнего усвоения и понимания учения Анаксагора — введен не им, а Аристотелем;
- “Млечный путь”, по мнению Анаксагора, — это следствие падения тени Земли на эту часть неба, когда ушедшее под Землю Солнце не освещает уже всего.

Литературное наследие

“О природе.” /Сохранилось довольно много отрывков из этого произведения. Начиналось оно словами: “Вместе все вещи были...”/

Презентационные утверждения

39. Во всем заключается часть всего.

40. Солнце — это огненная глыба, а не бог.

Штрихи к портрету

✓ На вопрос: “Ради чего лучше родиться, чем не родиться?” — Анаксагор ответил: “Чтобы созерцать небо и устройство всего космоса!”.

✓ Анаксагор целиком отдался исследованию природы, не участвуя в общественных делах. По этой причине его спрашивали, заботится ли он о своей стране. “Да, — отвечал он, указывая рукой на небо, — я чрезвычайно забочусь о своей родине!”.

✓ Когда Анаксагор умирал в Лампсаке, то на вопрос друзей, не желает ли он, если с ним что-либо случится, быть перевезенным на родину, в Клазомены, ответил: “Совсем этого

не нужно: ведь путь в подземное царство отовсюду одинаково длинен”.

✓ **Аристотель об Анаксагоре:**

Анаксагор представился словно трезвый по сравнению с пустомелием тех, кто выступал раньше.

Узор находок и раздумий

◆ Вследствие слабости ощущений мы не в состоянии судить об истине.

◆ Все полно мрака. В мире царит не знание, а мнение. И объекты представляют собой что угодно, а наше знание о них лишь такое, какими они нам кажутся.

◆ Мы видим, что простейшая пища — вода и хлеб — превращается в волосы, вены, артерии, нервы, кости и так далее. Следовательно, необходимо, чтобы в хлебе и воде содержались маленькие волосы, вены, артерии и так далее, которых наши чувства, правда, не обнаруживают там, но которые не остаются невидимыми для нашего разума или рассудка.

◆ Каждая вещь характеризуется тем, что в ней преобладает. Так, золотом кажется то, в чем много золотого, хотя в нем есть все.

◆ Анаксагора теперь мы рассмотрим “гомеомерию”,

Как ее греки зовут, а нам передать это слово

Не позволяет язык и наречия нашего скудость,

Но, тем не менее, суть его выразить вовсе не трудно.

Прежде всего, говоря о гомеомерии предметов,

Он понимает под ней, что из крошечных

и из мельчайших

Кости рождаются костей, что из крошечных

и из мельчайших

Мышцы рождаются мышц и что кровь образуется в теле

Из сочетанья в одно сходящихся вместе кровинок.

Так из крупниц золотых, полагает он, вырасти может

Золото, да и земля из земель небольших получится;

Думает он, что огонь — из огней и что влага — из влаги,

Воображая, что все таким же путем возникает.

(Лукреций. "О природе вещей".)

◆ Все небо состоит из камней. Вследствие сильного круговращения оно прочно держится, и, если это движение прекратится, оно упадет вниз.

◆ Слова "возникновение" и "гибель" неправильно употребляют эллины. Ибо на самом деле ни одна вещь не возникает, не уничтожается, но каждая составляется из смешения существующих вещей или выделяется из них.

◆ Больше всего вещей выделяется из земли, воды, воздуха и огня: Поэтому нельзя считать, что они имеют простейшую природу, как утверждали Фалес, Анаксимен, Гераклит и Эмпедокл. Дождь идет потому, что он, в виде воды, уже есть в воздухе. Из камня выделяется огонь при высекании. Из воды выделяются при нагревании пузыри воздуха.

◆ Сама по себе каждая вещь и велика, и мала.

◆ И у большого, и у малого имеется равное число частей.

◆ Разум находится, подобно тому, как в живых существах, так же и в природе, и это он — виновник благоустройства мира и всего мирового порядка.

◆ Остальные вещи имеют часть всего, но один Ум прост, самодержавен и не смешан ни с одной вещью. Ум существует сам по себе. Ибо если бы он не существовал сам по себе, но был бы смешан с чем-то другим, то примесь мешала бы ему, так что он не мог бы ни над одной вещью властвовать. Он — легчайшая из всех вещей и чистейшая и содержит полное знание обо всем и имеет величайшую силу. И над всем, что только имеет душу, властвует Ум.

◆ Вместе все вещи были, Ум же их отделил и привел в порядок.

◆ **Аристотель:** Анаксагор хотя и допустил в числе начал Ум, однако полагает, что многое образуется само, без его содействия.

◆ **Сократ:** Однажды мне кто-то рассказал, как он вычитал в книге Анаксагора, что всему в мире сообщает порядок и всему служит причиной Ум; и эта причина мне пришлось по душе, и я подумал, что это прекрасный выход из

затруднения, если всему причина Ум. Я решил, что если так, то Ум-строитель должен устраивать все наилучшим образом и всякую вещь помещает там, где ей всего лучше находиться. С величайшим рвением принялся я за книги Анаксагора, чтобы поскорее их прочесть и поскорее узнать, что же всего лучше и что хуже.

Но с вершины изумительной этой надежды я стремглав полетел вниз, когда, продолжая читать, увидел, что Ум у него остается без всякого применения и что порядок вещей вообще не возводится ни к каким причинам, но приписывается — совершенно нелепо — воздуху, эфиру, воде и многому иному.

◆ И над всеобщим вращением стал властвовать Ум (нус), так как он дал начало этому вращению. Сперва это вращение началось с малого, теперь оно охватывает большее, а в будущем охватит еще большее.

◆ Все устроил нус. Так же и то вращение, которое теперь совершают звезды, Солнце и Луна, а также отделившиеся воздух и эфир. Само это вращение вызывает отделение.

◆ Происходит вращение и отделение этих веществ под действием силы и скорости. Ведь силу порождает скорость. Скорость же их несравнима со скоростью какой бы то ни было вещи из тех, что ныне известны людям, но, безусловно, во много раз больше.

◆ Ведь каким образом из не-волоса мог возникнуть волос и мясо из не-мяса?

◆ Помимо нашего существует и некий другой мир, в котором Солнце и Луна, как у нас.

◆ А до отделения, когда все было вместе, ни один цвет не был различим; ведь этому препятствовало смешение всех вещей, влажного и сухого, теплого и холодного, светлого и темного, и земли, содержащейся в большом количестве, и беспредельных по множеству семян, ни в чем не похожих друг на друга. Ибо и из прочих вещей ни одна нисколько не похожа на другую. И если же это так, то следует полагать, что в общей совокупности заключаются все вещи.

◆ Свидетельство ненадежности чувств — невосприятие постепенного изменения цвета. А именно: если мы возьмем

две краски — черную и белую, — а затем станем по капле переливать из одной в другую, то зрение не сможет различать ничтожные перемены, хотя в действительности они будут иметься.

▶ Я думаю, что этот пример-образ у Анаксагора — главный в его теории подобочастных (“гомеомерий”, по Аристотелю).

Первоначально все было смешано. Если теперь (пусть даже действиями “мысленного эксперимента”) взять из этого первосмешения любой кусочек (так сказать, “фрагмент”), то в нем будут незаметные, но явно присущные частички всего, подобно той капле черной краски (ну, к примеру, если в ведре черной краски размешать каплю белой краски!), которая содержит в себе частичку, пусть даже незаметную, пусть даже, как мы сказали бы сегодня, в микродозе, белой краски.

◆ Растения — те же животные. Они ощущают, печалются, радуются. На признаки этого указывает подвижность листьев. Растения имеют ум и знание.

◆ Дети похожи лицом на того родителя, который дал больше семени.

◆ Пустоты не существуют вовсе.

◆ Человек есть самое разумное из животных вследствие того, что он имеет руки.

◆ Душа бессмертна.

◆ Ощущения ложны. Вода кажется нам прозрачной, а по природе она черна: ведь дым, исходящий из воды деревьев, черен. И снег видится нам белым, а он — из воды, а кто видел воду снежной белизны?

◆ Земля — плоская.

◆ Все человеческое совершается благодаря случаю.

◆ Звезды — это воспламененные камни.

◆ Солнце во много раз больше Пелопонесса.

◆ По мнению Сократа, Анаксагор говорит, что огонь и Солнце — одно и то же; но он упустил из виду то, что на огонь люди легко смотрят, а на Солнце не могут глядеть;

что от солнечного света люди имеют более темный цвет кожи, а от огня — нет; он упустил из виду и то, что ни одно растение без солнечных лучей не может хорошо расти, а от согревания огнем они все погибают; утверждая, будто Солнце есть раскаленный в огне камень, он упустил из виду и то, что камень, находясь в огне, не светит и не может долго держаться, а Солнце вечно остается самым блестящим светилом.

◆ Мир возник с начала времени; он тленен.

◆ Движение имело начало. Что мешает нусу когда-нибудь остановить все вещи, подобно тому, как он привел их в движение?

◆ Воздух приводится Солнцем в движение, которое имеет характер дрожания и колебания, как это ясно видно на примере мелких крошек и осколков, вечно носящихся в лучах Солнца и называемых пылинками. Шипя и шумя, под действием теплоты они в течение дня издают звуки, не слышимые из-за дневного шума, ночью же их колебания и гул становятся явными.

◆ Название вещи дают преобладающие в ней, из числа бесчисленно в ней имеющихся, первоначала.

◆ Можно ли познать вещи? Нет. Ведь мы только тогда полагаем, что познали сложную вещь, когда знаем ее компоненты. А возможно ли это при бесчисленных первоначалах?

◆ Вначале тела покоились. Божественный разум (нус) привел их в порядок и осуществил рождение миров.

◆ Разум — бог, и бог — разум.

◆ Увеличивается же подобное за счет подобного: от принятия одной и той же пищи, например, хлеба, возникает много непохожих вещей: мясо, кости, жилы, мускулы, волосы, ногти, а при случае — перья и рога.

◆ В “гомеомерии” имеются мясо, кость, кровь, золото, свинец, сладкое, белое — однако, по причине крайней малости, они не воспринимаются нами.

◆ Вот как Лукреций критикует “подобочастные” (*ομοιομερη* — подобная часть) Анаксагора:

Правдоподобья нет никакого в таком объяснении,

Ибо тогда и зерно, дробимое камнем тяжелым,
Крови следы оставлять должно бы на нем постоянно
Или еще что-нибудь, что в нашем питается теле;
Были б и травы должны подобным же образом часто
Кровь источать из себя при тренье их между камнями;
Стали б воды струить такие же сладкие капли,
Как молоко, что течет из сосцов у овец густорунных;
Было бы видно тогда, как и в комьях земли

размельченных

Разного рода трава, и хлебные злаки, и листья
В маленьком виде в земле потаенно рассеяны всюду;
И, наконец, расколовши дрова, мы увидеть могли бы
Пепел, и дым, и огни потаенные в маленьком виде.
Но, очевидно, раз нет подтвержденья тому никакого,
Надо считать, что в вещах не бывает такого смешенья.

◆ Понятие “гомеомерия”:

Аристотель обозначает подобочастные вещества субстантивированным прилагательным *τα ομοιομερῆ*. Позднейшие авторы модифицировали этот термин, превратив его в чистое существительное *αι ομοιομερεια*, по-русски — гомеомерия. Впервые слово *η ομοιομερεια* (гомеомерия) встречается — безотносительно к Анаксагору — у Эпикура в значении, близком, но не тождественном значению аристотелевского *το ομοιομερής* (подобочастное). Применительно же к Анаксагору мы находим гомеомерию раньше всего в поэме Лукреция, где это слово (оно употребляется там только в единственном числе) служит обозначением такого порядка — или доктрины, — когда вещества — мясо, кость, кровь, золото, земля, огонь и так далее — образуются путем сложения мельчайших частичек мяса, кости, крови и так далее. Такая трактовка термина “гомеомерия” была принята позднейшими авторами и дошла до нашего времени. Но наряду с этим доксографы и комментаторы Аристотеля широко пользуются гомеомериями (уже во множественном числе — *αι ομοιομερεια*) как термином, обозначающим эти самые мельчайшие частички, о которых пишет Лукреций. То есть они стали придавать этому

АНАКСАГОР

термину тот смысл, который, в дошедших до нас фрагментах Анаксагора имеет, по-видимому, дважды встречающееся там слово *σπέρματα* — “семена”. Так как семена — бесспорно — анаксагоровский термин и так как авторы, о которых идет речь, называли семена гомеомериями, то вполне естественно у них возникла аберрация.

(И.Д.Рожанский)

◆ **По поводу понимания того, что такое “нус”:**

Однозначного русского перевода для этого термина, вообще говоря, не существует.

νοος: 1) мысль, ум, разум;

2) ум, благоразумие, рассудительность, здравый смысл;

3) замысел, намерение, дума;

4) душа, сердце, грудь;

5) мнение, образ мыслей;

6) желание, воля;

7) смысл, значение;

8) дух.

Наиболее адекватный подход — это воздержаться от какого бы то ни было перевода и пользоваться фонетической транскрипцией греческого слова *νοος* — “нус”.

ЗЕНОН ЭЛЕЙСКИЙ

26

Родился ок. 490 г. до н.э.

Умер в 430 г. до н.э.

Прожил 60 лет

Компакт-биография

☉ Итальянский философ;

- родиной его была Элея, маленький городок в Италии;
- вместе с Эмпедоклом слушал лекции философа Парменида;
- есть версия, что Зенон был приемным сыном Парменида;
- был первым, кто изобрел “Диалектику” — метод опровержения противника путем выявления противоречий в его суждениях. Опровержение противоположного тезиса служило косвенным доказательством защищаемого тезиса. Оригинальность этого метода состояла в том, что, условно приняв тезис, подлежащий опровержению, Зенон выводил из него два взаимоисключающих следствия, делая тем самым

этот тезис внутренне противоречивым, логически не состоятельным и теоретически не разрешимым;

- вся его жизнь была посвящена доказательству невозможности существования “многого”;
- особенно прославился аргументами против возможности движения;
- на тысячелетия Зенон смутил умы человечества своими апориями (греч. *απορία* — трудность) — неразрешимыми противоречиями. Всего, якобы, существовало 45 апорий Зенона, из которых до нас дошло только девять, и те — через комментаторов и критиков, прежде всего Аристотеля..;

► Историческая особенность Зенона заключается в том, что все его критики автоматически попадают в анналы человечества, или сами по себе или по методу возражения, как это случилось, например, с киником Антисфеном. Не будучи в состоянии ответить на аргументы замысловатого элейца, Антисфен встал и начал ходить, полагая, что доказательство действием сильнее всякого словесного возражения.

- на склоне лет Зенон вступил в заговор с целью свергнуть тирана Нearcha (по другим источникам — Диомедона).

Литературное наследие

“О природе”.

“Истолкование воззрений Эмпедокла”.

“Споры”.

“Против философов”.

Презентационные утверждения

41. Философия дарует человеку презрение к смерти.

42. Движенья нет.

✓ О трагической гибели Зенона мы знаем лишь из легенд, но — многочисленных. События, вероятно, развивались так: организовав политический заговор и потерпев неудачу, он был схвачен, подвергнут допросу и пыткам, но ни в чем не признался и не выдал соучастников.

Перед лицом неизбежной смерти, будучи связан, в окружении многочисленных недругов, совершенно беспомощный, он сумел нанести вред своему врагу: по одной из версий, например, Зенон сказал своему мучителю, что сообщит ему тайну, если тот наклонится к нему, а затем, когда враг исполнил требуемое, вцепился зубами в его ухо и не отпускал до тех пор, пока самого его не закололи.

▶ Свои опровержения Зенон строит по принципу приведения к противоречию **определения понятия парадигмы исторического здравого смысла**. Действительно: возьмем пример. Точка — это то, что не имеет величины, следовательно, то, что не может далее дробиться как бы то ни было — делением или членением. Согласились! Далее вопрос: можно ли сложить круг пополам? Невольно задумываешься: если “сложить”, значит линия сгиба пройдет по центру круга, а поскольку он представлен точкой, то, следовательно, она, точка-центр, будет разделена, и в ней таким образом выделятся “части”, а это невозможно. Предположить, что изгиб не коснется “центра”, было бы тоже неприемлемо, потому что тогда центр будет смещенным от центра. А с этим тоже кто согласится? Выходит, что мы запутались в противоречиях, а если это так, то **точка** не существует.

*Никто не выигрывает. Вот
за что я люблю философию.*

Д.Т.Судзуки

◆ Зенон опровергает существование “места”, спрашивая: “Если место существует, то в чем существует? Ибо все существующее существует в чем-то. Естественно, что и любое “место” должно существовать в каком-то для себя “месте”. И так до бесконечности. Стало быть, места не существует”.

◆ Зенон утверждает неделимость единого, рассуждая, что при делимости мы получим бесконечное множество единиц, каждая из которых, в силу бесконечной делимости, будет делиться на бесконечное множество (уже из себя) единиц. Но бесконечное множество бесконечных множеств — абсурд.

◆ Если существует единое (одно), то оно не может быть множественным, так как при делении мы, согласно условию, получим множество разделенных единиц, которые, в свою очередь, будут делимы на множество уже новых единиц. Получится, если не отступать от исходного условия, что “единое” состоит из множества “единых”, что абсурдно.

АРГУМЕНТЫ ПРОТИВ МНОЖЕСТВА

◆ *Исходное условие:* “Множество же есть совокупность единиц”.

◆ Имеются сведения, что Зенон составил 45 доказательств о невозможности множества. Сохранились лишь два.

Первое: Если сущее множественно, то оно должно быть и малым, и большим: настолько малым, чтобы вовсе не иметь величины, и настолько большим, чтобы быть бесконечным.

Второе: Если существует многое, то одно и то же будет ограниченным и беспредельным.

Доказательства построены в форме антиномий: тезис + антитезис. Антиномия — буквально — противоположение,

противопоставление (от греч. *νομοζ* — установление, законоположение и *αντι* — приставка со значением противоположности) — доказательство в форме противопоставления двух исключających друг друга положений; состоит из тезиса, утверждающего данное положение, и антитезиса, отрицающего его.

Первое доказательство

Тезис: Если бытие множественно, то оно вовсе не имеет величины, ибо состоит из единиц (а “единица” — это последний остаток в ряду деления, то есть она — неделима далее), а единицы — поскольку не имеют частей: начало, середина, конец, правое, левое — не имеют величины. Вывод: не имеющее величины не может составить величину. Потому бытие не имеет величины.

Антитезис: Если единицы отделены друг от друга (а без этого нет множества), то существует нечто разделяющее их: “... перед любой вещью всегда должно находиться что-нибудь вследствие бесконечной делимости”. Но, в свою очередь, между единицей и этим разделяющим тоже имеется свое разделяющее. И между последним разделяющим и единицей будет свое разделяющее. “И к лежащей перед ней вещи применимо опять то же самое рассуждение, а именно: и она будет обладать величиной, и перед ней будет лежать какая-либо другая вещь. Итак, то самое, что было сказано однажды, можно повторять до бесконечности. Ибо ни одна такая вещь его, сущего, не будет последней и никогда не будет вещи, у которой не было бы вышеуказанного отношения к другой вещи”. Таким образом, если множество существует, то оно бесконечно, неисчерпаемо.

► Это не философия, а софистика! Здесь, чтобы возразить, нужно целое учинение: несколько раз прочесть, воспользоваться карандашом и т.д. Философии карандаш не

нужен. Ее возражения и средства анализа всегда при ней. Почему вы говорите, что нельзя быть **неделимым**? А *цвет!* Почему вы говорите, что неделимое не существует? *Цвет!* Почему вы утверждаете, что *всё* должно иметь величину? А *цвет!* Почему вы говорите, что нельзя состоять из неделимых? А *свет!!!* Вводить понятие **неделимости** равносильно, что вводить понятие небытия. И то, и другое не вытекает никак из нашего опыта и, следовательно, *ара-зумно*.

Второе доказательство

Тезис: Если существует множество вещей, то их столько, сколько есть, не больше и не меньше. Следовательно, они существуют в определенном (ограниченном) количестве.

Антитезис: Если вещей много, то их должно быть бесконечное число. В самом деле, допустим существование только двух вещей. Между двумя вещами необходимо должна лежать какая-либо третья, их разделяющая, между последней и первыми опять новые вещи, и так далее до бесконечности. В противном случае две смежные вещи слились бы в единство, образовали бы одну вещь (а не две). Таким образом, двух не существует без трех, трех без пяти, пяти без девяти и так далее до бесконечности.

◆ Зенон отрицает существование чего-то неделимого (скажем, точки), полагая, что невозможно помыслить существующим то, что, будучи прибавлено, не увеличивает нечто, а будучи отнятым, не уменьшает это нечто.

◆ “Единое” не может иметь величину, ибо, имея величину, оно бы делилось и стало бы множественным, а множественное не может быть единым.

◆ Если нет множественности, то нет и движения, ибо при движении в силу бесконечной делимости пространства надо пройти какому-то предмету (ограниченному по числу

состоящих точек) бесчисленное множество касаний других точек, что невозможно сделать, ибо время такого движения или конечно, или бесконечно. Если “конечно”, то мы приходим к абсурду, ибо удастся охватить бесконечность, что невозможно; если “бесконечно”, то при конечной продолжительности наблюдения невозможно зафиксировать бесконечно длящееся дело.

◆ **Апории движения:**

1. “*Дихотомия*”. Движущийся предмет должен дойти до половины своего пути прежде, чем он достигнет его конца. Затем, в свою очередь, он должен пройти половину оставшейся половины, затем половину этой четвертой части и так далее до бесконечности. Мы будем приближаться к конечной точке, но так никогда ее и не достигнем.

2. “*Ахиллес быстроногий*”. Как бы ни был быстр Ахиллес и каким бы ни было расстояние между ним и черепахой, ему никогда не догнать черепаху. Поскольку это так и это абсурдно, следовательно, все представления о движении и его возможности — ложны.

Доказательство: преодолевая путь до черепахи, Ахиллес всегда будет сталкиваться с тем, что за время его движения будет продвигаться и черепаха. И так до бесконечности.

Так о каком же движении можно говорить, если на преодоление конечного расстояния требуется бесконечное время?!

▶ Софистика, видимо, неустранимый компонент наших рассуждений, коль скоро приходится затрагивать “запредельные” сферы.

Вот и Зенон не исключение. Возьмем, к примеру, чье-то утверждение: “Я ломаю стену”. То есть человек, производя действия по разборке здания, произносит эту фразу. Вот он снял первый верхний слой камней и говорит: “Я ломаю стену”, второй слой, третий и так далее, и приговаривает: “Я ломаю стену”.

Разумеется, он вправе и ломать, и говорить так, как им это говорится.

Но хотелось бы вот на чем заостриться. Ведь что такое “стена”? Это преграда, отделяющая помещение или от других помещений или от внешней среды. Очевидно, что на каком-то слое камней от низа понятие “преграда” исчерпает себя и у нас, хотя и будет какая-то еще изгородь, но “преграды” уже не будет.

Продолжая приговаривать: “Я ломаю стену”, наш разрушитель ломает не только строение, но и пределы действия понятия “преграда”, и в какой-то момент это понятие теряет объект приложимости.

Зенон тоже пользуется понятием, правда, другим — “расстояние”. Естественно, что, пока между Ахиллесом и черепахой метры или километры, можно говорить, что они отделены друг от друга тем, что описывается словом “расстояние”, то есть находятся в пространственно-недосягаемом континууме.

Но если Ахиллес приблизится к черепахе на столько, что будет нависать над ней и между его телом и черепахой будут лишь микроны или меры молекулярной длины, то какое же это “расстояние”?!

На мой взгляд, было бы куда интересней такое вот предположение в рамках этой апории. Рассуждаем так: движущееся тело необходимо толкает впереди себя воздух.

Действуя, как поршень, последний толкает вперед от себя и все предстоящие предметы. Получается, что Ахиллес все время, приближаясь к черепахе, подталкивает ее хоть и на немного, но в сторону опережения себя. И с какой бы силой или скоростью он ни бежал, но всегда будет ускорительно воздействовать на черепаху, и она необходимо будет всегда обгонять его.

Так что это за “движение”, мог бы спросить, если принять такие посылки доказательства, Зенон, если бегущий быстро не сможет догнать ничто медленное?!

3. “Стрела”. Очевидно (и это легко можно доказать), что летящая стрела покоится. Действительно, в каждый

момент времени стрела, находясь в пространстве полета, занимает фиксированное, равное своей длине место и, следовательно, покоится. Если это так, а это только так и есть, то как может бесконечная сумма “покоев” дать движение? Выходит, что и такое представление о движении ведет к явной бессмыслице.

4. “Стадий”*. Рассмотрим три одинаковых по длине тела, скажем, три запряженные повозки. Одна из них неподвижна. Две другие движутся с равными скоростями навстречу друг другу по параллельным линиям.

Чертеж к апории “СТАДИЙ”

Начиная движение от середины первой повозки и заканчивая его у ее краев, обе повозки пройдут за одно и то же время разные пути. Один — относительно друг друга, равный длине повозки, другой — относительно третьей повозки и равный половине ее длины.

Но разве такое утверждение может украсить здравый разум?!

Выходит, *что* и *как* ни думай о движении и ни рассуждай о нем, ни понять его, ни доказать его наличие — невозможно.

* “Стадий” — от греч.: 1. “Стадион” — ристалище, место состязаний. 2. Мера длины, равная 184,97 м.

Древнегреческий герой Ахилл (Ахиллес)
в костюме гоплита.

Фрагмент аттической краснофигурной амфоры.
Ок. 440 г. до н. э. Музей Ватикана.

► Конечно же, Зенон лукавит. Он ведь признает наличие движения, но он весь в беспокойстве, поскольку не может его осознать, понять, доказать себе.

Но так ли уж он лукавит! Как можно считать наличным то, что не очевидно, чего не понимаешь?! Да, мы видим предметы, которые сначала в этом месте, потом оказываются в другом. То, что они пространственно мобильны, кто ж с этим спорит! Но почему надо говорить или утверждать, что предмет обладает свойством “двигаться” или что есть особый процесс, механизм или процедура “движения”?!

Но если он, этот механизм, есть, то докажите его наличие, объясните его, убедите меня, оспорьте мои возражения на ваши утверждения!

Действительно ли есть “движение”?! Или “движение” — это только слово, которым мы называем пространственную разноположенность тел в процессе их бытийного пребывания, аналогично тому, как говорим: “Я погрузился в сон”, заведомо зная, что при этом нет даже на миллиметр физического сдвига нашего тела?!

С этой проблемой, проблемой доказательства объективного наличия того, что объективно, в чистом виде, как таковое, не воспринимается чувствами и не поддается доказательной неопровержимости, столкнулся через века другой философ, англичанин Давид Юм, имея в качестве проблемы “причинность”.

“Движение” — это категория бытия или категория нашего освоения нашего опыта? Подобно тому, как мы членим пространство на версты, мили, стадии и километры, но само оно к этим делениям и глухо, и безразлично, ибо все эти метки служат лишь нашей соизмеримости с миром вне нас и по сути являются лишь подпоркой нам, а не законом или сущностью мира.

То, чего не понимают, нет. И если весь свод знаний и представлений о “движении” нелеп, с точки зрения острого разума, значит, “движение” — это пока не факт, а всего лишь гипотеза, не бытийная данность, а формула, идущая от ума.

Что такое “движение”?! Это сущностная сила Мира? Это пространственное разноместие предметов? Или это механизм перемещения с одного места в другое?

Зенон своими апориями наложил вето на правомерность постановки последнего вопроса и по сегодняшний день заблокировал познание в этом направлении. “Движение” — это и не “быстро”, и не “медленно”; и не “вот”, и не “потом”; и не перемещение относительно “отсчетного” места; и не прохождение пути по частям. Зенон — не софист, а тонкий и бескомпромиссный диалектик. Его утверждения неоспоримы, пока мы пытаемся быть вместе с ним в одних понятийных и мировоззренческих координатах.

Заслуга Зенона в том, что он увидел загадочность в очевидном для всех и, пытаясь понять и показать эту загадочность другим, вывел человеческий род на общее представление о том, что жить в мире и понимать его, а тем более знать или властвовать над ним, — не одно и то же. Вот это — действительно мудрость, причем непреходящая. На века! На все века!

■ Доктор философских наук Арсений Николаевич Чанышев в своей книге “Италийская философия”, завершая раздел о Зеноне Элейском пишет: “Зенону принадлежит также рассуждение, фиксирующее противоречивость чувственного восприятия. Это вопрос, обращенный к софисту Протагору, смысл которого сводился к тому, что “если одно пшеничное зерно при своем падении не издаст шума, то и падение медимна (медимн — основная мера сыпучих тел Древней Греции, равная 52,5 литра) пшеницы не должно бы издавать шум. Как может из многого тихого сложиться громкое?”. Нетрудно заметить, что Зенон показывает здесь незнание такого явления, как порог человеческого ощущения: и одно зерно, падая, издает шум, и чуткий прибор может его уловить”.

▶ При всем уважении к А.Н.Чанышеву, думается, что проблема и у Зенона и по поводу Зенона все же в другом. Элейского философа волнует проблема “кучи”, появление “коалиционного”, “группового” свойства. И это совсем не то, почему одна песчинка, брошенная на крышу, ничего с крышей не сделает, а, скажем, миллион или больше песчинок могут крышу раздавить? А нечто иное: почему одну соломинку переломить легко, а пучок из таких же соломинок сломать уже не под силу? Что за новое свойство *появляется* у соломинок? А может быть, новое свойство *проявляется*? Но тогда откуда оно берется? И было ли оно хотя бы в потенции у соломинок “до того”?

Скорее всего, и это можно определенно предположить, рассуждать следует не о зернах пшеницы — они действительно в отдельности шум не издают, — а о проблеме поведения в соприкосновении и о характере передачи телами действия во время взаимодействия. И тогда станет ясно, что шум издает не зерно, падающее на землю, а зерно, соударяющееся с **другими** зернами. И чем их больше, тем больше шум, потому что сила соударений в каждый момент времени и на протяжении всего времени полета до земли растет в непредсказуемой величине.

Родился ок. 490/83 г. до н. э.
Умер в 430/23 г. до н. э.
Прожил 60 лет.

Компакт-биография

- ⊕ Греческий философ из города Агригента на Сицилии;
- происходил из знаменитой семьи, был богат;
 - был учеником Парменида и Ксенофана;
 - отказался от царской власти в пользу занятий философией;
 - Эмпедокл первым дал толчок развитию риторики; среди прочих у него обучался красноречию Горгий Леоэтинский;
 - в медных башмаках и с золотым венком на голове он обходил греческие города, неся в руках дельфийские венки, и распространял славу о себе, как о боге;

- в своих произведениях утверждал, что помнит, как был юношей, прелестной девицей, птицей, рыбой и даже растением;
- его произведения, написанные в стихотворной форме, состояли из 5000 стихов, сохранились же 450.

Литературное наследие

“О природе”.

“Очищения”. (Эта поэма начиналась словами: “Бессмертному богу подобясь средь смертных, шествую к вам...”.)

Презентационные утверждения

43. Не давай веры ощущениям и размышляй.

44. Наука увеличивает разум.

Штрихи к портрету

✓ Сохранились предания, что Эмпедокл изменил климатические условия в родном городе, загородив стеною горное ущелье, через которое дул нездоровый ветер, и этим избавил жителей от свирепствовавшей эпидемии. В другой раз ему удалось изменить направление ветра, расставив соответствующим образом натянутые шкуры, и тем самым спасти урожай. В третий раз он очистил реку в расположенном недалеко Селинунте. “Когда среди селинунтиев вследствие зловоний, исходивших от вблизи лежавшей реки, распространилась моровая язва, так что и сами они гибли и жены их с трудом рожали, Эмпедокл придумал средство против этого, а именно: он на свой собственный счет соединил с той рекой какие-то две из соседних рек. И от этого смешения вода той реки стала приятной.

✓ **Версии о смерти Эмпедокла:**

1) дожил до преклонного возраста и по старческой слабости или неосмотрительности оступился, упал в море и захлебнулся;

2) к бревну потолка прикрепив отвесную петлю, горло стянул и повесился;

3) отправившись в Мессению на какой-то праздник, по дороге свалился с колесницы, сломал правую ногу и от этого умер;

4) после одного из застолий, когда на пирующую компанию снизошел сон, отправился к жерлу вулкана Этна и бросился в огнедышащее его чрево. Есть даже доказательство этого — медный башмак Эмпедокла, извергнутый вулканом вместе с вулканической массой.

Узор находок и раздумий

◆ Космос, то есть мир как упорядоченное целое, один, однако космос не составляет всей Вселенной, но образует лишь некоторую небольшую часть Вселенной, остальная же часть ее представляет необработанную материю.

◆ Знание возникает из подобных, незнание — из неподобных.

◆ Ощущение образуется путем приспособления к каждому из органов ощущений, ибо случается, что одни поры шире, чем ощущаемое, другие уже.

◆ Мышление есть или то же самое, или нечто, похожее на ощущения.

◆ Узки средства познания, разлитые по телу, и множество возникающих страданий смущает заботами ум...

◆ Увы, человеческий род, счастья лишенный
в страданье,
Что за невзгоды и распри жизнью тебя обязали?

◆ Блажен, кто надежно владеет кладом божественных
знаний,
Жалок, кто смутное мненье в душе о бессмертных
имеет.

ЭМΠΕΔΟΚΛ

◆ Нельзя к божеству подойти и грубо глазами измерить,
Нельзя и руками потрогать; хотя и в обычае многих
Именно этим путем в вере душой обретаться.

◆ Бог... Дух он священный и только, скрытый от
нашего слова,
Пронизающий разумом быстрым космос от края
до края.

◆ Если из вовсе не сущего не может что-либо
возникнуть,
То невозможно, нелепо, чтоб сущее в корне исчезло.
Так что всегда оно будет, где б ему быть ни случилось.

◆ Скучные средства познания нашим дарованы членам.

◆ Глупые! Мысль у вас не глубокая, если вы думаете, что
может произойти то, чего не было сначала, или что-либо
погибает и исчезает вполне.

◆ Солнце вращается вследствие того, что абсолютно пря-
молинейному движению его препятствует окружающая
его сфера. Круговое движение солнца описывает границу
мира.

◆ Нет пустоты и нет небытия. А если кто думает, что воз-
дух — это пустота, то он заблуждается, так как воздух
веществен.

◆ Единое бытие должно иметь в себе противоположные
качества.

◆ В мире сем тленном

Нет никакого рожденья, как нет и губительной
смерти.

Есть лишь смешенье одно с размещеньем того,
что смешалось,

Что и зовут неразумно рождением темные люди.

Глупые! Как близорука их мысль, коль они полагают,
Будто действительно раньше не бывшее

может возникнуть

Иль умереть и разрушиться может совсем *то*,
что было.

Ибо из вовсе не бывшего сущее стать не способно.

- ◆ Сущее и множественно, и едино.
- ◆ Природа сложных тел образуется из четырех неизменных элементов.
- ◆ Существуют четыре телесные стихии: огонь, воздух, вода и земля, которые вечны...
- ◆ Четыре есть корня Вселенной: огонь — Зевс, вода — Нестие, воздух — Аидоней, Земля — Гера.
- ◆ *Любовь и Вражда!* Обе они бессмертны, не возникли и всегда были чужды начала рождения. Они были прежде, будут после, и я не думаю, чтобы когда-либо в беспредельное время отсутствовала одна из двух.
- ◆ Если бы *Любовь и Вражда* совсем погибли и их не было бы более, как бы возникла Вселенная?
- ◆ Любовь соединяет все, Вражда — разъединяет.
- ◆ Двойное скажу, ибо единое *то возрасло* из многого, чтобы быть одним, *то вновь рождено* многое из одного. И эта постоянная смена никогда не прекращается: то **Любовью** все соединяется воедино, **то, напротив, Враждою ненависти** все несется в разные стороны. Итак, поскольку одно привыкло возникать из многих, а многое, в свою очередь, происходит через распадение одного, постольку они возникают и век их нестойкий; но, поскольку постоянная смена никогда не прекращается, постольку они всегда существуют в неизменном круге.
- ◆ Богов — шестеро: четыре смертных (огонь, вода, воздух и земля) и два бессмертных, нерожденных, всегда враждебных друг другу (Вражда и Любовь).
- ◆ Огонь, вода, земля и воздух произошли от природы и случая.
- ◆ До образования четырех элементов существовали очень маленькие частицы, своего рода равночастные...
- ◆ Везде есть мысль и часть необходимости.
- ◆ Все одарено разумом; и не только животные, но и растения.
- ◆ По необходимости господствует над вещами и движет их то Любовь, то Вражда, в промежуточное же время царит покой.
- ◆ Каждый предмет существует в силу известного соотношения между его частями.

◆ Тело образуется из соединения четырех подобных элементов, жилы — из земли и огня, к которым примешиваются две части воды, ногти у живых существ образуются из жил, отвердевших под влиянием воздуха, кости — из двух частей воды, двух — земли и четырех частей огня, пот же и слезы — из разреженной крови, которая истекает вследствие своей жидкости.

◆ Что такое, к примеру, кость? Она не есть ни какой-либо один из элементов, ни два, ни три, ни все, но закон смеси их.

◆ Из всех существующих предметов истекают токи. А именно: непрерывное множество истечений исходит не только от животных, растений, земли и моря, но от камней, меди и железа. Подобно тому, как животные в лесу, испуская истечения, оставляют след и этот след по запаху выслеживают охотничьи собаки, так испускают истечения все существующие тела.

Эти истечения прекращаются только тогда, когда, благодаря их беспрестанному отлету, исчезают сами тела. И действительно, все уничтожается и погибает вследствие того, что всегда что-либо течет и уносится беспрестанно. Так и со смертью животного кончаются истечения, и запах, который был свойствен ему прежде, прекращается. Именно поэтому собаки не обоняют следов издохшего зайца.

◆ Смешивается всё, поры чего соразмерны друг другу.

◆ Первые животные и первые растения совсем не родились целыми, но отдельными частями, не могущими быть прилаженными.

[...]

Так выросло много голов без шей, блуждали голые руки, лишенные плеч, двигались глаза, лишенные лба.

[...]

... скрепились между собой, как кто с кем повстречался.

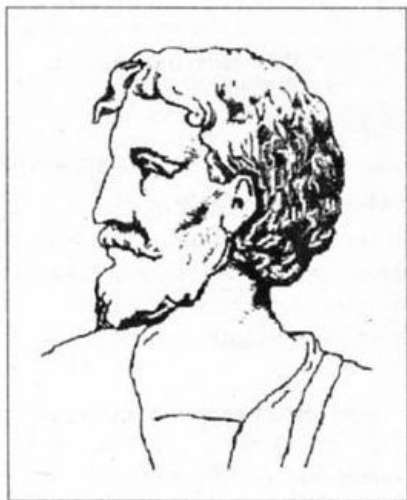
[...]

Появилось много существ с двойными лицами и двойной грудью, рожденный быком с головой человека и наоборот.

[...]

И все то, что соединилось друг с другом так, что было в состоянии сохраниться, *стало животным* и выжило вследствие взаимного восполнения того, что недоставало другому. Все, что не сошлось по соответственному соотношению, погибло.

◆ Глупые — это те, у кого элементы легки и редко расположены, они тупы и медлительны; те же, у кого элементы густо расположены и разделены на мельчайшие части, впечатлительны, за многое хватаются, но мало что доводят до конца благодаря быстроте движения крови. Те же, у кого среднее правильное смешение встречается лишь в одной части, этой частью мудры, поэтому-то одни — хорошие риторы, другие — умельцы, ибо у одних среднее смешение находится в руках, а у других — в гортани. Точно так же и относительно других способностей. Самые умные те, у кого все элементы перемешаны в подобных и равных частях, у кого они не разделены большими промежутками, по величине они не слишком малы, не слишком велики.

Эмпедокл

Глубин веков землю хладной
Зарыт, сокрыт, придавлен, но
Я вновь заглядываю тайной
В мое последнее окно.

Родился ок. 483 г. до н. э.

Умер в 375 г. до н. э.

Прожил 108 лет.

Компакт-биография

☉ Греческий философ;

- происходил из сицилийского города Леонтины;
- ученик философа Эмпедокла;
- прославился самым необычным доказательством: ничего не существует; если даже оно и существует, то непостижимо; если даже постижение и возможно, то оно невысказываемо и необъяснимо для другого.

Литературное наследие

“Похвала Елене”. (Речь.)

“В защиту Паламеда”.

“О несущем, или О природе”.

45. Те, кто пренебрегает философией, занимаясь частными науками, похожи на женихов Пенелопы, которые, добываясь ее, совокупляются с ее служанками.

46. Слово имеет силу так действовать на состояние души, как состав лекарств действует на тело. Подобно тому, как разные лекарства изгоняют разные соки из тела, причем одни пресекают болезнь, а другие — жизнь, так и речи — одни повергают слушателей в печаль, другие улаждают, третьи пугают, четвертые вселяют в них смелость, пятые же неким злым убеждением отравляют и обвораживают душу.

Должен ли человек философствовать?

— Либо должен, либо не должен.

— Если должен, то вопросов, как говорится, нет; все и так понятно.

— Если же человек не должен философствовать, то он должен хотя бы для обоснования этого положения (то есть того, что “не должен”) пофилософствовать.

Вывод прост и непреложен: человек должен философствовать в любом случае.

Аристотель. “Протрептик”.
 (“Убеждающая проповедь”.)

Узор находок и раздумий

◆ Если что-нибудь существует, то оно есть или бытие, или небытие, или же и бытие и небытие вместе.

Допустим, что небытие существует.

Однако по своему смыслу оно есть несуществующее, так как “не бытийствует” и, значит, не может быть существующим. Поскольку это противоречит условию, мы пришли к бессмыслице. Кроме того, бытие и небытие противоположны. Поэтому, если одному случилось быть, то другому придется не быть. Но бытие уже есть, следовательно, небытие не существует.

◆ **Бытие нигде не находится.**

Допустим, что бытие находится в чем-нибудь.

Если оно находится в чем-нибудь, то это “что-нибудь” отлично от него и объемлется им. Но объемлющее всегда больше объемлемого. Объемлемым в данном случае будет бытие, а оно, по определению, бесконечно. Выходит, что есть нечто, большее бесконечного, что невозможно. Следовательно, бесконечное бытие не находится в чем-нибудь.

Допустим, что бытие находится “в себе”.

Это значит, что оно содержится в занимаемом им месте, то есть в месте, равном себе. Но в таком случае оно является одновременно и телом и местом, и исчезает критерий различимости. Следовательно, исходное допущение неверно.

Выходит, доказано, что вечное и бесконечное бытие нигде не находится. Но как может быть бытие, нигде не находящееся? Выходит, что **бытие не существует.**

◆ **Бытие не существует, ибо оно должно быть или единым, или многим, или единым и многим одновременно. Но ни первое, ни второе, ни третье невозможны.**

Допустим, что бытие единое.

Если оно единое, то оно должно быть либо прерывным, либо непрерывным.

Если оно прерывно, то оно делится на составляющие части, если оно непрерывно, то должно мыслиться либо как величина, либо как тело.

Если это величина, то мы вступаем в противоречие, ибо величина делима, а мы допустили, что этим словом названо неделимое, то есть единое.

Если же это тело, то тем более мы отдаляемся от понятия “единое”, ибо любое тело трехмерно и уже по одному этому не является единицей.

“Множественность” бытия тоже алогична, ибо тогда в силу бесконечной делимости каждой из его частей придется опустить множество бесконечностей, что невозможно.

Следовательно, доказано, что бытие не существует.

◆ Если даже существующее и есть, то познать его невозможно, и, следовательно, для человека его нет.

Различие бытия и наших мыслей о нем порождает свои проблемы. Ведь тогда получается, что бытие зависит от того, что мы можем помыслить, или от того, что мышление принципиально противоречиво.

Во-первых, если кто-либо помыслит летающего человека или бегающего по морю, то это не значит, что так оно и есть на деле. Во-вторых, мы не можем мыслить небытие: поскольку небытия нет, то помыслить его никак невозможно; ибо тогда надо предположить, что оно или мыслится как существующее, или является существующим, поскольку может быть предметом мысли.

Ясно, что человеку неподвластно судить достоверно и по праву о существующем.

◆ Знание о существующем непередаваемо другим людям.
Доказательство.

Передача знаний осуществляется посредством слов. Сами же слова не есть бытие и не есть то, что есть осязаемые вещи. Кроме того, из слова не следует смысл вещи.

Но самое главное то, что бытие познается одним органом — глазами, а знание передается другим: посредством и при участии другого органа — ушей. Что же получается: существующее передается в виде знания о нем другим людям через отличное от бытия — мыслями, и через отличное от бытия и от мыслей — словами.

♦ **Резюме:** нет и не может быть никакого критерия истины ни для существующего, ни для знаний о нем.

▶ Рассуждения Горгия невольно завораживают. И своей необычностью, и своей беспредельной смелостью “покушения”. И, пожалуй, нет ничего более приемлемого для уравнивания души, как обратить взор на другое — подобное, но менее чреватое в следствиях. Да, это Льюис Кэррол:

“На вопрос, кого она увидела на дороге, Алиса ответила: “Никого”. — “Хотел бы я иметь такие глаза, — сказал белый король. — Быть способным увидеть никого! Да еще на таком расстоянии! А я-то при таком свете могу видеть только настоящих людей!”.

(Льюис Кэррол “Алиса в стране чудес”.)

Родился ок. 480 г. до н. э.

Умер ок. 410 г. до н. э.

Прожил 70 лет.

Компакт-биография

- ⊛ Древнегреческий философ;
- происходил из города Абдеры;
- традиционно относится к софистам.

/Древнегреческое слово *sophistes* обозначало мастера, художника, создателя, изобретателя, мудреца. Но со второй половины V века до н. э. это слово приобретает специальный смысл. Софистами стали называть платных учителей философии, красноречия (риторики) и искусства спора (эристики)./

▶ Негативация смысла в обозначении кого-то “софистом” и обвинения в построении софизмов (от греч. *sophisma*

— **измышление**, хитрость) случились позже, и прежде всего **из-за** того, что в софистических школах увлеклись **формальной стороной** слов и понятий и, не сумев справиться с **открывшимся** горизонтом языковой проблемы, а именно: амфиболичностью, инверсионностью, омонимичностью и синонимичностью, — стали трактовать и мир, и дела человеческие как такие, которые не более, чем другие. То есть **“называя — и определяя, и обуславливаю”**. Искусство риторики стало полем резвости сил человеческих и доказательств любых, наперед принятых, установок: ученики поощрялись за убедительность рассуждений, что, к примеру, **“кошка ловит мышей”**, до противоположного, с равным рвением отстаиваемого тезиса, что **“мышь ловят кошек”**.

Софистика, поначалу — игра ума и неожиданный интеллектуальный ракурс, со временем обособилась и приняла формы, с которыми здравый разум соглашаться отказывался.

И действительно! Вот несколько зарисовок из наследия древних об этих философских ловкачах и фокусниках.

■ **Софизм “Покрытый”**.

— Знаешь ты этого покрытого человека?

— Нет.

— Но это твой отец. Значит, ты не знаешь своего отца.

■ То, что ты не потерял, ты имеешь. Ты не потерял рога. Значит, ты имеешь рога.

■ Кто учит кого-нибудь, тот хочет, чтобы ученик его стал мудрым и перестал быть невеждою. Он, значит, хочет, чтобы ученик его стал тем, что он не есть, и перестал быть тем, что он есть теперь. Следовательно, он хочет его привести из бытия в небытие, то есть уничтожить.

■ Эта собака имеет детей, значит, она — отец. Но это твоя собака. Значит, она — твой отец. Ты ее бьешь, значит, — ты бьешь своего отца и ты — брат щенят.

■ Лекарство, принимаемое больным, есть добро. Чем больше делать добра, тем лучше. Значит, лекарств нужно принимать как можно больше.

■ Животное есть то, что имеет душу. Мое — то, чем я могу распоряжаться по своему произволу. Следовательно, со своим животным я могу распоряжаться по своему произволу. Мои боги достались мне по наследству от отца и составляют мою собственность. Боги имеют души, следовательно, они есть животные. Со своими богами я могу поступать, как мне угодно.

■ Если стена не дышит, потому что она не есть животное, то она дышала бы, если бы была животным. Но многие животные, например, насекомые, не дышат. Следовательно, стена не потому не дышит, что она не животное. Следовательно, стена есть животное, хотя она и не дышит.

■ Правильное грамматически лучше неправильного. Мир есть лучшее из всего. Следовательно, мир есть нечто правильное грамматически.

■ Вор не желает приобрести ничего дурного. Приобретение хорошего есть дело хорошее. Следовательно, вор желает хорошего.

■ Эта статуя — художественное произведение. Но она твоя. Значит, она есть твое художественное произведение.

■ Некоторые люди — водолазы.

Все ученые — люди.

Все ученые — водолазы.

■ Знаешь ли ты, о чем я тебя хочу спросить? — Нет. — Знаешь ли ты, что добродетель есть добро? — Знаю. — Об этом я и хотел тебя спросить. А ты, выходит, не знаешь то, что знаешь.

■ Сидящий встал. Кто встал, тот стоит. Следовательно, сидящий стоит.

■ Крокодилов софизм.

Когда крокодил похитил у одной матери дитя и она стала просить, чтобы он отдал ей похищенное дитя, крокодил обещал исполнить ее просьбу, если она скажет правду. “Однако же, — отвечала мать, — ты не возвратишь мне дитя”. — “Значит, я не должен возвращать тебе твое дитя, — отвечал в свою очередь крокодил, — сказала ты правду

или нет. Если ты сказала правду, то я не должен, по твоим же словам, возвращать его тебе; иначе ты бы сказала неправду. Если же ты сказала неправду, то я также не должен возвращать тебе дитя, потому что в таком случае, то есть сказав неправду, ты не выполнила условия.”

■ Прекратил ли ты бить своего отца? Отвечай быстро: “да” или “нет”?

/Понятно, что любой ответ на эти вопросы ставил вопрошаемого в невыгодное положение: или “бил, но прекратил”, или “бил и продолжаю бить”./;

- в 411 году до н.э. был обвинен в атеизме, его книга “О богах” сожжена, а сам он приговорен к смертной казни;
- после помилования изгнан из Афин;
- утонул в Мессинском проливе на пути из Южной Италии в Сицилию.

Литературное наследие

“О богах”.

“Наука спора”.

“О первоначальном порядке вещей”.

“О государстве”.

“О добродетелях”.

“Истина, или Ниспровергающие речи”.

“Великое слово”.

“О сущем”.

“О том, что в Аиде”.

Презентационные утверждения

47. *Все вещи таковы, какими они нам кажутся.*

48. *О богах невозможно знать ни того, что они есть, ни того, что их нет, ни того, каковы они по виду; а причина тому: неясность вопроса и краткость человеческой жизни.*

Штрихи к портрету

✓ Есть легенда, как Протагора приблизил к себе сам философ Демокрит, который и научил его философии:

В молодости Протагор промышлял ремеслом носильщика дров. Демокрит, случайно увидев Протагора с огромной связкой дров на спине, заинтересовался, как тому удалось охватить дрова одной короткой веревкой и держать их в равновесии.

Демокрит увидел здесь геометрический расчет и пришел в восхищение от остроумия и ловкости этого необразованного человека.

И вообще, нет ничего столь абсурдного ни в словах, ни в делах, авторами чего не были бы философы.

Лоренцо Валла (1407-1457).

Узор находок и раздумий

◆ Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют.

◆ Каждому рассуждению противостоит равносильное.

◆ Ведь все подобно всему в каком-нибудь отношении.

◆ Когда дует ветер, одному холодно, а другому нет. Мы, следовательно, не можем сказать об этом ветре, холоден он *на самом деле* или нет.

◆ Основные причины всех явлений находятся в материи.

◆ Материя текуча, и при ее течении на месте утрат ее возникают непрерывные прибавления...

◆◆ Софизм "Эватл"

Протагор заключил со своим учеником Эватлом договор, по которому последний должен уплатить ему гонорар,

как только выиграет первый судебный процесс. Ученик, однако, не торопился затевать какой-нибудь процесс, и потерявший терпение учитель пригрозил обратиться в суд. В ответ на недоуменный вопрос Эватла, за что же Протагор привлечет его к суду, ведь он еще не выиграл ни одного дела, а следовательно, не обязан платить, учитель сказал: “Если мы подадим в суд и дело выиграю я, то ты заплатишь, потому что выиграл я; если выиграешь ты, то заплатишь, потому что выиграл ты”. Достойный ученик софиста не остался в долгу. “Нет, — возразил Эватл, — если я проиграю дело, то платить не обязан, ибо я его проиграл. Выиграв же его, я все равно не должен платить, так как одержал победу.”

▶ XX век тоже оказался не чужд интеллектуальному озорству и флирту с софистикой. На 1/6 части суши тысячи людей, именуя себя философами и последователями самой передовой и самой научной доктрины, на полном серьезе, годы напролет, писали речи и книги по одной и той же схеме:

— Скажите, что лучше: быть плохим или хорошим?

— **Конечно, хорошим!**

— А как вы относитесь к диалектике: признаете или нет?

— **Конечно, признаю!**

— И то ее положение, что все изменяется?

— **Да!**

— И то, что все изменяется согласно закону отрицания?

— **Разумеется!**

— То есть через противоположность самому себе. Так?

— **Очевидно!**

— Следовательно, вы себе противоречите, ибо из ваших слов следует, что все же лучше быть плохим.

— **Как так?!**

— Что лучше: развиваться или не развиваться?

— **Ясно, что развиваться.**

— Развиваться в смысле прогрессировать, уточним мы.

— **Я с этим согласен.**

— Но ведь развиваться хочет и плохой, и хороший, не так ли?

— Да!

— Но согласно закону отрицания каждый из них перейдет в свою противоположность. Верно?

— Очевидно!

— Но противоположность хорошему — плохое, а плохому — хорошее. Разве я ошибаюсь?

— Нет!

— Значит, хороший станет плохим, а плохой — хорошим.

— Получается так.

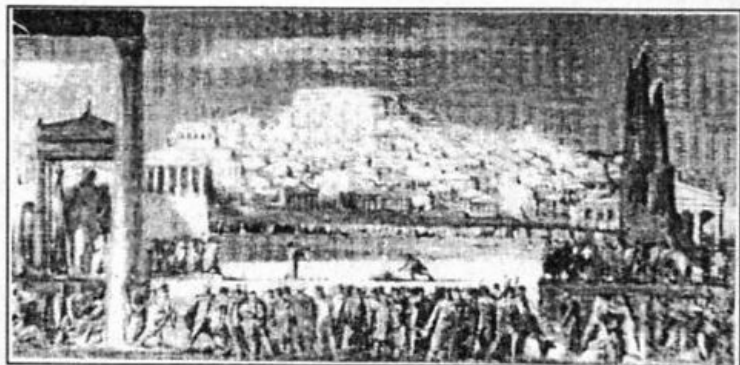
— Но разве будущее не предпочтительно?

— Предпочтительно.

— Следовательно, о будущем надо радоваться. А о каком: о хорошем или плохом?

— Хорошем!

— Выходит, что лучше быть плохим, ибо только в этом случае можно *стать* хорошим.

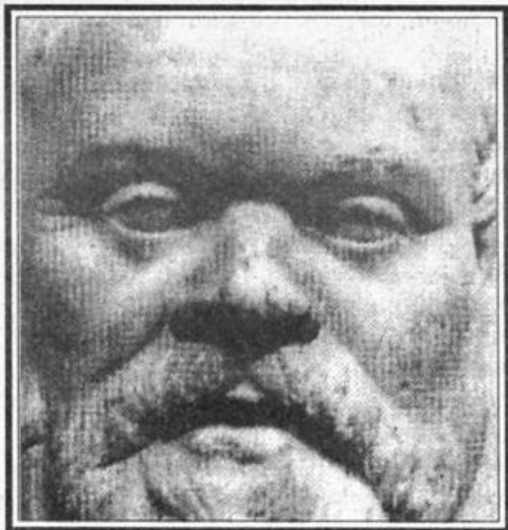

Сожжение сочинения Протагора “О богах”.

С картины художника Муллера.

СОКРАТ

30

Родился в 469 г. до н. э.

Умер в 399 г. до н. э.

Прожил 70 лет.

Компакт-биография

⊗ Древнегреческий философ, родом из Алопеки (Аттика);
• сын каменотеса (ваятеля) Софроникса и повитухи Фенареты;

• **Сократ был безобразен:**

невысокого роста; приземистый; с отвисшим животом; короткая шея; большая лысая голова; огромный выпуклый лоб; приплюснутый и вздернутый нос с широкими ноздрями; толстые губы; одутловатое лицо; навывкате глаза; взгляд исподлобья;

• **ходил всегда босой, в старом хитоне:**

этот наряд был столь обычен для Сократа, что его восторженный слушатель Аристодем, увидев его однажды в сандалиях, весьма удивился. Выяснилось, что Сократ

“вырядился” на пир к поэту Агафону по случаю его победы в афинском театре;

• **жил в бедности:**

Все имущество Сократа, согласно Ксенофону, оценивалось в 5 мин. Это была очень скромная сумма, уступавшая, скажем, существовавшей цене на хорошего раба. У того же Ксенофонта говорится, что один из рабов стоит примерно мину, другой и полмины не стоит, третий 5 мин, а иной и 10. А порядочная лошадь, например, стоила 12 мин.

Софист Антифон, стремясь уязвить Сократа в присутствии его слушателей, сказал ему: “Ты живешь так, что подобным образом не стал бы жить ни один раб у своего господина; пищу и питье ты употребляешь бедные, а одежду носишь не только бедную, но и одну и ту же и летом, и зимой; всегда ты без обуви и без хитона”;

• на женщин ему не везло, хотя он и был дважды женат:

О Мирто, второй героине семейного романа Сократа, сохранилось мало сведений, и, тем не менее, известен анекдот, идущий от Аристоксена, о том, что Мирто и Ксантиппа обычно после долгой взаимной перебранки сообща набрасывались на Сократа, который до этого с интересом нейтрального зрителя следил за происходящим.

Свои познания на семейном поприще Сократ обобщил в крылатой мудрости: “Женишься ты или не женишься — все равно раскаешься”;

• не был способен ни к какому роду государственной службы, любил посмеяться, подтрунить, не дурак был выпить;

• своей учительницей в теории любви Сократ называет Диотиму из Мантиней, а учительницей в умении держать речь — Аспасию, жену Перикла, научившую его говорить не хуже, чем если бы учителем его был сам Антифонт;

• большую часть времени Сократ проводил в дискуссиях и спорах, и к чему это вело, **рассказывает Диоген Лаэртский:**

Так как в спорах он был сильнее, то нередко его колотили и таскали за волосы, а еще того чаще осмеивали и поносили; но он принимал все это, не противясь. Однажды, даже получив пинок, он и это стерпел, а когда кто-то подивился, ответил: “Если бы меня лягнул осел, разве стал бы я подавать на него в суд?”;

- Сократ был отличным плясуном и считал такое упражнение полезным для крепости тела;
- любимое присловье Сократа: “Клянусь собакой”;
- Сократ учил изустно и не оставил ни одного трактата.
- Рассказывают, что Тимей спросил его: “О учитель, почему ты не запишешь свою мудрость на бумаге?”. Сократ ответил: “О Тимей, сколь прочно все же твое доверие к шукурам мертвых зверей и сколь сильно твое недоверие к живым, вечным мыслям”;
- в 399 году до н. э., по доносу одного из сограждан, Сократ был обвинен в нарушении гражданских норм жизни, приговорен к смерти и казнен.

Текст обвинения:

“Это обвинение написал и клятвенно засвидетельствовал Мелет, сын Мелета, пифеец, против Сократа, сына Софроникса из дома Алопеки. Сократ обвиняется в том, что он не признает богов, которых признает город, и вводит других, новых богов. Обвиняется он и в развращении молодежи. Требуемое наказание — смерть”.

Последние слова Сократа на суде:

“Но уже пора идти отсюда, мне — чтобы умереть, вам — чтобы жить, а что из этого лучше, никому не ведомо, кроме бога.”

Презентационные утверждения

49. Заговори, чтобы я тебя увидел.

50. Я знаю, что я ничего не знаю.

“Сократ перед зеркалом”

Худ. Джузеппе Рибера (1591-1652). Холст. Масло. 1631.

Частное собрание. Нью-Йорк.

✓ Я никак еще не могу, согласно дельфийской надписи, познать самого себя. И смешно, по-моему, будет, если я, не зная самого себя, примусь исследовать нечто, мне чуждое. Я исследую самого себя: кто я — чудовище сложное или же существо простое, и хоть скромное, но по своей природе причастное чему-то божественному?

✓ Сократ считал своих слушателей друзьями, а не “учениками” и, в отличие от софистов, не брал с них денег. Софист Антифон по этому поводу как-то заметил Сократу: “Очевидно, если бы ты считал свое собеседование что-нибудь стоящим, то брал бы за него деньги не менее стоимости. Ты, может быть, справедлив, потому что никого не обманываешь из-за любостяжания, но ты не можешь быть умным, потому что знаешь то, что ничего не стоит”.

✓ Первые критики Сократа объявились уже при его жизни. Так, комедиограф Аристофан в своей пьесе “Облака” (423 г. до н. э.) выводит Сократа софистом — мастером “кривых речей”, который решает глубокомысленные вопросы: “пищит комар гортанью или задницей”, “на сколько стоп блошиных блохи прыгают”; который отрицает богов, признавая за них облака, и развращает своих учеников, ибо воспитывает их в непочтении к родителям, религии и традициям, забивает головы нелепицами и учит в своей “мыслильне” за большие деньги, как бы только “словчить и долгов не платить”.

Герой пьесы, старый Стрипсиад, обучившись у Сократа, послал к нему и своего сына Фидиппида, который до этого увлекался только скачками и спортивными состязаниями, тренировал тело, а не дух. Однако, набравшись “Сократовой” премудрости, сынок начал дубасить отца, оправдывая побои по всем правилам софистики: родители наказывают детей, а старик — вдвойне ребенок. “Заслуживают старики двойного наказания, ведь непростительны совсем у пожилых ошибки”.

СОКРАТ О ЛЮБВИ

“Устный конспект” лекций Диотимы

Я попытаюсь передать вам речь об Эроте, которую услышал некогда от одной мантинеянки, Диотимы, женщины, очень сведущей и в этом, и во многом другом.

— По сути, всякое желание блага и счастья — это для всякого великая и коварная любовь. Однако о тех, кто предан таким ее видам, как корыстолюбие, любовь к телесным упражнениям, любовь к мудрости, не говорят, что они любят или что они влюблены, — только к тем, кто занят и увлечен одним лишь определенным видом любви, относят общие названия “любовь”, “любить” и “влюбленные”. Некоторые утверждают, что любить — значит искать свою половину. А я утверждаю, что ни половина, ни целое не вызовет любви, если не представляет собой, друг мой, какого-то блага. Люди хотят, чтобы им отрезали руки и ноги, если эти части собственного их тела кажутся им негодными. Ведь ценят люди вовсе не свое, если, конечно, не называть все хорошее своим и родственным себе, а все дурное — чужим; нет, любят они только хорошее.

Но если любовь, как мы согласились, есть стремление к вечному обладанию благом, то наряду с благом нельзя не желать и бессмертия. А значит, любовь — это стремление к бессмертию.

Всему этому она учила меня всякий раз, когда беседовала со мной о любви. А однажды она спросила меня:

— В чем, по-твоему, Сократ, причина этой любви и этого вожделения? Не замечал ли ты, в сколь необыкновенном состоянии бывают все животные, и наземные, и пернатые, когда они охвачены страстью деторождения? Они пребывают в любовной горячке сначала во время спаривания, а потом — когда кормят детенышей, ради которых они готовы и бороться с самыми сильными, как бы ни были слабы сами, и умереть, и голодать, только чтобы их

выкормить, и вообще, сносить все, что угодно. О людях еще можно подумать, — продолжала она, — что они делают это по велению разума, но в чем причина таких любовных порывов у животных, ты можешь сказать?

И я снова сказал, что не знаю.

— И ты считаешь себя знатоком любви, — спросила она, — не поняв этого?

— Но ведь я же, как только что сказал, потому и хожу к тебе, Диотима, что мне нужен учитель. Назови же мне причину и этого, и всего другого, относящегося к любви!

— Так вот, — сказала она, — если ты убедился, что любовь по природе своей — это стремление к тому, о чем мы не раз уже говорили, то и тут тебе нечему удивляться. Ведь у животных, так же как и у людей, смертная природа стремится стать по возможности бессмертной и вечной. А достичь этого она может только одним путем — порождением, оставляя всякий раз новое вместо старого; ведь даже в то время, покуда о любом живом существе говорят, что оно живет и остается самим собой — человек, например, от младенчества до старости считается одним и тем же лицом, — оно никогда не бывает одним и тем же, хоть и числится прежним, а всегда обновляется, что-то непременно теряя, будь то волосы, плоть, кости, кровь или вообще все телесное, да и не только телесное, но и то, что принадлежит душе: ни у кого не остаются без перемен ни его привычки и нрав, ни мнения, ни желания, ни радости, ни горести, ни страхи — всегда что-то появляется, а что-то утрачивается. Еще удивительнее, однако, обстоит дело с нашими знаниями: мало того, что какие-то знания у нас появляются, а какие-то мы утрачиваем и, следовательно, никогда не бываем прежними и в отношении знаний, — такова же участь каждого вида знаний в отдельности. То, что называется упражнением, обусловлено не чем иным, как убылью знания, ибо забвение — это убыль какого-то знания, а упражнение, заставляя нас вновь вспоминать забытое, сохраняет нам знание настолько, что оно кажется прежним. Так вот, таким же образом сохраняется и все смертное; в отличие от божественного, оно не остается

всегда одним и тем же, но, устаревая и уходя, оставляет новое свое подобие. Вот каким способом, Сократ, — заключила она, — приобщается к бессмертию смертное — и тело, и все остальное. Другого способа нет. Не удивляйся же, что каждое живое существо по природе своей заботится о своем потомстве. Бессмертия ради сопутствует всему на свете рачительная эта любовь.

Выслушав ее речь, я пришел в изумление и сказал:

— Да неужели, премудрая Диотима, это действительно так?

И она отвечала, как отвечают истинные мудрецы:

— Можешь быть уверен в этом, Сократ. Возьми людское честолюбие — ты удивишься его бессмысленности, если не вспомнишь то, что я сказала, и упустишь из виду, как одержимы люди желанием сделать громким свое имя, “чтобы на вечное время стяжать бессмертную славу”, ради которой они готовы подвергать себя еще большим опасностям, чем ради своих детей, тратить деньги, сносить любые тяготы, умереть, наконец. Ты думаешь, — продолжала она, — Алкестиде захотелось бы умереть за Адмета, Ахиллу — вслед за Патроком, а вашему Кодру — ради будущего царства своих детей, если бы они все не надеялись оставить ту бессмертную память о своей добродетели, которую мы и сейчас сохраняем? Я думаю, — сказала она, — что все делают все ради такой бессмертной славы об их добродетели, и чем люди достойнее, тем больше они делают. Бессмертие — вот чего они жаждут.

Те, у кого разрешиться от бремени стремится тело, — продолжала она, — обращаются больше к женщинам и служат Эроту именно так, надеясь деторождением приобрести бессмертие и счастье и оставить о себе память на вечные времена. Беременные же духовно — ведь есть и такие, — пояснила она, — которые беременны духовно, и притом в большей даже мере, чем телесно, — беременны тем, что как раз душе и подобает вынашивать. А что ей подобает вынашивать? Разум и прочие добродетели.

Родителями их бывают все творцы и те из мастеров, которых можно назвать изобретателями. Самое же важное

Сократ

Сократ. Копия с бронзового оригинала. Британский музей.

С.Т.Коненков. Сократ.
Мрамор 48x71x31 см. 1953.
Картинная галерея, г.Пермь

и прекрасное — это разуместь, как управлять государством и домом, и называется это уменье рассудительностью и справедливостью. Так вот, кто смолоду вынашивает духовные качества, храня чистоту и с наступлением возмужалости, но испытывает страстное желание родить, тот, я думаю, тоже ищет везде прекрасное, в котором он мог бы разрешиться от бремени, ибо в безобразном он ни за что не родит. Беременный, он радуется прекрасному телу больше, чем безобразному, но особенно рад он, если такое тело встретится ему в сочетании с прекрасной, благородной и даровитой душой: для такого человека он сразу находит слова о добродетели, о том, каким должен быть и чему должен посвятить себя достойный муж, и принимается за его воспитание. Проводя время с таким человеком, он соприкасается с прекрасным и родит на свет то, чем давно беремен. Всегда помня о своем друге, где бы тот ни был — далеко или близко, — он сообща с ним растит свое детище, благодаря чему они гораздо ближе друг другу, чем мать и отец, и дружба между ними прочнее, потому что связывающие их дети прекраснее и бессмертнее. Да и каждый, пожалуй, предпочтет иметь таких детей, чем обычных, если подумает о Гомере, Гесиоде и других прекрасных поэтах, чье потомство достойно зависти, ибо оно приносит им бессмертную славу и сохраняет память о них, потому что и само незабываемо и бессмертно. Или возьми, если угодно, — продолжала она, — детей, оставленных Ликургом в Лакедемонe, — детей, спасших Лакедемон и, можно сказать, всю Грецию. В почете у вас и Солон, родитель ваших законов, а в разных других местах, будь то у греков или у варваров, почетом пользуется много других людей, совершивших множество прекрасных дел и породивших разнообразные добродетели. Не одно святилище воздвигнуто за таких детей этим людям, а за обычных детей никому еще не воздвигали святилищ.

Во все эти таинства любви можно, пожалуй, посвятить и тебя, Сократ. Что же касается тех высших и сокровеннейших, ради которых первые, если разобраться, и существуют на свете, то я не знаю, способен ли ты проникнуть

в них. Сказать о них я, однако, скажу, — продолжала она, — за мной дело не станет. Так попытайся же следовать за мной, насколько сможешь.

Кто хочет избрать верный путь ко всему этому, должен начать с устремления к прекрасным телам в молодости. Если ему укажут верную дорогу, он полюбит сначала одно какое-то тело и родит в нем прекрасные мысли, а потом поймет, что красота одного тела родственна красоте любого другого и что если стремиться к идее прекрасного, то нелепо думать, будто красота у всех тел не одна и та же. Поняв это, он станет любить все прекрасные тела, а к тому одному охладает, либо сочтет такую чрезмерную любовь ничтожной и мелкой. После этого он начнет ценить красоту души выше, чем красоту тела, и если ему попадется человек хорошей души, но не такой уж цветущий, он будет вполне доволен, полюбит его и станет заботиться о нем, стараясь родить такие суждения, которые делают юношей лучше, благодаря чему невольно постигнет красоту нравов и обычаев и, увидев, что все это прекрасное родственно между собою, будет считать красоту тела чем-то ничтожным. От нравов он должен перейти к наукам, чтобы увидеть красоту наук и, стремясь к красоте уже во всем ее многообразии, не быть больше ничтожным и жалким рабом чьей-либо привлекательности, плененным красотой одного какого-то мальчишки, человека или характера, а повернуть к открытому морю красоты и, созерцая его в неуклонном стремлении к мудрости, обильно рождать великолепные речи и мысли, пока наконец, набравшись тут сил и усовершенствовавшись, он не узрит того единственного знания, которое касается прекрасного, и вот какого прекрасного... Теперь, — сказала Диотима, — постарайся слушать меня как можно внимательнее.

Кто, наставляемый на пути любви, будет в правильном порядке созерцать прекрасное, тот, достигнув конца этого пути, вдруг увидит нечто удивительно прекрасное по природе, то самое, Сократ, ради чего и были предприняты все предшествующие труды, — нечто, во-первых, вечное, то есть не знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни

оскудения, а во-вторых, не в чем-то прекрасное, а в чем-то безобразное, не куда-то, где-то, для кого-то и сравнительно с чем-то прекрасное, а в другое время, в другом месте, для другого и сравнительно с другим безобразное. Прекрасное это предстанет ему не в виде какого-то лица, рук или иной части тела, не в виде какой-то речи или знания, не в чем-то другом, будь то животное, Земля, небо или еще что-нибудь, а само по себе, всегда в самом себе единообразное; все же другие разновидности прекрасного причастны к нему таким образом, что они возникают и гибнут, а его не становится ни больше, ни меньше, и никаких воздействий оно не испытывает. И тот, кто, благодаря правильной любви, поднялся над отдельными разновидностями прекрасного и начал постигать само прекрасное, тот, пожалуй, почти у цели.

Вот каким путем нужно идти в любви — самому или под чьим-либо руководством: начав с отдельных проявлений прекрасного, надо все время, словно бы по ступенькам, подниматься, ради самого прекрасного, вверх — от одного прекрасного тела к двум, от двух — ко всем, а затем от прекрасных тел — к прекрасным нравам, а от прекрасных нравов — к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и не познаешь, наконец, что же это — прекрасное.

ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О САМОБЫТНОСТИ

◆ В молодые годы у меня была настоящая страсть к тому виду мудрости, который называют познанием природы. Мне представлялось удивительным и необыкновенным знать причину каждого явления — почему что рождается, и почему погибает, и почему существует. И я часто метался из крайности в крайность и вот какого рода вопросы задавал себе в первую очередь: когда теплое и холодное, взаимодействуя, вызывают гниение, не тогда ли, как судили некоторые, образуются живые существа? Чем мы мыслим

— кровью, воздухом или огнем? Размышлял я и о разрушении всего существующего, и о переменах, которые происходят на небе и на земле, — и все для того, чтобы в конце концов счесть себя совершенно непригодным к такому исследованию.

◆ О Сократовском демони:

Однажды шел Сократ со своими друзьями; им дальше надо было идти по той же улице. На перекрестке Сократ вдруг остановился, углубился в себя, а затем, ссылаясь на указания демония, свернул на другую улицу, позвав с собой остальных. Однако некоторые из спутников не послушали его и, желая доказать лживость демония, пошли прежним путем. Внезапно дорогу им преградило стадо покрытых грязью свиней, одних свиньи опрокинули, других выпачкали грязью.

◆ Сократ, говорят, послушав, как Платон читал “Лисия”, воскликнул: “Клянусь Гераклом! Сколько же навывдумал на меня этот юнец!” — ибо Платон написал много такого, чего Сократ вовсе не говорил.

◆ Занятия его казались странными. Однажды на улице он встретил юношу Ксенофонта, показавшегося ему даровитым, и посохом загородил ему дорогу.

— Скажи мне, — спросил Сократ, — где покупают муку?

— На рынке, — ответил Ксенофонт.

— А масло?

— Там же.

— А куда надо пойти за мудростью и добродетелью?

Юноша задумался.

— Иди за мной, я покажу, — сказал Сократ.

Так Ксенофонт стал спутником и участником бесед Сократа, а после смерти учителя, так же как и Платон, воспроизвел для потомства некоторые из них.

◆ Алкивиад приводит такой случай из походной жизни Сократа во время осады Потидеи: “Как-то утром он о чем-то задумался и, погружившись в свои мысли, застыл на месте, и, так как делу у него не шло на лад, он не прекращал

УЧЕНИКИ СОКРАТА

Ксенофонт
(ок. 430-354 гг.
до н. э.).
Древнегреческий
писатель и полководец. Автор
"Воспоминаний
о Сократе".

Аристокл
(по прозвищу
Платон).
Ок. 427-347 гг.
до н. э.

Алкивиад
(ок. 450-404 гг.
до н. э.).
Политический
и военный
деятель Афин.*

"Сократ в битве при Патидее защищает Алкивиада".
Худ. П.Басин. Холст, масло, 1828. Гос. Русский музей.

* Алкивиад был настолько красив, что стал идеалом всех афинян. Правда, он картавил и у него была искривленная шея. На портрете, сделанном в конце V века до н. э., заметна необычная форма рта, что подтверждает версию о дефектах речи. В "Горгии" Сократ говорит, что он любит только две вещи: Алкивиада и философию.

своих поисков и все стоял и стоял. Наступил уже полдень, и люди, которым это бросалось в глаза, удивленно говорили друг другу, что Сократ с самого утра стоит на одном месте и о чем-то раздумывает. Наконец вечером, поужинав, некоторые ионийцы — дело было летом — вынесли свои подстилки на воздух, чтобы поспать в прохладе и заодно понаблюдать за Сократом, будет ли он стоять на том же месте и ночью. И оказалось, что он простоял там до рассвета и до восхода солнца, а потом, помолившись солнцу, ушел”.

◆ Однажды Алкивиад предложил Сократу большой участок земли, чтобы выстроить дом; Сократ ответил: “Если бы мне нужны были сандалии, а ты предложил бы мне для них целую бычью кожу, разве не смешон бы я стал с таким подарком?”.

◆ Однажды Ксантиппа сперва разругала Сократа, а потом окатила водой. “Так я и говорил, — промолвил он, — у Ксантиппы сперва гром, а потом дождь”. Алкивиад твердил ему, что ругань Ксантиппы непереносима; Сократ ответил: “А я к ней привык, как к вечному скрипу колеса. Переносишь ведь ты гусиный гогот?” — “Но от гусей я получаю яйца и птенцов к столу”, — сказал Алкивиад. “А Ксантиппа рождает мне детей”, — отвечал Сократ.

◆ Сократ говорил, что сварливая жена для него — то же, что норовистые кони для наездников: “Как они, одолев норовистых, легко справляются с остальными, так и я на Ксантиппе учусь обхождению с другими людьми”.

◆ К Сократу пришел юноша Эвтидем, желающий стать государственным человеком. И Сократ завел с ним разговор о справедливых и несправедливых делах.

Сократ: Не таковы ли действия справедливых, как, например, действия ремесленников?

[...]

Но подобно тому, как ремесленники показывают свои произведения, могут ли так же показать свои произведения и справедливые?

[...]

Так вот... здесь мы напишем Д, а здесь А; затем то, что признаем делом справедливости, будем относить к Д, а что признаем делом несправедливости — к А.

Между людьми встречается ложь?

Эвтидем: Разумеется.

Сократ: Куда ее причислить?

Эвтидем: Конечно, к несправедливости.

Сократ: Обман тоже встречается?

Эвтидем: И очень.

Сократ: Его куда причислить?

Эвтидем: Тоже к несправедливости.

[...]

Сократ: И к справедливости ничего из этого не будет причислено?

Эвтидем: Да, и странно было бы, если бы было иначе.

Сократ: Теперь, если стратег обращает в рабство жителей враждебного неприятельского города и во время войны прибеж к обману?

Эвтидем: Это справедливо. Но только в отношении врагов.

[...]

Сократ: Если стратег, видя малодушие солдат, сообщит им ложные сведения, будто приближаются союзники, и эта ложь прекратит их малодушие, куда ты причислишь этот обман?

Эвтидем: К справедливости.

Сократ: А если кто обманет своего сына, нуждающегося в лекарстве и не принимающего его, и даст ему лекарство под видом обычной пищи и этой ложью сделает сына здоровым?

[и т.д.]

◆ — Я, — сказал Агафон, — не в силах спорить с тобой, Сократ. Пусть будет по-твоему.

— Нет, милый мой Агафон, ты не в силах спорить с истиной, а спорить с Сократом — дело нехитрое.

◆ — Ты умираешь безвинно, — говорила ему жена; он возразил:

— А ты бы хотела, чтобы заслуженно?

В.И. Ленин (1870-1924).
Худ. Н.И.Альтман.
Рисунок карандашом (1920).

Теофраст Бомбаст
фон Гогенгейм
(Парацельс) (1493-1541).

У Сократа был необычный, редкой формы, высокий лоб. Именно в связи с личностью его носителя и с учетом уникальности строения вместилища могучего мозга в истории цивилизации появилось выражение “сократовский лоб”.

На снимках приводятся фотопримеры исторических лиц, имевших, по мнению окружающих, да это видно и по рисункам с натуры, “сократовские” лбы.

ПОЗИЦИЯ МУДРОСТИ

◆ Ты знаешь, — замечает Сократ Гиппию, — что Ликург Лакедемонский нисколько не возвысил бы Спарты над прочими государствами, если бы главным образом не ввел в ней повиновения законам? Разве тебе не известно, что в государствах те правители самые лучшие, которым граждане наиболее обязаны повиновением законам? И то государство, в котором граждане наиболее повинуются законам, счастливо во время мира и неизбежно во время войны.

◆ Править должны знающие.

◆ Цари и правители — не те, которые носят скипетры, не те, которые избраны известными вельможами, и не те, которые достигли власти посредством жребия или насилем, обманом, но те, которые умеют править.

◆ **Тирания** — это власть, основывающаяся не на законах, а на произволе правителя, такая власть — против народа.

◆ Мудрецы учат, что небо и землю, богов и людей объединяют общение, дружба, порядочность, воздержанность, справедливость, по этой причине они и зовут нашу Вселенную “порядком”, “космосом”, а не “беспорядком” и не “бесчинством”.

◆ Но если, рождаясь, мы теряем то, чем владеем до рождения, а потом с помощью чувств восстанавливаем прежние знания, тогда, по-моему, “познавать” означает восстанавливать знание, тебе уже принадлежавшее. И, называя это **припоминанием**, мы бы, пожалуй, употребили правильное слово.

◆ Душа человека причастна божеству.

◆ **Сократ в беседе с Меноном:**

“Я похож на ската, который, приводя в оцепенение других, и сам приходит в оцепенение. Ведь не то что я, пугая других, сам ясно во всем разбираюсь, — нет: я и сам путаюсь и других запутываю. Так и сейчас — о том, что такое добродетель, я ничего не знаю, а ты, может быть, и знал раньше, до встречи со мной, зато теперь стал очень похож на невежду в этом деле. И все-таки я хочу вместе с тобой поразмыслить и поискать, что она такое”.

◆ Те, кто подлинно преданы философии, заняты, по сути вещей, только одним — умиранием и смертью. Люди, как правило, этого не замечают, но если это все же так, было бы, разумеется, нелепо всю жизнь стремиться к одной цели, а потом, когда она оказывается рядом, негодовать на то, в чем так долго и с таким рвением упражнялся!

◆ Философ занимает промежуточное положение между мудрецом и невеждой.

◆ Этого-то человека я мудрее, потому что мы с ним, пожалуй, оба ничего дельного и нужного не знаем, но он, не зная, воображает, будто что-то знает, а я, если уж не знаю, то и не воображаю.

◆ Существует только один бог — знания, и только один дьявол — невежество.

◆ Знание, отделенное от справедливости и другой добродетели, представляется плутовством, а не мудростью.

◆ Дурная особенность письменности поистине сходна с живописью: ее порождения стоят как живые, а спроси их — они величаво и гордо молчат. То же самое и с сочинениями.

■ **Диалог** как образ жизни и способ философствования был причиной литературного безмолвия Сократа, его сознательного отказа от письменных сочинений. Такой вывод находит подтверждение и в платоновском “Федре”, где Сократ говорит, что письменное сочинение не только не может воспроизвести настоящего диалога и заменить его, но даже становится преградой на пути общения людей: ведь книгу не спросишь, как спрашиваешь живого человека, а если и спросишь, то она отвечает “одно и то же”. Письменные сочинения, создавая иллюзию власти над памятью, прививают “забывчивость”, так как в этом случае “будет лишена упражнения память”. Поэтому тексты — средство не “для памяти, а для припоминания”; они предоставляют людям возможность “много знать понаслышке”, повторяя то, что было сказано в чужих сочинениях. Письменная форма, лишая потребности в

самостоятельном поиске, позволяет обучающимся казаться “многознающими”, оставляя большинство невеждами. Более того, письменные сочинения грозят существованию общения, если не сказать, что они делают его излишним в той степени, в какой они претендуют на замещение диалога, без которого невозможно живое общение. Диалог — это подлинная, “живая и одушевленная речь знающего человека”; письменность же — это всего лишь “подражание” диалогу.

Для Сократа диалектика, вопросно-ответный способ обнаружения истины, была прежде всего методом определения этических понятий, то есть методом нахождения в данном понятии общих и существенных признаков, выражающих его сущность. В ранних (“сократических”) диалогах Платона встречается много примеров диалектики Сократа, его попыток дать определение общепринятым этическим понятиям и поступкам с помощью вопросов и ответов, посредством “испытания” собеседника. Вот один из таких примеров, посвященный определению понятия “мужество” в диалоге раннего периода творчества Платона “Лахес”.

Сократ в этом диалоге начинает с общей мысли о том, что приобретение добродетели предполагает знание (хотя бы частичное) того, что такое добродетель. Учитывая, однако, что рассмотрение столь общего понятия является достаточно сложным и трудным, он предлагает предварительно обратиться к выяснению одного из видов добродетели — мужества.

Приведем основные моменты диалога “Лахес” в вольном переводе Феохария Харлампиевича Кессиди (Кессиди Ф.Х. Сократ. М., 1988.), посвященного определению мужества, выяснению содержания этого понятия.

Сократ: Тебе, Лахес, как полководцу, ведь известно, что такое мужество.

Лахес: Конечно. И, клянусь Зевсом, вопрос нетрудный. Не долго думая, отвечу: мужествен тот, кто, оставаясь на своем месте в строю, сражается с неприятелем и не бежит с поля боя.

Сократ: Это ты верно говоришь, Лахес, если правда, иметь в виду один из примеров мужественного поступка. Возможно, моя вина в том, что ты свел мужество к единичному случаю, поэтому уточним вопрос: я прошу тебя определить существо добродетели мужества, найти то, что есть “одно и то же во всем”, то есть то общее и существенное, которое охватывает все случаи и все примеры мужественных поступков. Твой же ответ следует признать опрометчивым потому, что существуют поступки и образы действий, которые по внешнему проявлению противоположны твоему пониманию мужества, но которые всеми должны быть признаны за мужественные. Так, скифы, убегая, сражаются не менее мужественно, чем преследуя.

Да и Гомер называет Энея “мастером бегства”. Бегство само по себе не обязательно есть признак малодушия или отсутствия мужества. Ведь во время сражения при Платее гоплиты лакедемонян, столкнувшись с персидскими щитоносцами, побежали, не утратив при этом мужества. Когда же из-за этого бегства ряды персов расстроились, лакедемоняне неожиданно обернулись назад, стали сражаться, как конные, и таким образом одержали победу. Собственно говоря, я хотел бы узнать от тебя, Лахес, о мужественных не только в пехоте, но и в коннице и вообще в военном деле, и не только на войне, а также во время опасностей на море, в болезнях, в бедности или в государственных делах, и опять еще не о тех только, что мужественны относительно скорбей и страхов, но и кто силен в борьбе с вожделениями и удовольствиями, на месте ли он остается или обнажает тыл; ведь бывают, Лахес, мужественные и в таких вещах.

Лахес: Если, Сократ, от меня требуется определение мужества, то есть нахождение того существенного признака, присущего всем его проявлениям, то я

Аспасия (ок. 470-410 гг. до н.э.). В 449 г. до н. э. она переехала из Милета в Афины. Девятнадцатилетним юношей Сократ переступил порог ее дома (она была второй женой Перикла) и навсегда оставил здесь свое сердце.

Аспасия (по греч. — любимая) была гетерой. Благодаря ей Сократ постиг любовь и обучился красноречию.

Сократ и Аспасия. Бронзовый рельеф комода из Помпеи.
(О том, что собеседники говорят о любви, свидетельствует стоящий на заднем плане Эрос, который что-то записывает.)

бы сказал, что это — своего рода стойкость души, твердость характера, словом, упорство.

Сократ: Ты говоришь так, как нужно. Но мне кажется, что не всякое упорство представляется тебе мужеством. Такое заключение делаю из того, что почти уверен, что ты, Лахес, относишь мужество к прекрасным вещам.

Лахес: Да, несомненно, к прекрасным.

Сократ: Упорство, соединенное с благоразумием, не будет ли прекрасной и хорошей вещью?

Лахес: Конечно.

Сократ: Каково же оно будет без благоразумия? Очевидно, противоположной вещью, то есть дурной и плохой?

Лахес: Да.

Сократ: Стало быть, ты не назовешь нечто дурное и плохое хорошим?

Лахес: Не назову, Сократ.

Сократ: Следовательно, ты не признаешь такое упорство за мужество, поскольку оно нечто плохое, а мужество — дело хорошее.

/Сократ, “обличая” ошибочность определения мужества, данного Лахесом, строит следующий силлогизм:

Всякое мужество — нечто хорошее.

Не всякое упорство — нечто хорошее.

Следовательно, не всякое упорство есть мужество./

Лахес: Ты прав, Сократ, но в таком случае я попытаюсь дать третье определение мужества и скажу, что мужество есть благоразумное упорство. Надеюсь, это тебя удовлетворит.

Сократ: Оно, возможно, меня удовлетворило бы, но все дело в том, что я не знаю, что ты имеешь в виду, употребляя слово “благоразумное”. Благоразумное в чем? Во всем? И в большом и в малом? Скажем, человек проявляет упорство в том, что тратит деньги благоразумно, зная, что в конечном счете он от этого только выиграет и приобретет больше. Назвал бы ты его мужественным?

Лахес: Клянусь Зевсом, нет.

Сократ: Или, чтобы привести аналогичные примеры, скажем, врач остается упорным, проявляет твердость и на мольбы своего больного сына или другого больного, страдающих воспалением легких, отказывается дать им пить и есть. Назовем ли врача мужественным?

Лахес: Нет, и это не мужество.

Сократ: Тогда возьмем, к примеру, человека, выказывающего упорство на войне и готового сражаться, но расчетливого в своем благоразумии. Он знает, что к нему придут на помощь; ему также известно, что он будет сражаться с более малочисленным и более слабым противником, к тому же находящимся в менее выгодной позиции. Скажешь ли ты, что этот человек, чья стойкость основана на расчете, более мужествен, чем тот воин, который находится в противоположных обстоятельствах своего лагеря и готов, тем не менее, сражаться, проявлять стойкость и упорство?

Лахес: Мне кажется, последний мужественнее.

Сократ: Но ведь стойкость этого менее осмотрительна, менее благоразумна, чем первого.

Лахес: Верно говоришь.

Сократ: Тогда, значит, по твоему мнению, и опытный в сражении наездник, проявляющий упорство и стойкость, менее мужествен, чем новичок?

Лахес: Так мне кажется.

Сократ: То же самое ты скажешь о метком стрелке из пращи, из лука и о другом воине, опытном в какой-либо области военного искусства?

Лахес: Конечно.

Сократ: И те, кто, не умея плавать, но желая показать стойкость, бросаются в водоем, ты полагаешь, смелее и мужественнее тех, кто обладает опытом в этом деле?

Лахес: Что же другое можно сказать, Сократ?

Сократ: Ничего, если в самом деле ты так думаешь.

Лахес: Да, я так думаю.

Сократ: Однако, если не ошибаюсь, эти люди в своем желании продемонстрировать упорство и стойкость подвергаются большей опасности и проявляют больше безрассудства, чем те, кто опытен в этом деле.

Лахес: Кажется.

Сократ: А не казалось ли раньше нам, что безрассудная отвага и упорство постыдны и вредны?

Лахес: Конечно.

Сократ: А мужество мы признавали чем-то хорошим?

Лахес: Верно, признавали.

Сократ: Но теперь же мы, напротив, называем постыдное, безрассудное упорство мужеством.

Лахес: Кажется, что так.

Сократ: Полагаешь ли ты, что мы говорим хорошо?

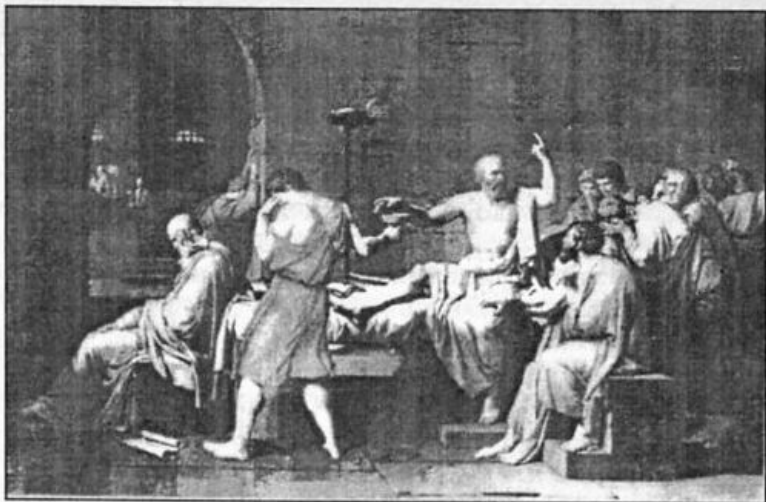
Лахес: Нет, клянусь Зевсом, Сократ, по-моему, нехорошо.

Сократ: Стало быть, Лахес, той дорической гармонии, о которой ты говорил, у нас с тобой что-то не выходит, потому что дела наши не согласуются со словами нашими.

Лахес: Понимать-то я, кажется, понимаю, что такое мужество, а вот только не знаю, как это оно сейчас от меня так ушло, что я не успел схватить его и выразить словом, что оно такое.

Вслед за этим в разговор вступает другой полководец — Никий. По его мнению, “мужество есть своего рода мудрость”, точнее, “знание опасного и безопасного и на войне, и во всех других случаях”.

Это определение тут же опровергается Лахесом, ссылающимся на отличие знания от мужества. Он иронически замечает: если следовать данному определению, то мы должны признать мужественным, например, врача, знающего, что может быть опасно и безопасно в болезнях; то же самое придется сказать относительно земледельца или ремесленника на том основании, что и тот и другой, каждый в своей области, знает, чего следует опасаться и чего нет.

Ж.Л.Давид. "Смерть Сократа", 129x191 (1788).
Музей Метрополитен. Нью-Йорк, собрание Вольфа.

М.Антокольский. "Смерть Сократа".
Гос. Русский музей, мрамор, 1877.

Со своей стороны Сократ добавляет, что Никий, давая свое определение мужества, имел в виду, во-первых, то, что мужество — это часть добродетели, а во-вторых, то, что оно, в понимании Никия, распространяется только на будущее время, ибо то, что внушает страх и опасения, угрожает не прошедшим и не настоящим, а будущим злом (то есть то, чего не надо опасаться и бояться, есть будущее зло).

Принимая это добавление и разъяснение, Никий тем самым оказывается, как до него Лахес, в тупике. В самом деле, всякое знание (в медицине, в земледелии или в военном искусстве) охватывает предмет во всех трех его временных измерениях, исследует “и будущее, и настоящее, и прошедшее состояния всякого дела”, а не ограничивается только одним из них, то есть будущим временем, будущим состоянием дела. Таким образом, Никий определил всего лишь третью часть мужества, в то время как от него требовалось определить его в целом. Кроме того, если понимание Никием мужества распространить на все три времени и под мужеством понимать знание не только об опасном и безопасном, но и знание о всяком добре и зле, то и это уже будет не часть (не вид) добродетели, а вся добродетель, то есть добродетель вообще.

Итак, определение мужества не найдено ни Лахесом, ни Никием. Сократ не скрывает, что ему неизвестно, что это такое. Говоря, что вопрос остался нерешенным, он подводит итог беседе: “Все мы одинаково оказываемся в затруднении: почему бы в таком случае можно было предпочесть того или другого из них? Право, мне кажется, что никого нельзя предпочесть”. Другими словами, все попытки решить поставленный вопрос оказались тщетными.

◆ Ведь я только и делаю, что хожу и убеждаю каждого..., и молодого, и старого, заботиться прежде и сильнее всего не о теле и не о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше.

◆ Кто знает себя, тот знает, что для него полезно, и ясно понимает, что он может и чего он не может. Занимаясь тем, что знает, он удовлетворяет свои нужды и живет

счастливы, а не берясь за то, чего не знает, не делает ошибок и избегает несчастий. Благодаря этому он может определить ценность также и других людей и, пользуясь также ими, извлекает пользу и оберегает себя от несчастий.

◆ Началось у меня это с детства. Возникает какой-то голос, который всякий раз отклоняет меня от того, что я бываю намерен делать, а склоняет к чему-нибудь — никогда не склоняет. Вот этот-то голос и возбраняет мне заниматься государственными делами.

◆ В случаях, когда исход предпринимаемого дела остается неизвестным, необходимо обращаться к гаданиям и вопрошать прорицателей и оракулов.

◆ Нет ничего сильнее знания, оно всегда и во всем перебивает удовольствия и все прочее.

◆ Кто мудр, тот и добр.

◆ Все люди, думаю я, делая выбор из представляющихся им возможностей, поступают так, как находят всего выгоднее для себя. Поэтому, кто поступает неправильно, тех я не считаю ни умными, ни нравственными.

◆ Не от денег рождается добродетель, а от добродетелей бывают у людей деньги и все прочие блага, как в частной жизни, так и в общественной.

◆ Боги все знают — как слова и дела, так тайные помыслы, они везде присутствуют и дают указания людям обо всех делах человеческих.

◆ Однажды мне кто-то рассказал, как он вычитал в книге Анаксагора, что всему в мире сообщается порядок и всему служит причиной Ум; и эта причина мне пришла в душу, я подумал, что это прекрасный выход из затруднений, если всему причина — Ум. Я решил, что если так, то Ум-строитель должен устраивать все наилучшим образом и всякую вещь помещать там, где ей всего лучше находиться... С величайшим рвением принялся я за книги Анаксагора, чтобы поскорее их прочесть, поскорее узнать, что же всего лучше и что хуже.

◆ Я, афиняне, приобрел известность лишь благодаря некоей мудрости. Какая же это такая мудрость?

[...]

Прошу вас, не шумите, афиняне, даже если вам покажется, что я говорю несколько высокомерно. Не от себя буду я говорить, а сошлюсь на того, кто пользуется вашим доверием. В свидетели моей мудрости, если есть у меня какая-то мудрость, я приведу вам дельфийского бога. Вы ведь знаете Херефонта — он смолоду был моим другом и другом многих из вас, он разделял с вами изгнание и возвратился вместе с вами. И вы, конечно, знаете, каков был Херефонт, до чего он был неуправим во всем, что бы ни затевал. Прибыв однажды в Дельфы, осмелился он обратиться к оракулу с таким вопросом...

Я вам сказал: не шумите, афиняне!

... вот Херефонт и спросил, есть ли кто на свете мудрее меня, и Пифия ответила ему, что никого нет мудрее. И хотя самого Херефонта уже нет в живых, но вот брат его, здесь присутствующий, засвидетельствует вам, что это так. Смотрите, ради чего я это говорю: ведь мое намерение — объяснить вам, откуда пошла клевета на меня.

Услыхав про это, стал я размышлять сам с собою таким образом: “Что хотел сказать бог и что он подразумевает? Потому что я сам, конечно, нимало не считаю себя мудрым. Что же это он хочет сказать, говоря, что я мудрее всех? Ведь не лжет же он: не пристало ему это”. Долго недоумевал я, что же бог хотел сказать, потом весьма неохотно прибегнул к такому способу решения: пошел я к одному из тех людей, которые слывут мудрыми, думая, что уж где-где, а тут я скорее всего опровергну прорицание, объявив оракулу: “Вот этот мудрее меня, а ты меня назвал самым мудрым”. Но когда я присмотрелся к этому человеку — называть его по имени нет никакой надобности, скажу только, что тот, наблюдая которого я составил такое впечатление, был одним из государственных людей, афиняне, — так вот я, когда побеседовал с ним, решил, что этот человек только кажется мудрым и многим другим людям, и особенно самому себе, но на самом деле не мудр. Потом я попробовал показать ему, что он только мнит себя мудрым, а на самом деле этого нет. Из-за того-то и сам он, и многие из присутствовавших возненавидели меня.

Сократ никогда ничего не писал: он только думал и разговаривал. Когда думаешь, то мысль твоя в движении; а чтобы записать, ее надо остановить.

[...]

Чтобы понять смысл прорицания, надо было обойти всех, кто слышит знающим что-либо. И, клянусь собакой, афиняне, должен вам сказать правду, я вынес вот какое впечатление: те, что пользуются самой большой славой, показались мне, когда я исследовал дело по указанию бога, чуть ли не лишенными всякого разума, а другие, те, что считаются похуже, напротив, более им одаренными.

[...]

Из-за этой самой проверки, афиняне, с одной стороны, многие меня возненавидели так, что сильней и глубже и нельзя ненавидеть, отчего и возникло множество наветов, а с другой стороны, начали мне давать прозвание мудреца, потому что присутствовавшие каждый раз думали, будто если я доказываю, что кто-то в чем-то не мудр, то сам я в этом весьма мудр.

А в сущности, афиняне, мудрым-то оказывается бог, и своим изречением он желает сказать, что человеческая мудрость стоит немногого или вовсе даже ничего, и, кажется, при этом он не имеет в виду именно Сократа, а пользуется моим именем ради примера, все равно как если бы он сказал: "Из вас, люди, всего мудрее тот, кто, подобно Сократу, знает, что ничего поистине не стоит его мудрость".

Я и посейчас брожу повсюду — все выискиваю и допытываюсь по слову бога, нельзя ли мне признать мудрым кого-нибудь из граждан или чужеземцев; и всякий раз, как это мне не удастся, я, чтобы подтвердить изречение бога, всем показываю, что этот человек не мудр. Вот чем я занимался, поэтому не было у меня досуга заняться каким-нибудь достойным упоминания делом, общественным или домашним; так и дошел я до крайней бедности из-за служения богу.

Кроме того, следующие за мною по собственному почину молодые люди, те, у кого вдоволь досуга, сыновья самых богатых граждан, рады бывают послушать, как я испытываю людей, и часто подражают мне сами, принимаясь испытывать других, и я полагаю, они в избытке находят

людей, которые думают, будто они что-то знают, а на деле знают мало или вовсе ничего. От этого те, кого они испытывают, сердятся не на самих себя, а на меня и говорят, что есть какой-то Сократ, негоднейший человек, который портит молодежь. А когда их спросят, что же он делает и чему он учит, то они не знают, что сказать, и, чтобы скрыть свое затруднение, говорят о том, что вообще принято говорить обо всех, кто философствует: и что, мол, “ищут в небесах и под землею”, и что “богов не признают”, и “ложь выдают за правду”. А правду им не очень-то хочется сказать, я думаю, потому, что тогда обнаружилось бы, что они только прикидываются, будто что-то знают, а на деле ничего не знают.

[...]

Вот вам, афиняне, правда, как она есть, и говорю я вам ее без утайки...

(Платон. “Апология Сократа”.)

▶ Как здесь уместно вспомнить прорицательное дневниковое суждение французских писателей братьев Гонкуров! И хотя их и Сократа разделяют почти 2500 лет, есть что-то в общественном настрое по отношению к мудрым пугающе неизменное:

“Общество карает за всякое превосходство...”

Самобытный характер, цельная личность, не идущая на компромиссы, повсюду наталкивается на препятствия, со всех сторон встречает неприязнь. Натуры бесцветные и пошлые пользуются особой симпатией... чтобы достичь чего-либо, необходимо быть человеком посредственным и услужливым, уметь раболепствовать...

Поразительно, как преследует жизнь всех тех, кто не идет проторенной дорожкой, кто сворачивает или стремится свернуть на другие пути... Каждое мгновение, каждую минуту их постигает кара — в большом и малом, — и всякий раз кара эта кажется предусмотренной неким уложением о наказаниях для нарушителей великого закона — закона сохранения общества”.

◆ Сократу не повезло не только с одиозными слушателями — Алкивиадом и Критием, но и с великими — Гесиодом и Гомером. Так, он часто цитировал слова Гесиода: “Дела позорного нет, и только бездействие позорно”. Сократ при этом имел в виду порочность лени и пренебрежения к труду. Обвинители же усмотрели в сократовском цитировании этого места из Гесиода оправдание всякого действия, в том числе дурного и позорного.

Приводил Сократ в своих беседах и стих Гомера, где Одиссей довольно круто обходится с ослушниками и любителями пошуметь:

Если ж кого заставлял он кричащим из черни народной,
Скипетром тех ударял, обращаясь с такими словами:
“Смирно сиди, сумасшедший, и слушай других
рассужденья,

Тех, кто получше тебя. И труслив ты, и силой не славен;
Ты и в войне никогда не заметен, и в мирном совете”.

Подобное обращение к Гомеру было интерпретировано обвинителем как выпад против демоса, одобрение дурного обращения с людьми из народа.

◆ Последний день Сократа клонился к закату. Настало время завершения дел. Оставив друзей, Сократ удалился на омовение перед смертью.

Согласно орфическим и пифагорейским представлениям, подобное омовение имело ритуальное значение и символизировало очищение тела от грехов земной жизни.

После омовения Сократ попрощался с родными, дал им наставления и велел возвращаться домой.

К этому времени тюремщик напомнил, что пора выпить яд.

Ранее в Афинах приговоренного к смерти сбрасывали со скалы. Но с прогрессом нравов и, видимо, с увеличением числа смертных приговоров цивилизовалась и процедура их исполнения. Во времена Сократа приговоренный к смерти в назначенное время выпивал чашу растертой ядовитой цикуты (болиголова).

Когда принесли цикуту, Сократ, мысленно совершив возлияние богам за удачное переселение души в иной мир,

спокойно и легко выпил чашу до дна. Друзья его заплакали, но Сократ попросил их успокоиться, напомнив, что умирать должно в благоговейном молчании.

Он еще немного походил, а когда отяжелели ноги, лег на тюремный топчан и закутался. Затем, раскрывшись, сказал: “Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте”. Это были последние слова Сократа. Жертвоприношение петуха сыну Аполлона Асклепию, богу врачевания, обычно полагалось за выздоровление. Сократ же имел в виду выздоровление своей души и ее освобождение от бренного тела.

◆ Сообщают, что Аполлодор предложил Сократу перед смертью надеть более подходящую к случаю дорогую одежду. “Как? — спросил Сократ. — Выходит, моя собственная одежда была достаточно хороша, чтобы в ней жить, но не годится, чтобы в ней умереть?”

◆ Услышав от кого-то фразу: “Афиняне осудили тебя, Сократ, к смерти”, — он спокойно ответил: “А их к смерти осудила природа”.

◆ Сократ в своей защитительной речи уподобляет себя оводу, а афинян — коню, большому и благородному, но тучному и обленившемуся и потому нуждающемуся в том, чтобы его подгонял какой-нибудь овод. Делая это сравнение, он заключает: “Вот, по-моему, бог и послал меня в этот город, чтобы я, целый день носясь повсюду, каждого из вас будил, уговаривал, упрекал непрестанно. Другого такого вам нелегко будет найти, афиняне, а меня вы можете сохранить, если мне поверите. Но очень может статься, что вы, рассердившись, как люди, внезапно разбуженные от сна, прихлопнете меня и с легкостью убьете, послушавшись Анита. Тогда вы всю остальную вашу жизнь проведете в спячке, если только бог, заботясь о вас, не пошлет вам еще кого-нибудь.”

■ В 1972 году советский исследователь античной философии, специалист и знаток ее И.Д.Рожанский предпринял попытку поставить под сомнение историческую фактичность Сократа. По его мнению, Сократ — не более чем собирательный фольклорный образ, аналогичный

Загадка Сократа

Едва ли во всей античной философии сыщется имя, которое на протяжении многих столетий было бы более общеизвестным, более популярным, чем имя Сократа. Гегель называл смерть Сократа "всемирно-исторической трагедией". Философы-кантианцы сравнивали значение Сократа в древней философии со значением Канта в философии новой; иначе говоря, они приписывали Сократу роль величайшего преобразователя античного мышления. "Значение Сократа для истории античного мышления настолько велико, что все последующее развитие греческой философии стоит на фундаменте, им заложенном", — писал академик С.А.Жебелев уже в советское время¹. Правда, в марксистской историографии мы не встретим столь умеренного превознесения Сократа: в работах известных советских исследователей А.О.Маковельского, С.Я.Лурье, М.А.Дыпвика, В.Ф.Асмуса основное внимание по справедливости уделяется другим греческим мыслителям: Гераклиту, Демокриту, Платону, Аристотелю. Но в литературе, издающейся на Западе, как научной, так и научно-популярной, высказываясь, подобные приведенным выше, можно было бы находить сотнями.

Наряду с этим во всей истории философии, пожалуй, не найдется другого мыслителя, содержание учения которого представлялось бы нам в такой же степени неопределенным и зыбким. Что читаем мы об учении Сократа в традиционных курсах истории философии? Во-первых, что он отказался от исследования природы, бывшего в центре внимания мыслителей предшествующей эпохи, и перешел к изучению человека, то есть к рассмотрению проблем прежде всего этических. Во-вторых, в качестве важнейшего принципа сократовской этики обычно приводится утверждение, что в основе морального поведения человека лежит знание. Человек, знающий, что такое добро, никогда не будет вести себя дурно. Наконец, в-третьих, историки философии цитируют замечание Аристотеля о том, что Сократ, занимаясь исследованием нравственных добродетелей, впервые начал устанавливать общие определения. Отсюда делается вывод, что роль понятия, как основного элемента всякого логического знания, была осознана именно Сократом. И это, в сущности, все. Остальное, что сообщается нам о Сократе, — его знаменитая ирония, его стремление "испытывать" людей, беседа с ни-

Фотокопия первой страницы статьи И.Д.Рожанского "Загадка Сократа" (Журнал "Прометей", 1972 г., N 8.)

Здесь формулируется и защищается тезис, что "Сократа как исторической личности вообще не было".

образу легендарного Хаджи Насреддина. “Никакого учения Сократа... вообще не существовало”, а что до свидетельств Платона и Ксенофонта, то эти авторы “видели свою задачу не в воспроизведении высказываний” исторически сомнительного Сократа, а “прежде всего в пропаганде своих собственных воззрений”.

И.Д.Рожанский умело увлекает читателя аллюзией на плагиат, очень напоминающей скандальную недоуменность с историей появления “Тихого Дона” Шолохова и проблему-загадку “М.А.Шолохов – Ф.И.Крюков”.

Из тумана неясных, но уверительно авторитетных утверждений и ссылок на непереуведенные фрагменты Диогена Лаэртского вырисовывается, хотя и очень-очень смутно, вот что:

Мы знаем другую фигуру, которая действительно могла бы заменить Сократа в его роли главного героя художественно-философских диалогов. Это сапожник Симон, современник Сократа, личность, вообще говоря, крайне загадочная. По тем скудным сведениям, которые сообщаются о Симоне позднейшими источниками, мы можем понять, что этот человек представлял собою аналогичный тип народного мудреца, сидевшего в своей сапожной мастерской и беседовавшего с посетителями на самые различные темы. Сократ будто бы любил бывать у Симона и разговаривать с ним, а потом записывал эти беседы. Во всяком случае, имеются сведения, что действительно существовали так называемые “сапожнические” диалоги; уже по одному этому названию можно судить, что главным героем в них был уже не Сократ, а Симон. Сообщают также, что Перикл так ценил мудрость Симона, что предложил, чтобы тот переехал к нему и жил с ним вместе. Симон отказался от этого предложения, заявив, что он не продает свою свободу.

Любопытно, что у Платона имя Симона нигде ни разу не упоминается. Но у Федона был диалог “Симон”; правда, о его содержании мы ничего не знаем. Так или иначе, Симон был, по-видимому, как раз той фигурой, которая при благоприятных обстоятельствах могла бы стать цен-

• МЫСЛИТЕЛИ ПРОШЛОГО •

СОКРАТ

Х.Кессиди. Сократ (1976). Серия: "Мыслители прошлого".
(Первая страница обложки.)

тральным образом философского диалога, подобного диалогу сократическому.

Взгляды И.Д.Рожанского были подвергнуты незамедлительной массивированной критике, из которой видно, что И.Д.Рожанский — не первый, кто занялся таким делом, но никто себе не стяжал славы в подобном начинании. Поскольку рецидивов темы с тех пор не было, можно считать, что критика вдобавок была и сокрушительной. Хотя... темы века, тысячелетиями от нас отстоящие.

◆ Вообще, Сократ не советовал заниматься изучением небесных явлений, как бог производит каждое из них: этого, думал он, людям не удастся постигнуть, да и богам не доставит удовольствия тот, кто исследует то, что они не захотели открыть; к тому же, кто занят такими изысканиями, рискует сойти с ума, точно так же, как сошел с ума Анаксагор, очень гордившийся своим объяснением действий богов. Так, Анаксагор говорил, что огонь и Солнце — одно и то же; но он упустил из виду, что на огонь люди легко смотрят, а на Солнце не могут глядеть; что от солнечного света люди имеют более темный цвет кожи, а от огня — нет; он упустил из виду и то, что ни одно растение без солнечных лучей не может хорошо расти, а от согревания огнем они все погибают; утверждая, будто Солнце есть раскаленный в огне камень, он упустил из виду и то, что камень, находясь в огне, не светит и не может долго держаться, а Солнце вечно остается самым блестящим светилом.

АФОРИЗМЫ

- ◆ Богатство и знатность не приносят никакого достоинства.
- ◆ Сколько же есть вещей, без которых можно жить!
- ◆ Лучше мужественно умереть, чем жить в позоре.
- ◆ Без дружбы никакое общение между людьми не имеет ценности.
- ◆ Злой человек вредит другим без всякой для себя выгоды.
- ◆ На вопрос, кого можно считать счастливым, Сократ ответил: “Того, у кого честный образ мыслей и острый ум”.

- ◆ Молодым людям следует почаще смотреться в зеркало: красивым — чтобы не срамить своей красоты, безобразным — чтобы воспитанием скрасить безобразие.
- ◆ Быть ниже самого себя — это не что иное, как невежество, а быть выше самого себя — не что иное, как мудрость.
- ◆ Удивительно, что ваятели каменных статуй бьются над тем, чтобы камню придать подобие человека, и не думают о том, чтобы самим не быть подобием камня.
- ◆ Скульптор должен в своих произведениях выражать состояние души.
- ◆ Это изумляет: всякий человек без труда скажет, сколько у него овец, но не всякий сможет назвать, сколько он имеет друзей — настолько они не в цене.
- ◆ Хорошее начало не мелочь, хотя и начинается с мелочи.
- ◆ Я ем, чтобы жить, а другие люди живут, чтобы есть.

Дрозд клюет листья ядовитой цикуты.
Гравюра из книги С. Баргалли "Impresse". Венеция. 1594 г.

ДЕМОКРИТ

31

Родился в 460/470-469 г. до н. э.

Умер в 360/370 г. до н. э.

Прожил 100 лет.

Компакт-биография

⊗ Древнегреческий философ;

- его родина — город Абдера;
- происходил из знатной семьи и был богат, но богатство забросил и всю жизнь провел в бедности, предаваясь исключительно любомудрию;
- производил впечатление помешанного — своей страстью к одиночеству и уединению;
- путешествовал в Египет к жрецам, к халдеям в Персию; общался с гимнософистами Индии, был в Эфиопии;
- без смеха никогда не появлялся на людях: настолько несерьезным казалось ему все, делаемое всерьез;
- Демокрит считается автором пятидесяти трактатов. Свои произведения писал днем и ночью, запираясь от всех в одном из склепов за городскими воротами;
- учителем Демокрита был сын Пифагора Аримнест;

- Демокрит впервые показал, что объем конуса равен третьей части объема цилиндра, если они имеют равные основания и высоты, а объем пирамиды при тех же условиях равен третьей части объема призмы;

- имел склонность замечать всё существенно необычное и удивляться ему;

/В одной из легенд говорится, что Демокрит был поражен, увидев дровоноса, складывающего дрова в вязанку наилучшим геометрическим образом, и узнав, что тот дошел до всего сознательно и самостоятельно. По одной из версий, этим дровоносом был будущий философ Протагор./;

- автор парадокса “Конус”:

/Будучи остроумным естествоиспытателем, выдвинул следующий трудный вопрос: если конус будет многократно рассекается плоскостью параллельно основанию, то как следует представить себе поверхности сечения: будут ли они равными или неравными? Если они не равны между собой, то конус окажется не гладким, а как бы ступенчатым. Если же они равны между собой, то мы приходим к абсурду, ибо в таком случае получается, что у нас был цилиндр, а не конус.

То же можно сказать и относительно шара./;

- ослепил себя, ставя надраенный медный щит против заходящего солнца:

► Здесь царство версий:

1. То ли Демокрит повторил судьбу Генриха Герца из XIX века, “загнав” свое зрение, изучая природу Солнца, как тот, исследуя распространение электромагнитных колебаний.

2. То ли, как утверждают легенды, сознательно лишил себя возможности видеть мир несовершенными приборами (познание чувствами не проникает до истины): решил сделать “ставни” очам, чтобы открылись очи разума.

/Цицерон:

“Демокрит сам себя лишил зрения, так как считал, что раздумья и размышления разума при созерцании и осмысливании природы будут более оживленными, когда освободятся от развлечений зрения и препятствий глаз”./.

Литературное наследие

“О природе человека”.

“Малый мирострой”. (Ок. 420 г. до н. э.)

“Об идеях”.

“Большой мирострой”. (Этот трактат Демокрита был оценен в 500 талантов. Много это или мало? Вспомним, что все имущество Сократа стоило 5 талантов.)

“О цели”.

“О различии между законнорожденной и незаконнорожденной мыслью, или О касании круга и шара”. /Это произведение до нас не дошло./

“Геометрические вопросы”. /Книга не сохранилась./

Презентационные утверждения

51. Смелость — начало дела, но случай — хозяин конца.

52. Мужество делает ничтожными удары судьбы.

Штрихи к портрету

✓ Однажды, когда Демокрит ел во время обеда фиги, пахнувшие медом, он вдруг задумался над тем, откуда взялась у фиг необычная сладость, и, чтобы выяснить это, он встал из-за стола, желая осмотреть то место, где эти фиги были сорваны. Его служанка, узнав, почему он всполошился, смеясь, сказала ему, чтобы он не утруждал себя: она про-

сто положила фиги в сосуд из-под меда. Демокрит был раздосадован тем, то она лишила его повода произвести расследование и отняла у него предмет, возбудивший его любознательность. “Уходи, — сказал он ей, — ты причинила мне неприятность; я все же буду искать причину этого явления так, как если бы оно было природным”. И он не преминул найти какое-то истинное основание для объяснения этого явления, хотя оно было ложным и мнимым.

✓ О мудрости, остроумии и необычайном даре провидения Демокрита создавались легенды. Одна из них рассказывает, например, что, когда у персидского царя Дария умерла его любимая и прекрасная жена и монарх находился в безутешном состоянии, Демокрит пообещал вернуть к жизни покойную, если царь даст ему все необходимое. Дарий отдал распоряжение: не жалеть никаких средств. Философ был удовлетворен, но заметил, что теперь ему не хватает только одного. Если Дарий напишет на гробнице жены имена трех человек, никогда не испытывших горя, красавица тотчас же оживет. Всемогущий царь, конечно, не мог этого выполнить. Тогда Демокрит засмеялся, по своему обыкновению, и сказал: “Что же ты, нелепейший человек, не пересташь плакать, как будто с тобой одним случилось такое несчастье, ведь ты не можешь найти даже одного человека, которому не пришлось бы испытать какую-либо печаль”.

✓ Однажды Платон, в сердцах, хотел сжечь все сочинения Демокрита, имевшиеся у него, и остановился лишь после того, как ему веско указали, что у других-то книги Демокрита все равно при этом останутся.

Узор находок и раздумий

ИЗНАЧАЛЬНОЕ

◆ Начала Вселенной — атомы и пустота, все же остальное существует лишь в мнении.

◆ Атомы — это некие тела, невидимые из-за малой величины и неделимые из-за твердости.

/Само слово “атом” (*ατομος*) образовано от глагола *τεμνω* — “резать”, “разрезать”, “разрубать”, “рассекать”. “Атом”, следовательно, переводится как “неделимое”./

◆ Следует принимать только атомы и пустоту. Количество атомов и пустота — бесконечны.

◆ Атомы можно уподобить поднятым ветром пылинкам, наблюдаемым в лучах солнца через окно. Эти пылинки существуют в воздухе, но так как они незаметны из-за слишком малой величины, то кажется, что они и не существуют, точно так же существуют и неделимые тела, мелкие и невидимые из-за слишком малой величины.

◆ Существуют первопричины, бесконечные по числу, но неделимые из-за своей величины. Эти минимальные первотела — атомы.

▶ А не из наблюдения ли за строительством дома, когда **целое** возникает из **частей**, элементарных и бескачественных (в том смысле, что из них можно построить **дом**, а можно и **стену**, и **печь**) возникло представление Демокрита об элементарных “кирпичах” Вселенной?!

◆ Атомы движутся в пустоте бесконечное время.

◆ Атомы являются субстанциями, не воздействующими на других и не поддающимися воздействию. Рассеянные в пустоте, когда они приближаются друг к другу или насканивают или зацепляются друг за друга, то из этих конгломератов атомов одно кажется водой, другое — огнем, третье — растением, четвертое — человеком.

◆ Могут ли разные тела состоять из одних и тех же атомов? Да, могут. Как из одних и тех же букв пишутся разные книги.

◆ Огонь образован шарообразными атомами, ибо шар всегда касается других поверхностей столь малым соприкосновением, что всегда соскальзывает. А огонь и есть бесконечно легкая подвижность.

Демокрит

Демокрит

Выражение “касание” Демокрит употреблял не в прямом смысле, поскольку между атомами всегда есть пустота. Гочка не касается точки”.

◆ Атомы бесцветны...

О ПРИРОДЕ

◆ Лишь в общем мнении существует сладкое, в мнении — горькое, в мнении — теплое, в мнении — холодное, в мнении — цвет, в действительности же существуют только атомы и пустота.

◆ Мир не одушевлен и управляется не провидением, а некоей бессознательной природой.

◆ Миров — бесчисленное множество, они различны по величине, появляются из бесконечной пустоты, возникают и гибнут.

◆ В одних мирах нет ни Солнца, ни Луны, в других — Солнце и Луна больше по размерам, чем у нас, а в некоторых их большее число. Расстояния между мирами не одинаковые; кроме того, в одном месте миров больше, в другом — меньше. Одни миры растут, другие достигли расцвета, третьи уже идут на убыль. В одном месте миры зарождаются, в другом — исчезают. Уничтожаются же они, сталкиваясь друг с другом. Некоторые миры не имеют животных и растений и вовсе лишены влаги.

◆ Есть два рода познания: один — истинный, другой — темный. К темному относятся все следующие виды познания: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. Что же касается истинного познания, то оно совершенно отлично от первого. Когда темный род познания уже более не в состоянии ни видеть слишком малое, ни слышать, ни обонять, ни воспринимать вкусом, ни осязать, но исследование должно проникнуть до более тонкого, недоступного уже чувственному восприятию, тогда на сцену выступает истинный род познания, так как он, в мышлении, обладает более тонким познавательным органом.

- ◆ Ничто не более такое, чем такое: мед одним кажется сладким, а другим горьким, из чего можно заключить, что сам мед не сладкий и не горький.
 - ◆ Или ничто не истинно, или истинное нам неизвестно.
 - ◆ Земля остается в равновесии, потому что она “одинаково удалена от оболочки космоса и у нее нет причин двигаться “скорее сюда, чем туда”.
 - ◆ В бесконечном пространстве есть бесчисленное множество Демокритов, таких же, как я.
 - ◆ В любой части материи есть пустое и полное, причем одно из них бытие, а другое — небытие.
 - ◆ Подобное познается подобным: равного с равным сводят всегда бессмертные боги.
 - ◆ Время безначально...
 - ◆ Спрашивать о причине вещей — то же, что искать начало бесконечного.
 - ◆ Движение вечно. Кто ответит на вопрос, откуда начало природного движения?
 - ◆ Ничто не происходит случайно. Например, причиной нахождения клада является вскапывание земли или посадка дерева.
- Люди измыслили идол случая, чтобы пользоваться им как предлогом, прикрывающим их собственную нерассудительность.
- ◆ Вещи образовались путем соединения шероховатых, гладких, крючковатых и изогнутых тел, в промежутке между которыми находится пустота.
 - ◆ Из несуществующего не может быть возникновения, а из существующего не может возникнуть ничего нового, следовательно, возникновение чувственных вещей происходит путем выделения из того, что существовало раньше.
 - ◆ Истина скрыта на дне очень глубокого колодца.
 - ◆ Что кто-нибудь ни помыслит, все существует.
 - ◆ Душа и разум — одно и то же.
 - ◆ Действительность заключена в явлениях.
 - ◆ Есть два вида познания: одно посредством чувств, другое — мысли.
 - ◆ Более пяти чувств имеется у бессловесных животных, у мудрецов и богов.

- ◆ Надо исследовать неявное, а не абсолютно очевидное.
- ◆ Ничто не соответствует действительности, но представляется так, как нам представляется, к примеру, весло в воде.
- ◆ “Все вещи вместе”. Согласно этому принципу все материальные первопричины заключены во всяком теле.
- ◆ Демокрит называл первосушности идеями, то есть формами, подобием, видами.
- ◆ Одни миры возникают, а другие гибнут.
- ◆ Пустота неподвижна.
- ◆ Есть только один вид движения — движение вибрации.

▶ Этот вывод, очевидно, навеян той же аналогией — пляской пылинок в пронзающем темноту луче солнца.

- ◆ Мы видим потому, что жилы глаза, сами по себе прямые и сухие, способны принимать форму, сходную с отображаемыми предметами. Ибо однородное лучше всего познает друг друга.
- ◆ Земля плоская и неподвижная.
- ◆ Все звезды воспламеняются от быстрого движения.
- ◆ От каждой вещи происходят как бы истечения (образы) в наши органы чувств, вследствие чего возможно чувственное познание.

▶ Вообще, даже в сегодняшних точках зрения есть какой-то изъян. Согласно доминирующей позиции, все тела видны вследствие восприятия отраженного от них света. Но если это так, то мы должны были бы тогда воспринимать их “смесь” и не могли бы выделить из этой смеси ни одного из предметов. Ведь ненастроенный радиоприемник, “воспринимающая” сразу несколько радиостанций, воспроизводит, как известно, только шум.

- ◆ Запах — это истечение тонкого из тяжелого.
- ◆ Люди впервые были созданы из воды и грязи.
- ◆ При совокуплении человек вытряхивается из всего человека.
- ◆ Мышление бывает только при гармоническом состоянии души относительно составляющей ее смеси. Если же

ΔΕΜΟ-
ΚΡΙΤ

кто-либо станет слишком теплым или слишком холодным, то гармоническое состояние души нарушается. Поэтому древние прекрасно обозначали это состояние души выражением “терять ум”.

АФОРИЗМЫ

- ◆ Увидев кого-то, говорившего много невежественных вещей, Демокрит сказал: “Этот человек не говорить умеет, а молчать не умеет”.
- ◆ Напрасный труд увещевать человека, полагающего, что он умен.
- ◆ Надо стремиться к многомыслию, а не к многознанию.
- ◆ Не стремись все знать, чтобы не оказаться во всем невеждой.
- ◆ Бывает болезнь дома и имущества, точно так же, как и болезнь тела.
- ◆ Законы — дурная выдумка. Законы создаются людьми, а от природы — атомы и пустота.
- ◆ Откровенная речь — свойство свободного духа, однако опасно выбрать для нее неподходящий момент.
- ◆ Добро не в том, чтобы не делать несправедливости, а в том, чтобы даже не желать этого.
- ◆ Тому, кто будет властвовать над другими, надлежит сначала властвовать над собой.
- ◆ Богат тот, кто беден желаниями.
- ◆ Разуму учит не время, а надлежащее воспитание и природа.
- ◆ Пусть женщина не рассуждает: это ужасно.
- ◆ Жизнь без праздников — это длинный путь без заезжего двора.
- ◆ Не следует растить детей — ненадежное это дело: ибо удача достигается ценой борьбы и забот, в случае же неудачи страдание ни с чем не сравнимо.
- ◆ Прекрасное постигается путем изучения и ценой больших усилий, дурное усваивается само собой, без труда.
- ◆ Благоразумен тот, кто не печалится о том, чего не имеет, но радуется тому, что имеет.

◆ Желаящий быть в хорошем расположении духа не должен браться за много дел ни в своей частной жизни, ни в общественной, и, что бы он ни делал, он не должен стремиться выше своих сил и своей природы.

◆ Честный и бесчестный человек познаются не только из того, что они делают, но и из того, что они желают.

◆ Мужествен не только тот, кто побеждает врагов, но и тот, кто господствует над своими удовольствиями. Некоторые же царствуют над городами и в то же время являются рабами женщины.

◆ Найти одно научное доказательство для меня лучше, чем овладеть всем персидским царством.

◆ Не слово, а несчастье есть учитель глупцов.

◆ Счастье — это хорошее расположение духа, благосостояние, гармония, симметрия и невозмутимость.

◆ Дурные люди дают клятвы богам, когда попадают в безвыходное положение. Когда же они от него избавились, все равно клятв не соблюдают.

◆ Слово — тень дела.

◆ Мудрец — мера всех существующих вещей. При помощи чувств он — мера чувственно воспринимаемых вещей, а при помощи разума — мера умопостигаемых вещей.

◆ Прекрасна во всем середина: мне по душе ни избыток, ни недостаток.

◆ Не делать никаких уступок жизни есть признак безрассудства.

◆ Те, кому доставляют удовольствие несчастья ближних, не понимают, что перемены судьбы могут коснуться всех.

◆ Удовольствие и страдание служат критериями решений относительно того, к чему следует стремиться и чего избегать.

◆ Ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости.

◆ Желать чрезмерно подобает ребенку, а не мужу.

◆ Мудрому человеку вся Земля открыта. Ибо для хорошей души отечество — весь мир.

◆ Из мудрости вытекают следующие три способности: выносить прекрасные решения, безошибочно говорить и делать, что следует.

Белое поле не вспахано зреньем:
Я продираюсь невидьем к тебе,
Чтобы усиленным волей прозреньем
Через твой разум вернуться к себе.

Родился в конце V в. до н. э.
Умер в начале IV века до н. э.

Компакт-биография

- ⊗ Выдающийся афинский трагик;
- ученик Продика и Сократа;
- из его сочинений до нас дошли лишь отрывки, которые цитируются у Аристотеля и других авторов;
- испытал влияние софистов;
- персонаж диалога “Пир” Платона.

Презентационное утверждение

|| 53. *Весьма вероятно наступление невероятного.*

Штрихи к портрету

✓ Комментарий Пьера Бейля:

Претендующим на мудрость следует извлечь пользу из изречения Агафона. Проницательные и рассудительные, вы можете верно угадать в тысяче случаев, но иногда и обжечья: события, порой самые нелепые и необычные, воспринимаемые как химеры, бывает, подтверждаются.

Таким образом, благоразумие повелевает поступать осмотрительно и не выносить окончательных суждений, исходя из самой правдоподобной видимости...

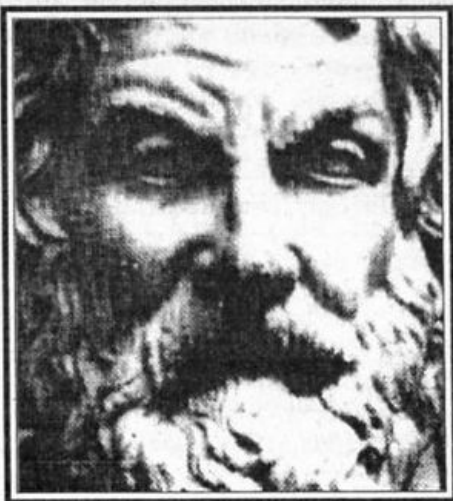
Изречение Агафона полезно и врачам, и любителям новостей. Один профессор из Лейпцига призывал врачей говорить лишь с большой осмотрительностью, если они хотят оказать честь медицине. Он желает, чтобы врачи не обещали слишком многого, а также не приводили в ужас своими диагнозами, чтобы они говорили всегда в условной форме с применением слов "может быть"... Такой же совет можно дать большим любителям рассуждать о новостях: я говорю о тех из них, у кого достаточно проницательности и рассудительности. Они верно угадывают в тысяче случаев: случается, что за год раз сто им не приходится раскаиваться в решительном тоне, с которым они насмеялись над надеждами и угрозами газетчиков, но иногда они обжигаются: события в некоторых случаях подтверждают самые нелепые и необычайные новости, какие только могут быть сообщены, новости, которые эти люди осудили, как химеры или как поступки, несовместимые с мудростью, столько раз проявленной государственным советом...

Культура ума есть философия.

Цицерон

АНТИСФЕН ИЗ АФИН

33

Родился в 444/45-50 г. до н. э.

Умер в 366/60-65 г. до н. э.

Прожил 78 лет.

Компакт-биография

☉ Греческий философ;

- сын афинянина и фракийской рабыни;
- ученик софиста Горгия, затем Сократа; жил в Пирее и каждый день ходил за сорок стадиев, чтобы посещать Сократа (1 стадий - 184,75 м);
- был в постоянной дискуссии с Зеноном Элейским;
- основатель школы киников;
- наиболее знаменитый из его учеников — Диоген Синопский;
- присутствовал при предсмертной беседе Сократа;
- написал “бесчисленное множество книг” (св. Иероним);
- свои беседы Антисфен вел в гимнасии Киносарге, неподалеку от городских ворот, а поскольку Киносарг озна-

чает “Белая собака”, то, по мнению некоторых, отсюда и проистекает общее название и его учения, и его школы — киники. Сам же он называл себя “Непородистый пес”;

- большую часть жизни провел в крайней нужде;
- умер от туберкулеза.

Литературное наследие

“Истина”.

“О мнении и знании”.

“О вопросе и ответе”.

“Увещевания”.

“Сатон, или О противоречии”.

“О любви, рождении детей и браке”.

“О воспитании, или Именах”.

“Геракл”.

Презентационные утверждения

54. *Философия дала мне умение беседовать с самим собой.*

55. *Государства погибают тогда, когда не могут более отличать хороших людей от дурных.*

Штрихи к портрету

✓ Антисфен, учивший в Киносарге, получил прозвище *Нарлокуон* (“обычная собака”). Это имя одновременно подчеркивало сходство и отличие образа философа, ведущего жизнь “простой собаки”, от смысла того экзотического названия “гимнасия”, которое буквально воспринималось греком как “Белая собака”, наподобие того, как мы воспринимаем, скажем, названия московских улиц “Собачья площадка” или “Матросская тишина”, не задумываясь и в

то же время прекрасно понимая их первоначальный смысл. Данное объяснение тем правдоподобнее, что, вероятно, большинству афинян была известна легенда, связанная с происхождением названия “гимнасия”.

Вот как передает ее Фотий: “Диом (или Дидим) Афинский приносил жертву на очаге. Вдруг появилась белая собака, схватила приносимое в жертву мясо и унесла куда-то. Диом сильно перепугался, но бог через оракула поведал ему, что на том месте, куда собака унесла жертву, нужно воздвигнуть Гераклу алтарь. Отсюда происходит и название “Киносарг”. Из этого рассказа ясно, что один из корней этого слова должен был отчетливо и активно восприниматься как *kyōn* (собака). Таким образом, сам Антисфен, обитавший в “Белой собаке”, был, конечно, не “белой собакой” (*kyōn argos*), а “простой, обычной собакой” (*haplokyōn*). Что же касается последователей Антисфена, то они получили свое название уже без всяких дополнительных эпитетов — “собаки” (*hynes*) или производное из этого слова *kynikoi* (“киники”).

/Нахов И.М. *Философия киников*. М., 1982 г./

Узор находок и раздумий

◆ Он первый дал определение понятию: “Понятие есть то, что раскрывает, чем являлся или является тот или иной предмет”.

◆ Антисфену принадлежит авторство “аргумента ногами”:

Будучи не в состоянии ответить на ниспровергающие доказательства Зенона Элейского по поводу возможности движения, Антисфен, разгоряченный несогласием, начал в возбуждении ходить перед слушателями, приговаривая, что одно уже это наглядное действие сильнее любого возможного словесного возражения.

/По поводу этого “философического” эпизода сохранилась прелестная эпиграмма А.С.Пушкина, акцентирующая и смысл, и ход произошедшего:

*“Движенья нет, сказал мудрец брадатый,
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей”./.*

◆ На вопрос, почему он так суров с учениками, он ответил: “Врачи тоже суровы с больными”.

◆ Кто-то сказал Атисфену: “Тебя многие хвалят”. — “Что же, — спросил он, — я сделал дурного?”

◆ К юноше, который с гордым видом позировал ваятелю, он обратился так: “Скажи, если бы бронза умела говорить, чем бы, по-твоему, стала она хвастаться?” — “Красотою”; — сказал тот: “И тебе не стыдно гордиться тем же, чем и бездушная статуя?”

◆ Мудрец ни в чем и ни в ком не нуждается: ибо все, что принадлежит другим, принадлежит и ему.

◆ Не пренебрегай врагами: они первыми замечают твои ошибки.

◆ Однажды Диоген принес с собою кинжал, и когда Антисфен воскликнул: “Ах, кто избавит меня от страданий?” — он показал ему кинжал и произнес: “Вот кто.” — “Я сказал: от страданий, а не от жизни”, — возразил Антисфен.

◆ Узнав однажды, что Платон дурно отзывался о нем, он сказал: “Это удел царей: делать хорошее и слышать дурное”.

■ Диоген Лаэртский об истории создания антиплатоновского диалога “Сатон, или О противоречии”:

Передают, что Антисфен намеревался прочесть кое-что из своих сочинений и пригласил на чтение Платона. Когда тот спросил, о чем Антисфен намеревается говорить, последний ответил: “О невозможности противоречий”. Тогда Платон возмущился: “Как же ты можешь об этом писать?!” — и стал доказывать, что Антисфен сам себе противоречит. Тогда-то Антисфен и написал направленный против Плато-

на диалог “Сатон” — легким, но легко узнаваемым изменением имени намекая на Платона.

◆ Антисфен первый присвоил себе предметы и одежду, характерные для раба и трудящегося свободного бедняка, как отличительные признаки, *insignia* созданной им кинической школы. К ним относились: рабочий короткий плащ, надеваемый прямо на голое тело (*tribon*), нищенская сума, котомка бродяги (*pera*) и посох странника или “дубинка Геракла” (*baktron*). Эти “аксессуары” приняли все позднейшие киники.

◆ Нет ни родов, ни видов: “человека” я вижу, а “человечности” не вижу, “лошадей” вижу, а “лошадности” не вижу, поэтому эти общие понятия не существуют вовсе.

◆ Кто достиг мудрости, тот не должен интересоваться науками, книгами, чтобы его не отвлекали посторонние вещи и мнения.

◆ На вопрос, *какая наука самая необходимая*, он ответил: “Наука забывать ненужное”.

◆ Кто боится других, тот раб, хотя он этого и не замечает.

◆ Я предпочел бы безумие наслаждению.

◆ Следует домогаться удовольствий, которые идут за трудами, а не перед трудами.

◆ Справедливого человека цени больше, чем родного.

Антисфен. Герма из Тиволи.

Копия. Национальный музей. Неаполь.

Несколько дикая, неухоженная внешность соответствует его жизненной позиции: он проповедовал всемерное ограничение потребностей. Поворот головы, а также платок, покрывающий оба плеча, копиист, по-видимому, перенял с оригинальной статуи.

АРИСТИПП ИЗ КИРЭНЫ

34

Родился ок. 430/435 г. до н. э.

Умер в 355/360 г. до н. э.

Прожил 75 лет.

Компакт-биография

- Греческий философ из города Кирены; иногда, чтобы не путали с его внуком, именуется Аристиппом Старшим;
- сначала был учеником Протагора, затем Сократа;
- основал школу киренаиков, или гедонистов, которые высшим благом для человека полагали наслаждение;
- среди его последователей особенно верной ученицей была его дочь Арета, впоследствии сама развившая бурную преподавательскую деятельность, и тоже обучала философии своего сына Аристиппа Младшего;
- Аристипп первым из учеников Сократа начал брать плату со слушателей и, если верить Диогену Лаэртскому, отсылать Сократу...;

- вел великосветский образ жизни, много путешествовал, жил в мире изнеженности и благоуханий, хорошо одевался и любил роскошь;
- ни одно из произведений Аристиппа не сохранилось.

Презентационные утверждения

56. *Философия приносит ту пользу, что дает способность говорить с кем угодно.*

57. *Лучше быть нищим, чем невеждой: если первый лишен денег, то второй лишен образа человеческого.*

Штрихи к портрету

✓ Однажды Аристипп плыл на корабле в Коринф, был застигнут бурей и страшно перепугался. Кто-то сказал: “Нам, простым людям, не страшно, а вы, философы, трусите?”. Аристипп ему ответил: “Мы оба беспокоимся о своих душах, но души-то у нас неодинаковой ценности”.

✓ Однажды Аристипп заступался перед Дионисием за своего друга и, не добившись успеха, бросился к его ногам. Когда кто-то стал над ним смеяться, Аристипп сказал: “Не я виноват, а Дионисий, у которого уши на ногах растут”.

✓ Аристиппа упрекали за то, что он, последователь Сократа, берет деньги с учеников. “Еще бы! — сказал он. — Правда, когда Сократу присылали хлеб и вино, он брал лишь самую малость, а остальное возвращал; но ведь о его пропитании заботились лучшие граждане Афин, а о моем только раб Евтихид”.

Наука об исцелении души есть философия, но помощь ее приходит не извне, как помощь против телесных болезней, — нет, мы сами должны пустить в дело все силы и средства, чтобы исцелить себя самим.

Цицерон

◆ На вопрос, чем философы превосходят остальных людей, Аристипп ответил: “Если все законы уничтожатся, мы одни будем жить по-прежнему”.

◆ Однажды, когда Аристипп проходил мимо Диогена, который чистил себе овощи, тот, насмехаясь, сказал: “Если бы ты умел кормиться вот этим, тебе не пришлось бы прислуживать при дворах тиранов”. — “А если бы ты умел обращаться с людьми, — ответил Аристипп, — тебе не пришлось бы чистить себе овощи”.

◆ Однажды Дионисий предложил Аристиппу из трех гетер выбрать одну; Аристипп увел с собою всех, сказав: “Парису плохо пришлось из-за того, что он отдал предпочтение одной из трех”.

◆ Когда Дионисий плюнул в Аристиппа, он стерпел, а когда кто-то начал его за это бранить, Аристипп сказал: “Рыбаки подставляют себя брызгам моря, чтобы поймать мелкую рыбешку, я ли не вынесу брызг слюны, желая поймать большую рыбу”.

◆ Однажды, когда Аристипп входил с мальчиками в дом к гетере и один из мальчиков покраснел, Аристипп сказал: “Не позорно входить, позорно не найти сил, чтобы выйти”.

◆ Когда кто-то предложил Аристиппу задачу и сказал: “Распутай!” — Аристипп воскликнул: “Зачем, глупец, хочешь ты распутать узел, который, даже запутанный, доставляет нам столько хлопот?”.

◆ Кто-то сказал, что всегда видит философов перед дверьми богачей. “Но ведь и врачи, — сказал Аристипп, — ходят к дверям больных и тем не менее всякий предпочел бы быть не больным, а врачом”.

◆ Человеку, который хвастался обширными знаниями, Аристипп сказал: “Оттого, что человек очень много ест, он не становится здоровее, чем тот, который довольствуется только необходимым: точно так же и ученый — это не тот, кто много читает, а тот, кто читает с пользой”.

◆ Когда Аристиппа упрекали за то, что, защищая свое дело в суде, он нанял оратора, Аристипп сказал: “Нанимаю же я повара, когда даю обед!”.

◆ Однажды Дионисий требовал, чтобы Аристипп сказал что-нибудь философское. “Смешно, — сказал Аристипп, — что ты у меня учишься, как надо говорить, и сам меня поучаешь, когда надо говорить”. На это Дионисий рассердился и велел Аристиппу занять самое дальнее место за столом. “Что за почет хочешь ты оказать этому месту!” — сказал Аристипп.

◆ На вопрос, чем отличается мудрый человек от немудрого, Аристипп сказал: “Отправь обоих нагишом к незнакомым людям, и ты узнаешь”.

◆ Кто-то осуждал Аристиппа за то, что он живет с гетерой. “Но разве не все равно, — сказал Аристипп, — занять ли такой дом, в котором жили многие, или такой, в котором никто не жил?” — “Все равно”, — отвечал тот. — “И не все ли равно — плыть на корабле, где уже плавали тысячи людей или где еще никто не плывал?” — “Конечно, все равно”. — “Вот так же, — сказал Аристипп, — все равно, жить ли с женщиной, которую уже знавали многие, или с такой, которую никто не трогал”.

◆ Аристипп был любовником гетеры Лаиды. Тем, кто осуждал его, Аристипп говорил: “Ведь я владею Лаидой, а не она мною; а лучшая доля не в том, чтобы воздерживаться от наслаждений, а в том, чтобы властвовать над ними, не подчиняясь им”.

ПЛАТОН

35

Родился 07.11.428/427 г. до н. э.

Умер в 347 г. до н. э.

Прожил 81 год.

Компакт-биография

- Древнегреческий философ; сын Аристона и Периктионы;
- родом из Афин, настоящее имя его — Аристокл;
- по преданию, Аристокл получил свое прозвище Платон (греч.: *platus* — “полный”, “широкоплечий”) от Сократа за ширину двух частей тела — груди и лба;
- семья была небогатой, хотя и знатной: Аристон происходил из рода последнего афинского царя Кодра, а Периктиона — из семьи, давшей Афинам Солона;
- получил обычное для знатного афинянина образование: гимнастика, грамматика, музыка, математика;
- рано познакомился с философией Гераклита, Парменида, Зенона, пифагорейцев;

- в 407 г. до н. э. познакомился с Сократом и до смерти Сократа был в числе его ближайших учеников;
- много времени уделял поэзии. Платону приписываются эпические и лирические произведения, трагедии и комедии. Под его именем дошло до нас около 25 стихотворных миниатюр-эпиграмм. Однако знакомство с Сократом и полное посвящение себя философии привело к тому, что Платон сжег свои поэтические произведения;
- в 389-387 гг. до н. э. Платон посетил Италию и Сицилию. В Сицилии получилась какая-то коллизия между ним и Дионом — родственником сиракузского тирана Дионисия. Этот конфликт закончился для Платона рабством, из которого выручил философа пифагореец Архит, заплатив 30 мин. Когда друзья Платона, собрав деньги, решили погасить Архиту долг, тот от денег отказался. Тогда Платон на эти 30 мин купил сад, носивший имя афинского героя Академа, и открыл в нем свою философскую школу:

/Сад героя Академа был у афинян обычным местом прогулок. Гиппарх, сын тирана Писистрата, обнес его стеной, Кимон превратил эту местность из запущенной и безводной в хорошо орошаемую рощу с тенистыми аллеями и устроил там гимнасий./;

- в диалоге “Тимей” первым всеобъемлюще обсудил происхождение первоначал и структуру Космоса:

/♦ Нам необходимо рассмотреть, какова была сама природа огня, воды, воздуха и земли до рождения неба и каково было их тогдашнее состояние. Ибо доньше никто не объяснил их рождения, но мы называем их началами и принимаем за стихии буквы Вселенной.

■ Происхождение вещей и явлений из первоначал в греческой науке периода Платона довольно устойчиво понимается наподобие сложения слов и отдельных букв. Характерно, что обозначающий начала термин *ατοίχεια* (отсюда старославянская калька — “стихия”) означает также буквы алфавита и восходит к более раннему слову *ατοίχος* — ряд, линия./;

• впервые поставил вопрос о *сущности* вещей и их, сущностей, местопребывании. Положил начало учению об *эталонных первообразах* [(греч.: *paradeigma* — парадигма), (греч.: *idea* — идея)], взирая на которые Демиург (греч.: *demiourgos*), творец Вселенной, *матрицирует* вещный мир:

/♦ Как, постучав, мы ждем, раздастся ли звук целого или надтреснутого сосуда, так и целостность несущегося мимо нас бытия определяется слушанием и усмотрением его сущностей.

♦ Надо быть исключительно даровитым, чтобы понять, что существует некий род каждой вещи и сущность сама по себе, а еще более удивительный дар нужен для того, чтобы доискаться до всего этого, обстоятельно разобраться во всем и разъяснить другому!

♦ Идеи пребывают в природе как бы в виде образов, прочие же вещи сходны с ними и суть их подобия, самая же причастность вещей идеям заключается не в чем ином, как только в уподоблении им.

♦ Идея — это нечто, во-первых, вечное, то есть не знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения, а во-вторых, само по себе, всегда в самом себе единообразное, все ее разновидности причастны к ней таким образом, что они возникают и гибнут, а ее не становится ни больше, ни меньше, и никаких воздействий она не испытывает./;

• первым обозначил виды любви, навсегда связал свое имя с открытием любви духовной, без чувственного элемента:

■ /О платонической любви:

“С точки зрения Платона, тело является не очень надежным предметом для любовного влечения. Оно и слабое, и ничтожное, то больное, то здоровое, а то и просто смертное, оно умирает, исчезает, забывается, сначала не всеми, а потом и всеми. Куда надежнее душа. Но и души человеческие тоже слишком капризны, слишком неустойчивы, слишком истеричны, слишком нуждаются во всем, и прежде всего в воспитании, и тоже уходят куда-то в неизвестную

бездну, откуда еще неизвестно когда они вернутся и вернутся ли. Произведения души и ума как будто бы более устойчивы и более заслуживают быть любимыми. Произведения науки и искусства, конечно, тоже влекут к себе с огромной силой и тоже заставляют их любить и на них любоваться. Но что такое наука? Сегодня она есть, а завтра ее забыли. И что такое искусство? Сегодня на него любуются, а завтра его проклинают. Нет, уж если что любить, то давайте любить, думает Платон, что-нибудь более твердое, более надежное, более устойчивое. И если к чему иметь любовное влечение, вот эту самую безумную страсть к порождению, то уж лучше тогда любить вечное и неизменное, вступать в брак с идеальным и страстно увлекаться чем-то бессмертным и небесным”.

(А.Ф.Лосев. *История античной эстетики*. М., 1974.)/;

▶ Классификационно может быть отнесен к основоположникам и аналитикам *дефинитивной* философии:

/▶ Уверен, что до сих пор никто толком не понимал Платона. Дело в том, что все, рассматривая *ход* изложения тех или иных вопросов, делали акцент исключительно на изложении, ход же оставался в тени. Суть же дела в том, что *все* диалоги Платона являют собой не более, чем разнообразные вариации на одну и ту же тему — метод Сократа. Именно поэтому так трудно уловить ход рассуждений Сократа с его собеседниками. Именно поэтому непонятным кажется, почему Сократ перескакивает с темы на тему, говорит то о прекрасном, то вдруг, переключившись как ни в чем не бывало, о совершенно другом.

Все, однако, просто. Платон сумел в юности ухватить глубинный смысл сократовского метода, рассказывающего, повергающего наземь и обращающего в пух и прах любое *дефинитивное* утверждение. И суть здесь в том — и Сократ это знал; знал и Платон, но

нигде даже словом не обмолвился, — что слабость **определяющего утверждения** уже истоково, заранее, ограничивает возможности того, кто его высказывает, как емкость сделанного ведра ограничивает возможности его использующего.

А Сократ сначала предлагал дать определение (то есть сделать ведро), ничего не подозревающий бедняга-собеседник с удовольствием его делал, а затем Сократ раздувал пожар слов и предлагал гасить его “сделанным” только что ведром.

Так как Сократ знал, что делал, емкости “ведра” оказывалось недостаточно, и собеседник в любом случае терпел фиаско: либо он сгорал (от стыда и позора), либо вынужден был браться за изготовление другой емкости, что тоже означало поражение, ибо это был отказ от прежнего, первоначального утверждения./;

- под именем Платона до нас дошли 23 подлинных и 11 сомнительных диалогов, речь “Апология Сократа”, а также 13 писем, некоторые из которых, возможно, подлинные;
- Платон изобрел будильник, впервые применив в гидравлике принцип реле. Падавшая по каплям в верхний ящик вода, дойдя до определенного уровня, посредством особого устройства с силой прорывалась в нижний ящик. Вытесненный из последнего воздух проходил по узкой трубке в статую флейтиста. Раздававшийся громкий звук флейты пробуждал заспавшихся учеников Платона;
- незадолго до кончины Платон увидел во сне, будто превратился в лебедя, летает с дерева на дерево и доставляет много хлопот птицеловам. Сократик Симмий истолковал это так, что Платон останется неуловим для тех, кто захочет его толковать, — ибо птицеловам подобны толкователи, старающиеся выследить мысли древних авторов, неуловим же он потому, что его сочинения допускают толкования и физическое, и этическое, и теологическое, и множество иных.

Литературное наследие

Диалоги Платона

“Протагор”, “Федр”, “Лакхет”,
“Федон”, “Софист”, “Менон”,
“Пир”, “Филеб”, “Государство”,
“Парменид”, “Тимей”, “Политик”,
“Тезет”, “Критий”, “Законы” и др.

Письма — переписка с сицилийским тираном Дионисием Младшим.

Презентационные утверждения

58. Когда мы стремимся искать неведомое нам, то становимся лучше, мужественнее и деятельнее тех, кто полагает, будто неизвестное нельзя найти и незачем искать.

59. Не золото надо завещать детям, а наибольшую совестливость.

Штрихи к портрету

✓ Когда сицилийский тиран Дионисий попал в беду и у него спросили, что дала ему мудрость Платона, он ответил: “Неужели кому-то кажется, что я ничего не взял от Платона, если так спокойно переносу превратности судьбы?”

✓ Пифагорейцы Клиний и Амикл рассказывают, что им однажды довелось отговорить Платона от сожжения сочинений Демокрита, напомнив вышедшему из себя философу, что его затея бесполезная, так как сочинения Демокрита имеются у многих.

✓ **Диоген Лаэртский:**

Многое он, Платон, позаимствовал у комедиографа Эпихарма, списав у него большую часть своих учений, как говорит Алким, в четырех книгах “Против Аминта”.

✓ В 1979 году, через 1326 лет после смерти Платона, вся пресса Греции сообщила об автомобильной катастрофе, о которой можно сказать единственное: она была “философской”, так как вследствие наезда было повреждено дерево, под которым философ обучал юных сынов Эллады.

✓ **А.Ф.Лосев:**

Общий современный результат многовекового изучения терминологии Платона сводится к тому, что у Платона нет никакого учения об идеях. Слово идея (idea) Платон употребляет всего лишь 96 раз, а понятие эйдос (eidos) — не более 408 раз. Эти две цифры заставляют подозревать, что данные термины едва ли для Платона являются концептуальными, или системообразующими. Достаточно сказать, что о значении самого термина “эйдос” Платон сам нигде не говорит и не поясняет, в каком смысле его надо понимать.

✓ **А.Н.Уайтхед:**

Самая надежная характеристика европейской философии состоит в том, что она представляет ряд примечаний к Платону.

Узор находок и раздумий

ОСНОВАНИЯ ОРИГИНАЛЬНОСТИ

- ◆ Занебесную область не воспел никто. Она же вот какова...
- ◆ Я держусь единственного объяснения: ничто иное не делает вещь прекрасною, кроме присутствия прекрасного самого по себе или общности с ним.

[...]

Единственный путь, каким возникает любая вещь, — это ее причастность особой сущности.

[...]

Каждая из *идей* существует... Вещи получают свои имена в силу причастности к ним.

◆ Противоположность никогда не перерождается в собственную противоположность ни в нас, ни в природе. [...] Огонь, когда приближается холодное, либо сходит с его пути, либо же гибнет: он и не хочет и не в силах, приняв холод, быть тем, чем был прежде, — огнем и, вместе, холодным.

◆ Различать все по родам, не принимать один и тот же вид за иной и иной за тот же самый — это дело диалектического знания.

◆ Диалектическая метода одна возводит предположения к самому началу.

◆ Человек есть существо бескрылое, с двумя ногами и плоскими ногтями, способное обладать общественным знанием.

◆ Оказавшись в Сиракузах в правление тирана Дионисия Старшего, Платон попытался преобразовать тираническую власть в аристократическую и для этого явился к самому Дионисию. Дионисий его спросил: “Кто, по-твоему, счастливец среди людей?” — “Сократ”, — ответил Платон. Дионисий опять спросил: “В чем, по-твоему, задача правителя?”. Платон ответил: “В том, чтобы делать из подданных хороших людей”. Третий вопрос задал Дионисий: “Скажи, а справедливый суд, по-твоему, ничего не стоит?”. Дело в том, что Дионисий славился справедливостью своего суда. Но Платон отвечал без утайки: “Ничего не стоит, или разве что самую малость, — ибо справедливые судьи подобны портным, дело которых — зашивать порванное платье”. Четвертый вопрос задал Дионисий: “А быть тираном, по-твоему, не требует храбрости?” — “Нисколько, — отвечал Платон, — тиран — самый боязливый человек на свете: ему приходится дрожать даже перед бритвой цирюльника в страхе, что его зарежут”. Дионисий на это

так разгневался, что приказал Платону в тот же день покинуть Сиракузы.

◆ Ощущение не дает ничего надежного.

— Ясно, что ты говоришь о предметах, видных издали, как бы в смутной дымке.

— Не очень-то ты схватил мою мысль!

— Но о чем же ты говоришь?

— Не побуждает к исследованию то, что не вызывает одновременно противоположного ощущения, а то, что вызывает такое ощущение, я считаю побуждающим к исследованию, поскольку ощущение обнаруживает одно несколько не больше, чем другое, ему противоположное, все равно, относится ли это ощущение к предметам, находящимся вблизи, или к далеким. Ты поймешь это яснее на следующем примере, вот, скажем, три пальца — мизинец, указательный и средний...

— Ну, да.

— Считай, что я говорю о них, как о предметах, рассматриваемых вблизи, но обрати здесь внимание вот на что...

— На что же?

— Каждый из них одинаково является пальцем — в этом отношении между ними нет никакой разницы, все равно, смотришь ли на его середину или край, белый он или черный, толстый или тонкий и так далее. Во всем этом душа большинства людей не бывает вынуждена обращаться к мышлению с вопросом: “А что это, собственно, такое — палец?”, — потому что зрение никогда не показывало ей, что палец одновременно есть и нечто противоположное пальцу.

— Конечно, не показывало.

— Так что здесь это, естественно, не побуждает к размышлению и не вызывает его.

— Естественно.

— Далее. А большую или меньшую величину пальцев разве можно в достаточной мере определить на глаз и разве для зрения не безразлично, какой палец находится по середине, а какой с краю? А на ощупь можно ли в точности

Платон. Герма с надписью.
(В 1884 году она была
привезена в Западный Берлин
и легла в основу иконографии
Платона.)

Платон.
(Скульптор изобразил
философа весьма земным —
таким, каким его описывал
комик Амфис, “мрачно
смотрящим перед собой”.
Великий мыслитель не избег
разочарований...)

определить, толстый ли палец, тонкий ли, мягкий или жесткий? Да и остальные ощущения разве не слабо обнаруживают все это? С каждым из них не так ли бывает: ощущение, назначенное определять жесткость, вынуждено приняться и за определение мягкости и потому извещает душу, что одна и та же вещь ощущается им и как жесткая, и как мягкая.

— Да, так бывает.

— В подобных случаях душа, в свою очередь, недоумевает, что обозначено этим ощущением как жесткое, когда та же самая вещь названа им мягкой. То же самое и при ощущении легкого и тяжелого: душа не понимает, легкая эта вещь или тяжелая, если восприятие обозначает тяжелое как легкое, а легкое как тяжелое.

— Такие сообщения странны для души и нуждаются в рассмотрении.

— Естественно, что при таких обстоятельствах душа привлекает себе на помощь рассуждение и размышление.

◆ Платон, “Софист”:

Чужеземец: Следовательно, бытие по своей природе и не стоит и не движется.

Тезет: По-видимому.

▶ Да, здесь всплывает, и хорошо заметна, очень серьезная проблема, а именно: вопрос о неосознанной, то есть никогда не замечаемой, неправомерной *аналогизации* опыта, знаний и индивидуальных проицаний и почувствований мыслителя в бытийный мир вокруг человека.

Это, конечно же, аналогизация, ибо речь идет о неизвестном — проникновении в него и последующем описании: в режиме объяснения как уже хорошо, и чуть ли не окончательно, понятного.

Но можно ли характеризовать **целое** именем части, от имени части, да еще и в измерительных обусловленностях этой части?! Пока не решен этот вопрос, разве должно отвечать на остальные — производные или от него иначе зависимые вопросы?

Ведь кто оспорит, что подлинное постижение — это всегда выявление **самости**, или качества, но качество — это параметр **соотнесения**, а с чем можно соотнести “бытие”?!

По сути дела, Платон стоит на точке зрения, если воспользоваться более поздней, но очень подходящей для данного случая формулировкой, что “существовать — значит восприниматься”. А как иначе еще можно понимать человека, говорящего о бытии Универсума с точки зрения... **времени**, то есть с позиции становящегося и меняющегося? Это все равно, что утверждать что-то о внешней форме шара, зная его, шар, всегда, постоянно, неизменно (изначально и безальтернативно!) только изнутри. Станным было бы слышать уверения, что шар — какие сомнения? не смейте возражать! — безусловно вогнут. Но он-то на самом деле — выпукл!

Платон еще не ведает того, что говорить о совершенно неизвестном, то есть о том, во что аналогизация принципиально невозможна, а потому и как познавательный прием **недопустима**, нельзя без имманентного противоречия, ибо говорят люди словами, слова связаны со значением, значение — со знанием, знание — с сознанием, а **сознание** и есть сознанный, то есть соотнесенный **со** знанием и **в** знании, внешний мир. Естественно, что проецируя себя во внешнее, знающее сознание, не имеющее при себе ничего, кроме себя, по существу, моделирует “ситуацию зеркала”, со всеми вытекающими из этого следствиями: оно видит только себя, да к тому же — и здесь-то самое главное — наоборот.

Ставя точки над *i*, нужно добавить, что впервые эту проблему довольно твердо нащупал, хотя и не так, как надо, понял, Иммануил Кант. Речь идет о том, что результативная деятельность — не исключая и философию — невозможна без регулирующих правил и карты предельных допустимостей. И если брать метафорой автодорогу, то и без ГАИ не обойтись. Иначе — сплошные аварии, повреждения, катастрофы...

Обобщенно, вся “логика” Платона сродни фокусничеству того, кто, к примеру, ломая идеально прозрач-

ное стекло на кусочки, показывает их общую (и в частях, и кучеобразно) непрозрачность, а затем, составляя осколки опять в поверхность, вновь приходит, теперь уже к как бы обратному результату — прозрачности. А суть фокуса в том, что нарушаются неизвестные пока фокуснику законы оптики: в целостном стекле путь световых линий таков, что лучи проходят его без искривлений, а дробленое стекло свет проникает иначе, в большинстве своем тая в бесчисленных, хаотического характера, преломлениях.

О ФИЛОСОФИИ

◆ Всякий имеющий разум никогда не осмелится выразить словами то, что явилось плодом его размышления, и особенно в такой негибкой форме, как письменные знаки.

◆ Я во многом превосхожу тех, кто занимается философией, и вменяю себе в заслугу лишь то, что следую своему разуму.

◆ Нет ничего сильнее знания, оно всегда и во всем пересиливает и удовольствия, и все прочее.

◆ Занимайтесь философией и более молодых людей побуждайте к тому же.

◆ Подлинные философы те, кто любит усматривать истину.

◆ Философам свойственно испытывать изумление. Оно и есть начало философии.

◆ В род богов никому не позволено попасть, если он не занимается философией.

◆ Из богов никто не занимается философией и не желает стать мудрым, поскольку боги и так уже мудры.

◆ Ни мудрецы, ни невежды философией не занимаются. Занимаются ею те, кто находится посередине между мудрецами и невеждами.

◆ Человека, не сроднившегося с философией, ни хорошие способности, ни память с ней сроднить не смогут, ибо в чуждых для себя душах она не пускает корней.

◆ Философия прелестна, если заниматься ею умеренно и в молодом возрасте; но стоит задержаться на ней больше,

чем следует, и она — погибель для человека. Если даже ты очень даровит, но посвящаешь философии более зрелые свои годы, ты неизбежно останешься без того опыта, какой нужен, чтобы стать человеком достойным и уважаемым. Ты останешься несведущ в законах своего города, в том, как вести с людьми деловые беседы, в радостях и желаниях, одним словом, совершенно несведущ в человеческих нравах. И к чему бы ты тогда ни приступил, чем бы ни занялся — своим ли делом или государственным, — ты будешь смешон, так же, вероятно, как будет смешон государственный муж, если вмешивается в философские рассуждения и беседы.

О ВСЕЛЕННОЙ

◆ Приступим теперь к рассуждениям о Вселенной, намереваясь выяснить, возникла ли она и каким именно образом или пребывает невозникшей; значит, нам просто необходимо, если только мы не впали в совершенное помрачение, воззвать к богам и богиням и испросить у них, чтобы речи наши были угодны им, а вместе с тем удовлетворяли бы нас самих. Таким да будет наше воззвание к богам! Но и к самим себе нам следует воззвать, дабы вы наилучшим образом меня понимали, а я возможно более правильным образом развивал свои мысли о предложенном предмете.

Представляется мне, что для начала должно разграничить вот какие две вещи: что есть вечное, не имеющее возникновения бытие, и что есть вечно возникающее, но никогда не сущее. То, что постигается с помощью размышления и объяснения, очевидно, и есть вечно тождественное бытие; а то, что подвластно мнению и неразумному ощущению, возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле. Однако все возникающее должно иметь какую-то причину для своего возникновения, ибо возникнуть без причины совершенно невозможно. Далее, если демиург любой вещи взирает на неизменно сущее и

Платон с "Тимеем" и Аристотель с "Этикой".
Центральная композиция фрески худ. Рафаэля Санти
"Афинская школа".

берет его в качестве первообраза при создании идеи и потенции данной вещи, все необходимо выйдет прекрасным; если же он взирает на нечто возникшее и пользуется им как первообразом, произведение его выйдет дурным.

А как же всеобъемлющее небо? Назовем ли мы его космосом или иным именем, которое окажется для него самым подходящим, мы во всяком случае обязаны поставить относительно него вопрос, с которого должно начинать рассмотрение любой вещи: было ли оно всегда, не имея начала своего возникновения, или же оно возникло, выйдя из некоего начала?

Оно возникло: ведь оно зримо, осязаемо, телесно, а все вещи такого рода ощутимы и, воспринимаясь в результате ощущения мнением, возникают и порождаются. Но мы говорим, что *все возникшее нуждается для своего возникновения в некоей причине*. Конечно, творца и родителя этой Вселенной нелегко отыскать, а если мы его и найдем, о нем нельзя будет всем рассказывать. И все же поставим еще один вопрос относительно космоса: взирая на какой первообраз, работал тот, кто его устроил, — на тождественный и неизменный или на имевший возникновение? Если космос прекрасен, а его демиург добр, ясно, что он взирал на вечное; если же дело обстояло так, что и выговорить-то запрещено, значит, он взирал на возникшее. Но для всякого очевидно, что первообраз был вечным: ведь космос — прекраснейшая из возникших вещей, а его демиург — наилучшая из причин. Возникнув таким, космос был создан по тождественному и неизменному образцу, постижимому с помощью рассудка и разума. Если это так, то в высшей степени необходимо, чтобы этот космос был образом чего-то. Но в каждом рассуждении важно избирать сообразное с природой начало. Поэтому относительно изображения и первообраза надо принять вот какое различие: слово о каждом из них сродни тому предмету, который оно изъясняет. О непреложном устойчивом и мыслимом предмете и слово должно быть непреложным и устойчивым: в той мере, в какой оно может обладать неопровержимостью и бесспорностью, ни одно из этих свойств не должно быть ут-

рачено. Но о том, что лишь воспроизводит первообраз и является собой лишь подобие настоящего образа, и говорить можно не более как правдоподобно. Ведь как бытие относится к рождению, так истина относится к вере. А потому не удивляйтесь, если мы, рассматривая во многих отношениях много вещей, таких, как боги и рождение Вселенной, не достигнем в наших рассуждениях полной точности и непротиворечивости. Напротив, мы должны радоваться, если наше рассуждение окажется не менее правдоподобным, чем любое другое, и притом помнить, что и я, рассуждающий, и вы, мои судьи, всего лишь люди, а потому нам приходится довольствоваться в таких вопросах правдоподобным мифом, не требуя большего.

ВРЕМЯ

◆ И вот когда Отец усмотрел, что порожденное им, это изваяние вечных богов, движется и живет, он возрадовался и в ликовании замыслил еще больше уподобить творение образцу. Поскольку же образец является собой вечно живое существо, он положил в меру возможного и здесь добиться сходства; но дело обстояло так, что природа того живого существа вечна, а этого нельзя полностью передать ничему рожденному. Поэтому он замыслил сотворить **некое движущееся подобие вечности**; устраивая небо, он вместе с ним творит для вечности, пребывающей в едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, *который мы назвали временем*. Ведь не было бы ни дней, ни ночей, ни месяцев, ни годов, пока не было рождено небо, но он уготовил для них возникновение лишь тогда, когда небо было устроено. Все это — части времени, а “было” и “будет” суть виды возникшего времени, и, перенося их на вечную сущность, мы незаметно для себя делаем ошибку. Ведь мы говорим об этой сущности, что она “была”, “есть” и “будет”, но, если рассудить правильно, ей подобает одно только “есть”, между тем как “было” и “будет” приложимы лишь к возникновению, становящемуся во времени, ибо и то и другое суть движения.

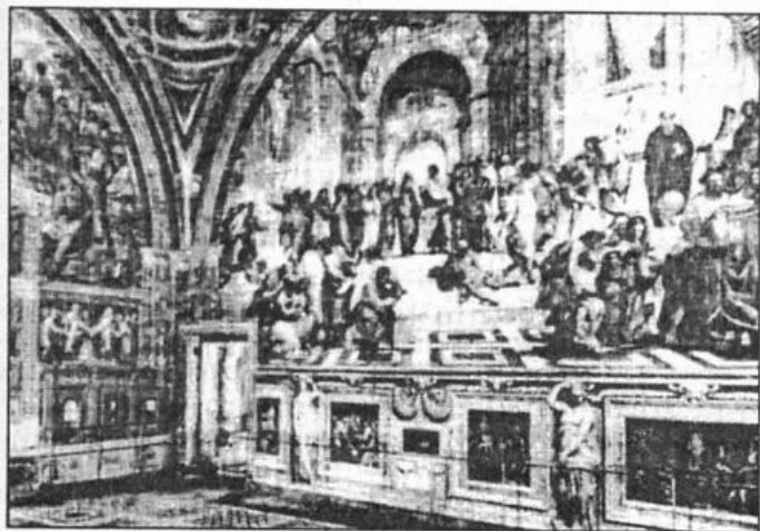
◆ Сущность, внутри которой вещи получают рождение и в которую возвращаются, погибая, мы назовем “то” и “это”; но любые качества, будь то теплота, белизна или то, что им противоположно либо из них слагается, ни в коем случае не заслуживают такого наименования.

Надо, однако, постараться сказать о том же самом еще яснее. Положим, некто, отлив из золота всевозможные фигуры, без конца бросает их в переливку, превращая каждую во все остальные; если указать на одну из фигур и спросить, что же это такое, то будет куда осмотрительнее и ближе к истине, если он ответит “золото” и не станет говорить о треугольнике и прочих рождающихся фигурах, как о чем-то сущем, — ибо в то мгновение, когда их именуют, они уже готовы перейти во что-то иное, — и надо быть довольным, если хотя бы с некоторой долей уверенности можно допустить выражение “такое”. Вот так обстоит дело и с той природой, которая приемлет все тела. Ее следует всегда именовать тождественной, ибо она никогда не выходит за пределы своих возможностей; всегда воспринимая все, она никогда и никоим образом не усваивает никакой формы, которая была бы подобна формам входящих в нее вещей. Природа эта по сути своей такова, что принимает любые оттиски, находясь в движении и меняя формы под действием того, что в нее входит, и потому кажется, будто она в разное время бывает разной; а входящие в нее и выходящие из нее вещи — это подражания вечносущему, отпечатки по его образцам, снятые удивительным и неизъяснимым способом.

О ЗРЕНИИ

◆ Найдя, что передняя сторона благороднее и важнее задней, боги уделили ей у нас больше подвижности. Сообразно с этим нужно было, чтобы передняя сторона человеческого тела получила особое и необычное устройство;

Рафаэль Санти.
Итальянский художник.

“Афинская школа”.

Худ. Рафаэль Санти (1483-1520).

Роспись в папском дворце. Рим, Ватикан (1510-1511 гг.).

(Ширина фрески у основания – 770 см.)

потому-то боги именно на этой стороне головной сферы поместили лицо, сопрягши с ним все орудия промышленной способности души, и определили, чтобы именно лицо по своей природе было причастно руководительству.

Из орудий они прежде всего устроили те, что несут с собой свет, то есть глаза, и сопрягли их с лицом вот по какой причине: они замыслили, чтобы явилось тело, которое несло бы огонь, не имеющий свойства жечь, но изливающий мягкое свечение, и искусно сделали его подобным обычному дневному свету. Дело в том, что внутри нас обитает особенно чистый огонь, родственный свету дня: его-то они заставили гладкими и плотными частицами изливаться через глаза; при этом они уплотнили как следует глазную ткань, но особенно в середине, чтобы она не пропускала ничего более грубого, а только этот чистый огонь. И вот когда полуденный свет обволакивает это зрительное истечение и *подобное устремляется к подобному*, они сливаются, образуя единое и однородное тело в прямом направлении от глаз, и притом в месте, где огонь, устремляющийся изнутри, сталкивается с внешним потоком света. А поскольку это тело, благодаря своей однородности, претерпевает все, что с ним ни случится, однородно, то, стоит ему коснуться чего-либо или, наоборот, испытать какое-либо прикосновение, и движения эти передаются уже всему телу, доходя до души, отсюда возникает тот вид ощущения, который мы именуем зрением. Когда же ночь скроет родственный ему огонь дня, внутренний огонь как бы отсекается: наталкиваясь на то, что ему не подобно, он терпит изменения и гаснет, ибо не может слиться с близлежащим воздухом, не имеющим в себе огня. Зрение бездействует и тем самым наводит сон. Дело в том, что, когда мы при помощи устроенных богами природных укрытий для глаз, то есть век, запираем внутри себя силу огня, последняя рассеивает и уравнивает внутренние движения, отчего приходит покой.

ГЛАВНОЕ УПОДОБЛЕНИЕ: (ОБРАЗ ПЕЩЕРЫ)

◆ Человеческую природу в отношении просвещенности и непросвещенности можно уподобить вот какому состоянию... посмотри-ка: ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная — глянть-ка — невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

— Это я себе представляю.

— Так представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они статуи и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

— Странный ты рисуешь образ и странных узников!

— Подобных нам. Прежде всего разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?

— Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

— А предметы, которые проносят там, за стеной? Не то же ли самое происходит и с ними?

— То есть?

— Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?

— Непременно так.

— Далее. Если бы в их темнице отдавалось эхом все, что бы ни произнес любой из проходящих мимо, думаешь

ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени?

— Клянусь Зевсом, я этого не думаю.

— Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов.

— Это совершенно неизбежно.

— Понаблюдай же их освобождение от оков неразумия и исцеление от него, иначе говоря, как бы это все у них происходило, если бы с ними естественным путем случилось нечто подобное.

Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх — в сторону света, ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. И как ты думаешь, что он скажет, когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд? Да еще если станут указывать на ту или иную мелькающую перед ним вещь и задавать вопрос, что это такое, и вдобавок заставят его отвечать! Не считаешь ли ты, что это крайне его затруднит и он подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь?

— Конечно, он так подумает.

— А если заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза и не вернется он бегом к тому, что в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывают?

— Да, это так.

— Если же кто станет насильно тащить его по крутизне вверх, в гору и не отпустит, пока не извлечет его на солнечный свет, разве он не будет страдать и не возмутится таким насилием? А когда бы он вышел на свет, глаза его настолько были бы поражены сиянием, что он не мог бы разглядеть ни одного предмета из тех, о подлинности которых ему теперь говорят.

— Да, так сразу он этого бы не смог.

— Тут нужна привычка, раз ему предстоит увидеть все то, что там, наверху. Начинать надо с самого легкого: сперва смотреть на тени, затем — на отражения в воде людей и различных предметов, а уж потом — на самые вещи; при этом то, что на небе, и само небо ему легче было бы видеть не днем, а ночью, то есть смотреть на звездный свет и Луну, а не на Солнце и его свет.

— Несомненно.

— И, наконец, думаю я, этот человек был бы в состоянии смотреть уже на самое Солнце, находящееся в его собственной области, и усматривать его свойства, не ограничиваясь наблюдением его обманчивого отражения в воде или в других, чуждых ему средах.

— Конечно, ему это станет доступно.

— И тогда уж он сделает вывод, что от Солнца зависят и времена года, и течение лет, и что оно ведает всем в видимом пространстве и оно же каким-то образом есть причина всего того, что этот человек и другие узники видели раньше в пещере.

— Ясно, что он придет к такому выводу после тех наблюдений.

— Так как же? Вспомнив свое прежнее жилище, тамошнюю премудрость и сотоварищей по заключению, разве не сочтет он блаженством перемену своего положения и разве не пожалеет своих друзей?

— И даже очень.

— А если они воздавали там какие-нибудь почести и хвалу друг другу, награждая того, кто отличался наиболее острым зрением при наблюдении текущих мимо предметов и лучше других запоминал, что обычно появлялось сперва, что после, а что и одновременно, и на этом основании предсказывал грядущее, то, как ты думаешь, жаждал бы всего этого тот, кто уже освободился от уз, и разве завидовал бы он тем, кого почитают узники и кто среди них влиятелен? Или он испытывал бы то, о чем говорит Гомер, то есть сильнейшим образом желал бы,

как поденщик, работая в поле,

службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный

и скорее терпеть что угодно, только бы не разделять представлений узников и не жить так, как они?

— Я-то думаю, он предпочтет вытерпеть все, что угодно, чем жить так.

— Обдумай еще и вот что: если бы такой человек опять спустился туда и сел бы на то же самое место, разве не были бы его глаза охвачены мраком при таком внезапном уходе от света Солнца?

— Конечно.

— А если бы ему снова пришлось состязаться с этими вечными узниками, разбирая значение тех теней, пока его зрение не притупится и глаза не привыкнут — а на это потребовалось бы немалое время, — разве не казался бы он смешон? О нем стали бы говорить, что из своего восхождения он вернулся с испорченным зрением, а значит, не стоит даже и пытаться идти ввысь. А кто принялся бы освобождать узников, чтобы повести их ввысь, того разве они не убили бы, попадись он им в руки?

— Непременно убили бы.

— Так вот **это уподобление следует применить ко всему, что было сказано ранее:** область, охватываемая зрением, подобна тюремному жилищу, а свет от огня уподобляется в ней мощи Солнца. Восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине, — это подъем души в область умопостигаемого. *Если ты все это допустишь, то постигнешь мою заветную мысль — коль скоро ты стремишься ее узнать, — а уж богу ведомо, верна ли она. Итак, вот что мне видится: в том, что познаваемо, идея блага — это предел, и она с трудом различима, но стоит только ее там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она — причина всего правильного и прекрасного.* В области видимого она порождает свет и его владыку, а в области умопостигаемого она сама — владычица, от которой зависят истина и разумение, и на нее должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать как в частной, так и в общественной жизни.

ИДЕЯ БЛАГА

— Зрение ни само по себе, ни в том, в чем оно возникает, — мы называем это глазом — не есть Солнце.

— Конечно, нет.

— Однако из орудий наших ощущений оно самое солнцесобразное.

— Да, самое.

— И та способность, которой обладает зрение, уделена ему Солнцем как некое истечение.

— Конечно.

— Значит, и Солнце не есть зрение. Хотя оно — причина зрения, но само зрение его видит.

— Да, это так.

— Вот и считай, что я утверждаю это и о том, что порождается благом, — ведь благо произвело его подобным самому себе: чем будет благо в умопостигаемой области по отношению к уму и умопостигаемому, тем в области зримого будет Солнце по отношению к зрению и зрительно постигаемым вещам.

— Как это? Разбери мне подробнее.

— Ты знаешь, когда напрягаются, чтобы разглядеть предметы, озаренные сумеречным сиянием ночи, а не те, цвет которых предстает в свете дня, зрение притупляется, и человека можно принять чуть ли не за слепого, как будто его глаза не в порядке.

— Действительно, это так.

— Между тем, те же самые глаза отчетливо видят предметы, освещенные Солнцем: это показывает, что зрение в порядке.

— И что же?

— Считай, что так бывает и с душой: всякий раз, когда она устремляется туда, где сияют истина и бытие, она воспринимает их и познает, а это показывает ее разумность. Когда же она уклоняется в область смешения с мраком, возникновения и уничтожения, она тупеет, становится подверженной мнениям, меняет их так и этак, и кажется, что она лишилась ума.

— Похоже на это.

— Так вот, **то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага** — причиной знания и познаваемости истины. Как ни прекрасно и то и другое — познание и истина, — но если идею блага ты будешь считать чем-то еще более прекрасным, ты будешь прав. Как правильно было считать свет и зрение солнцеобразными, но признать их Солнцем было бы неправильно, так и здесь: правильно считать познание и истину имеющими образ блага, но признать которое-либо из них самим благом было бы неправильно: **благо** по его свойствам надо ценить еще больше.

— Каким же ты считаешь его несказанно прекрасным, если, по твоим словам, от него зависят и познание, и истина, само же оно превосходит их своей красотой! Но, конечно, ты понимаешь под этим не удовольствие?

— Не кошунствуй! Лучше вот как рассматривай его образ...

— Как?

— Солнце дает всему, что мы видим, не только возможность быть видимым, но и рождение, рост, а также питание, хотя само оно не есть становление.

— Как же иначе?

— Считай, что и познаваемые вещи могут познаваться лишь благодаря благу; оно же дает им и бытие, и существование, хотя само благо не есть существование, оно — за пределами существования, превышая его достоинством и силой.

О ДУШЕ

◆ Если человек — настоящий философ, его заботы обращены не на тело, но почти целиком — насколько возможно отвлечься от собственного тела — на душу.

◆ — Можно ли видеть душу?

Будильник, изобретенный Платоном.

Платон изобрел будильник, впервые применив в гидравлике принцип реле. Падавшая по каплям в верхний ящик вода, дойдя до определенного уровня, посредством особого устройства с силой прорывалась в нижний ящик. Вытесненный из последнего воздух проходил по узкой трубке в статую флейтиста. Раздававшийся громкий звук флейты пробуждал заспавшихся учеников Платона.

- Нельзя.
- Значит, она безвидна?
- Да.

◆ Каждое тело, движимое извне, не одушевлено, а движимое изнутри, из самого себя, одушевлено, потому что такова природа души. То, что движет самое себя, есть не что иное, как душа.

◆ Душа наша существовала до того, как мы родились.

◆ Душа — своего рода гармония, слагающаяся из натяжения телесных начал.

◆ То, что видит душа, умопостигаемо и безвидно.

◆ Душа бессмертна и неуничтожима. И поистине наши души будут существовать в Аиде.

◆ **Уподобим** душу слитой воедино силе упряжки крылатых коней и возничего. Из коней, говорим мы, один хорош, а другой нет, один из них прекрасных статей, стройный, шея высокая, храп с горбинкой, масть белая, глаза черные; он любит честь, но при этом воздержан и совестлив, он друг верных мнений, его не надо погонять бичом. А другой весь перекошен, тучен, дурно сложен, шея у него мощная, да короткая, он курносый, черный масти, а глаза светлые, полнокровный, друг наглости и похвальбы; космы вокруг ушей делают его глухим, он с трудом повинуется бичу.

◆ Душа умершего продолжает существовать и обладает способностью мыслить.

◆ Душа всякий раз обманывается по вине тела. Мне кажется, это бесспорно.

◆ На мой взгляд, сказал Симмий, душа сродни лире, ее струнам и гармонии. И верно, в настроенной лире гармония — это нечто невидимое, бестелесное, прекрасное и божественное, а сама лира и струны — тела, то есть нечто телесное, сложное, земное и сродни смертному. *Представь себе теперь, что лиру разбили или же порезали и порвали струны, — приводя те же доводы, какие приводишь ты, кто-нибудь будет упорно доказывать, что гармония не разрушилась и должна по-прежнему существовать. Быть того не может, скажет такой человек, чтобы лира с разорван-*

ными струнами и сами струны — вещи смертной природы — все еще существовали, а гармония, сродная и близкая божественному и бессмертному, погибла, уничтожившись раньше, чем смертное. Нет, гармония непременно должна существовать, и прежде истлеют без остатка дерево и жилы струн, чем претерпит что-нибудь худое гармония. И право же, я думаю, ты и сам отлично сознаешь, что наиболее частый взгляд на душу таков: если наше тело связывают и держат в натяжении тепло, холод, сухость, влажность и некоторые иные, подобные им, начала, то душа наша есть сочетание и гармония этих начал, когда они хорошо и соразмерно смешаны друг с другом. И если душа — это действительно своего рода гармония, значит, когда тело чрезмерно слабеет или, напротив, чрезмерно напрягается — из-за болезни или иной какой напасти, — душа при всей своей божественности должна немедленно разрушиться, как разрушается любая гармония, будь то звуков или же любых творений художников; а телесные останки могут сохраняться долгое время, пока их не уничтожит огонь или тление. Пожалуйста, подумай, как нам отвечать на этот довод, если кто будет настаивать, что душа есть сочетание телесных качеств и потому в том, что мы называем смертью, гибнет первую.

Сократ, по всегдашней своей привычке, обвел собравшихся взглядом, улыбнулся и сказал:

— Симмий говорит дело. Если кто из вас находчивее моего, пусть отвечает. Кажется, Симмий метко поддел наше рассуждение. И все-таки, на мой взгляд, прежде чем отвечать, нужно сперва выслушать еще Кебета, в чем упрекает наши доводы он, а мы тем временем подумаем, что нам сказать. И тогда уже, выслушав обоих, мы либо уступим им, если выяснится, что они поют в лад, а если нет — будем отстаивать свое доказательство. Ну, Кебет, теперь твой черед: говори, что тебя смущает.

— Да, Сократ, я скажу, — отозвался Кебет. — [...] Смотри, есть ли толк в том, что я на это отвечаю. Естественно, что и мне, как раньше Симмию, понадобится какое-нибудь уподобление.

Так рассуждать, на мой взгляд, примерно то же самое, что применить этот довод к умершему старику-ткачу и утверждать, будто он не погиб, но где-то существует, целый и невредимый, и в подтверждение предъявить плащ, который старик сам себе соткал: плащ-то ведь цел, ему ничего не сделалось, он невредим. А если кто усомнится, тогда спросить, что долговечнее, люди или плащи, которые постоянно в употреблении, в носке, и, услышав в ответ: "Разумеется, люди", — считать доказанным, что человек, соткавший этот плащ, без всякого сомнения, цел и невредим, раз не погибла вещь менее долговечная.

Но я думаю, Симмий, что на самом-то деле все обстоит иначе.

[...]

— Тем не менее я так считаю, — сказал Симмий, — и был бы очень изумлен, если бы мое мнение вдруг переменялось.

Тогда Сократ:

— А между тем, друг-фиванец, тебе придется его переменить, если ты останешься при мысли, что гармония — это нечто составное, а *душа — своего рода гармония*, слагающаяся из натяжения телесных начал. Ведь ты едва ли и сам допустишь, что гармония сложилась и существовала прежде, нежели то, из чего ей предстояло сложиться. Или все-таки допустишь?

— Никогда, Сократ! — воскликнул Симмий.

— Но ты видишь, что именно это ты нечаянно и утверждаешь? Ведь ты говоришь, что душа существует до того, как воплотится в человеческом образе, а значит, она существует, сложившись из того, что еще не существует. *Ведь гармония совсем непохожа на то, чему ты уподобляешь ее сейчас: наоборот, сперва рождается лира, и струны, и звуки, пока еще негармоничные, и лишь последней возникает гармония и первой разрушается.* Как же этот твой новый довод будет звучать в лад с прежним?

— Никак не будет, — отвечал Симмий.

— А ведь если какому доводу и следует звучать стройно и в лад, так уж тому, который касается гармонии.

— Да, конечно, — согласился Симмий.

— А у тебя не выходит в лад, — сказал Сократ.

— Сколько я помню, мы говорили, что душа существует до перехода своего в тело с такой же необходимостью, с какою ей принадлежит сущность, именуемая бытием. Это основание я принимаю как верное и достаточное и нимало в нем не сомневаюсь. А если так, я, по-видимому, не должен признавать, что душа есть гармония, кем бы этот взгляд ни высказывался — мною или еще кем-нибудь.

— Пойдем дальше, Симмий. Как тебе кажется, может ли гармония или любое другое сочетание проявить себя как-то иначе, чем составные части, из которых оно складывается?

— Никак не может.

— Стало быть, ни действовать само, ни испытывать воздействие как-нибудь иначе, чем они?

Симмий согласился.

— И значит, гармония не может руководить своими составными частями, наоборот, она должна следовать за ними?

Симмий подтвердил.

— И уж подавно ей и не двинуться, и не прозвучать вопреки составным частям, одним словом, никакого противодействия им не оказать?

— Да, ни малейшего.

— Пойдем дальше. Всякая гармония по природе своей такова, какова настройка?

— Не понимаю тебя.

— Ну, а если настройка лучше, полнее — допустим, что такое возможно, — то и гармония была бы гармонией в большей мере, а если хуже и менее полно, то в меньшей мере.

— Совершенно верно.

— А к душе это приложимо — так, чтобы хоть ненамного одна душа была лучше, полнее другой или хуже, слабее именно как душа?

— Никак не приложимо!

— Продолжим, ради Зевса...

И Симмий и Кебет излагают свои взгляды с привлечением аналогизационного механизма. Предмет их обсуждения — душа — и таинствен, и загадочен, и даже бытийно проблематичен. Потому привлечение примеров и образов диктует им закон отставания.

А что делает Платон, слушая их речи? Он вовсе не ассимилирует смысл сказанного! Он спорит, и при этом оспаривает не тему дискуссии, а правомерность образа.

Но так обращаться с уподоблением нельзя. Это все равно, что нюхать нарисованную розу и возмущаться тем, что она не пахнет.

Это все равно, что рассуждать о возможности покорения вершины горы по картинам, где она изображена. И всякий раз, лицезрея очередное полотно, не соглашаться с художником не по поводу крутизны склонов, а по поводу соответствия величины горы рисованной горе натуральной.

Это все равно, что выдвигать претензии повару, отвергая не непонравившееся блюдо, а запахи на кухне или, чего доброго, самого повара...

Оспаривать *вспомогательную образность* или *настройную метафору* равносильно “стрельбе на поражение”, но не в цель, а в ее тень; не в цель, а в нечто, похожее на нее; а если и в цель, то вовсе даже не в эту...

Кроме того, здесь есть и принципиальный софистический момент. Вся софистика строится на *обратном механизме* хода вопросов, когда мысль-ловушка уже сформулирована. Задача софиста проста в осуществлении своей сложности: осторожно подвести простака к клетке, чтобы не спугнуть... Вот тут-то Платона и выручает периферийная сущность философии, *пограничная природа* которой неискоренимо софистична в силу окантовочного характера философского процесса и его врожденной амфиболичности (не забудем: “философическое” появляется, и проявляется только на границе известного с неизвестным, и одинаково принадлежит обеим сферам, пользуясь человеком как мостом и информационной линией связи). Обволакивая проблему с целью прояснения и пояснения, на-

Портрет А.Ф.Лосева работы Павла Кривцова.

рождающееся философическое в силу вынужденного (из-за пограничности!) соприкосновения с другими вопросами — причем к данному рассуждению не имеющими никакого касательства, но касаемыми из-за неустранимой общности **всего со всем** уже на деле, а не в рассуждениях — делает доказательство всегда убедительным, до яркой однозначности, и в то же время — темным, до ускользания смысла. Вот оно — и ты его готов схватить, но оно уже там — и ты, опять, с пустыми руками...

В какой-то мере, а может быть, и полностью, Платон разделяет судьбу всех ниспровергателей: отмываемая грязь всегда пачкает. Борьба с софистикой других прорастает вновь софистикой, но уже своей...

Но разве это не говорит о том, что софистика имманентна философии, она сопровождает ее, ибо однородна с ней, но и не равна ей, так как не есть она. Это то же, что колючие шипы на розе: без них — какая роза будет розой, но колючки не есть роза. Последнее — главное! Об этом стоит помнить.

ЗНАНИЕ КАК ПРИПОМИНАНИЕ ВИДЕННОГО В ПОТУСТОРОННЕЙ ЖИЗНИ

◆ Жрецы утверждают, что душа человека бессмертна, и хотя она то перестает жить на земле — это и называют смертью, — то возрождается, но никогда не гибнет. Поэтому и следует прожить жизнь как можно более благочестиво:

Кто Персефоне песню воздаст
За все, чем встарь он был отягчен,
Души тех на девятый год
К солнцу, горящему в вышине,
Вновь она возвратит.
Из них возрастут великие славой цари
И полные силы кипучей и мудрости вяшей мужи, —
Имя чистых героев им люди навек нарекут.

А раз душа бессмертна, часто рождается и видела все, и здесь, и в Аиде, то нет ничего такого, чего бы она не по-

знала; поэтому ничего удивительного нет в том, что и насчет добродетели, и насчет всего прочего она способна вспомнить то, что прежде ей было известно. И раз все в природе друг другу родственно, а душа все познала, ничто не мешает тому, кто вспомнил что-нибудь одно, — люди называют это познанием — самому найти и все остальное, если только он будет мужествен и неутомим в поисках: ведь искать и познавать — это как раз и значит припоминать. Выходит, не стоит следовать твоему доводу, достойному завзятых спорщиков: он сделает всех нас ленивыми, он приятен для слуха людей изнеженных, а та речь заставит нас быть деятельными и пытливыми. И, веря в истинность этой речи, я хочу вместе с тобой поискать, что такое добродетель.

Менон: Ладно, Сократ. Только как это ты говоришь, что мы ничего не познаем, а то, что называем познанием, есть припоминание? Можешь ты меня убедить в том, что это именно так?

Сократ: Я и раньше говорил, что ты, Менон, ловкач. Вот сейчас ты спрашиваешь, могу ли я тебя убедить, хотя я утверждаю, что существует не убеждение, а припоминание; видно, ты желаешь уличить меня в том, что я сам себе противоречу.

Менон: Нет, клянусь Зевсом, Сократ, я не ради этого сказал так, а только по привычке. Но если ты можешь показать мне, что это так, как ты говоришь, покажи.

Сократ: Это нелегко, но ради тебя, так и быть, постараюсь. Позови-ка мне из твоей многочисленной челяди кого-нибудь одного, кого хочешь, чтобы я на нем мог тебе все показать.

Менон: С удовольствием. Подойди-ка сюда!

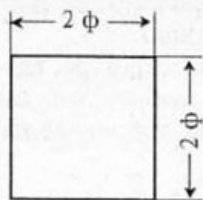
Сократ: Он грек? И говорит по-гречески?

Менон: Конечно, ведь он родился в моем доме.

Сократ: А теперь внимательно смотри, что будет: сам ли он станет вспоминать или научится от меня.

Менон: Смотрю внимательно.

Сократ: Скажи мне, мальчик, знаешь ли ты, что квадрат таков?

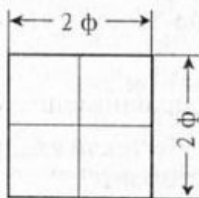

Раб: Знаю.

Сократ: Значит, у этой квадратной фигуры все ее стороны равны, а числом их четыре?

Раб: Да.

Сократ: А не равны ли между собой также линии, проходящие через центр?

Раб: Равны.

Сократ: А не могла бы такая же фигура быть больше или меньше, чем эта?

Раб: Могла бы, конечно.

Сократ: Так вот, если бы эта сторона была в два фута и та в два фута, то сколько было бы футов во всем квадрате? Заметь только вот что. Если бы эта сторона была в два фута, а та — в один, разве всего в нем было бы не два фута?

Раб: Два.

Сократ: А когда и та сторона будет равна двум футам, разве не получится у нас дважды по два фута?

Раб: Получится.

Сократ: Значит, в этом квадрате будет дважды по два фута?

Раб: Верно.

Сократ: А сколько же это будет — дважды два фута? Посчитай и скажи!

Раб: Четыре, Сократ.

Сократ: А может быть, фигура, вдвое большая этой, но все же такая, чтобы у нее, как и у этой, все стороны были между собою равны?

Раб: Может.

Сократ: Сколько же в ней будет футов?

Раб: Восемь.

Сократ: Ну а теперь попробуй-ка сказать, какой длины у нее будет каждая сторона. У этой они имеют по два фута, а у той, что, будет вдвое больше?

Раб: Ясно, Сократ, что вдвое длиннее.

Сократ: Видишь, Менон, я ничего ему не внушаю, а только спрашиваю. И вот теперь он думает, будто знает, какие стороны образуют восьмифутовый квадрат. Или, по-твоему, это не так?

Менон: Так.

Сократ: Что же, знает он это?

Менон: Вовсе не знает!

Сократ: Но думает, что такой квадрат образуют вдвое увеличенные стороны?

Менон: Да.

Сократ: Теперь смотри, как он сейчас вспомнит одно за другим все, что следует вспомнить.

А ты скажи мне вот что. По-твоему выходит, что, если удвоить стороны, получается удвоенный квадрат? Я имею в виду не такую фигуру, у которой одна сторона длинная, а другая короткая, а такую, у которой все четыре стороны равны, как у этой, но только удвоенную, восьмифутовую. Вот и посмотри: тебе все еще кажется, что ее образуют удвоенные стороны?

Раб: Да, кажется.

Сократ: А разве не выйдет у нас сторона вдвое больше этой, если мы, продолжив ее, добавим еще одну, точно такую же?

Раб: Выйдет.

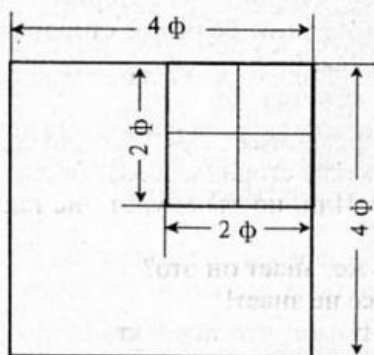
Сократ: Значит, по-твоему, если этих больших сторон будет четыре, то получится восьмифутовый квадрат?

Раб: Получится.

Сократ: Пририсую-ка к этой еще три точно такие же стороны. Неужели, по-твоему, это и есть восьмифутовый квадрат?

Раб: Ну, конечно.

Сократ: А разве не будет в нем четырех квадратов, каждый из которых равен этому, четырехфутовому?

Раб: Будет.

Сократ: Выходит, какой же он величины? Не в четыре ли раза больше первого?

Раб: Как же иначе?

Сократ: Что же, он одновременно и в четыре, и в два раза больше первого?

Раб: Нет, клянусь Зевсом!

Сократ: Во сколько же раз он больше?

Раб: В четыре.

Сократ: Значит, благодаря удвоению сторон получается площадь не в два, а в четыре раза большая?

Раб: Твоя правда.

Сократ: А четырежды четыре — шестнадцать, не так ли?

Раб: Так.

Сократ: Из каких же сторон получается восьмифутовый квадрат? Ведь из таких вот получился квадрат, в четыре раза больший четырехфутового?

Раб: И я так говорю.

Сократ: А из сторон вдвое меньших — четырехфутовый?

Раб: Ну да.

Сократ: Ладно. А разве восьмифутовый не равен двум таким вот маленьким квадратам или половине этого большого квадрата?

Раб: Конечно, равен.

Сократ: Значит, стороны, из которых он получится, будут меньше этой большой стороны, но больше той маленькой.

Раб: Мне кажется, да.

Сократ: Очень хорошо; как тебе покажется, так и отвечай. Но скажи-ка мне: ведь в этой линии — два фута, а в этой — четыре, верно?

Раб: Верно.

Сократ: Значит, сторона восьмифутовой фигуры непременно должна быть больше двух и меньше четырех футов?

Раб: Непременно.

Сократ: А попробуй сказать, сколько в такой стороне, по твоему, будет футов?

Раб: Три фута.

Сократ: Если она должна иметь три фута, то не надо ли нам прихватить половину вот этой двухфутовой стороны — тогда и выйдет три фута? Здесь — два фута да отсюда один; и с другой стороны так же: здесь — два фута и один отсюда. Вот и получится фигура, о которой ты говоришь. Не так ли?

Раб: Так.

Сократ: Но если у нее одна сторона в три фута и другая тоже, не будет ли во всей фигуре трижды три фута?

Раб: Очевидно, так.

Сократ: А трижды три фута — это сколько?

Раб: Девять.

Сократ: А наш удвоенный квадрат сколько должен иметь футов, ты знаешь?

Раб: Восемь.

Сократ: Вот и не получится у нас из трехфутовых сторон восьмифутовый квадрат.

Раб: Не получится.

Сократ: Но из каких же получится? Попробуй сказать нам точно. И если не хочешь считать, то покажи.

Раб: Нет, Сократ, клянусь Зевсом, не знаю.

Сократ: Замечаешь, Менон, до каких пор он дошел уже в припоминании. Сперва он, так же как теперь, не знал, как велика сторона восьмифутового квадрата, но думал при этом, что знает, отвечал уверенно, так, словно знает, и ему даже в голову не приходила мысль о каком-нибудь затруднении. А сейчас он понимает, что это ему не под силу, и уж если не знает, то и думает, что не знает.

Менон: Твоя правда.

Сократ: И разве не лучше теперь обстоит у него дело с тем, чего он не знает?

Менон: По-моему, лучше.

Сократ: Так разве мы нанесли ему хоть какой-нибудь вред, запутав его и поразив оцепенением, словно ска-ты?

Менон: По-моему, ничуть.

Сократ: Значит, судя по всему, мы чем-то ему помогли разобраться, как обстоит дело? Ведь теперь, не зная, он с удовольствием станет искать ответа, а раньше он, беседуя с людьми, нередко мог с легкостью подумать, будто говорит правильно, утверждая, что удвоенный квадрат должен иметь стороны, вдвое более длинные.

Менон: Да, похоже, что так.

Сократ: Что же, по-твоему, он, не зная, но думая, что знает, принялся бы искать или изучать это до того, как запутался, и, поняв, что не знает, захотел узнать?

Менон: По-моему, нет, Сократ.

Сократ: Значит, оцепенение ему на пользу?

Менон: Я думаю.

Сократ: Смотри же, как он выпутается из этого затруднения, ища ответ вместе со мной, причем я буду только задавать вопросы и ничему не стану учить его. Будь начеку и следи, не поймаешь ли меня на том, что я его учу и растолковываю ему что-нибудь, вместо того чтобы спрашивать его мнение.

А ты скажи мне: не это ли у нас четырехфутовый квадрат? Понимаешь?

Раб: Это.

Сократ: А другой, равный ему квадрат мы можем к нему присоединить?

Раб: Конечно.

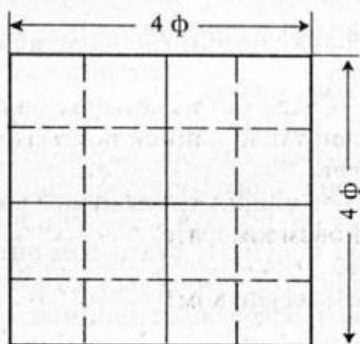
Сократ: А еще третий, равный каждому из них?

Раб: Конечно.

Сократ: А вот угол мы можем заполнить, добавив точно такой же квадрат?

Раб: Ну а как же!

Сократ: И тогда получатся у нас четыре равные фигуры?

Раб: Получатся.

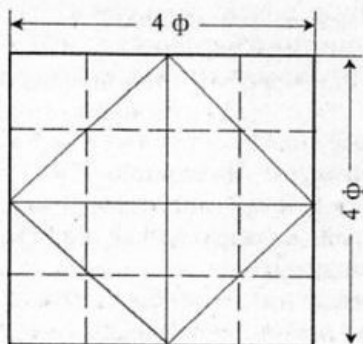
Сократ: Дальше. Во сколько раз все вместе будет больше первого квадрата?

Раб: В четыре.

Сократ: А нам нужно было получить квадрат, в два раза больший, помнишь?

Раб: Помню.

Сократ: Вот эта линия, проведенная из угла в угол, разве она не делит каждый квадрат пополам?

Раб: Делит.

Сократ: Так разве не получатся у нас четыре равные между собой стороны, образующие вот этот новый квадрат?

Раб: Верно.

Сократ: А теперь посмотри, какой величины он будет.

Раб: Не знаю.

Сократ: Но разве каждый из четырех малых квадратов не разделен такой линией пополам? Так или нет?

Раб: Разделен.

Сократ: Сколько же таких треугольных половинок будет в этом новом квадрате?

Раб: Четыре.

Сократ: А в этом маленьком?

Раб: Две.

Сократ: А во сколько раз четыре больше двух?

Раб: Вдвое.

Сократ: Во сколько же футов у нас получился квадрат?

Раб: В восемь футов.

Сократ: А из каких сторон?

Раб: Вот из этих.

Сократ: Ведь это — линии, проведенные в малых квадратах из угла в угол?

Раб: Ну да.

Сократ: Люди ученые называют такую линию диагональю. Так что если ей имя диагональ, то ты, Менонов раб, утверждаешь, что эти диагонали образуют наш удвоенный квадрат?

Раб: Так оно и есть, Сократ.

Сократ: Ну как, по-твоему, Менон? Сказал он в ответ хоть что-нибудь, что не было бы его собственным мнением?

Менон: Нет, все его собственное.

Сократ: А ведь он ничего не знал — мы сами говорили об этом только что.

Менон: Твоя правда.

Сократ: Значит, эти мнения были заложены в нем самом, не так ли?

Менон: Так.

Сократ: Получается, что в человеке, который не знает чего-то, живут верные мнения о том, чего он не знает?

Менон: Видимо, так.

Сократ: А теперь эти мнения зашевелились в нем, словно сны. А если бы его стали часто и по-разному спрашивать о том же самом, будь уверен, он в конце концов ничуть не хуже других приобрел бы на этот счет точные знания.

Менон: Как видно.

Сократ: При этом он все узнает, хотя его будут не учить, а только спрашивать, и знания он найдет в самом себе?

Менон: Ну да.

Сократ: А ведь найти знания в самом себе — это и значит припомнить, не так ли?

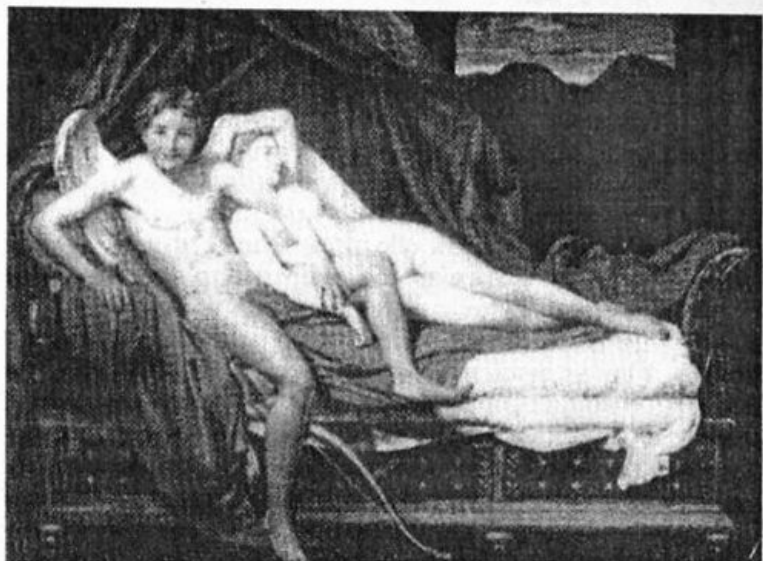
Менон: Конечно.

Сократ: Значит, то знание, которое у него есть сейчас, он либо когда-то приобрел, либо оно всегда у него было?

Менон: Да.

Ж.-Л. Давид (1748-1825).
Французский художник.

“Эрос и Психея”. Худ. Ж.-Л. Давид.

Сократ: А если оно всегда у него было, значит, он всегда был знающим, а если он его когда-то приобрел, то уж никак не в нынешней жизни. Не приобрел же его кто-нибудь к геометрии? Ведь тогда его обучили бы всей геометрии, да и прочим наукам. Но разве его кто-нибудь обучал всему? Тебе это следует знать хотя бы потому, что он родился и воспитывался у тебя в доме.

Менон: Да я отлично знаю, что никто его ничему не учил.

Сократ: А все-таки есть у него эти мнения или нет?

Менон: Само собой, есть, Сократ, ведь это очевидно.

Сократ: А если он приобрел их не в нынешней жизни, то разве не ясно, что они появились у него в какие-то иные времена, когда он выучился всему?

Менон: И это очевидно.

Сократ: Не в те ли времена, когда он не был человеком?

Менон: В те самые.

Сократ: А поскольку и в то время, когда он уже человек, и тогда, когда он им еще не был, в нем должны жить истинные мнения, которые, если их разбудить вопросами, становятся знаниями, не все ли время будет сведущей его душа? Ведь ясно, что он все время либо человек, либо не человек.

Менон: Разумеется.

Сократ: Так если правда обо всем сущем живет у нас в душе, а сама душа бессмертна, то не следует ли нам смело пускаться в поиски и припоминать то, чего мы сейчас не знаем, то есть не помним?

Менон: Сам не знаю почему, Сократ, но, мне кажется, ты говоришь правильно.

Сократ: Мне и самому так кажется, Менон.

ГОСУДАРСТВАМ ДО ТЕХ ПОР НЕ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ БЕД, ПОКА НЕ БУДУТ В НИХ ПРАВИТЬ ФИЛОСОФЫ

◆ Ведь кто устремился к философии не с целью образования, как это бывает, когда в молодости коснулся ее, а по-

том бросают, но, напротив, потратил на нее много времени, те большей частью становятся очень странными, чтобы не сказать совсем негодными, и даже лучшие из них под влиянием занятия, которое ты так расхваливаешь, все же делаются бесполезными для государства.

Выслушав Адиманта, я сказал:

— Так, по-твоему, те, кто так говорит, ошибаются?

— Не знаю, но я с удовольствием услышал бы твое мнение.

— Ты услышал бы, что, по моему мнению, они говорят сушую правду.

— Тогда как же это согласуется с тем, что государствам до тех пор не избавиться от бед, пока не будут в них править философы, которых мы только что признали никчемными?

— Твой вопрос требует ответа с помощью **уподобления**.

— А ты, видно, к уподоблениям не привык.

— Пусть будет так. Ты втянул меня в трудное рассуждение да еще и вышучиваешь! Так выслушай же мое уподобление, чтобы еще больше убедиться, как трудно оно мне дается.

По отношению к государству положение самых порядочных людей настолько тяжелое, что ничего не может быть хуже. Поэтому для уподобления приходится брать в их защиту и объединять между собой многие черточки наподобие того, как художники рисуют козлоподобных оленей и так далее, смешивая различные черты. Так вот, представь себе такого человека, оказавшегося кормчим одного или нескольких кораблей. Кормчий и ростом, и силой превосходит на корабле всех, но он глуховат, а также близорук и мало смыслит в мореходстве, а среди моряков идет распря из-за управления кораблем: каждый считает, что именно он должен править, хотя никогда не учился этому искусству, не может указать своего учителя и в какое время он обучался. Вдобавок они заявляют, что учиться этому нечего, и готовы разорвать на части того, кто скажет, что надо. Они осаждают кормчего просьбами и всячески добиваются, чтобы он передал им кормило. Иные его совсем не

слушают, кое-кто отчасти, и тогда те начинают убивать этих и бросать их за борт. Одолев благородного кормчего с помощью мандрагоры, вина или какого-либо иного средства, они захватывают власть на корабле, начинают распоряжаться всем, что на нем есть, бражничают, пируют и, разумеется, направляют ход корабля именно так, как естественно для подобных людей. Вдобавок они восхваляют и называют знающим моряком, кормчим, сведущим в кораблевождении того, кто способен захватить власть силой или же уговорив кормчего, а кто не таков, того они бранят, считая его никчемным. Они понятия не имеют о подлинном кормчем, который должен учитывать времена года, небо, звезды, ветры — все, что причастно его искусству, если он действительно намерен осуществлять управление кораблем независимо от того, соответствует это чьим-либо желаниям или нет. Они думают, что невозможно приобрести такое умение, опытность и вместе с тем власть кормчего.

Итак, раз подобные вещи наблюдаются на кораблях, не находишь ли ты, что при таком положении дел моряки назовут высокопарным болтуном и никудышником именно того, кто подлинно способен управлять?

— Конечно, — отвечал Адимант.

— Я не думаю, чтобы, видя такую картину, ты нуждался в истолковании того, в чем ее сходство с отношением к подлинным философам в государствах, — ты ведь понимаешь, о чем я говорю.

— Вполне.

— Так, прежде всего, ты растолкуй этот образ тому, кто удивляется, почему философы не пользуются в государствах почетом, и постарайся убедить его, что гораздо более удивительно было бы, если бы их там почитали.

— Я ему растолкую это.

ОБ ЭРОТЕ

◆ Мне кажется, что люди совершенно не осознают истинной мощи любви, ибо, если бы они сознавали ее, они

бы воздвигали ей величайшие храмы и алтари и приносили величайшие жертвы, а меж тем ничего подобного не делается, хотя все это следует делать в первую очередь. Ведь Эрот — самый человеколюбивый бог, он помогает людям и врачует недуги, исцеление от которых было бы для рода человеческого величайшим счастьем. Итак, я попытаюсь объяснить вам его мощь, а уж вы будете учителями другим.

Раньше, однако, мы должны кое-что узнать о человеческой природе и о том, что она претерпела. Когда-то наша природа была не такой, как теперь, а совсем другой. Прежде всего, люди были трех полов, а не двух, как ныне, — мужского и женского, ибо существовал еще третий пол, который соединял в себе признаки этих обоих; сам он исчез, от него сохранилось только имя, ставшее бранным, — андрогины, и из него видно, что они сочетали в себе вид и наименование обоих полов — мужского и женского. Кроме того, тело у всех было округлое, спина не отличалась от груди, рук было четыре, ног столько же, сколько рук, и у каждого на круглой шее два лица совершенно одинаковых; голова же у двух этих лиц, глядевших в противоположные стороны, была общая, ушей имелось две пары, срамных частей две, а прочее можно представить себе по всему, что уже сказано. Передвигался такой человек либо прямо, во весь рост, так же как мы теперь, но любой из двух сторон вперед, либо, если торопился, шел колесом, занося ноги вверх и перекатываясь на восьми конечностях, что позволяло ему быстро бежать вперед. А было этих полов три, и таковы они были потому, что мужской искони происходит от Солнца, женский — от Земли, а совмещавший оба эти — от Луны, поскольку и Луна совмещает оба начала. Что же касается шаровидности этих существ и их кругового передвижения, то и тут складывалось сходство с их прародителями. Страшные своей силой и мощью, они питали великие замыслы и посягали даже на власть богов, и то, что Гомер говорит об Эфиальте и Оте, относится к ним: это они пытались совершить восхождение на небо, чтобы напасть на богов.

И вот Зевс и прочие боги стали совещаться, как поступить с ними, и не знали, как быть: убить их, поразив род людской громом, как когда-то гигантов, — тогда боги лишатся почестей и приношений от людей; но и мириться с таким бесчинством тоже нельзя было. Наконец Зевс, насилу кое-что придумав, говорит:

— Кажется, я нашел способ и сохранить людей, и положить конец их буйству, уменьшив их силу. Я разрежу каждого из них пополам, и тогда они, во-первых, станут слабее, а во-вторых, полезней для нас, потому что число их увеличится. И ходить они будут прямо, на двух ногах. А если они и после этого не утомонятся и начнут буйствовать, я, — сказал он, — рассеку их пополам снова, и они запрыгают у меня на одной ножке.

Сказав это, он стал разрезать людей пополам, как разрезают перед засолкой ягоды рябины или как режут яйцо волоском.

Итак, каждый из нас — это половина человека, расчеченного на две камбалоподобные части, и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину. Мужчины, представляющие собой одну из частей того двуполого прежде существа, которое называлось андрогином, охочы до женщин, и блудодеи в большинстве своем принадлежат именно к этой породе, а женщины такого происхождения падки до мужчин и распутны. Женщины же, представляющие собой половинку прежней женщины, к мужчинам не очень расположены, их больше привлекают женщины, и лесбиянки принадлежат именно к этой породе. Зато мужчин, представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому: уже в детстве, будучи дольками существа мужского пола, они любят мужчин, им нравится лежать и обниматься с мужчинами.

Когда кому-либо случается встретить как раз свою половину, обоих охватывает такое удивительное чувство привязанности, близости и любви, что они поистине не хотят разлучаться даже на короткое время. И люди, которые проводят вместе всю жизнь, не могут даже сказать, чего они, собственно, хотят друг от друга. Ведь нельзя же утверж-

дать, что только ради удовлетворения похоти столь ревностно стремятся они быть вместе. Ясно, что душа каждого хочет чего-то другого; чего именно, она не может сказать и лишь догадывается о своих желаниях, лишь туманно намекает на них. И если бы перед ними, когда они лежат вместе, предстал Гефест со своими орудиями и спросил их: "Чего же, люди, вы хотите один от другого?" — а потом, видя, что им трудно ответить, спросил их снова: "Может быть, вы хотите как можно дольше быть вместе и не разлучаться друг с другом ни днем ни ночью? Если ваше желание именно таково, я готов сплавить вас и срастить воедино и тогда из двух человек станет один, и, покуда вы живы, вы будете жить одной общей жизнью, а когда вы умрете, в Аиде будет один мертвец вместо двух, ибо умрете вы общей смертью. Подумайте только, этого ли вы жаждете, будете ли вы довольны, если достигнете этого?". Случись так, мы уверены, что каждый не только не отказался бы от подобного предложения и не выразил никакого другого желания, но счел бы, что услышал именно то, о чем давно мечтал, одержимый стремлением слиться и сплавиться с возлюбленным в единое существо. Причина этому та, что такова была изначальная наша природа и мы составляли нечто целостное.

Таким образом, любовью называется жажда целостности и стремление к ней. Прежде, повторяю, мы были чем-то единым, а теперь из-за нашей несправедливости мы поселены богом порознь.

ПЛАТОН ПРИВОДИТ ОБРАЗЦЫ СОФИСТИКИ

■ А.Ф.Лосев:

Особенно много достается от Платона тем из риториков, которых тогда называли софистами. Целый диалог "Евтидем" посвящен у Платона изображению двух таких болтунов и пустословов, Евтидема и Дионисиодора, которые всегда берутся доказывать любую ложь в виде истины и любую истину в виде лжи.

Алексей Сергеевич Богомолов.
Советский философ,
профессор МГУ
им. М.В.Ломоносова
(фото 70-х годов).

Алексей Федорович Лосев
(1893-1988).

Всякий, кто хочет узнать мнение Платона о софистическом красноречии, должен внимательно проштудировать этот диалог.

Сократ:

“Дионисиодор начал свою речь, мы же, все остальные, поглядывали на него, немедленно ожидая услышать какие-то удивительные слова. Так и случилось: ибо муж этот поразительное повел рассуждение, и тебе, Критон, стоит его выслушать, потому что то было побуждение к добродетели”.

— Скажи мне, Сократ, — молвил он, — и вы, все остальные, утверждающие, что стремитесь одарить мудростью этого юношу, Клиния, говорите ли вы это в шутку или серьезно и взаправду испытываете такое желание?

Тут я решил, что они раньше подумали, будто мы шутили, когда просили их обоих побеседовать с мальчиком, и потому поддразнивали их, а не хранили серьезность; и, помыслив так, я еще раз подтвердил, что мы относимся к этому делу на удивление серьезно.

А Дионисиодор в ответ:

— Смотри, Сократ, не отрекись потом от того, что сейчас сказал.

— Я уже предусмотрел это, — возразил я, — и никогда от этого не отрекусь в будущем.

— Так, значит, — сказал он, — вы утверждаете, будто хотите, чтобы он стал мудрым?

— Очень хотим.

— А в настоящее время, — спросил он, — мудр Клиний или же нет?

— Ну уж об этом-то он помалкивает, ему ведь не свойственно хвастовство.

— Но вы-то, — сказал он, — хотите, чтобы он стал мудрым и не был невежественным?

Мы согласились.

— Значит, вы хотите, чтобы он стал тем, чем он сейчас не является, и чтобы таким, каков он сейчас есть, он впредь уже никогда не был.

Услышав это, я пришел в замешательство, он же, подметив мое смущение, продолжал:

— Так разве, желая, чтобы он впредь не был тем, что он есть сейчас, вы не стремитесь его, как кажется, погубить? Хороши же такие друзья и поклонники, которые из всех сил желают гибели своего любимца!

Но тут Ктесипп, услышав это, вознегодовал из-за любимого мальчика и поднял голос:

— Фурийский гость, — сказал он. — Если бы это не было чересчур неучтиво, я бы тебе ответил: “Погибель на твою голову!”. Что это ты вздумал ни с того ни с сего возвести на меня и на других такую напраслину, о которой, по-моему, и молвить-то было бы нечестиво, — будто я желаю гибели этому мальчику!

— Как, Ктесипп, — вмешался тут Евтидем, — ты считаешь, что возможно лгать?

— Да, клянусь Зевсом, — отвечал тот, — если только я не сошел с ума.

— А в каком случае — если говорят о деле, о котором идет речь, или если не говорят?

— Если говорят, — отвечал тот.

— Но ведь если кто говорит о нем, то он называет не что иное из существующего, как то, о чем он говорит?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Ктесипп.

— Ведь то, о чем он говорит, является одним из существующего, отдельным от всего прочего.

— Разумеется.

— Значит, тот, кто говорит об этом, говорит о существующем?

— Да.

— Но ведь тот, кто говорит о существующем, говорит сущую правду. Так и Дионисиодор, коль скоро он говорит о существующих вещах, говорит правду, а вовсе не клеветает на тебя.

— Да, — отвечал Ктесипп. — Но тот, Евтидем, кто говорит подобные вещи, говорит о том, чего нет.

А Евтидем на это:

— Разве то, чего нет, — это не то, что не существует?

— Да, то, что не существует.

— И дело обстоит разве не так, что то, чего нет, нигде не существует?

— Нигде.

— Возможно ли, чтобы кто-нибудь — кем бы он ни был — так воздействовал на это, чтобы создать его — это, нигде не существующее?

— Мне кажется, невозможно, — отвечал Ктесипп.

— Так что же, когда ораторы говорят в народном собрании, разве они ничего не делают?

— Нет, делают, — отвечал тот.

— Но раз они что-то делают, значит, и что-то создают?

— Да.

— Следовательно, говорить — это значит что-то делать и создавать?

Ктесипп согласился.

— Значит, никто не говорит о несуществующем: ведь при этом он что-то делает, а ведь ты признал, что ни для кого невозможно создать несуществующее; вот по твоему слову и выходит, что никто не произносит лжи.

ОБЩАЯ СХЕМА КРИТИКИ ПЛАТОНА:

(На примере советского историка философии
А.С. Богомолова.)

А.С. Богомолов:

Мир идей — вечный и неизменный — представляет собою уже не единое бытие Парменида, но иерархически упорядоченную, расчлененную структуру. На вершине этой иерархии стоит идея Блага. Что это такое?

“Так вот, то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага — причиной знания и познаваемости истины. Как ни прекрасно и то и другое — познание и истина, но если идею блага ты будешь считать чем-то еще более прекрасным, ты будешь прав”. Оно уподобляется Солнцу: подобно тому, как оно дает всему видимому воз-

возможность быть видимым, а также рождение, рост и питание, так и благо дает вещам бытие и существование, само не являясь ими. “Оно — за пределами существования, превышая его достоинством и силой”.

Поэтому благо как таковое трудно постичь человеческому уму: оно проявляется в прекрасном и истинном. И если мы не в состоянии уловить благо одной идеей, рассуждает Платон, “то поймаем его тремя — красотой, соразмерностью и истиной”. Причем, согласно первоначальной теории идей, идея “не рождается и не умирает, не воспринимает в себя что-либо другое, не переходит сама во что-либо другое”. Отношения идей к вещам определяются тремя понятиями: подражание, причастность и присутствие. Иначе говоря, вещи возникают, “подражая” идее, стремясь к ней, как к цели; возникнув, вещь становится “причастной” идее; наконец, чувственные вещи становятся сходными с идеями только тогда, когда идеи “присутствуют” в них. Как это возможно — философ не объясняет. Но логика его рассуждений такова, что идей должно быть столько же, сколько классов сходных вещей. Однако **отсюда возникает ряд несообразностей**. Как, например, объяснить “причастность” вещи различным идеям (скажем, Сократа — “человеку вообще” и “белому человеку”)? Не понадобится ли тут “третий человек”? Идеи Платона имеют отношение к благу, к истине, к красоте. Но как возможны тогда идеи грязи, мусора, безобразия, лжи и т.д.? Ведь без идеи нет вещи.

▶ Вопросы А.С.Богомолова сродни таким:

1. Как может быть прекрасной прекрасная песня, записанная на лазерном диске, если ее можно услышать и в “диком” исполнении пьяных глоток?!

2. Как это можно, чтобы одна и та же радиоволна, коснувшись радиоаппарата (например, телевизора), будучи одной, вызывала две разнородные функции — “говорить” и “показывать”?!

3. И как вообще один радиоприемник может, не переставая, быть самим собой, реагировать на десятки и сотни совершенно разных радиостанций?!

/Как видим, достаточно увести “философскую серьезность” из сферы самомнений и неудержимых желаний во что бы то ни было, “круто” и “убойно” возразить на почву обыденных и простых представлений, как сразу становится ясной и понятной уподобительная и аналогизационная природа всех “метафизических” утверждений и никчемность рьяного спора живого человека с восхитительным искусством человека умершего./

АФОРИЗМЫ

- ◆ Когда одни думают так, а другие иначе, тогда уже не бывает общего мнения и непременно каждый презирает другого за его образ мыслей.
- ◆ Истинное мнение ведет нас к правильным действиям ничуть не хуже, чем разум.
- ◆ Если я кого-нибудь из окружающих сделаю негодяем, то мне придется опасаться, как бы он не сделал мне зла.
- ◆ Ты опытен — и дни твои направляет искусство, неопытен — и дни катятся по прихоти случая.
- ◆ Никто не станет делать того же, что раньше, коль скоро возможно нечто лучшее. Быть ниже самого себя — это не что иное, как невежество, а быть выше самого себя — не что иное, как мудрость.
- ◆ Без смешного нельзя познать серьезное, и вообще противоположное познается с помощью противоположного, если человек хочет быть разумным.
- ◆ Поэт — если только он хочет быть настоящим поэтом — должен творить мифы, а не рассуждения.
- ◆ Бояться смерти — это не что иное, как приписывать себе мудрость, которой не обладаешь, то есть возомнить, будто знаешь то, чего не знаешь. Ведь никто не знает ни того, что такое смерть, ни даже того, не есть ли она для человека величайшее из благ, между тем ее боятся, словно знают наверное, что она — величайшее из зол. Но не самое ли позорное невежество — воображать, будто знаешь то, чего не знаешь?

- ◆ Полнейшее невежество вовсе не так страшно и не является самым великим злом; а вот многоведение и многознание, плохо направленные, составляют гораздо большее, чем это, наказание.
- ◆ Можно ответить на любой вопрос, если вопрос задан правильно.
- ◆ Существует лишь одна правильная монета — разум, и лишь в обмен на нее должно все отдавать: лишь в этом случае будут неподдельны и мужество, и рассудительность, и справедливость — одним словом, подлинная добродетель; она сопряжена с разумом, все равно, сопутствуют ли ей удовольствия, страхи и все иное, тому подобное, или не сопутствуют.
- ◆ Разве человек, если он дерзок не по разуму, не несет ущерба, а если отважен с умом, не получает пользы?
- ◆ С человеком хорошим не бывает ничего плохого ни при жизни, ни после смерти.
- ◆ К благу стремится любая душа и ради него все совершает; она предчувствует, что есть нечто такое, но ей трудно и не хватает сил понять, в чем же оно состоит.
- ◆ По-видимому, не в природе человека по собственной воле идти вместо блага на то, что считаешь злом; когда же люди вынуждены выбирать из двух зол, никто, очевидно, не выбирает большего, если есть возможность выбрать меньшее.
- ◆ Самое лучшее — это ни война, ни междоусобия: ужасно, если в них возникает нужда; мир же — это всеобщее дружелюбие.
- ◆ О любом деле можно сказать, что само по себе оно не бывает ни прекрасным, ни безобразным. Если дело делается прекрасно и правильно, оно становится прекрасным.
- ◆ Спрашивать, почему хочет быть счастливым тот, кто хочет им быть, незачем.
- ◆ Все, что вызывает переход из небытия в бытие, — творчество.
- ◆ Все чрезмерное обычно вызывает резкое изменение в противоположную сторону, будь то состояние погоды, ра-

стений или тела. Не меньше наблюдается это и в государственных устройствах.

◆ Если бы возникающие противоположности не уравновешивали постоянно одна другую, словно описывая круг, если бы возникновение шло по прямой линии, только в одном направлении и никогда не поворачивало вспять, в противоположную сторону, — все, в конце концов, приняло бы один и тот же образ, приобрело одни и те же свойства, и возникновение прекратилось бы.

АРХИТ ИЗ ТАРЕНТА

36

Родился в 428 г. до н. э.
Умер в 355 г. до н. э.
Прожил 73 года.

Компакт-биография

- ⊗ Пифагореец; механик, математик;
- учитель и почитатель Платона; друг Платона;
 - его почитал и слушался тиран Дионисий Младший;
 - по просьбе Архита философ Платон был освобожден из заключения во время третьего своего путешествия на Сицилию по приглашению Диона;
 - Аристотель написал о нем в трех книгах “О философии Архита” (утрачена), “Беседы” (от их остался лишь один фрагмент, и то — испорченный), “Гармоника”, или “О математике” (называлась или так, или так).

60.

Архиту принадлежит доказательство беспредельности вселенной: “Поместившись на самом крае вселенной, то есть на неподвижном небе, был бы я в состоянии протянуть свою руку или палку дальше за пределы его или нет? Допущение, что этого нельзя сделать, нелепо. И поскольку этот процесс, протягивание руки, можно продолжать бесконечное число раз, то и вселенная должна быть бесконечной”.

Штрихи к портрету

- ✓ Сохранилось письмо Платона Архиту, но подлинность его сомнительна.
- ✓ Архит вызывал к себе удивление народа по причине своего совершенства во всех отношениях.
- ✓ Аристотель в “Политике” упоминает как важное изобретение “погремушку Архита”: “Нужно считать прекрасным изобретением ту погремушку Архита, которую дают в руки малым детям, чтобы они, занимаясь ею, не ломали ничего из домашних вещей: ведь то, что молодо, не может оставаться спокойным”.
- ✓ Знаменита речь Архита против страстей. В передаче Цицерона, он произносит ее во время беседы с римлянином Понтием Самнитом:

“Природа не дала людям ничего более опасного и губительно, чем чувственное удовольствие. Отсюда измены отечеству, отсюда ниспровержение государственной власти, отсюда тайные переговоры с врагами. Нет ни одного преступления, ни одного дурного поступка, в который не вовлекла бы страсть к наслаждению: действительно, бесчестные поступки, нарушения супружеской верности и всякая подобная мерзость вызываются не чем иным, как приманкой удовольствия. А между тем как природа или какой-нибудь бог не дали ничего превосходнее ума, нет ничего более враждебного этому божественному дару, чем удовольствие. Ибо когда господствует страсть, нет места для умеренности. И вообще, в царстве наслаждения добродетели нет места. Чтобы лучше это понять, следует только представить себе человека, охваченного сильнейшим телесным наслаждением: такой человек, испытывая подобное удовольствие, не будет в состоянии ни о чем думать, ни за чем следовать разумом, ни о чем размышлять”.

ДИОГЕН СИНОПСКИЙ

37

Родился в 400/404 – 412 г. до н. э.

Умер 13.06.323 г. до н. э.

Прожил 77 лет.

Компакт-биография

⊗ Греческий философ;

- сын Гикеты из Синопа (Понт);
- ученик философа Антисфена, основателя школы киников:

/Кинизм – название, связанное с поименованием гимнасия Киносарг (“Белая собака”), где излагал свое учение его основатель Антисфен/;

- после смерти учителя Диоген переселился в Коринф, полагая, что больше ни с кем общаться не стоит. В Коринфе он не нанял себе жилья, не поселился ни у кого из гостеприимцев, а стал жить под открытым небом;
- изрядно потрескавшаяся от времени бочка (а точнее: большая глиняная амфора для хранения жидкостей и зер-

на — по-гречески “пифос”) служила ему убежищем и пристанищем;

- был совершенно лыс, хотя и носил длинную бороду, дабы, по якобы его словам, не изменять вида, данного ему природой;
- был сутул до сторбленности; из-за этого его взгляд всегда был исподлобья;
- ходил опираясь на палку, в верхней части которой был сук, куда Диоген вешал свою котомку странника;
- ко всем он относился с язвительным презрением.

Литературное наследие

“О любви”.

“Государство” (“Полития”).

“Эдип”.

“Фиест”. (Трагедия.)

Презентационные утверждения

61. “Когда мир благоденствует?” — спросили Диогена. “Когда его цари философствуют, а философы — царствуют”, — ответил мудрец.

61. Солнце заглядывает в ямы с навозом, но не оскверняется.

Штрихи к портрету

- ✓ Ищу человека, а не негодяя.
/Такой ответ Диоген дал, когда его, озабоченно что-то разыскивающего днем с зажженным фонарем, спросили о том, что он делает./
- ✓ Александр Македонский о Диогене:

“Если бы я не был царем, я хотел бы быть Диогеном.”

✓ **Антон Павлович Чехов о Диогене:**

“Свободное и глубокое мышление, которое стремится к уразумению жизни, и полное презрение к глупой суете мира — вот два блага, которых никогда не знал человек. И вы можете обладать ими, хотя бы вы жили за тремя решетками. Диоген жил в бочке, однако же был счастливее всех царей земных.”

✓ Соотечественники воздвигли Диогену много медных памятников, и на одном из них, на родине философа в г. Синопе, вырезали эпитафию:

Время точит и камень, и бронзу,

Но слова твои, Диоген, жить будут вечно!

Ведь ты учил нас благу довольствоваться малым

И наметил пути продвижения к счастливой жизни!

✓ Однажды Диоген держал речь на городской площади. Много народа слушало его слова с большим удовольствием. Как вдруг он оборвал свою речь, сел на землю и на глазах у всех испражнился. Все сразу же отшатнулись от него, называя кто полоумным, а кто бесстыдником.

✓ Александр Македонский, беседуя с 70-летним Диогеном в Коринфе, в пригородной кипарисовой роще Кранеоне, сказал, что он, Александр, великий царь. Диоген довольно беззастенчиво, если не нахально, ответил ему: “А я — собака Диоген”.

✓ **Сунь-цзы:**

“Когда человек вежлив и уступчив, это противоречит его природе”.

Узор находок и раздумий

◆ Когда Диоген был изгнан с родины, он пришел в Афины. Там он застал немало слушателей Сократа — Платона, Аристиппа, Эхина, Антисфена и Эвклида Мегарянина. Диоген вскоре проникся презрением ко всем им, кроме Антисфена; с ним он общался охотно, но хвалил, впрочем, не столько его самого, сколько его учение, полагая, что толь-

ко оно раскрывает истину и может принести пользу людям.

◆ Сравнивая же самого Антисфена с его учением, он нередко упрекал его в недостаточной твердости и, порицая, называл его боевой трубой — шума от нее много, но сама она себя не слушает; Антисфен терпеливо выслушивал его упреки, так как он восхищался характером Диогена.

◆ С того времени, как Антисфен освободил меня, я перестал быть рабом.

◆ Как же это произошло? Он научил меня различать, что является моим и что мне чужое. Богатство, имущество — не мои; родные, близкие, друзья, слова, привычные ценности, общение с другими — все это чужое. Что же принадлежит тебе? — Твои представления. Они, — учил Антисфен, — абсолютно свободны, никому не подвластны, никто не может им ни помешать, ни заставить воспользоваться иначе, чем я этого хочу.

◆ Узнав, что, по Платону, человек определяется как двуногое животное, лишенное перьев, Диоген ошипал петуха и, принеся его в Академию, объявил: “Вот человек Платона”.

/После этого к определению было добавлено: “И с широкими ногтями”./

◆ Когда Платон распространялся о своих идеях и говорил о “стольности” и “чашности”, Диоген заметил: “Что касается меня, Платон, то стол и чашу я вижу, а вот “стольности” и “чашности” нет”.

◆◆ На что Платон ему якобы ответил, что для чаши и стола у Диогена есть глаза, а для “чашности” и “стольности” у него нет разума.

◆ Любовь проходит с голодом, а если ты не в силах голодать, петлю на шею — и конец.

◆ Однажды Диоген закричал: “Эй, люди!” Сбежался народ, он замахнулся палкой: “Я звал людей, а не дерьмо”.

◆ Для того, чтобы жить как следует, надо иметь или разум, или петлю.

◆ Однажды он рассуждал о важных предметах, но никто его не слушал; тогда он принялся верещать по-птичьи; собрались люди, и он пристыдил их за то, что ради пустяков они сбегаются, а ради важных вещей не пошевеливаются.

◆ Он удивлялся, что грамматики изучают бедствия Одиссея, но не ведают своих собственных; музыканты ладят струны на лире и не могут сладить с собственным нравом; математики следят за солнцем и луной, а не видят того, что у них под ногами...

◆ Когда кто-то привел его в роскошное жилище и не позволил плевать, он, откашлявшись, сплюнул в лицо спутнику, заявив, что не нашел места хуже.

◆ Увидев однажды, как мальчик пил воду из горсти, он выбросил из сумы свою чашку, промолвив: "Мальчик превзошел меня простотой жизни".

◆ Когда кто-то читал длинное сочинение и уже показалось неисписанное место в конце свитка, Диоген воскликнул: "Мужайтесь, други: виден берег!".

◆ Человеку, спросившему, в какое время следует завтракать, он ответил: "Если ты богат, то когда захочешь, если беден, то когда можешь".

◆ Рукоблудствуя на глазах у всех, он приговаривал: "Вот кабы и голод можно было унять, потирая живот!".

◆ Кто-то корил Диогена за его изгнание. "Несчастный, — ответил он. — Ведь благодаря изгнанию я стал философом".

◆ Он просил подавания у статуи; на вопрос, зачем он это делает, Диоген сказал: "Чтобы приучить себя к отказам".

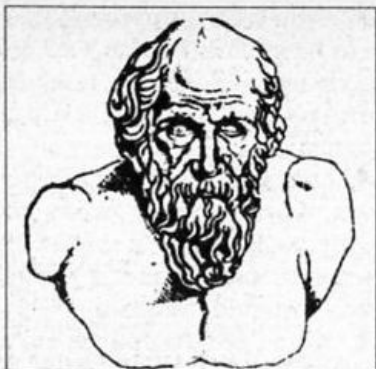
◆ На вопрос, почему люди подают милостыню нищим и не подают философам, он сказал: "Потому что они знают: хромыми и слепыми они, может быть, и станут, а вот мудрецами никогда".

◆ Он просил милостыню у скряги, тот колебался. "Почтенный, — сказал Диоген, — я же у тебя прошу на хлеб, а не на склеп!".

◆ На вопрос, что дала ему философия, он ответил: "По крайней мере, готовность ко всякому повороту судьбы".

Диоген.
Кельнская коллекция.

Диоген

Диоген. Худ. Рафаэль Санти.
"Афинская школа". Деталь.

◆ Человеку, сказавшему: “Мне дела нет до философии!”, — он возразил: “Зачем же ты живешь, если не заботишься, чтобы хорошо жить?”.

◆ О влюбленных говорил он, что они мыкают горе себе на радость.

◆ Нет ничего дурного в том, чтобы украсть что-нибудь из храма или отведать мяса любого животного: даже питаться человеческим мясом не будет преступно, как явствует из обычаев других народов. В самом деле, ведь все существует во всем и через все: в хлебе содержится мясо, в овощах — хлеб, и вообще все тела как бы парообразно проникают друг в друга мельчайшими частицами через незримые поры.

◆ Когда Филипп, царь Македонии, отец Александра Македонского, объявил, что идет войной на Коринф, и все бросились готовиться против него, Диоген принялся катать туда и сюда свою собственную бочку. Его спросили: “Зачем это, Диоген?”. Он ответил: “У всех сейчас хлопоты, потому и мне нехорошо бездельничать; а бочку я катаю, потому что ничего другого у меня нет”.

◆ Однажды Диоген плыл на корабле в Афины. Все было хорошо, как вдруг у острова Крит на судно напали морские пираты. В итоге Диоген в качестве раба попал на невольничий рынок.

Последующая сценка, написанная на основании древних свидетельств и легенд, рисует незаурядный облик этого необычного человека.

“Хотя Диоген изнывал от зноя, он весело улыбался. Потом без разрешения хозяина уселся на песок.

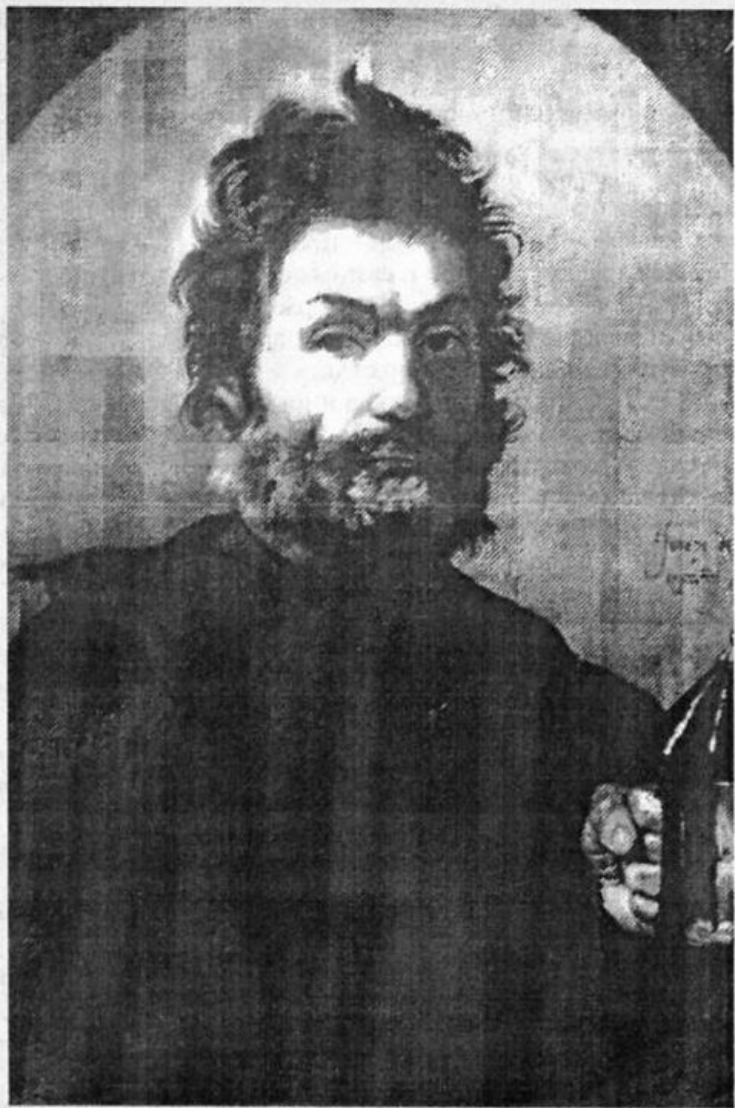
— Куд-да! — зарычал на него торговец в персидском халате и белой чалме. — Кто тебя, сидячего, здесь увидит?!

— Почему же? — возразил Диоген. — Рыба лежит, а своего покупателя находит!

Работорговец удивленно захохотал и дозволил рабу сесть на песок.

Тут Диоген, приободряя заморенных жарой невольников, закричал на весь базар:

— Эй, люди! Вы что же носы повесили?.. Уж не потому ли, что не в силах дольше слушать голодное урчанье соб-

Диоген. Испанский художник Хусепе де Рибера (1591-1652).
Холст, масло, 76x61. 1637. Дрезден, Картинная галерея.

ственного чрева? Ничего, это дело поправимое! — и, обращаясь к работорговцам, продолжал: — Граждане наши хозяева! Послушайтесь голоса разума! Ведь овец и поросят вы откармливаете на совесть, как и подобает делать рачительным владельцам, не так ли? Так не глупо ли тогда человека, самого дорогого из животных, морить на продаже голодом?!

В толпе послышался смех рабов и их хозяев, потому что шутку любят все. И подобревшие работорговцы сказали: “А ведь, пожалуй, их и в самом деле не мешает покормить!”. И потянулись к невольникам руки с ломтями хлеба, с сушеной рыбой, гроздьями винограда и даже бурдюки с водой. Утолив слегка голод и жажду, повеселевшие рабы со всех сторон благодарили сидящего Диогена улыбками. Тогда его хозяин, снисходя к такому необычному рабу, спросил:

— А что ты умеешь делать, старик?

— Я? — переспросил Диоген, отправляя в рот остатки поданных ему оливок. — Властвовать людьми!

Торговец захохотал:

— Ты, конечно, шутишь?

— Нисколько.

— Да кто же купит раба, который корчит из себя господина?

— Как раз такого-то купят всех быстрее, — ответил Диоген. — Ведь обычный раб не в диковинку. Впрочем, ты можешь сам в этом убедиться, стоит только тебе объявить обо мне.

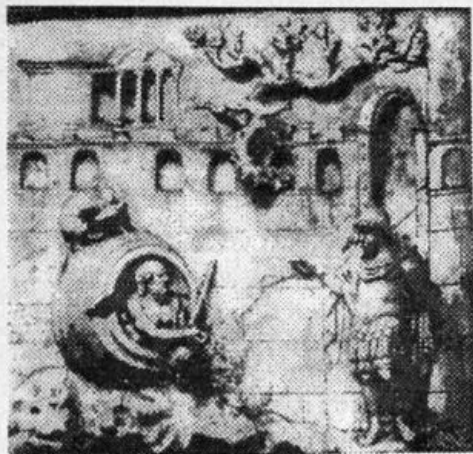
— Нет уж! Если хочешь, сам о себе объявляй. А я погляжу, что из этого выйдет!

Диоген поднялся и громко закричал, медленно покачиваясь в стороны:

— Граждане! Кто хочет купить себе хозяина?! Кто хочет купить хозяина, спешите сюда!

Все вокруг потешались, но тут к Диогену приблизился какой-то пожилой человек в голубом хитоне и, смеясь, спросил:

— Уж не ты ли и есть хозяин, продающий себя?

Диоген и Александр Македонский.
Рим, вилла Альбани.

Александр III Великий (356-323 гг. до н. э.). Сын Филиппа II Македонского и Олимпиады. Царь Македонии 336-323 гг. до н. э. (Лисипп. Александр Македонский. Мрамор.).

Пифосы — глиняные сосуды большой емкости, использовавшиеся древними греками.

В одной из таких бочек жил Диоген.

(Склады с пифосами в западной части Кносского дворца.)

— Представь себе, это я! — гордо ответил Диоген.

— А я, — вмешался здесь работорговец, — хозяин этого “хозяина”! Беру за него три мины!

Покупатель сомнительно покачал головой, собираясь отойти, но Диоген задержал его:

— Это совсем недорого, клянусь богами! Ведь три мины — стоимость рабочей лошади, а я умом скакун!

И, улыбнувшись, покупатель сказал:

— Прекрасно! И куда же скачет твой ум?

— В просторы философии, милейший!

— Ты изучаешь явления космоса?

— Диалектика мертвой материи меня не занимает. Диалектика души — вот предмет моих занятий!

— Что ж, в таком случае ты стоишься моим сыновьям как воспитатель. Согласен?

— Согласен, — сказал Диоген, — но с одним условием...

Вокруг рассмеялись, а хозяин Диогена насмешливо сказал:

— Этот тип еще смеет условия ставить!

— Да, ставлю условие, — упрямо кивнул Диоген.

— Какое? — спросил покупатель.

— Следовать за мной и делать только то, что я тебе скажу...

И снова в толпе рассмеялись, а покупатель, желая намекнуть на поговорку, что яйца не учат курицу, насмешливо продекламировал:

Вспять потекли источники рек!

— Ты прекрасно знаешь Еврипида, господин хороший, — угадав, чей это стих, сказал Диоген. — Но позволь тебя спросить, если ты нанял, к примеру, врача, а он предупредил тебя, что нужно следовать его советам, ведь ты не стал бы упрекать его изречениями Еврипида?

И, пристально взглядевшись в Диогена, покупатель сказал:

— Я беру этого человека! — И, отсчитав положенную сумму торговцу, добавил: — А вот тебе еще одна мина к запрошенным!

Когда работорговец ушел, Диоген спросил нового хозяина:

— На какую кличку ты отзываешься?

— Я торговец Ксениад...

— А моя кличка — Собака. Не удивляйся, это мое прозвище, а звать меня Диоген, что значит богорожденный! — И он с шутливым величием поднял вверх палец. — Так куда мы отправляемся?

— Ко мне домой, в Коринф.

— Прекрасно! — одобрил Диоген. — Я всю Элладу обошел, а быть в знаменитом Коринфе мне до сих пор не довелось”.

◆ Некий “прыгун” сказал Диогену:

— Как жаль, Диоген, что ты, с такой закалкой, никогда не участвовал в Олимпийских состязаниях. Наверняка ты был бы первым!

— Зато я участвую в состязаниях более важных, чем Олимпийские.

— В каких же это? — не понял “прыгун”.

И, укоризненно качнув головой, сказал Диоген:

— Вы же знаете: я состязуюсь в борьбе с пороками.

◆ **Одна из притч Диогена:**

— Один владелец несметных богатств, — неторопливо начал Диоген, — созвал на пир гостей со всех земель, всех народов и языков, всякого звания, пола и возраста. Будучи щедрым, он выставил перед гостями обильные угощения и каждого оделил тем, что ему всего полезнее. Приглашенные наслаждались и благодарили хозяина. Но вот нашелся среди них один, кому показалось мало того, что назначалось ему, и он стал захватывать то, что назначалось для его соседей, даже не подумав, что отнимает в том числе у слабых, и хворых, и даже малых детей. И стал он отнятое пихать себе в рот до тех пор, пока желудок не извергнул все это обратно!.. Так вот, щедрый владелец богатств — это природа, гости на ее пиру — все люди и народы мира, а алчный — это богатеи, которые отнимают у всех, кто слабее их!

■ Многие киники жили подавениями, но в своей бедности были, следуя и подражая Диогену, довольно остроумны. Один из них, Телес (III в. до н. э.), говорил богачу: “Ты даешь щедро, а я принимаю мужественно, не пресмыкаясь, не роняя своего достоинства и не ворча”.

Диоген. Рим, вилла Альбани.

Родился в 390 г. до н. э.
Умер в 338 г. до н. э.
Прожил 52 года.

Компакт-биография

- ⊗ Китайский философ;
- настоящее имя Гуньсунь Ян;
- происходил из обедневшей аристократической семьи;
- ученик философа Ли Куя, первого министра (424-386 гг. до н. э.), правителя царства Вэй Вэнь-хоу;
- был советником и реформатором при правителях; представитель школы легистов.

“Книга правителя области Шан”. (В основном здесь черновики указов, речи и наставления, записанные придворными историографами.)

Презентационные утверждения

63. Если знания поощряются и не пресекаются, они увеличатся, но когда они увеличатся, невозможно будет управлять страной, ибо появится коварство. Когда знания пресекаются и не поощряются, люди искренни и просты.

64. Человеколюбивый может быть человеколюбивым к другим людям, но он не может заставить людей быть человеколюбивыми; человеколюбивый может любить других людей, но он не может заставить людей любить друг друга. Отсюда ясно, что одного человеколюбия или справедливости еще недостаточно для того, чтобы добиться хорошего управления Поднебесной.

Штрихи к портрету

✓ Шан Яну удалось заинтересовать своим учением правителя царства Цинь — Сяо Гуна (361-338 гг. до н. э.), и тот доверил ему проведение реформ в своем государстве. Это был первый случай, когда новое философское учение в Древнем Китае было претворено в жизнь, и притом, на первый взгляд, с огромным успехом.

✓ Следует отдать должное прозорливости Шан Яна: словно предвидя возможную реакцию общинников на его реформы, он издает специальный указ, направленный на то, чтобы рассеять всякие сомнения и заставить общинников поверить в силу государевых законов. Суть указа такова: каждого, кто перенесет бревно от северных ворот столицы

к южным, обещали наградить десятью золотыми монетами. Цена неслыханная. Народ дивился, но не двигался. Тогда объявили на площади, что награда увеличивается до пятидесяти золотых! Наконец нашелся человек, который согласился проделать эту операцию — взял на глазах у толпы бревно, взвалил на плечи и перенес через весь город от одних ворот к другим. И ему, действительно, было вручено при всем честном народе 50 золотых монет. И все это было проделано для того, чтобы народ поверил, что законы не обманывают. На таких наглядных примерах Шан Ян обучал общинников доверять законам.

✓ Цицерон:

“Мы должны быть рабами законов, чтобы стать свободными”.

Узор находок и раздумий

◆ Государство может достичь спокойствия благодаря земледелию и войне, так же как и правитель будет в почете лишь благодаря земледелию и войне.

◆ Если страна бедна и в то же время направляет усилия на войну, то яд появляется в стране противника, в такой стране не будет шести паразитов, и она, несомненно, станет могущественной. Если страна богата и в то же время ни с кем не воюет, то яд появляется внутри этой страны, рождаются шесть паразитов, и страна, несомненно, ослабевает.

◆ Шесть паразитов:

1. Стремление беспечно жить на склоне лет.
2. Бездумная трата зерна.
3. Пристрастие к красивой одежде и вкусной еде.
4. Любовь к предметам роскоши.
5. Пренебрежение своими обязанностями.
6. Стяжательство.

◆ Тот, кто сумеет привить народу любовь к войне, добьется господства в Поднебесной.

◆ Не следует ни на один миг забывать о законе, надо ослабить сторонников и одолеть красноречивых, пресекать всяческие рассуждения и править, опираясь лишь на закон.

◆ Наказания порождают силу, сила порождает могущество, могущество порождает величие, вселяющее трепет, а величие, вселяющее трепет, порождает добродетель. Итак, добродетель ведет свое происхождение от наказания.

◆ Ежели сделать суровыми наказания, установить систему взаимной ответственности за преступления, то люди не решатся испытать на себе силу закона.

◆ Когда народ глуп, им легко управлять.

◆ Если люди глупы, их легко принудить к тяжкому труду, а если умны, то принудить нелегко.

◆ Когда народ силен, армия вдвое слабее, когда народ слаб, армия вдвое сильнее. Когда народ слаб — государство сильное, когда государство сильное — народ слаб. Поэтому государство, идущее истинным путем, стремится ослабить народ.

◆ Совершенномудрый правитель полагается на закон, а не на мудрость. Если же он откажется от закона и предпочтет знания, то народ забросит свои дела и ринется за славой.

◆ Обычно правитель по своим добрым поступкам не отличается от других людей, не отличается он от них и по уму, не превосходит их ни в доблести, ни в силе, однако, даже если среди людей есть и совершенномудрые, они не осмелятся плести интриги против государя; даже если есть доблестные и сильные, они не осмелятся убить правителя; даже если люди многочисленны, они не решатся свергнуть своего правителя; даже если люди могут нажать несметные богатства за счет обильных наград, они не решатся драться за них; если даже будут применяться наказания, люди не осмелятся роптать на них. И все это оттого, что есть закон.

◆ Когда 100 человек гонятся за одним зайцем, они делают это отнюдь не из желания разделить его на 100 частей, а лишь потому, что никто не установил своих прав на этого

зайца. И наоборот, если даже весь рынок будет наводнен продавцами зайцев, то и тогда вор не посмеет украсть зайца, ибо право собственности на него уже установлено.

◆ Метод поощрения рангами знатности и жалованьем — ключ к жизни или гибели страны.

◆ Независимо от того, является ли сообщивший знатным или человеком низкого происхождения, он полностью наследует должность, ранг знатности, поля и жалованье того старшего чиновника, о проступке которого сообщит правителю.

◆ Если войной можно уничтожить войну, то позволительна даже война; если убийством можно уничтожить убийство, то разрешимы даже убийства.

◆ Стремления людей к богатству и знатности угасают лишь тогда, когда захлопывается крышка гроба.

◆ Подобно тому, как поток воды устремляется лишь вниз, а не в разные стороны, так и люди стремятся лишь к богатству. Поэтому они пойдут на все, что скажет правитель, коль это сулит им выгоду.

Шан Ян. (Таким до нас дошел его облик.)

Родился ок. 369 г. до н. э.

Умер в 286 г. до н. э.

Прожил 83 года.

Компакт-биография

- ☉ Китайский философ;
- фамилия Чжуан, имя Чжоу;
- родился в уезде Мэн во владении Сун;
- сначала служил мелким чиновником, а затем покинул службу и жил в уединении;
- учение Чжуан-цзы многим (и современникам его, и позже) казалось философией неудачников.

Литературное наследие

“Чжуан-цзы”. (Из этой книги до нас дошли 33 главы.)

65. *Ловушка нужна для ловли зайцев. Поймав зайца, забывают про ловушку. Слова нужны, чтобы поймать мысль: когда мысль поймана, про слова забывают. Как бы мне найти человека, забывшего про слова, — и поговорить с ним!*

66. *Мешать человеку радостно жить, отнять у него возможность ткать и одеваться, обрабатывать землю и кормиться, украсить его так называемой добродетелью и справедливостью — в этом преступление мудрецов.*

Штрихи к портрету

✓ Однажды Чжуан-цзы приснилось, что он маленькая бабочка, весело порхающая среди цветов. Проснувшись, философ не мог решить, Чжуан-цзы ли он, видевший во сне, что он бабочка, или же бабочка, которой снится, что она Чжуан-цзы? “А ведь Чжуан-цзы и бабочка разнятся. Вот что такое превращение вещи!” — говорится в заключении притчи.

✓ Чжуан-цзы и Хуй Ши прогуливались по мосту через реку Хао. Чжуан-цзы сказал:

— С каким наслаждением эти ельцы играют в воде — в этом удовольствие рыб.

— Ты ведь не рыба, откуда тебе знать, в чем ее удовольствие? — спросил Хуй Ши.

— Ты ведь не я, — возразил Чжуан-цзы, — откуда тебе знать, что я не знаю, в чем удовольствие рыбы?

— Я действительно не ты, — ответил Хуй Ши, — и, безусловно, тебя не знаю; однако ты, несомненно, не рыба и ни в коей мере не можешь знать, в чем ее удовольствие.

На это Чжуан-цзы ответил:

— Вернемся, пожалуйста, к началу нашего спора. Ты сказал мне такие слова: “Откуда тебе знать, в чем удоволь-

ствие рыбы?”. Это значит, что ты уже знал, что я знаю это, и поэтому спросил меня. А я это узнал во время нашей прогулки над рекой Хао.

✓ Чжуан-цзы ловил рыбу в реке Пу. Чуский правитель направил к нему двух сановников дафу с посланием, в котором говорилось: “Хочу возложить на Вас бремя государственных дел”. Чжуан-цзы, не отложив удочку и даже не повернув головы, сказал: “Я слышал, что в Чу имеется священная черепаха, которая умерла три тысячи лет тому назад. Правители Чу хранят ее, завернув в покровы и спрятав в ларец, в храме предков. Что предпочла бы эта черепаха: быть мертвой, но чтобы почитались оставшиеся после нее кости, или быть живой и волочить хвост по грязи?”.

Оба сановника ответили: “Предпочла бы быть живой и волочить хвост по грязи”.

Тогда Чжуан-цзы сказал: “Уходите! Я тоже предпочитаю волочить хвост по грязи”.

Узор находок и раздумий

ФИЛОСОФСКАЯ ПОЗИЦИЯ

◆ Нет вещи, которая бы не была той, и нет вещи, которая бы не была этой.

◆ Противостояние “этого” и “того” относительно: “то” возникает из “этого”, а “это” зиждется на “том”.

◆ Споры об истинном и ложном лишены всякого смысла и похожи на спор обезьян из известной притчи: “Человек, содержащий обезьян, как-то сказал им: “Утром я буду давать вам три шэна каштанов, а вечером четыре”. Услышав это, обезьяны рассердились. Тогда он сказал: “В таком случае я буду утром давать вам четыре, а вечером три шэна”. Услышав это, обезьяны обрадовались, тогда как ни название, ни сущность не пострадали, но вызвали и радость, и гнев.

◆ Если человек спит в сыром месте, у него разболится поясница и половина тела отнимется от паралича, но разве

так происходит и с рыбой-гольцом? Когда человек взбирается на дерево, он дрожит от страха и робеет, но разве так происходит с обезьяной? Кто из трех — человек, голец и обезьяна — знает, где подходящее место для жизни? Человек ест говядину, баранину, свинину, олени питаются травой, сколопендры любят пожирать змей, а совы и вороны лакомятся мышами. Кто из них может знать, что самое вкусное на свете?

◆ Если оба мы, я и вы, не можем знать, кто прав, кто может установить это? Допустим, мы позовем лиц, придерживающихся того же мнения, что и вы, определить, кто прав, но как, сходясь с вами во мнениях, они могут решить этот вопрос? Если позвать лиц, разделяющих мое мнение, то, разделяя мое мнение, как они могут принять решение? Если позвать лиц, не разделяющих ни моего, ни вашего мнения, то, не разделяя наших мнений, как они примут решение? Если позвать лиц, разделяющих наши мнения, то, разделяя наши мнения, как они могут принять решение? Итак, ни я, ни вы, ни другие лица не могут знать, кто прав, а кто не прав; кого же нам еще ждать?

АФОРИЗМЫ

◆ Состояние Вселенной неуловимо, ее изменения бесконечны. Умирает или живет человек в этих бесконечных изменениях?

◆ От единого начала происходят все вещи, которые сменяют друг друга в самых различных формах. И начало, и конец вертятся, как колесо, и нельзя установить, где они находятся. Это и есть естественное изменение.

◆ Все сущее выходит из пылинки. Все сущее, появляясь, подобно молнии, в один миг претерпевает бесчисленные изменения.

◆ О **Дао** можно рассуждать, но его нельзя потрогать, его можно постигать, но его нельзя видеть. **Дао** — корень и основа самого себя. Оно было прежде неба и земли, и оно существует вечно.

◆ Вследствие изменений возник человек. Человек в годы, отведенные ему природой, подвержен переменам, как и все сущее, однако перемены эти происходят так быстро, что нет возможности противостоять им. Не прискорбно ли это? Разве не вызывает скорбь мысль о том, к какому неизвестному состоянию приведут непрерывные изменения, где будет конец?

◆ Если считать, что в Поднебесной нет ничего большего, чем кончик волоска, тогда гора Тайшань будет маленькой. Если считать, что никто не прожил дольше, чем умерший младенец, тогда Пэн-цзу умер преждевременно.

◆ Истина существует лишь постольку, поскольку существует ложь, а ложь существует лишь постольку, поскольку существует истина. Сказанное не выдумка мудрого, а то, что наблюдается в природе.

◆ Восток и Запад взаимно противоположны, но друг без друга существовать не могут.

◆ Небо, земля и я вместе живем, и тьма вещей составляет со мной единое.

◆ Вся тьма вещей — словно распластанная сеть, и нигде не найти начала.

◆ Дао, проявляя себя, уже не дао; слова, становясь логически выведенными суждениями, не достигают правды **немыслимого**.

◆ Ни словом, ни молчанием не выразить предела вещей.

◆ Научись видеть, где все темно, и слышать, где все тихо. Во тьме увидишь свет, в тишине услышишь гармонию.

◆ То, что вершит вещи, не отграничено от вещей. Но вещи имеют свои границы. Границы безграничного — это безграничность ограниченного.

◆ Говорят всю жизнь и ничего не скажут. Всю жизнь не говорят, и не останется ничего не сказанного.

◆ Не мыслить и не думать — это начало познания Дао, нигде не находиться и ни в чем не упорствовать — это начало безмятежного пребывания в Дао. Ничему не следовать и не идти никакой дорогой — это начало обретения Дао.

◆ В одной из притч “Чжуан-цзы” описание полной трансформации личности в плане даосского идеала сводится к

поэтапному забвению (отчуждению) различных сфер оформленного бытия. Обладающая “**путем мудрого**” женщина рассказывает о том, как она могла бы обучить некоего Бу, имеющего соответствующие способности, но еще не постигшего этого “пути”: “Я бы лишь его удерживала и ему говорила, и через три дня он сумел бы познать отчужденность от Поднебесной. После того, как он познал бы отчужденность от Поднебесной, я бы снова его удерживала, и через семь дней он сумел бы познать отчужденность от вещей. После того, как он познал бы отчужденность от вещей, я бы снова его удерживала, и через девять дней он сумел бы познать отчужденность от жизни. Познав же отчужденность от жизни, он был бы способным стать ясным, как утро. Став ясным, как утро, сумел бы увидеть единое. Увидев единое, забыл бы о прошлом и настоящем. Забыв о прошлом и настоящем, сумел бы вступить туда, где нет ни жизни, ни смерти.”

Из главы 6 “Чжуан-цзы” — “Великий предок-учитель”:

◆ Внезапно Цзылай заболел. Учащенно дышал перед смертью, а его жена и дети стояли около и плакали. “Цзыли (Цзылай и Цзыли — персонажи “Чжуан-цзы”) пришел навестить его и, прикрикнув, велел им прекратить плач и не бояться Изменения. Затем прислонился к дверям и произнес: “О, сколь изумительно созидание вещей! Во что ты превратишься? Куда ты отправишься? Станешь ли ты печенкой мыши? А может быть, ты превратишься в лапку насекомого?” — “Цзылай сказал: “Если родители прикажут ребенку, то он отправится на восток или на запад, на юг или на север. Но не больше ли значат для человека силы инь-ян, чем родители? Если они приблизили ныне мой смертный час, а я ослушаюсь их, то я окажусь дерзким. Их ли это вина? Ведь **Великий ком** (да куай — первоизданный хаос, природа, изначальная пневма, иногда синоним Земли, мировое целое) снабдил меня телом, истощил мою жизнь трудом, дал мне отдых в старости и успокоил

меня в смерти. Поэтому то, что сделало хорошей мою жизнь, сделало хорошей и мою смерть. Если **Великий плавильщик** (распространенная метафора для обозначения **Дао**: “Оно (сокровенное) побуждает к выплавлению сотен миллионов форм”) будет плавить металл, а металл забурлит: “Я непременно хочу быть мечом **Моце**” (меч **Моце** — легендарное оружие, обладавшее необычайной остротой, прочностью и т.п.), то **Великий плавильщик** обязательно сочтет его негодным металлом. Если пребывающий в форме человеческого тела будет повторять: “Хочу быть только человеком”, то **Творец перемен** (эпитет **Дао** как принципа “**правила**” процесса созидания — перемен) обязательно сочтет его негодным человеком. Если мы уподобим Небо и Землю огромному горнилу, а созидание перемен — Великому плавильщику, то куда не мог бы я отправиться?! Моя жизнь свершена, и я засыпаю, а затем вновь обрету сознание”.

◆ В Поднебесной есть две великие заповеди: одна — судьба, другая — справедливость.

◆ Кто чрезмерно нравствен, тот затемняет природу вещей, дабы сделаться таким знаменитым, чтобы во всей Поднебесной под звуки флейт и барабанов превозносили его как недосягаемый образец. Это ли не фальшь?

◆ Если исходить из обычаев, то представления о благородных и неблагородных создаются окружающими, а вовсе не присущи человеку.

◆ Того, кто крадет крючок с пояса, казнят, а тот, кто крадет царство, становится правителем.

◆ Природу человека нельзя переделать, судьбу нельзя изменить.

◆ В мире каждая вещь отрицает себя через другую вещь, составляющую ее противоположность. В мире каждая вещь утверждает себя через себя.

◆ Ищущий истину бродит в потемках.

◆ С точки зрения **Дао**, вещи не бывают ценными и ничтожными.

◆ Человек, обладающий совершенными моральными качествами, ничего не обретает; большой человек лишен самого себя.

- ◆ Много радуетесь — нарушаете **ян**, много гневаетесь — нарушаете **инь**.
- ◆ Шесть чувств — ненависть, желание, радость, гнев, печаль, удовольствие — приводят в хаос **дэ**.
- ◆ Мир погряз в скверне, и мне не о чем с ним говорить.
- ◆ Немногое известное человеку не сравнить с тем, что ему не известно, и краткое время его жизни не сравнить со временем его небытия. Поэтому тот, кто при помощи крайне не малого пытается определить пределы крайне великого, непременно впадает в заблуждение.

Родился ок. 350 г. до н. э.

Умер в 260 г. до н. э.

Прожил 90 лет.

Компакт-биография

⊗ Китайский философ;

- настоящее имя — Хуй Ши, но есть и пуританская транскрипция его имени — Хуэй Ши;
- по некоторым источникам, годы жизни Хуй Ши 370 — 310 гг. до н.э.;
- жил в одно время с Чжуан-цзы и поддерживал с ним дружеские отношения, часто вступал с ним в диспуты;
- какое-то время занимал пост главного помощника правителя царства Вэй;
- пользовался славой искусного спорщика и, используя свои знания, целые дни проводил в спорах с другими. Любимым занятием Хуй Ши были странные изречения;

- владел многими искусствами и имел пять повозок книг;
- Хуй Ши был неумолчным в речах, считал свои изречения наимудрейшими и часто приговаривал горделиво: “Кто может сравниться со мной во Вселенной?”;
- за перо взяться побудили его вопросы некоего Хуан Ляо, спросившего Хуй Ши, почему небо не падает, земля не проваливается и какие причины вызывают ветер, дождь, гром?;
- наиболее известны из дошедших до нас воззрений Хуй Ши десять тезисов о проблематике предметов в Поднебесной, из которых “вычитывается” философская концепция Хуй Ши.

Литературное наследие

“Хуй-цзы”. (Эта не дошедшая до нас книга состояла из одной главы.)

Презентационные утверждения

67. *Сегодня выехал в Юэ, а прибыл туда давно.*
68. *Тень летящей птицы никогда не движется.*

Следует испытывать отвращение к сведению оригинальных интеллектуальных творений к простому следствию исторических условий их возникновения.

Х.Перельман.

Десять тезисов Хуй Ши:

- ◆ Крайне большое, не имеющее внешнего, называю “великим единым”; крайне малое, не имеющее внутреннего, называю “малым единым”.
- ◆ Не имеющее толщины не может быть утолщено, но его величина — тысячи *ли*.
/Другая версия перевода: “То, что не обладает толщиной, не может быть накоплено, и все же его громада — тысячи *ли*”./
- ◆ Небо и земля одинаково низки, горы и болота одинаково ровны.
- ◆ Солнце, только что достигшее зенита, уже клонится к закату; предметы, только что родившиеся, уже умирают.
- ◆ Великое тождество отличается от малого тождества, это я называю “различием малого тождества”. Все предметы абсолютно тождественны и абсолютно различны, это я называю “различием великого тождества”.
- ◆ Южная сторона света не имеет предела и в то же время имеет предел.
- ◆ Сегодня выехал в Юэ, а прибыл туда давно.
- ◆ Соединенные кольца могут быть разъединены.
- ◆ Я знаю нахождение центра Поднебесной, оно к северу от Ян и к югу от Юэ.
- ◆ Всеобщую любовь следует распространять на все предметы, ибо небо и земля — одно тело.

Парадоксы:

- ◆ В яйце есть перья.
- ◆ У курицы три ноги.
- ◆ Собака может стать бараном.
- ◆ Город Инь вмещает всю Поднебесную.
- ◆ Лошадь несет яйца.

- ◆ У лягушки есть хвост.
- ◆ Огонь не горяч.
- ◆ Гора выходит изо рта. (По другой трактовке: “У горы есть рот”.)
- ◆ Колесо не касается земли.
- ◆ Глаза не видят.
- ◆ Пальцы не прикасаются к вещи, прикасаясь, не отрываю-
ются от нее.
- ◆ Черепаха длиннее змеи.
- ◆ Тень летящей птицы никогда не движется.
- ◆ В стремительном полете наконечника стрелы есть мгнове-
ние, когда он не движется и не стоит на месте.
- ◆ Собака не пес.
- ◆ Гнедая лошадь и вороная корова вместе составляют три.
- ◆ Белая собака — черная.
- ◆ У осиротевшего жеребенка никогда не было матери.
- ◆ Если от палки длиной в тридцать сантиметров ежед-
невно отрезать половину, то даже через десять тысяч поко-
лений не истощится ее длина.

▶ Глубокомыслие этих афоризмов бездонно и не может быть исчерпано. Их нельзя оспорить, им не грозит объяснение. Смысл заложенной в них мысли не поддается однозначной интерпретации, его невозможно показать. На него — и то, наверное, — можно только показать лишь более или менее удачной аналогией. Например, такой: “Может ли быть убитым настоящий солдат?” — “Да”, — скажет любой, исходящий из реалий войны. “Нет”, — скажет человек, рассуждающий в духе Хуй Ши. Ведь “настоящий солдат” — это воин, обученный, владеющий в совершенстве искусством ведения боя и самозащиты. Он всегда стреляет раньше другого и только на поражение. Его нельзя никому упредить, ибо умение его передано словом, выражающим совершенство — “настоящий”.

Не помешает и второе применение, с позиций Хуй Ши. Для любого человека “дважды два — четыре”. Но остро-
мыслящий мудрый уверенно скажет: “Дважды два — шесть”.
Рассуждение — просто и далеко от вычурности. Смотрите

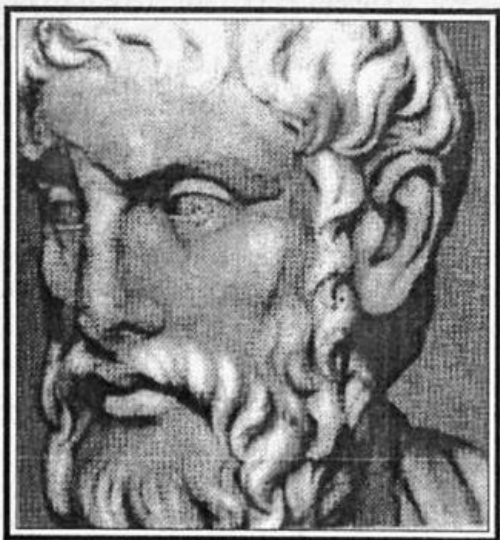
сами: чтобы “два” взять два раза, его надо первоначально налично иметь. А теперь спросим: “Сколько будет следов, если взять след от двух, скажем, палочек два раза?”. Первые две единицы следов они дают сами, потом еще две, когда мы “берем” их первый раз, а потом, когда мы “берем” их во второй раз, еще две единицы следа. Итого, шесть следов: два плюс два и еще раз плюс два.

Хуй Ши прелестен, ибо показывает, что “мысль изреченная”, с точки зрения познания, более проблемна, чем “мир”, ибо высказывает нечто о том, что всегда вопро- сительно и дерзновением человека приближаемо, но не покоримо.

Человеческий разум имеет в себе изначально клубок вечных философских проблем, которые он снова и снова решает, всякий раз опираясь на новый эмпирический материал.

В. Виндельбанд
(1848-1915)

Родился в 341 г. до н. э.
Умер в 270 г. до н. э.
Прожил 71 год.

Компакт-биография

- ⊗ Греческий философ;
- родина его — город Лампсака (о. Самос);
- ставил себе в заслугу то, что никогда никого не цитировал;
- Эпикур написал около трехсот сочинений;
- сочинения Эпикура до нас не дошли. Сохранились лишь три его письма, в которых сжато изложены основоположения его учения, и ряд фрагментов;
- имел подругу — красивую греческую гетеру Леонтию, которую в письмах своих ласково величал “Милая Леонушка”;
- последние четырнадцать дней своей жизни особенно страдал от камней в почках. Согласно преданиям, Эпикур

лег в горячую ванну, выпил крепкого вина, пожелал друзьям не забывать его учений и скончался.

Литературное наследие

“О природе”. (37 книг.)

“Об атомах и пустоте”.

“О цели”.

“О богах”.

“О предопределении”.

“О любви”.

“Против мегариков”.

“Пир”. (Здесь обсуждался вопрос: когда самое подходящее время для сближения с женщиной.)

“Мнения о болезнях”.

“О критерии, или Канон”.

“О зрении”.

“Об углах в атомах”.

“Главные мысли”. (40 афоризмов.)

Письма:

Эпикур приветствует Геродота.

Эпикур приветствует Пифокла.

Эпикур приветствует Менекея.

Презентационные утверждения

69. *Живи незаметно.*

70. *Начало всего и величайшее благо есть благоразумие.*

Поэтому благоразумие дороже даже философии.

Штрихи к портрету

✓ В письме одному из своих слушателей Эпикур пишет: “Это я говорю не многим, а тебе, ведь мы друг для друга — достаточная аудитория”.

✓ Эпикур основал школу в прекрасном, купленном им саду, обитал там со своими друзьями совершенно безмятежно и воспитал много учеников. Все они жили вместе со своим учителем, и никогда не существовало общества, более порядочного, чем это. Почтение к памяти Эпикура, сохраненное его последователями, восхитительно. Его школа никогда не подвергалась расколам; его учению следовали, как пророчеству.

Узор находок и раздумий

СОБСТВЕННОЕ УЧЕНИЕ

◆ Философия, или любовь к мудрости, есть упражнение разума; путем размышления и собеседования она раскрывает смысл счастливой жизни и, в свою очередь, пользуется последней как своим источником. Ведь особенность философии по сравнению с другими науками состоит в том, что цель она видит в завершении своего труда, и этим довольствуется.

◆ Пусть никто не откладывает философию в юности и пусть не устает от нее в старости. Ведь никто не может быть недозрелым или перезрелым для здоровья души. И кто говорит, что час для философии еще не наступил или уже отлетел, уподобляется говорящему, что час для счастья или еще не пришел, или уже не существует. Поэтому философия необходима и старцу, и юноше: первому, чтобы на склоне лет он обновлялся благами, радуясь прошлому; второму, чтобы он был юношей и вместе с тем пожилым по бесстрашию перед грядущим.

◆ Прежде всего — ничто не возникает из небытия. Ведь иначе все возникло бы из всего, не нуждаясь ни в каких зачатках. И если бы нечто, уничтожаясь в небытии, погибло, все вещи исчезли бы: ведь не было бы того, во что они разлагались бы.

◆ И вселенная всегда была такою, как она есть, и всегда будет такою. Ведь нет ничего, что могло бы вторгнуться в нее и произвести изменение.

◆ Смертные видели определенный порядок явлений, но не могли объяснить, отчего это все происходит. Им представлялся один лишь исход: предоставить богам все и допустить, что по воле богов все на свете вертится.

◆ Нечестив не тот, кто устраняет богов толпы, но тот, кто применяет к богам представление толпы.

◆ Мудрецу подобает высмеивать необходимость, которую некоторые изображают владычицей вселенной, так как лучше уж следовать мифу о богах, чем быть рабом рока физиков, ибо вера в мифы дает хоть в живых образах надежду на то, что, воздавая почитание богам, удастся вымолить их расположение, а предопределенность, почитаемая естествоиспытателями, заключает в себе неумолимую необходимость.

◆ Вселенная беспредельна. В самом деле, что имеет предел, то имеет край; а край — это то, на что можно смотреть со стороны; стало быть, края Вселенная не имеет, а значит, и предела не имеет. А что не имеет предела, то беспредельно и неограничено.

◆ Когда бы мир ни возник, он, во всяком случае, возник в весеннюю пору года. В самом деле, так как именно тогда все впервые начало давать ростки, цвести и оплодотворяться.

◆ Так как атомы находились в беспорядочном, случайном и одновременно непрерывном движении, а к тому же передвигались очень быстро, то они стали скапливаться в одном месте неизмеримого пространства, в котором теперь находится мир, и образовывать сцепления, благодаря чему они собрались в одну беспорядочную, хаотическую массу, в которой большие атомы смешались с маленькими.

Затем из этой нерасчлененной массы наиболее крупные и тяжелые атомы начали постепенно оседать вниз, тонкие же, круглые, маленькие и подвижные от столкновения стали вытесняться и подниматься вверх, **точно так же, как** во взбаламученной воде, когда она отстаивается и светлеет, твердые частицы земли падают вниз, а частицы воды как бы выталкиваются вверх.

Так образовалось переплетение атомов, породившее небо. Из тех атомов, которые осели вниз, образовалась Земля.

◆ Теперь земля, как бы исчерпав свои семена, **подобно** женщине, утомленной старостью, перестала сама произво-

дить на свет живые существа. Этим и объясняется то, что нигде уже люди не выходят из земли самопроизвольно, а возникают лишь путем размножения.

◆ Совершенно очевидно, что мир, так же как животное или растение, родившись, должен погибнуть.

◆ Таков уж жребий мира, что все постепенно чахнет и, утомившись долгой жизнью, как бы стремится к гибели.

◆ Вселенная есть тела и пустота. И кроме этих двух начал, ни в опыте, ни соответственно опыту, нельзя и помыслить ничего, что принималось бы как целостная сущность, а не как так называемые состояния и свойства указанных начал.

◆ Атомы движутся непрерывно всю вечность. И начала нет этим движениям.

◆ Что же касается рождения вещей, совершающегося в бесконечной пустоте, то надо представить себе, что по ней несутся атомы, разъединенные между собой, различные по фигуре, величине, положению и порядку, и там, где они встречаются, они взаимно сцепляются и уплотняются, образуя таким путем, в зависимости от случая, вещи разного состава. Дело в том, что атомы объединяются в соответствии со своими величинами, фигурами, положением и порядком, и в согласии с этим происходит также образование сложных вещей.

◆ Атомы необходимо должны быть равноскоры, когда они несутся через пустоту без помехи. Ведь нельзя помыслить, что тяжелые стремительнее малых и легких, когда ничто не противодействует последним. Если бы все атомы двигались как бы вниз по прямой, следствием этого было бы то, что ни один атом никогда не мог бы столкнуться с другим; поэтому необходимо признать, что существует очень небольшое — меньше которого и быть не может — отклонение атомов.

■ Цицерон по поводу идеи отклонения:

“Эпикур утверждает, что атомы в силу своей тяжести стремятся вниз по прямой линии; это, по его мнению, естественное движение тел. Но оказалось, что если бы все атомы двигались сверху вниз, то никогда ни один атом не

Эпикур

столкнулся бы с другим. Поэтому Эпикур прибег к спасительной лжи: он заявил, что атом чуть-чуть отклоняется, что, однако, совершенно невозможно. Отсюда-де возникают сочетания, соединения, сцепления атомов между собой, а из этого мир, и все части его, и все, что в нем есть. Не говоря уже о том, что дело это по-детски задумано, он даже не достигает того, чего хочет”.

◆ Ведь совсем не глупо признать материю активной. Скорее нелепо считать ее инертной.

◆ Мир, конечно, не вечен: некогда началось его существование.

◆ Для становления вещей необходима не только материя, из которой они образуются, но также и производящая причина.

◆ Так как наши чувства делают очевидным, что в природе вещей многое возникает и многое уничтожается, то следует думать, что должна существовать материя, из которой возникают и в которую переходят вещи при своем разрушении.

◆ **Силлогизм Эпикура:**

Никто не видел разума иначе, как в человеческой фигуре.

Боги имеют разум.

Следовательно, боги имеют человеческую фигуру.

◆ Тело, покинутое душой, **подобно** вину, из которого выдохлись его крепость и аромат, или мази, потерявшей свой запах. Ведь масса как вина, так и мази в этих случаях остается такой, как если бы от нее ничего не убавилось. Поэтому-то душа и может почти поместиться в точке или в самом маленьком месте, если представить ее себе сосредоточенной в одном месте.

◆ Те, кто объявляет душу бестелесной, — бредят.

◆ Душа есть тончайшее тело, рассеянное по всему организму. Наиболее оно уподобляется дуновенью, имеющему примесь тепла, и отчасти подобно первому, отчасти второму.

◆ С разложением всего тела рассеивается и душа.

♦ Хотя душа и имеет столь тонкую ткань, она тем не менее смешана и состоит из неких четырех природ. Действительно, ее следует представлять себе составленной, слитой из доли огня, доли воздуха, доли дыхания и четвертой, безымянной доли, благодаря которой душе присуща способность чувствовать. Эта доля представляет собой как бы душу души, ибо благодаря ей душа и становится душой.

♦ Чувствуют не душа сама по себе, не тело само по себе, но оба они сообща.

♦ Труднее всего понять, каким образом чувствующие или одаренные способностью чувствовать существа рождаются из бесчувственных. Причина этого — определенная, специфическая комбинация величины, фигуры, движения, положения и порядка первоначал, то есть атомов.

♦ Чувство никогда не обманывает.

♦ Сами чувства ничем не могут быть опровергнуты или изобличены во лжи.

♦ Разум, или рассуждение, также не может опровергнуть чувство, ибо *всякое* умозаключение зависит от предварительных ощущений.

♦ Мы утверждаем, что удовольствие есть начало и конец блаженной жизни. Мы знаем, что оно есть первое и природное благо. Оно есть исходный пункт для всякого выбора или избежания. Прекрасное, добродетель и тому подобное заслуживают почитания только в случае, если это доставляет удовольствие, а если не доставляет, то с ним нужно проститься.

♦ Когда мы говорим, что наслаждение есть конечная цель, то разумеем отнюдь не наслаждения распутства или чувственности, как полагают те, кто не знает, не разделяет или плохо понимает наше учение, — нет, мы разумеем свободу от страданий тела и от смятений души. Ибо не бесконечные попойки и праздники, не наслаждение мальчиками и женщинами или рыбным столом и прочими радостями роскошного пира делают нашу жизнь сладкою, а только трезвое рассуждение, исследующее причины всякого нашего предпочтения и избегания и изгоняющее мнения; поселяющие великую тревогу в душе.

- ◆ При философской дискуссии больше выигрывает побежденный, — в том отношении, что он умножает знания.
- ◆ Пусты слова того философа, которыми не врачуете ни-какое страдание человека. Как от медицины нет никакой пользы, если она не изгоняет болезней из тела, так и от философии, если она не изгоняет болезни души.

АФОРИЗМЫ

- ◆ Ни жениться, ни заводить детей мудрец не будет.
- ◆ Мудрец один способен верно судить о поэзии и музыке, хотя сам и не будет писать стихов.
- ◆ Один мудрец другого не мудрец.
- ◆ Да, боги существуют, ибо знание о них — очевидность; но они не таковы, какими их полагает толпа.
- ◆ Кто советует юноше хорошо жить, а старцу хорошо кончить жизнь, тот неразумен не только потому, что жизнь ему мила, но еще и потому, что умение хорошо жить и хорошо умереть — это одна и та же наука. Но еще хуже тот, кто сказал: “Хорошо не родиться. Если ж родился — сойти поскорее в обитель Аида”.
- ◆ Если он говорит так по убеждению, то почему он не уходит из жизни? Ведь если это им твердо решено, то это в его власти. Если же он говорит это в насмешку, то это глупо, потому что предмет совсем для этого не подходит.
- ◆ Начало и корень всякого удовольствия — удовольствие чрева, даже мудрость и прочее имеют к нему отношение.
- ◆ Лучше с разумом быть несчастным, чем без разума — счастливым.
- ◆ Кто не помнит о прошлом счастье, тот старик уже сегодня.
- ◆ Самое страшное из зол — смерть — не имеет к нам никакого отношения, так как, пока мы существуем, смерть еще отсутствует; когда же она приходит, мы уже не существуем.
- ◆ Поблагодарим мудрую природу за то, что нужное она сделала легким, а тяжелое ненужным.

- ◆ Величайший плод ограничения желаний — свобода.
- ◆ Необходимость есть бедствие, но нет никакой необходимости жить с необходимостью.
- ◆ Нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо, и, наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно.
- ◆ Не избегай делать мелкие услуги: будут думать, что ты также способен и на большие.
- ◆ Благородный человек всегда более занят мудростью и дружбой: одна из них есть благо смертное, другая — бессмертное.
- ◆ Не юношу надо считать счастливым, а старца, прожившего жизнь хорошо.
- ◆ Всем желаниям следует предъявлять такой вопрос: что со мною будет, если исполнится то, чего я ищу вследствие желания, и если не исполнится?
- ◆ Мы рождаемся один раз, а дважды родиться нельзя, но мы должны уже целую вечность не быть. Ты же, не будучи властен над завтрашним днем, откладываешь радость; а жизнь гибнет в откладывании, и каждый из нас умирает, не имея досуга.
- ◆ Привыкай думать, что смерть для нас — ничто; ведь все — и хорошее и дурное — заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущений.
- ◆ Мы ценим свой характер как свою собственность, хорош ли он и уважается ли людьми или нет: так должно ценить и характер других.
- ◆ Кто кажется страшным, тот не может быть свободным от страха.
- ◆ Человек бывает несчастлив или вследствие страха, или вследствие безграничной вздорной страсти.
- ◆ Во всех занятиях плод с трудом приходит по окончании их, а в философии познание и удовольствие бегут наперегонки. Наслаждение не следует за познанием, но познание и наслаждение существуют одновременно.

Родился в 212/14 г. до н. э.

Умер в 129/30 г. до н. э.

Прожил 83 года.

Компакт-биография

- ☉ Греческий философ, родом из Кирены;
- был главой философской школы;
- разрабатывал учение о критерии истины;
- имел сильный, звучный голос;
- современников восхищали начитанность, диалектический ум и огромное трудолюбие Карнеада;
- он был весьма искусен в ораторском деле;
- был знатоком учения стоиков, в особенности же Хрисиппа, и не раз от него слышали: "Не будь Хрисиппа – и меня бы не было";
- это был человек трезвого ума, руководствующийся только разумом, склонный к скептицизму.

71. *Все непознаваемо.*

72. *Не все, что происходит, происходит от судьбы.
Кое-что находится и в нашей власти.*

Штрихи к портрету

✓ В 156 г. до н. э. афиняне отправили в Рим группу философов, среди которых был и Карнеад. Карнеад по просьбе римлян выступил с речью, посвященной проблемам нравственности, которая римской общественностью была воспринята с большим интересом. Когда восторженные горожане попросили Карнеада еще раз выступить с лекцией, то он на этот раз выступил еще более красноречиво, но уже с опровержением развитых им в первой лекции мыслей. Катону это не понравилось, и от него в сенат поступило предложение отослать греческих философов назад в Афины. При этом он сказал: «Если подобная игра с истиной воцарится в Риме и найдет себе подражателей, то римскому юношеству и всему отечеству грозит великая опасность». И сенат, надо отдать ему должное, разделил эту озабоченность.

✓ Несмотря на смелость в учении о критериях истины, Карнеад не проявил должной стойкости перед смертью, а ведь от него часто можно было слышать формулу: «Природа создала – природа и разрушит!». Рассказывают, что, когда его приятель Антипатр умер, выпив яд, Карнеад взволновался его мужеством перед концом и сказал: «Дайте и мне!» – «Чего?» – переспросили его; а он ответил после замешательства и паузы: «Вина с медом!».

▶ Вот уж, поистине, как тут не вспомнить Сенеку: «Философы учат не о том, как живут сами, а о том, как надо жить».

Если бы другие не делали ошибок, откуда бы я знал, что поступаю правильно?!

П.С.Таранов.

Узор находок и раздумий

◆ Всякая истина — это “убедительность с оттенком относительности”, а если еще более строго и точно, то “вероятность”.

◆ Много людей боятся грозных явлений природы на море, на суше, в воздухе и думают, что виновниками их являются бессмертные боги. Но вопрос не в том, что есть люди, верящие в богов, а в том, существуют боги или нет?

◆ Если боги существуют, то они живые существа. Значит, они должны обладать чувствами. Раз они обладают чувствами, то должны ощущать не только сладкое, но и горькое. Будучи недоволен некоторыми ощущениями, бог будет восприимчив к беспокойству, к изменению в худшее. Значит, он тленен. Следовательно, он не бог.

◆ Узнать, что произойдет в будущем, можно, только узнав подготовившие его действующие причины. Так что даже Аполлон не мог бы предсказать, что Эдип убьет своего отца, потому что в природе вещей не было заложено никаких причин, в силу которых он необходимо должен был убить своего отца.

◆ Чувства вводят нас в заблуждение (весло в воде кажется переломленным, четырехугольная башня издали — круглой, солнце кажется маленьким, хотя оно во много раз больше земли). В лучшем случае мы можем открыть основания ошибок чувств, но не доказать истинность их свидетельства. Если говорят, что на помощь чувствам приходит искусство (художник видит ускользающие от нас оттенки цвета), то необходимость упражнения органов чувств лишь свидетельствует об их слабости и недостаточности для познания.

◆ После прекращения сна или бреда человек убеждается, что он находится во власти фантомов. Но дело тут не в воспоминании о прошедшем, а в том, каково отношение к своим представлениям у людей, когда они объаты грезами сновидений или галлюцинаций. Разве призраки больного воображения не мучают безумца?

◆ Нас обманывают не только чувства, но и разум. Диалектика не может служить арбитром в вопросах истины или лжи. Она носит чисто формальный характер и не разрешает по существу ни проблем геометрии, ни физики, ни этики. Но и в своей сфере (связи и разделения терминов, построения силлогизмов) “диалектика” наталкивается на непреодолимые для нее трудности, апории.

◆ Наиболее правильная позиция — это воздержание от суждений.

◆ В вопросе о критерии истины следует вооружиться против всех прежних философов. У нас есть первое, для всех общее рассуждение, что **вообще не существует никакого критерия истины**, ни разума, ни чувственного восприятия, ни представления, ни чего бы то ни было другого из сущего, поскольку все это, без исключения, вводит нас в обман.

Но если даже этот критерий и существует, то он пребывает не вне той аффекции, которая исходит из очевидности.

Именно потому, что живое существо отличается от неодушевленного способностью восприятия, оно должно стать во всех смыслах способным к схватыванию себя самого и внешних предметов через это восприятие. Чувственное восприятие, которое и неподвижно, и неаффицируемо, и неизменно, во всяком случае, не есть ни восприятие просто, ни такое восприятие, которое способно к схватыванию чего-нибудь. Если же оно направлено в определенную сторону и как-нибудь аффицируется соответственно происходящим фактам очевидных вещей, то тогда оно и показывает вещи. Следовательно, критерий надо искать в аффекции души, исходящей из очевидности. Эта аффекция оказывается полезной и в смысле указывания на себя самую и на явление, которое ее вызвало, таковая аффекция не отличается от представления.

Отсюда и представление надо назвать некоторой возбудительной аффекцией живого существа, способной представить как себя самую, так и иное. Подобно тому, как свет показывает и себя самого, и все, что в нем, так же и представление, будучи водителем знания для живого существа, приспособлено для выявления и себя самого наподобие света и становится показательным для создавшего его очевидного предмета.

Однако поскольку оно дает показания не всегда согласно с истиной и часто вводит в обман и разногласит с вещами, которые его посылают, наподобие негодных вестников, то по необходимости получился вывод о том, что не всякое представление может оставаться критерием истины, но только одно — если вообще таковое есть, — которое является истинным представлением.

Итак, опять, поскольку не существует никакого истинного представления, которое не могло бы стать ложным, но для каждого кажущегося истинным находится некое, не отличное от них, ложное, то критерий должен оказаться в сфере общего представления и об истинном, и о ложном. Но общее представление для этих предметов не есть постигающее; а если оно не постигающее — то оно не может быть и критерием. Если же нет никакого критического представления, то и разум не может быть критерием, так как он появляется из представления. Да это и по праву: прежде всего необходимо, чтобы для него появился предмет суждения; а без внеразумного чувственного восприятия ничто появиться не может. Значит, ни внеразумное восприятие, ни разум не стали критерием.

Несуществование критерия — очевидно, и ничего тут не поделаешь.

Но для жизненного распорядка и приобретения счастья мы должны допустить “вероятностный” критерий истины или такое представление, которое есть одновременно *нерассеянное* и *разработанное*.

В чем же разница этих двух видов представления?

Представление есть, конечно, представление чего-нибудь, именно того, откуда оно возникает, и того, в чем оно

возникает, и при этом того, откуда оно возникает, как внешнего чувственного субстрата, и того, в чем оно возникает, как человека. Будучи таковым, оно должно иметь два состояния: одно — в качестве направленного на предмет представления и другое — в качестве направленного на того, кто представляет. С точки зрения состояния, направленного на предмет, представление бывает или истинным, или ложным: истинным — тогда, когда оно согласно с предметом, ложным же, когда оно ему противоречит. С точки зрения состояния, направленного на представляющего, — одно представление есть то, которое является истинным, другое же то, которое не является в виде истинного. Из них являющееся в виде истинного называется у академиков “выражением”, “убедительностью” и “убедительным представлением”, а не являющееся в виде истинного объявляется отсутствием этого выражения, “невероятным” и “неубедительным представлением”. Ведь ни то, что является само по себе как ложное, ни истинное, но не явствующее нам, не способно нас убедить.

Из этих видов представления то, которое очевидным образом ложно и не является в виде истинного, достойно отвержения и не есть критерий. И даже если оно идет от того, что действительно существует, то оно находится в разногласии с существующим и не в соответствии с самим существующим. Таково представление об Электре, образовавшееся у Ореста, который представил ее одной из Эриний и закричал: “Оставь меня, ты одна из моих Эриний”. Что же касается представлений, которые имеют вид истинного, то одно из них неясное, подобное тому, которое у тех, кто воспринимает что-нибудь смутно и нечетко ввиду малых размеров видимого, или достаточно большого расстояния, или слабости зрения.

Другое же, являясь истинным, обладает еще и значительным явлением себя в виде истинного. Из этих представлений неясное и расплывчатое опять-таки не может быть критерием. Ввиду того, что оно в ясной форме не показывает ни себя самого, ни создавший его предмет, оно по самой природе своей не способно нас убедить и вызвать на согласие.

Критерием истины, и это следует напомнить, служит представление, которое является в виде истинного и выявляется в достаточной мере. Будучи же критерием, оно имеет достаточную широту; и, распространяясь, одно представление в отношении другого получает в своем содержании больше убедительности и больше яркости. Убедительное же, как направленное к реально присутствующему, высказывается в трех смыслах. В одном смысле оно истинно и является в виде истинного; в другом — оно по бытию ложно, но является в виде истинного; в третьем — оно истинно, но имеет общее и с тем и с другим. Отсюда критерием должно быть представление, являющееся в виде истинного; его-то сторонники Академии и объявили убедительным. Но так как ему случается быть и ложным, то поэтому возникает в некотором смысле необходимость пользоваться представлением, общим для истинного и ложного. Однако из-за редкого его появления не следует доверять тем представлениям, которые большею частью свидетельствуют об истине. Им ведь и приходится большею частью регулировать суждения и поступки.

Что же касается второго аспекта критерия истины, то надо иметь в виду и такое обстоятельство, что нигде и никогда не найти единообразного представления, но одно зависит от другого наподобие цепи. А это значит, что мы должны предъявить представлению требование **убедительности** и вместе с тем **нерассеянности**.

Например, тот, кто составил представление о человеке, по необходимости пользуется и представлением о том, что относится к нему самому, и о внешних к нему вещах: из относящегося к нему самому — в качестве представления о цвете, величине, фигуре, движении, разговоре, одежде и обуви; из внешнего — в качестве представления о воздухе, свете, дне, небе, земле, друзьях и всем прочем. Поэтому, если ни одно из этих представлений не увлекает нас туда и сюда тем, что оно кажется ложным, но все согласно кажутся истинными, то к данному общему представлению мы питаем больше доверия. Действительно, что этот человек есть Сократ, мы удостоверяемся сначала из того, что ему

присуще все обыкновенное — цвет, величина, фигура, образ мыслей, старый плащ, а затем из того, в чем никого другого нельзя с ним смешивать. И, как некоторые врачи признают человека в настоящем жару не по одному признаку, вроде частоты пульса или обильной теплоты, но и по совокупности признаков, как то: теплота вместе с пульсом, неровное дыхание, покраснение, жажда и подобное, — примерно таким же способом и академик создает для себя суждение об истине на основании совокупности представлений; и если ни одно из представлений в этой совокупности не отвлекло его в другую сторону в качестве ложного, то он утверждает, что происходящее истинно.

И что не рассеянна такая совокупность и относится к созданию уверенности — это ясно на примере Менелая. А именно, покинув на корабле изображение Елены, которое он привез из Трои в качестве Елены, и вступив на остров Фарос, он видит истинную Елену; и, хотя он извлекает из нее истинное представление, все же он не доверяет подобному представлению ввиду того, что отвлекается другим представлением, согласно которому он знал, что оставил Елену на корабле.

Вот каково нерассеянное представление. Оно тоже имеет, по-видимому, распространение благодаря тому, что одно в отношении другого называется в большей или меньшей мере нерассеянным.

Более достоверное представление, чем просто нерассеянное, более значительное и создающее наиболее совершенное суждение — это именно то, которое наряду с нерассеянностью оказывается еще и разработанным.

Каковы его отличительные черты, необходимо показать сейчас же. В нерассеянном представлении имеется просто лишь то, что не позволяет никакому представлению в данной их совокупности отвлечь нас в сторону, будучи ложным, но заботится, чтобы все и были и являлись истинными и не теряли убедительности. В отношении же представления, отвечающего изученной совокупности, мы оцениваем каждое из данной совокупности на основании знания, каковым оно бывает и в народных собраниях, ког-

да народ исследует каждого из намеревающихся получить власть или производить суд, достоин ли он доверия во власти и ведении суда. Так, поскольку существует в связи с требованием суждения судящее, судимое и то, при посредстве чего происходит суждение (расстояние и промежуток, место, время, образ, состояние, деятельность), то мы различаем, каково каждое из этих обстоятельств: о судящем — не притуплено ли зрение (если оно таково, оно негодно для суждения); о судимом — не слишком ли оно мало; о том, при помощи чего происходит суждение, — не темен ли воздух; о расстоянии — не очень ли оно большое; о промежутке — не сливается ли он; о месте — не является ли оно необъятным; о времени — не протекает ли оно быстро; о состоянии — не пользуется ли зрением сумасшедший; о деятельности — не является ли она невосприимчивой. Действительно, все это возникает в соответствии с одним критерием — это убедительное представление, представление убедительное и одновременно нерассеянное, а сверх того, и убедительное, и нерассеянное, и разработанное. По этой причине, как в жизни мы спрашиваем одного свидетеля, когда исследуем незначительное дело, многих — когда большое дело, и обследуем каждого из свидетельствующих на основании показаний других, когда еще в большей мере дело касается более необходимого, таким же образом мы пользуемся в обыкновенных делах представлением только убедительным, в делах особенных — представлением нерассеянным, в делах, направленных к счастью, — представлением разработанным.

Однако, как в отношении особенных предметов допускается особое представление, так же при различных обстоятельствах не должно следовать одному и тому же представлению. Очевидно, что к убедительному представлению следует относить то одно, в отношении чего обстановка не дает нам достаточно времени для точного рассмотрения дела. Так, например, кто-нибудь преследуется врагами. Подойдя к какой-нибудь пещере, он составляет некое представление, что враги устроили и здесь против него засаду. Далее, захваченный этим представлением как

убедительным, он бросается в сторону и убегает от пещеры, следуя этой убедительности в отношении своего представления и еще ранее точного знания о том, действительно ли в этом месте находится вражеская засада или же нет.

Убедительному же и разработанному представлению следуют в отношении того, для чего дается время в целях пользования суждением о происходящем событии, сознанием и размышлением. Так, например, если кто-нибудь увидит в темном помещении моток веревки, то, предположив тотчас же, что это — змея, он начнет ее перепрыгивать. Однако, остановившись после этого, он исследует истинную вещь. И, найдя, что она неподвижна, он уже готов на основании рассуждения признать, что тут нет никакой змеи. Но, соображая, что змеи иногда бывают неподвижны, будучи скованы зимним холодом, он достает веревку палкой. И вот, произведя разработку возникшего представления, он дает свое согласие на то, что отождествление представленного им тела со змеей есть ложь. И, как я сказал раньше, мы, видя что-нибудь ясно, в свою очередь соглашаемся, что это истинно, проведя предварительное исследование относительно того, что у нас здоровые чувства, что мы смотрим наяву, а не во сне, что тут же прозрачный воздух, соразмерное расстояние, неподвижность встретившегося предмета, так, чтобы вследствие этого и представление стало достоверным, причем мы обладали тут достаточным временем для рассуждения о рассматриваемых вещах соответственно его требованию. То же самое рассуждение и относительно нерассеянного представления. Его допускают всякий раз, когда нет ничего, что было бы в состоянии наперекор увлекать его туда и сюда, как было выше сказано о Менелее.

◆ То, что не существует никакого знания, — очевидно. И любому ниспровергателю такого утверждения следует признать, что он либо это знает, либо не знает. Если не знает, то мы бы посоветовали ему остерегаться опрометчивых опровержений. Если же знает, то тем самым он подтверждает правильность нашего воззрения.

Научно-популярное издание

Таранов Павел Сергеевич

500 шагов к мудрости

Том 1

Издание осуществлено при участии
ИКФ "Апекс", г. Донецк
ИКФ "Румата", г. Запорожье
ИКФ "Мак Сим", г. Киев

Редактор *Г.А. Губанова*
Художественный редактор *В.Г. Силка*
Верстка *Л.В. Спичковой*

Подписано в печать 25.07.96. Формат 84x108¹/₃₂.
Бумага газетная. Печать высокая. Гарнитура "Таймс".
Усл. печ. л. 24,36. Заказ № 145.

Издательско-книготорговая фирма "Сталкер"
340048, Украина, г. Донецк, ул. Артема, 147а.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика.

Издательство и типография «Таврида»
333700, г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44.

